Б. Конофальский

ИНКВИЗИТОР

Божьим промыслом

книга I3

ПРИНЦЕССЫ И ЗАМКИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Житие Ярослава Волкова никогда не было спокойным,
И не будет…

- Инквизитор. Божьим промыслом. Книга 13 Принцессы и замки
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25
  - Глава 26
  - Глава 27
  - Глава 28
  - Глава 29
  - Глава 30
  - Глава 31
  - Глава 32
  - Глава 33
  - Глава 34
  - Глава 35
  - Глава 36

- Глава 37
- Глава 38
- Глава 39
- Глава 40
- Глава 41
- Глава 42
- Глава 43
- Глава 44
- Глава 45
- Глава 46
- Глава 47
- Глава 48
- Глава 49
- Nota bene

Инквизитор. Божьим промыслом. Книга 13 Принцессы и замки

Глава 1

— Говорю вам, дуракам, говорю, да вам, видно, всё равно, — беззлобно бубнил барон, подставляя руки под рукава чистой рубахи. — Словно не слышите меня.

Старший из слуг, Гюнтер, ничего на эту брань не отвечал, то не его была вина, а младший даже дышать теперь боялся. Но господин вины не делил и продолжал ругать обоих:

— Сколько раз просил вас не топить на ночь печи чрезмерно? Знаете же, болваны, что в духоте я спать не могу.

Слуги продолжают молчать, и теперь после рубахи старший подаёт господину панталоны, а младший, Томас, хватает таз с грязной водой, вчерашнюю господскую одежду и убегает прочь, чтобы в эту грозную минуту быть от господина подальше.

— Полночи, полночи ворочался в полусне, пока сквозняк духоту не выгнал, а вы-то храпели у себя знатно, — продолжал барон, надевая панталоны и вставая.

Обычно он одевался сам, но сейчас лишние движения отдаются ему болью в боку, который ещё не зажил после ранения, и Гюнтер помогает ему застегнуть жёсткие пуговицы на панталонах. А потом надевает ему на ноги сапоги из мягкой чёрной замши.

Волков поднимает и опускает руки, чтобы понять, как отзовётся на эти его движения рана. Бинты с корпуса врачи ему снимать не рекомендуют до тех пор, пока рёбра не срастутся совсем. Пока полностью не пройдут боли.

А Гюнтер протягивает господину красивый колет, что идёт к уже надетым панталонам. Серая изысканная парча колета и серебряные пуговицы выглядят весьма благородно, но эту одежду, узкую и утягивающую, он будет надевать, когда окончательно поправится. А сейчас он жестом просит слугу подать ему обычную стёганую куртку, висящую на крышке сундука и отличающуюся от солдатской только тем, что плечи и грудь её были обшиты прекрасным синим и поэтому недешёвым сатином.

— Вы эту шапку имели в виду, господин? — спрашивает Гюнтер, показывая барону ныне модную в столице мягкую, с фазаньим пером, приколотым красивой золотой брошью, энгерскую шапку.

Волков молча берёт шапку, подходит к зеркалу, надевает шапочку чуть набок, так, как сейчас их принято носить. А слуга, подойдя сзади, накидывает ему на плечи плащ, опушённый по краю мехом.

Барон фон Рабенбург доволен тем, как он выглядит. В таком

виде он может показаться в столице и даже при дворе. Ну а простая стёганая куртка… Так она только выражает его принадлежность к военной касте, отлично подходит к мечу и богатому поясу, а также подчёркивает его скромность.

Гюнтер надевает ему пояс с мечом, потом подаёт перчатки, и как будто узнав про то, что генерал собрался, в дверях появляется уже одетый Хенрик.

— Господин генерал, карета готова.

Выезд с собой он брать не стал, не раз уже слышал, что пышные кавалькады богатых сеньоров, прибывших ко двору, давно уже раздражают горожан. Взял с собою лишь Хенрика и фон Флюгена. И поехал, выставив локоть из окна кареты. Утро было тёплое, светило солнце, он улыбался и даже помахивал рукой миленьким горожанкам, которые в ответ ему тоже улыбались и делали книксены. Улицы Вильбурга, города столичного, были намного чище улиц торгового города Фёренбурга. И люди тут были опрятнее, вежливее. Они охотно кланялись барону, который смотрел на них из своей богатой кареты. И всё это ему нравилось. И тут, подобно воробьиной стае, едва ли не из-под копыт коней его кареты вылетело с полдюжины детей.

— Вот сейчас кнутом-то!.. — орёт на них кучер, а они разбегаются в разные стороны…

«Даже дети простых людишек — и те здесь чисты, — отмечает про себя барон. — Хорошо бы и в Малене так чистить улицы, как тут. Да только разве такое возможно? Для чистых улиц нужны деньги, а городской совет Малена лучше пойдёт и повесится в полном составе на городской стене, чем потратит лишний крейцер на эдакие пустяки и забавы!».

А ещё он не успел позавтракать и потому особенно отчётливо чувствует запахи, что несутся к нему из раскрытых дверей харчевен или даже из распахнутых окон домов. Запахи жареного лука, кислой капусты и жарящейся на огне колбасы. А ещё запах сливочного масла, которое растопили и вот-вот добавят в тесто для булок. Волков чувствует голод.

Если бы он не валялся до последней минуты, а встал так, как и задумывал, то непременно успел бы позавтракать. Но так как ночь он спал дурно, под утро вставать сил у него не нашлось. Тем более, он оправдывал свою лень тем, что и в боку у него рана, и что приехал он, по сути, с войны, где жил в условиях казарменных, и что хотя бы теперь ему можно поваляться в постели.

В общем, дело, ради которого он выехал голодным, было таким приятным, что можно было голод и потерпеть. Тем более,

что его кучер сразу за стенами монастыря кармелиток стал брать правее, на неширокую, но очень приятную улочку Кружевниц.

Булочные, колбасные, красивые невысокие, не больше двух этажей, выбеленные фахверки для простого, но приличного люда высились слева от его кареты — и тут же справа серьёзные каменные дома с большими воротами и внутренними дворами. Это уже для иной публики. Тут мог поселиться и кто-то знатный, человек с не последней фамилией, сеньор земли Ребенрее или большой купец Вильбурга, голова какого-нибудь важного цеха, большой меняла-банкир. Но чаще тут селились придворные, первые чиновники из тех, что не знатны, но сведущи. Которым никогда не подняться выше родственников курфюрста, но на плечах которых и держится весь бюрократический механизм той немалой земли, что принадлежит роду Маленов.

Хенрик, всю дорогу ехавший впереди вместе с фон Флюгеном, остановил коня и, когда карета поравнялась с ним, указал плетью на большие, с хорошей резьбой ворота:

— Вот этот дом, генерал.

А фон Флюген, уже подскакав к воротам и не увидав верёвки колокола, что висела перед ним, стал молотить в ворота. И стучал до тех пор, пока ворота не стали отворяться.

И тогда карета снова покатилась и заехала на двор. Барон увидел в уютном дворике хорошего дома трёх людей, один из которых был дородным чиновником казначейства Его Высочества — Волков уже несколько раз видел его во дворце, — второй был писцом из того же ведомства, а третий… То был немолодой, тонконогий человек в чёрных чулках и другой чёрной одежде. Под мышкой он держал кипу бумаг, бережно прижимая их к себе, а на поясе у него висела переносная чернильница. Был он не беден, имел хороший, тёплый суконный камзол и дорогой бархатный берет.

«Судейский».

Барон уже давно научился почти безошибочно опознавать жителей Вильбурга по манере одеваться и вести себя. А судейский, опередив не успевшего спешиться фон Флюгена, подлетел к карете, едва она успела остановиться, жестом необыкновенной учтивости распахнул дверцу и, откинув ступеньку, поклонился:

— Господин барон фон Рабенбург.

А Волков, поставив ногу на ступеньку, выходить из кареты не спешил, смотрел на этого ловкача и интересовался:

— Допустим, я Рабенбург, а вы кто?

— Я Бернхард Гиппиус, с вашего позволения, нотариус с дипломом от городской коллегии юристов.

— Добрый день, господин барон, — подходит к карете и чиновник из казначейства, он тоже кланяется, — моя фамилия Готлинг, а этот господин припёрся… — Готлинг косится на нотариуса, — этот нотариус тут по своей воле. Он нам не нужен, сделка по передаче вам недвижимого имущества уже оформлена личным нотариусом Его Высочества господином Гютгертом.

— Пусть господин нотариус побудет тут, раз уж пришёл, — говорит Волков и наконец вылезает из кареты. Тем самым радует нотариуса, после чего тот ещё раз кланяется Волкову. А сам барон оглядывает дворик и продолжает: — Ну, господин Готлинг, давайте уже осмотрим подарок Его Высочества.

— Конечно, конечно, господин барон, — отвечает чиновник, и они приступают к осмотру дома.

Волков не приглашал нотариуса Бернхарда Гиппиуса с собой осматривать дом, но когда тот пошёл следом за ними, он не возражал: пусть идёт.

Дом оказался даже побольше того, что генерал приобрёл в Ланне. Немного, но побольше. Но вовсе не такой просторный, какой нынче был генералу надобен. Что там говорить, теперь у него была семья. Жена и сыновья. Сыновьям нужна была комната с кроватью и гардеробом и полатями для няньки. То есть комната большая. Дело в том, что герцог уже приглашал его однажды, несколько лет назад, кажется, на праздник с семьёй, то был пир в честь фамилии. Притом курфюрст беседовал с ним и припомнил, что баронесса — его родственница. И тогда Волкову удалось отговориться тем, что она на сносях и дорога будет ей в тягость. А когда он рассказал о том приглашении супруге, так та стала упрекать его и заявила, что не так уж тяжело её бремя было и что она могла бы съездить в столицу. Уж три дня пути потерпела бы. В общем, она сказала мужу, что очень хотела побывать в Вильбурге, в котором давно не была. И то было её право. Она успешно родила двух крепких и горластых сыновей и тем гордилась. И хотела своих крепких детей всем показывать. Мален его супруга посетила с детьми несколько раз. И там её чад видели почти все видные горожане и, как догадывался барон, многие её родственнички, которых он опасался. Для того она и просила у него новую карету для себя и для детей, а ещё новые украшения, для того шила новые платья, для того заказывала береты с белоснежными перьями чудных бескрылых птиц из далёкой Арапии. На что ему, разумеется, приходилось раскошеливаться.

И теперь, когда у него ещё и в Вильбурге будет дом, супруга не преминет воспользоваться случаем приехать посмотреть и его. А заодно и попасть ко двору, о чём Элеонора Августа давно мечтала.

А с нею и детьми неразлучна стала мать Амелия. Противная и вечно недовольная генералом старая монахиня, которая постоянно что-то бурчит про него жене на ухо. Так ей тоже потребуется помещение. Она уже привыкла жить в своей комнате в Эшбахте и в людской со слугами спать и не подумает. Впрочем, можно будет отговорить жену и не таскать монашку с собой. Жена, может, и согласится, лишь бы попасть в столицу. Но это кардинально не решило бы всех проблем, случись генералу тут жить с семьёй. Дом был крепок и не был стар, печи тут были добротными, а под небольшими окнами не зияли щели. Рамы окон сидели плотно. То есть сквозняки зимой не будут наметать снег к утру на подоконниках. И полы были неплохи, и уборные поставлены умно. Но всё равно дом тот был не уровня генерала.

Людская в доме совсем невелика, каморка, а не комната, там на лавках и полатях лишь полдюжины слуг и поместятся. А ведь ему ещё нужно большое помещение для молодых господ из выезда. Оплачивать им постой в гостиницах и стол в харчевнях было недёшево. Это сейчас у него их всего четверо, а если придётся взять ещё пару повес из хороших семей? И конюшни были малы для него, рассчитаны лишь на шесть коней. То есть места было там только на четырёх коней кареты и на двух коней верховых. И это при его-то конюшне. И опять же: а если выезд будет при нём? Да и двор предполагал вмещать лишь одну карету, ну или, может быть, ещё и телегу. Большему там было не разместиться.

Но как там говорится в одной мудрости про дарёного коня?

— Вы всем довольны, господин барон? — когда новое владение Волкова было полностью осмотрено, поинтересовался господин Готлинг. Причём чиновник интересуется с таким важным видом, как будто сам дарит этот дом генералу.

«Вот так взять и сказать ему, что дом для меня мал. Что комнат мало. Что конюшня вообще смехотворна. Сказать ему, что конюшня тут рассчитана на скромного горожанина, а не на сеньора с выездом. Напомнить, что я герцогу сохранил целый торговый город, который дохода в год приносить ему будет… ну, наверное, столько, что десять таких домишек покупать можно ежегодно».

Но вместо этого Волков лишь ответил:

— Как же мне не быть довольным такою щедростью Его Высочества, — хотя тут же добавляет вполне резонно: — А что же в доме нету никакой мебели? Неужто прежние жильцы её увезли?

Он специально спросил об этом, так как краем уха слыхал, что дом этот у кого-то конфискован. И вряд ли при конфискации дома его хозяину дозволено было вывезти имущество.

— Нет, прежние жильцы мебелью не распоряжались. Сия мебель была продана на торгах, и доход от неё пошёл в казну Его Высочества, — сообщил Готлинг.

И тут, впервые за весь осмотр дома, подал голос нотариус Гиппиус:

— Дозвольте сообщить вам, господин барон, что можно хорошую мебель поставить прямо завтра, — и добавил: — По очень умеренной цене, хоть и не новую. Стулья будут просто отличные.

Волков взглянул на него и усмехаясь спросил:

— О, так ты ещё и стульями торгуешь?

— Никак нет, — тоже посмеиваясь, отвечал ему нотариус, — просто знаю наилучшего купца, что торгует мебелью, как новой, так и подержанной. Он с удовольствием меблирует ваш дом и лишнего не возьмёт.

— А ты получишь свою долю, — продолжает посмеиваться генерал, — небольшую такую долюшечку.

Тут и чиновник с писарем тоже стали похихикивать.

— Нет-нет, — стал всех уверять Гиппиус с деланною забавной рьяностью, — ничего не получу, ни крейцера, расстараюсь только лишь из желания услужить господину барону.

— Ладно, — наконец соглашается Волков, понимая, что придётся раскошелиться. Деваться ему некуда, мебель в дом всё равно нужна, как и посуда, и перины, и прочая необходимая в доме мелочь. — Сейчас поговорим о том.

И видя, что его дело почти закончено, чиновник тогда и говорит:

— Если к дому сему нареканий нет, то я от имени Его Высочества Карла Оттона Четвёртого, курфюрста Ребенрее, вручаю вам, господину кавалеру Иерониму Фолькоф, господину Эшбахта и барону фон Рабенбург, акт владения домом по улице Кружевниц, что стоит четвертым от монастыря Кармелиток, — он протягивает генералу большой лист желтоватой бумаги с красной лентой. — Сей акт написан умелой рукой и красивыми словами, заверен он первым нотариусом двора Его Высочества господином Гютгертом.

Волков перечитал акт, убедился, что всё в нем изложено правильно, и лишь тогда отпустил Готлинга и его писаря. Те откланялись и ушли.

Глава 2

— Значит, мебель хорошая и недорогая у тебя есть? — продолжал генерал, снова поднимаясь на второй этаж.

— Есть, господин барон, есть, — отвечал ему нотариус. — Довольны останетесь, уж будьте покойны. Вся мебель прекрасно подойдёт для этого дома.

Волков остановился у печи в большой комнате на втором этаже, которую он намеревался превратить в столовую, и стал рассматривать замысловатые изразцы на небольшой печи. Он даже стал трогать их руками.

— И сдаётся мне, что мебель твоя и есть мебель из этого дома.

Гиппиус молчит, но по его физиономии и так всё ясно. И Волков продолжает:

— Ты, мошенник, сначала всю мебель из дома выкупил, а теперь мне её же и продаёшь с хорошим наваром. Ну, признавайся…

— Господин барон, ту мебель выкупал не я, — наконец произносит нотариус. — То родственник мой. Он расторопный, всегда ходит на те торги, что устраивает городской судья, распродавая имущество конфискованное.

— И сколько же у вас с вашим родственником будет стоить та мебель? — интересуется генерал, переходя от печи к окну и выглядывая из него.

— Шестьсот двадцать талеров, господин барон, — отвечает нотариус так скоро, как будто всё утро ждал этого вопроса.

А барон переводит взгляд на него и уточняет:

— Это с посудой?

— Нет, господин барон, это лишь только мебель; посуду, кухонную утварь, перины, скатерти, гобелены, простыни выкупили, к сожалению, не мы, — отвечает ему нотариус.

Всё равно мебель в доме нужна, и лучше купить подержанную. Уж барон знает, сколько сейчас стоит новая мебель, соответствующая его статусу, а вернее сказать, соответствующая запросам баронессы.

— Ясно, — генерал идёт по дому дальше, — ладно, возьму, но имей в виду, если мебель дурна, или стара, или ломана, так даже и не думай её привозить, верну сразу.

— Не извольте сомневаться — мебель отличная; жене моего старшего сына, моей снохе, очень пришлась, но у них на такую мебель денег недостаточно, — он смеётся: — Рано им ещё жить с такой мебелью, с которой бароны живут, — и обещает: — Завтра

же привезу и всё расставлю тут, как было.

Волков кивает. На улице солнце уже весьма жаркое, даже тут, в доме, — и то тепло; он снимает плащ и передаёт его зевающему фон Флюгену. Но мебель — это не тот вопрос, из-за которого генерал не стал выгонять ушлого нотариуса, и вот теперь уже пришло время поговорить и о главном:

— С мебелью всё ясно, господин Гиппиус, теперь о деньгах…

И хитрому нотариусу даже не нужно задавать вопросов, он и сам всё знает наперёд:

— Если вы о продаже подарка герцога… Дом Швайгера даст за него тридцать две тысячи монет тотчас. Но Швайгеры — это злые хищники, они и берут своё за срочность, а если искать покупателя истинного, то все тридцать семь тысяч талеров можно будет за дом взять. Прикажете объявить поиск?

Но генерал сомневается:

«Нет, так нельзя. То будет неудобно, если только что подаренный герцогом дом я продам тотчас».

— Нет, — Волков качает головой, — то неприемлемо.

— Понимаю, — неожиданно согласился Гиппиус. Он и вправду всё понимал. — Тогда можно у банка Готлиба оформить отстроченное владение. Там иной раз идут на такое.

— То есть?

— То есть деньги, тысяч двадцать восемь или даже двадцать восемь и ещё полтысячи, вы получите немедля, а в доме ещё сможете проживать год, и лишь через год уступите право владения.

— Приятель, — генерал подходит к нотариусу, кладёт ему руку на плечо и заглядывает в глаза, — кажется мне, как будто ты уже знал про все мои вопросы наперёд.

— Признаться, знал, — соглашается господин Гиппиус. — Один хороший человек из канцелярии курфюрста ещё вчера мне сказал, что этот дом Его Высочеством будет дарован вам. И что нотариус герцога уже выписал на вас «владение». А уж я, как про то узнал, начал всё выяснять про дом и про цены на него. Я знал, что вы будете ими интересоваться.

— О… Какие же вы все проворные! — невольно восхитился генерал. — Неужто ты знал, что я буду сразу думать о продаже подарка моего сеньора?

— Подумывал о том, — объясняет ловкач. — Всякий, попади в ваше незавидное финансовое положение, будет интересоваться ценами.

— А откуда же тебе знать о моём финансовом положении? — уже не очень довольно спрашивает Волков.

— Так о том весь двор говорит, — разводит руками Гиппиус:

дескать, что же тут спрашивать, когда вы у всех теперь на виду. — Все знают, что фаворит господина нашего нынче в больших долгах.

— Может, вы все знаете, откуда эти долги? — Волков, признаться, немного удивлён и тем, что он «фаворит», и что про него «все знают». Тем не менее он был раздосадован, узнав, что вокруг него ходят во дворце подобные сплетни.

— Про это, господин барон, люди говорят не много. Говорят только, что какие-то прощелыги-архитекторы вас сильно обобрали при строительстве вашего замка.

Вот теперь генерал уже и не обескуражен, теперь он раздражён: это неприятно, если весь двор знает о твоей глупости и смотрит на тебя как на дурака, которого провели какие-то там архитекторы, а если быть честным, то всего один архитектор… Да и не то чтобы он тебя провёл, не то чтобы обманул… Скорее, он сам обманулся излишней верой в свои силы. И увлёк этой верой тебя. А как дошло до настоящего дела, так выяснилось, что архитектор де Йонг ремесла своего досконально и не знал. И за строительство замков ему браться было рано.

Нет, этот обаятельный и открытый молодой человек, которого одинаково привечали и звали к обедам и баронесса, и госпожа Ланге, который мог скрасить самый скучный зимний вечер, выстроил прекрасную церквушку в Эшбахте. Хоть и была она давно уже мала для села, но необдуманная её малость красоты церкви не отменяла. И прекрасная часовня, поставленная им на перекрёстке перед Эшбахтом в честь местного святого, была на удивление мила и восхищала многочисленных паломников. А дом госпожи Ланге на берегу реки над обрывом! Он был великолепен и встречал всех, кто собирался швартоваться к многочисленным пирсам Амбаров или даже проплывал мимо. Его отлично было видно с реки. Большой, дорогой и красивый. Из-за этого дома баронесса, живущая в доме много более скромном, не раз упрекала своего мужа. Упрекала едко, да и по делу.

Пирсы на берегу и отличные склады тоже ставил де Йонг. И тогда барон был доволен тем, что в его земле выстроил себе небольшой дом этот толковый молодой человек. Генерал даже не дал его в обиду, когда любимый племянник Бруно с цифрами доказывал дяде, что к рукам архитектора прилипает серебра больше, чем должно. Тогда Волков не стал упрекать де Йонга, который уже всерьёз готовился к большой работе. К строительству замка.

В общем, это была и его вина тоже. Барон должен был понять, что постройка столь сложного сооружения в столь сложном месте,

может быть, не по плечу молодому человеку, которому к тому времени не было, наверное, ещё и двадцати пяти лет. Волкову нужно было вспомнить, что предыдущий опытный и известный архитектор, с которым он обсуждал проект замка, называл сумму в два раза выше, чем просил за свой более сложный проект де Йонг.

Но именно тогда генерал и соблазнился предложением молодого человека. И именно из-за более низкой цены. И уверенности де Йонга в своих силах.

Потом началась подготовка к строительству. Полгода барон, почти позабыв про свои наделы, гонял крестьян в барщину на рубку кустарника и выкапывания глины. Он приказывал формовать и «жечь» до нужной кондиции кирпич, отвозил его к мысу и аккуратно складывал там для удобства на берегу. Закупал и свозил туда же другие материалы и, видя, как всем этим умно руководит архитектор, он и подумать не мог, что что-то пойдёт не так.

И вот почти пять лет назад, в конце зимы, когда всё было готово, де Йонг наконец приступил. Около двух сотен рабочих, часть из которых была набрана тут же в Эшбахте из крестьян и солдат, начали рыть вокруг утёса — на котором и должен был частично стоять замок — яму под фундамент. Но в освобождённое от грунта пространство тут же начала просачиваться вода. И тогда молодой архитектор убедил барона, что это не беда. Дескать, как только сойдут вешние воды, то и тут станет сухо. Надо только подождать. Но пришлось ждать почти до лета, прежде чем пришло понятие, что грунт под восточной и южной стенами замка будет слишком влажным, чтобы выдерживать их. И что придётся его немного укрепить. Просто нужно забить в грунт двести дубовых свай. Ну хорошо… Двести дубовых свай, конечно, увеличивали смету, но незначительно.

Вот только для таких работ нужны специальные рабочие с инструментом и со знающим дело инженером, и, к сожалению, такой инженер со своей бригадой оказался занят. А других в округе не было.

«Ничего страшного, — уверял архитектор барона. — Закажем инженера в Нижних землях, там таких предостаточно, а пока, чтобы не терять время и, что немаловажно, деньги, я начну ставить стены на утесе. На твёрдом камне».

И начал. И стены и вправду стали расти. А к осени приехал инженер ван Хубер, знающий толк в сваях; он, походив денёк и поглядев на всё вокруг, а потом посидев с чертежами замка ещё один денёк, пришёл к Волкову и де Йонгу и сказал:

— Вы, господа, видно, изволите шутить, когда говорите, что

тут потребуется двести свай. Нет, нет, нет… Готовьте шесть сотен свай, да ещё надобно будет сделать специальную связывающую опалубку, часть из которой должна быть железной. А иначе я и браться за такое дело не буду. А ещё перед началом мне нужно будет провести дренаж. И в этом году мы уже точно дело не начнём. Так как опалубку надобно подготовить заранее.

И только за один приезд этого человека барону пришлось выложить шестьдесят три талера. А потом ещё и согласиться и подписать с ним контракт, который увеличивал всю стоимость замка сразу почти на двадцать процентов.

Уже тогда Волков был недоволен де Йонгом. Он и без этих дополнительных расходов вынужден был для ускорения строительства хоть немного, но занять денег, так как набранной им суммы уже не хватало, а теперь долги, от которых он так старался избавиться, снова начали расти.

И этот ван Хуберт оказался человеком и вправду дельным; приехав следующей весной со своими людьми, он сразу прорыл несколько канав для отвода воды и начал весьма проворно бить сваи. И когда подошёл со своими рвами и опалубками к южной стене, вдруг сообщил де Йонгу и барону, что тогда оказался рядом:

— Южная стена, что вы возвели, стоит на утёсе криво! А западная, которую вы собираетесь продолжить… Когда я подведу фундамент от реки, то получившийся угол замка у вас просто свалится. Конечно, западную стену можно укрепить скосом, и юго-западный угол замка тоже, но это заметно их утяжелит, отчего мне нужно будет ещё забить под них лишних двадцать две сваи. Либо перекладывайте южную стену, либо закупайте новые сваи и опалубки. В общем, готовьте, барон, деньги.

«Готовьте, барон, деньги!».

Старый вояка едва не прослезился, услыхав это. Он-то уже грезил новым роскошным домом, что будет возвышаться над рекою и внушать всем если не трепет, то уважение. А тут на тебе: готовьте деньги! А как их готовить, если у него их почти не осталось?

И вот тут уже Волков посмотрел на своего архитектора тем самым взглядом, от которого у опытных офицеров и старых солдат холодела кровь. Де Йонг просто побелел после слов ван Хубера. Но тут же, собравшись с духом, пообещал барону:

— Я сейчас всё проверю.

И, схватив в охапку все свои чертежи, побежал куда-то. Раздосадованный же землевладелец уехал к госпоже Ланге, где изрядно выпил, понимая, что его планы поставить в Эшбахте замок и не утонуть в долгах терпят крах.

— Фон Рабенбург! — едко говорил он сам себе и морщился от своей глупости. — Придумал себе звонкое имя. Имечко это теперь внесено в книгу сеньоров земли Ребенрее. Назвал себя в честь замка, которого у меня нет. Зато теперь долги снова есть. Вот уж соседи будут потешаться. И поделом мне, дураку…

— Да кто же осмелится над вами потешаться? — пыталась успокоить его умная Бригитт, она своими длинными пальцами гладила его небритые щёки и обнимала его. — Соседи ваши либо людишки пустые, либо горные дикари, вами не раз битые. Кто посмеет над вами смеяться?

— В лицо, может, никто и не посмеет, — соглашался генерал. И тут же сокрушался: — Так они за спиной смеяться будут, ещё и радоваться дурости моей.

— И пусть! От злорадства глупого лишь чёрную желчь свою разольют по чреву, болеть будут, — здраво рассуждала умная женщина, и в самом деле успокаивая его и забирая него стакан. — Бросьте печалиться. Поиграйте лучше с дочерью своей, — она оборачивалась. — Анна Тереза, где вы там? Ступайте сюда, вас хочет видеть папенька. Ну где вы там? Идите сюда…

И девочка появилась в дверях, неуклюже неся в охапке бедного котёнка.

Вид белокурого ангела, который полгода как научился ходить и теперь появился в дверях с котёнком, конечно, отогнал от него все злые мысли. А как же могло быть иначе?

Честно говоря, это удивительное, божественное существо, тонкое и изящное, так разительно отличавшееся от его горластых, требовательных и с детства драчливых сыновей, всегда производило на него один и тот же эффект.

Отец вставал и брал своего ангела на руки. Его огромные и всё ещё очень сильные руки со всей возможной нежностью прижимали девочку к груди. Объятия эти успокаивали его сразу. Даже когда он чувствовал боль в ноге, стоило ему прикоснуться к дочери, как боль, казалось, утихала. И теперь он тут же позабыл о своих печалях. И вправду, стоит ли думать о злопыхателях, когда на руках у тебя такое сокровище. Сокровище, которое нужно беречь. Ведь вторую свою дочь им уберечь не удалось. Она умерла совсем недавно, в годовалом возрасте.

А на следующее утро барон, приехав к замку, никак не мог дождаться своего архитектора. Он уже послал за ним одного из людей Сыча. А тот, приехав через два часа, сказал, что де Йонга дома нет. И жены его дома нет, и дочери тоже. Нет и повозки.

И, как выяснилось позже, архитектор его в ночь сбежал. И даже не оставил записки. Начали его искать, так выяснили, что он с семьёй ещё ночью сел на отплывающую вниз по реке баржу с

овсом и хмелем. И что теперь искать его поздно. И всё, что осталось от него во искупление ошибок, так это небольшой домик, который, как вскоре выяснится, не покроет и двадцатой части всех нынешних и будущих потерь барона.

Глава 3

Как говорится, ты не узнаешь, как что-то делать, пока не возьмёшься за это сам. А деньги в замок были вложены уже такие, что останавливаться было просто нельзя. Деньги? Вообще-то вопрос уже шёл и о его репутации. Ну не мог победитель горцев и гроза всех верховий Марты смириться с поражением в таком паскудном и хамском деле, как строительство. Посему, несмотря на новые траты, из Ланна Волковым был выписан знаменитый архитектор Копплинг с двумя помощниками. Он чем-то напоминал генералу майора артиллерии Пруффа. Так же был немолод, так же вздорен, так же краснонос. Только, в отличие от майора, архитектор в молодости выбрал правильное ремесло и к годам майора был неизмеримо богаче офицера, что подтверждали его наряды с собольими оторочками и дорогие перстни. Даже с самим бароном он разговаривал как с ровней, хотя был наслышан о его военных успехах. Когда Волков принёс ему на проверку чертежи де Йонга, Копплинг с удовольствием и ехидством их посмотрел, для чего он вооружился пером и чернилами, а потом, самодовольно посмеиваясь, макал перо в чернила и, ставя размашисто крест на одном из чертежей, приговаривал:

— Излишне самонадеянно, — ставя следующий крест на другом: — Вопиющая некомпетентность, — третий лист он «окрестил» со словами: — Абсолютная бездарность, — и ещё он, конечно, унижал и самого заказчика, исподволь вопрошая: — Позвольте у вас полюбопытствовать, господин барон, а где вы нашли этакого гения?

И с каждым таким замечанием или вопросом барон просто кожей чувствовал, как растёт и растёт смета его будущего жилища. И он сокрушённо вздыхал:

«Ублюдка де Йонга нужно было взять под стражу! Ну как я об этом не подумал сразу?!».

— Ну что ж, — исчеркав всё, что можно, новый архитектор решил продолжать. — Теперь я хотел бы взглянуть, что он вам там понастроил уже не на бумаге, а в естестве.

В итоге он остался доволен лишь двумя вещами:

— Это хорошо, что вы свезли часть материалов для строительства заранее. И ещё хорошо, что для фундамента додумались нанять настоящего мастера.

— Ну а поставленные уже стены? — с некоторой надеждой вопрошал господин барон.

На что старый архитектор ему отвечал:

— Вы, генерал, известный мастер своего дела, а я своего; вот

только ваше дело — укладывать людей в землю, а моё — создавать творения на века. И я не хочу, чтобы через век сюда пришли какие-то злословы и, похихикивая, спрашивали, глядя на ваш замок: а кто этому Рабенбургу поставил такой кривой дом? А ему другой и ответит: так это проходимец Копплинг нашёл себе болвана заказчика. Так что уж увольте, дорогой барон, либо я это позорище снесу и поставлю новое, либо вовсе за дело ваше не возьмусь. Так как мне моё имя дороже, и под старость лет его похабить желания у меня нет.

— И во сколько же мне всё станет, если считать по-новому? — печально интересовался барон.

— Уж и не знаю сколько вы уже вложили, но к следующему году приготовьте семь тысяч золотых. Привезу своих мастеров и своих инженеров, часть им в уплату пойдёт. А также на разные нужды скорые. Ещё мне наперёд, за труды мои, за то, чтобы из дому меня сдвинуть, уже сейчас две тысячи аванса заплатите.

— К следующему году надобно приготовить? — Волкова расстраивали больше не страшные суммы, что просил архитектор, а сползающие в неопределённость сроки.

— Пока ван Хуберт не поставит надёжный фундамент с юга от скалы, делать тут что-либо бессмысленно. Разве только западную стену, но и с нею я торопиться не хотел бы, пока южный фундамент не встанет. Так что всё начнём только после Рождества.

Вот так его задумке пошёл третий год.

А когда архитектор, удобно устроившись у него дома, взялся пересчитывать со своими помощниками сметы, так жалел генерал лишь об одном:

«Жаль, что де Йонг сбежал… Сейчас бы я его повесил! Сам!».

Оказалось, что всё, что он уже потратил, не составило и четверти того, что ему ещё предстояло потратить. И главной бедой, как называл это старик Копплинг, был фундамент на плохих землях.

Именно он пожирал едва ли не четверть всех будущих вложений барона. Но деваться тому было уже некуда, он не мог отступить и бросить замок, поэтому поехал тогда в Мален. Занимать денег. И без труда занял сколько нужно. Но это было ещё не всё.

Потом, когда инженер ван Хуберт уехал, закончив своё дело и оставив барону очень дорогой, но надёжный фундамент с юга и востока от скалы, начались у них с архитектором нескончаемые дрязги из-за расходов. Каждые несколько месяцев они собирались и начинали считать деньги. Причём архитектор предоставлял ему все возможные расчёты и счета. Но легче от них барону не

становилось, так как замок требовал всё больших и больших вложений. Просто Волков не понимал, почему эти расчёты нельзя было сделать сразу правильно. Может, тогда, знай барон всё наперёд, он бросил бы эту затею. Но Копплинг ему возражал, что место для замка выбирал не он, и проект делал не он, а посему для него самого иные траты оказываются неожиданными. Как, например, траты на расширение основания южной стены, которое пришлось класть для её устойчивости. И на которое пошло кирпича столько же, сколько и на саму стену. И так было во всём.

В ругани своей они иной раз доходили до того, что старик проклинал жадность генерала и собирал вещи, чтобы уехать в Ланн. И лишь нежелание бросить дело незаконченным возвращало его к стройке. И вот так, в бесконечных упрёках, и рос замок.

И к тому времени, как герцог призвал своего вассала к оружию, замок был почти готов. Он был грозен и внушителен. Мощные и современные, построенные по последнему слову военной фортификации равелины прикрывали северные ворота и западные углы замка. К стенам же подвезти пушки было невозможно из-за реки и песчаного мягкого грунта. А без пушек этот красавец, возвышавшийся над рекой, был абсолютно неприступен.

Оставалось дело за малым, нужно было достроить кое-что внутри, хотя господские покои были уже готовы. Да ещё поставить балконы под пушки на стенах.

— Ещё тысяча двести золотых монет, полгода, и я уеду отсюда, чтобы не видеть вас больше, дорогой барон, — зло пыхтел архитектор.

— Готов найти эту сумму, только чтобы ваше обещание сбылось, но боюсь, что вы меня опять обманете, как обманывали уже полдюжины раз, — едко отвечал ему Волков.

— Ну так найдите! — раздражённо едва не кричал ему старик.

Но генерал не сдержал своего обещания ехать искать золото, воспользовался случаем и с радостью уехал на войну, а Копплинг с неменьшей радостью уехал к себе в Ланн, так и не закончив дело.

* * *

Вот так и оказался он с долгом в двадцать две тысячи гульденов и с недостроенным замком. Который нужно было уже наконец достроить. Достроить во что бы то ни стало. Барон

понимал, что ему понадобится ещё больше тысячи только на достройку, а ведь этот огромный дом, в котором, при крайней надобности, запросто могло разместиться три сотни людей, полсотни лошадей и два десятка голов крупного скота, не считая всякой мелочи, ещё надобно было обставить мебелью. И для господ, и для гарнизона, и для слуг. В господских покоях положить паркеты, вставить в большие оконные проемы стёкла, обить стены, купить гобелены, чтобы зимними ночами в замке над рекою не бушевали сквозняки.

А посуда, а ковры, а зеркала, о которых так мечтает баронесса, а люстры, а канделябры…

От всех предстоящих трат, лишь только он принимался о них размышлять, у него тотчас портилось настроение, а иной раз начинала болеть голова. И что было хуже всего, так это то, что по своим долгам ему ещё приходилось платить немалые проценты. Казалось бы, он наладил у себя в поместье несколько прибыльных предприятий. Наличие недорогого угля и хороший ток на реке позволили его кузнецу поставить две кузницы, где тот с неплохой прибылью ковал железную полосу и тянул отличную железную проволоку. И полоса, и проволока пользовались большим спросом на реке, купцы стояли в очередь за таким товаром. Дело можно было и расширить… Если бы были лишние деньги. Но их не было. Все его склады и пирсы, вся торговля, что проходила через его руки, приносили денег не больше, чем ему нужно было платить процентов по долгам. Только на это и хватало денег, а уж про то, чтобы заплатить сами долги, речи пока не шло.

А всё, что удавалось собирать с мужиков, всё, что получал он с обжига кирпича и со всего прочего, то шло на содержание дома и его любимых конюшен и на содержание семьи. Вернее, двух семей. А ещё на содержание выезда, на оплату слуг. Кое-что приносила деревенька, разросшаяся из заставы сержанта Жанзуана, который теперь превратился в дородного старосту. Там не было таможни герцога, но барон никак не мог проложить оттуда к Эшбахту хорошей дороги, а посему далеко не все товары было выгодно возить через тот край его владений.

В общем, Волков даже обрадовался, когда герцог призвал его под свои знамёна. Война — это как раз то дело, на котором всегда есть шанс заработать. Правда, он почти сразу понял, что на той войне он скорее может потерять что-то, чем приобрести. Большого труда стоило ему сохранить свои пушки. А вот дело в городе Фёренбурге отчасти поправило его финансовое положение. Оттуда он кое-что привёз. Кстати, нужно ещё было всё как следует пересчитать из того серебра и золота, что прибавилось в его сундуках после возвращения из Фёренбурга.

Конечно, он мог бы взять в городе намного больше, но поначалу дело там шло не очень хорошо, и, случись в его начинаниях неуспех, так злые языки при дворе стали бы нашёптывать герцогу: дескать, ваш генерал, Ваше Высочество, в городе не за ваши интересы радел, а грабил купчишек тамошних, вот у него ничего и не вышло. А когда генерал стал понимать, что все его планы складываются относительно удачно, так он уже был к тому времени ранен, отчего потерял часть сил, устал и уже не мог действовать энергично и обдуманно. Тем не менее генерал был доволен проделанной работой, доволен отношением своего сюзерена — правда, считал, что тот мог быть более благодарным, хотя бы на тысячу золотых. И теперь, стоя у окна подаренного дома, он говорил ловкому нотариусу:

— Вези мебель завтра, к этому же времени. Приеду смотреть; если она и вправду недурна, то заплачу тебе то, что просишь.

— Прекрасно, прекрасно, — кивал тот, — а как же с остальным всем? Как с домом желаете поступить? Думаете ли продавать?

— Экий ты братец недалёкий, однако, — усмехался генерал. — Зачем бы я стал покупать сюда мебель, если бы собирался дом продавать?

— Ох и пустая моя голова! — восклицал Гиппиус. — Как пожелаете, господин барон, — он кланяется, — завтра же привезу вам мебель.

* * *

Генерал уже и позабыл про это важное дело.

Одной из сильных его сторон было подбирать себе толковых людей, а тех, кто не очень толков, подтягивать до нужных высот. Этого человека подтягивать нужды не было. Едва генерал расселся удобно в одной чистой харчевне с характерным названием «Белая гусыня», как там появился молодой человек, которого генерал хорошо знал, но про которого, признаться, благополучно позабыл. Теперь же, увидав его, он указал на молодого человека вилкой и спросил:

— Кажется, вас зовут Эрнст Хаазе?

Офицер поклонился ему:

— Эрнст Амадей Хаазе, господин генерал.

— Отлично! — продолжал Волков. — Вы зашли сюда позавтракать?

— Никак нет, господин генерал, я узнал вчера, где вы остановились, пришёл туда утром и узнал от ваших слуг, что вы

поехали смотреть новый дом, я поспешил за вами и тут увидал вашу карету у этого заведения, — объяснял ему молодой офицер. — С вашего позволения, я подожду вас, пока вы закончите завтрак, и расскажу вам, как идут дела с вашими пушками.

— Нет нужды ждать, — Волков был в добром расположении духа после осмотра дома и решил покормить офицера, так как помнил, что у того с деньгами было плохо. — Садитесь и рассказывайте.

И пока благодарный офицер, гремя мечом, усаживался за стол напротив него, он подозвал разносчика и сказал тому:

— Ещё одну гусиную ногу, порцию бобов, капусты и брецель, а ещё две кружки темного.

— Благодарю вас, господин генерал, — Хаазе, усевшись за стол, рукой расправил волосы.

— Не благодарите, лучше расскажите, что с моими пушками, — просит Волков.

— К сожалению… — начал офицер, — с вашими пушками не всё так хорошо, как мне хотелось бы.

— Они не готовы?

— Нет, — офицер покачал головой. — Мастер-литейщик Браун отлично подновил им запальные отверстия, наварил нового металла на прогарах, залил трещины на стволах и отвёз их к каретному мастеру Вульфу для укладки пушек на лафеты, но тому не выдали на то денег, и сейчас лишь одна картауна лежит на лафете, да и тот ещё не до конца готов, а остальных лафетов нет вовсе.

Это была неприятная новость, омрачившая ему утро и завтрак. Генерал даже пожалел, что не подождал окончания завтрака, прежде чем узнавать у Хаазе новости про свои пушки.

Глава 4

После завтрака, или уже обеда, он взял с собой ротмистра Хаазе и поехал на Тележную площадь, где среди прочих мастеров свою мастерскую держал вместе с сыновьями каретных дел мастер Вульф. И то, что мастер этот был отменный, никто бы сомневаться не посмел, так как на воротах его мастерской красовался герб дома Ребенрее, означавший, что клиентом этой мастерской является сам герцог. Бойкий ещё старичок, понимая, с кем говорит, был услужлив и всё объяснил Волкову:

— Сами понимаете, господин генерал, ложе под ствол идёт из морёного дуба, как бы ни хотелось, а осину туда не положить, вы такое и сами у меня не примете, ещё и бранить меня станете: зачем такое вытворил. Материал под это дело идёт первейший по крепости. А денег от казны мне не дали, этот лафет, — мастер указал на почти законченный лафет, на котором уже лежала бронзовая картауна Волкова, — я начал, так за свои деньги и сделал. Вы уж меня простите, господин генерал, но торговцы деревом мне в долг под обещания казны давать дуб отказались.

— Это понятно, — мрачно произнёс Волков, обходя со всех сторон свою пушку. В общем он был доволен работой Вульфа. А тот, в свою очередь, продолжал:

— К колёснику пошёл, так он говорит: сделаю тебе колёса, ты мне только заплати за спицы вперёд, а за каждую спицу просит талер сорок, так на все ваши пушки насчитал одних спиц на сорок семь монет с установкой вместе, и то не считая стоимости самих колёс. И ступиц, и осей.

— Так, значит, вы совсем не получили денег из казначейства на мои пушки? — спрашивал генерал, а сам вспомнил повеление герцога, в котором те лафеты упоминались. Причём повеление то было письменное.

— Ни талера, господин генерал, — божился мастер, — ни талера.

Волков оглядел работу мастера-литейщика и в общем, по большому счёту, остался ею удовлетворён: у обоих тяжёлых орудий, и у картауны, и у длинного лаутшланга, запальные отверстия были обварены хорошо. И теперь из них снова можно было долго стрелять, не стесняясь класть пороха столько, сколько нужно. И над их стволами пушечные мастера потрудились хорошо. Да и три его кулеврины были подправлены, где надо, хотя тут он заметил в работе некоторую небрежность. Словно последние работы мастера проводили в спешке. Или…

«Неужто и литейщикам денег казна не доплатила?».

Впрочем, если бы его пушки ещё поставили на лафеты, он бы придираться не стал.

Дел у генерала больше никаких вроде не было, и он, опять же прихватив с собой ротмистра, поехал из мастерской во дворец. Нужно было этот вопрос решать, и решать его побыстрее, иначе за утраченные лафеты ему придётся платить самому, несмотря на распоряжение герцога.

И его карету без всяких вопросов впустили на большой двор замка Его Высочества. Генерала и его герб стража узнала сразу. А вот ротмистр видел дворец изнутри явно впервые. Не то что Хенрик или фон Флюген. Он выглядывал из окна кареты, рассматривая большие стёкла дворца и красивую лестницу с большим интересом и иной раз всё-таки поглядывая на своего командира.

Когда карета остановилась, Хаазе первый выпрыгнул из неё и, опередив Хенрика, откинул для генерала ступеньку. Откинул и отошёл в сторону, явно собираясь ждать Волкова тут, но тот сказал весьма мрачно:

— Хаазе, пойдёте со мной.

— Конечно, господин генерал, — отозвался молодой человек.

Он волновался, поднимаясь по лестнице за своим начальником. Понятное дело, дворец курфюрста. Сюда всякий, даже благородный, человек попасть просто по своей прихоти не может.

И ему было всё очень интересно.

В приёмной казначейства было немало народа, но секретарь, вскочив со своего места, с поклоном сообщил генералу, что казначея нет на месте и будет он не скоро, так как его вызвал курфюрст для каких-то дел. И чтобы не торчать в приёмной, как какой-нибудь купец, Волков направился прямиком в канцелярию Его Высочества.

Некогда это было самое многолюдное место во дворце, тут собиралось множество людей, чтобы переговорить со всесильным канцлером герцога, решить с ним какие-то вопросы или просить его о чём-то; теперь же, когда его звезда была близка к закату, людей в приёмной заметно поубавилось.

«Верный признак того, что немилость к фон Фезенклеверу всё ближе и ближе».

Секретарь тут же доложил канцлеру, что прибыл генерал, и вскоре посетитель из комнат канцера вышел, а сам он появился в приёмной, чтобы лично встретить Волкова.

— Друг мой! — фон Фезенклевер проявил максимальное радушие, он подошёл и обнял генерала. — Рад поздравить вас с очередной победой. С блестящей победой. Я знаю, что вы

угомонили спесивых горожан Фёренбурга, этих извечных бунтарей.

Они ушли в кабинет, а Хаазе остался прохаживаться с дюжиной ожидающих в приёмной канцелярии.

— Вина? — предложил фон Фезенклевер, когда генерал уселся в кресле посетителя.

— Нет, благодарю вас, я только что из-за стола! — отвечал Волков и тут же предложил: — С вином мы можем посидеть после, может быть, вечером как-нибудь. Заодно и расскажете мне, что здесь при дворе происходит.

— Прекрасная мысль, с удовольствием расскажу вам новости и про себя, и про двор. Может, завтра и устроим ужин?

— Завтра? Отлично, мне подходит. А сейчас хочу поговорить о делах.

— О чем же, друг мой? — интересовался канцлер.

И тогда барон рассказал канцлеру про свои пушки и лафеты. Про повеление герцога, которое не выполнили.

Фон Фезенклевер морщился и вздыхал.

— Двор даёт обещаний больше, чем в состоянии выполнить, — и тут он перешёл на тон ниже, почти на шёпот: — Правда, на подарки неким очаровательным особам мы деньги находим. Недавно одной такой особе был подарен замок Швангау на самом берегу Марты, новый, прекрасный замок в живописнейшем месте, а к нему шесть тысяч десятин отличной пахотной земли, и всё это поместье стоимостью будет не менее четырёхсот двадцати тысяч, — он развёл руками. — А семь-восемь тысяч талеров на пушечные лафеты для своего лучшего рыцаря герб найти не может.

Волкову было, конечно, приятно слышать, что он лучший рыцарь герба Ребенрее, но ещё приятнее ему было бы услышать что-то дельное по поводу лафетов.

— И что же мне, по-вашему, не стоит и думать о деньгах из казны?

Тут канцлер махнул рукой:

— Я займусь этим, поговорю с Нагелем, у этого жука всегда найдётся пара мешков серебра в самом тёмном углу казначейства. А если он заартачится, то схожу к самому принцу. Напомню ему, кто спас богатейший город севера его земли.

— Я был бы вам очень признателен, господин канцлер.

— Ах, оставьте, — отмахнулся Фезенклевер. — Надеюсь хоть чем-то помочь вам, пока меня не отправили в отставку. А пока давайте-ка напишем прошение, напомним Его Высочеству про его обещание, хотя он очень не любит, когда ему про них напоминают, — он взял колокольчик и позвонил в него, и когда из задней двери показался писарь канцлера, приказал: — Адольф,

напишите прошение на высочайшее имя.

Волков подписал бумагу, канцлер её завизировал и договорившись о будущем ужине, они тепло попрощались; и генерал покинул приёмную фон Фезенклевера.

Дело шло к обеду, и на главной балюстраде замка было многолюдно. Вельможи, приехавшие из провинции сеньоры, чиновники, наконец блестящий выезд герцога — все эти люди толпились тут в надежде попасть на глаза курфюрсту, который пойдёт обедать, а может, и попасть к нему за стол. А вот генерал, напротив, пытался проскользнуть через собравшихся господ так, чтобы не угодить герцогу на глаза. Встретиться сейчас с Его Высочеством было бы… нехорошо. Ещё вчера он лежал в постели и даже не встал в присутствии курфюрста, а сегодня разгуливает по его дворцу как ни в чём не бывало.

Поэтому они с Хаазе быстро пробежали мимо столовой герцога и стали спускаться вниз, но этажом ниже им навстречу попалась стайка придворных красавиц. Их было четыре. Молодые, яркие, они шли генералу и его офицеру навстречу, и Волков увидал, как одна из них, ещё издали, стала махать ему рукой, пытаясь привлечь его внимание:

— Генерал! Генерал!

Он сразу узнал её, несмотря на то что никогда не видел эту женщину в таком наряде. Лиф голубого платья, расшитый жемчугом, с кружевным воротом «под горло», большой и прекрасный бархатный берет с белым пером цапли никак не утаивали великолепной фигуры и очаровательного лица юной женщины. Это была как раз та, кому Его Высочество жаловал роскошные замки на берегах рек и богатые пашни стоимостью в четыреста двадцать тысяч талеров.

София фон Аленберг быстрым шагом шла к нему. Волкову пришлось остановится и подождать её.

— Ах, как хорошо, что я вас встретила! — начала красавица, подходя к нему ближе. — Здравствуйте, я справлялась о вас, но мне сказали, что вы тяжко ранены и не поднимаетесь с постели. Как хорошо, что вы уже на ногах. Как вы себя чувствуете?

— Пытаюсь чувствовать себя хорошо, — улыбался генерал. — Уж и не знаю, получается ли.

Дамы засмеялись и одна из них произнесла:

— Но выглядите вы хорошо, генерал!

— Дамы! — Волков поклонился и сказал — На вас же невозможно смотреть… Вы лучезарны. Боюсь ослепнуть от такой красоты в таком количестве.

— Ах, не смущайте нас, генерал! — воскликнула София фон Аленберг. Женские сердца так уязвимы для комплиментов и

лести, — и поглядела на молодого ротмистра. — Простите, что не представляю вам моих прекрасных спутниц, надеюсь, что сегодня мне ещё представится такая возможность. Но кто это с вами?

Хаазе стоял в нелепой позе, он застыл, выпучив глаза на прелестную женщину.

Волков взглянул на него.

— А это мой офицер-артиллерист, господин Хаазе.

— А он миленький! — произнесла одна из дам, улыбаясь.

От этой простой фразы по лицу и щекам ротмистра пошли алые пятна, словно ему надавали пощёчин. Он раскрыл рот, намереваясь что-то ответить, но, видно, не нашёл слов.

— Аделаида! — тут же воскликнула первая красавица дворца со смехом и упрёком. — Не смущайте этого юного рыцаря, — и тут же она снова заговорила с Волковым: — Господин генерал, если вы уже в силах ходить, я умоляю… — тут она обернулась к своим подругам, ища их поддержки, — мы все вас умоляем поужинать с нами. Нынче вечером.

— Поужинать? — с некоторой растерянностью переспросил барон.

— Да-да, поужинать и рассказать нам, как вам удалось перебить всех еретиков в Фёренбурге!

Волков смотрел на неё всё ещё с удивлением, а дамы стали дружно, как по команде, его уговаривать:

— Генерал, мы вас просим, просим…

И так они галдели и подпрыгивали возле него, что ему пришлось согласиться.

«Распутницы умирают со скуки? Или хитрая София осваивается в замке и уже ведёт какую-то свою игру? Скорее всего первое. Для политических игр она ещё слишком юна. Вечная проблема дворцов, где беспечная придворная знать ищет, чем себя развлечь. И выбор у бездельников небогатый: любовные интрижки, борьба за место рядом с сюзереном, пиры, балы и охоты. Так что будем надеяться, что её терзает скука».

Он вздохнул и произнёс:

— Дамы, обещаю, что я попытаюсь. Если здоровье позволит мне.

— Позволит, позволит… — хлопали в ладоши дамы. А сама София продолжала: — Мои покои в правом флигеле, сейчас же распоряжусь принести из погребов лучшего вина.

— Я постараюсь быть, — вынужденно, но в то же время со всей учтивостью обещал генерал.

— И захватите своего Хаазе, — со смехом сказала госпожа Аделаида, снова введя молодого офицера в ступор, от которого он только что стал избавляться.

И остальные дамы тоже стали смеяться.

— Ну, если вам кажется уместным присутствие этого молодого человека на ужине, разумеется, я возьму с собой ротмистра, — обещал женщинам генерал.

Когда они расстались и Волков с Хаазе стали спускаться по широкой лестнице во двор замка, генерал взглянул на молодого человека и сказал ему сурово:

— Господин ротмистр, подберите слюну.

— Что? — встрепенулся задумчивый офицер.

— Прекратите мечтать о придворных красотках. И не вздумайте заводить с ними шашни!

— Вот как? — немного растерянно спросил Хаазе.

— Именно так! Даже если они сами будут проявлять к вам интерес. И всячески подчёркивать это.

— Но почему? — искренне удивлялся ротмистр.

— Потому что ко двору собираются самые распутные и алчные женщины, что только есть в какой-либо земле. Как мошки летят на огонь в ночи, так и они слетаются на золото и власть предержащих мужчин.

— Но у меня нечего взять! Ни власти, ни золота. Что может привлечь таких красавиц ко мне? — не понимал Хаазе.

— Значит, их одолевает похоть… Похоть, которую я на вашем месте обходил бы стороной, — продолжал объяснения генерал.

— Так отчего же мне обходить стороной внимание таких красивых женщин, если они сами… мною интересуются.

— Я не удивлюсь, если эти дамы замужем. Вернее сказать, я почти уверен в этом. И мужья их, скорее всего, — влиятельные сановники или придворные. И они могут быть ревнивы.

— Замужем?! — продолжал удивляться ротмистр. — По-вашему, эти дамы могут быть замужем и так себя вести?

— Я же говорю вам, — не очень-то довольно бурчал генерал, дожидаясь у лестницы, пока ему подадут карету, — повторю, эти дамы алчны и распутны, они постоянно ищут подарков и новых связей. Так же, как и их мужья, которые не будут возражать, если их жены задирают подолы перед герцогом или перед… ну, например, перед обер-прокурором… Мужьям это даже будет полезно для их карьер, но когда под подол его жены полезет какой-нибудь наглец типа вас, у него вдруг может взыграть ревность.

— И что, меня эти мужья могут вызвать на поединок? — у Хаазе округлились глаза.

— Поединок? — Волков скривился. — Хаазе, вы болван! Какой ещё поединок? Такие господа пойдут на поединок только в крайнем случае, только если будут вынуждены, например, если

будут оскорблены прилюдно. Такой ревнивый муж просто даст два десятка золотых какому-нибудь мерзавцу из выезда герцога, и вам проколют грудь где-нибудь в темном углу дворца. Возможно, на первый раз не убьют… Для острастки, например, разобьют вам лицо булавой. Выбьют глаз или зубы.

Тут карета была подана, и ротмистр, опять опережая Хенрика, поспешил откинуть ступеньку и открыть дверцу, и после сказал:

— Генерал, вы так рассказываете, словно такое уже было.

— Было, — Волков задержался у двери кареты, — именно так всё и случилось с одним моим знакомым, когда я служил в гвардии намного менее богатого и намного менее влиятельного герцога, чем наш. Женщины там были тоже обворожительны и часто искали альковных приключений, в том числе и с красивыми гвардейцами герцога. Но приключения чаще находили те, кто вёлся на прелести тех красоток. Так что держитесь от придворных дам как можно дальше, ротмистр.

— Что ж, — говорил Хаазе, выслушав своего командира, — буду держаться подальше от подобных красоток, как вы и советуете. Но я так и не понял: на ужин-то мне идти с вами или нет?

— На ужин идти придётся, так как я уже пообещал, но когда там будете, не пейте лишнего, будьте учтивы и запомните главное: не вздумайте флиртовать с фавориткой герцога. Это самая большая глупость, что вообще может случиться с человеком ваших лет, — Волков влез в карету, посмотрел на своего офицера и добавил недовольно: — Поедемте уже.

Глава 5

И пока было у него время, он вернулся в омерзительный трактир, в котором проживал, и занялся своими делами. Вонь прогорклого масла и пережаренного лука проникала в его комнату, из окна дуло, но его успокаивало то, что уже следующую ночь он проведёт в своём новом доме. Открыл сундуки и стал пересчитывать деньги, что ему удалось вывезти из Фёренбурга. Он уже сожалел о том, что поучаствовал в дележе добра еретиков скорее вскользь, чем основательно. Но вспоминая трудную ситуацию, что складывалась вокруг него и его людей в то время, благодарил Господа, майора Дорфуса и лихих людишек Фёренбурга за то, что хоть это взял. Да и вывез он не так чтобы совсем ничего. Барон, пересчитав все деньги, пришёл к выводу, что если он заплатит завтра за мебель и по возвращению в Мален выплатит все проценты по долгам, то у него ещё останется почти двести монет золотом и почти семь тысяч талеров серебром.

Ну что ж… Немного, но жить можно. Золото даже можно будет вложить в доведение замка до ума.

«Сколько там просил старик Копплинг, чтобы достроить замок?».

Главное, чтобы ему не пришлось оплачивать лафеты орудий из своих средств. Тут он уже уповал на канцлера фон Фезенклевера.

«Ах как жаль, что герцог его сместит, надо признать, он кое-что сделал для меня», — размышлял барон, собирая серебро в мешки и складывая их в сундук. Потерять двух союзников при дворе, таких сильных, как графиня фон Мален и канцлер фон Фезенклевер, было очень неприятно, но поделать тут Волков ничего не мог, разве что выстраивать отношения с теми людьми, что придут на место отставленных. И тут как раз была очень кстати та самая София фон Аленберг, с которой он сегодня собирался ужинать.

* * *

Новые чулки, новые башмаки, новая шапка. А ещё… Да, верно, его видавший виды и грубоватый пурпуэн-вамс, уместный скорее на войне, был влажен. Хаазе его выстирал, но так как пурпуэн-вамс не успел высохнуть, то он напялил его почти сырым.

«На улице не так уж и жарко. Этот болван ещё простудится!».

А это не входило в планы генерала, он полагал, что ротмистр, после его отъезда в Эшбахт, продолжит заниматься пушками и лафетами, а не отправится на кладбище из-за жара и скоротечной чахотки. И тогда генерал позвал к себе Гюнтера и распорядился выдать ротмистру из своих сундуков вполне приличный колет, который был ему немного велик. Совсем немного. Сам же генерал надел любимый свой лазоревый костюм из прекрасного шёлка, который последнее время застегнуть на груди и животе было всё сложнее, и к костюму модные оранжевые чулки. Томас подал ему серебряную цепь с гербом Его Высочества, подарок курфюрста, а также великолепные туфли, мягкие, с серебряными пряжками.

А закончили гардероб всё той же кокетливой шапочкой с пером фазана, плащом с опушкой, мечом и перчатками. Волков взглянул на себя в зеркало перед выходом и остался доволен тем, что увидел. Перед ним стоял истинный царедворец, к которому благоволили и удача, и сеньор, ремеслом которого, судя по мечу, была война.

Ему бы ещё замок свой достроить и с долгами рассчитаться!

* * *

— Прошу вас, прошу, добрые господа, — юноша в модных, но дурацких «коровьих мордах» на тонких ногах был тут, видно, за мажордома и сразу стал приглашать генерала пройти, и сам тут же интересовался: — Как вас представить?

— Генерал фон Рабенбург, — отвечал Волков. И, бросив взгляд на своего спутника, добавил: — И ротмистр Хаазе.

— Ах да, конечно, вас уже дожидаются, прошу вас пройти сюда.

— Генерал! — едва он вошёл в богатые и просторные покои, как красавица София фон Аленберг поспешила ему навстречу, протягивая руки.

Была она необыкновенна хороша, чересчур хороша. Барон даже почувствовал некоторую неловкость, когда увидел, насколько прозрачна ткань её нижней рубахи, что прикрывала глубочайшее декольте платья. Через эту ткань всякий мог видеть то, что дóлжно было видеть лишь курфюрсту. Тем не менее он улыбнулся и поцеловал красавице руку, а она, играя с ним, подставила и вторую: целуйте и эту тоже.

С фавориткой герцога лучше не спорить. Поцеловать ручки… Нет ничего проще. Главное — в общении с этакой красавицей нащупать и соблюсти ту грань, за которой изысканная галантность превращается в откровенный флирт. Потом она

протянула одну из рук и робеющему ротмистру. А лакеи подбежали и забрали у него плащ. И так как в покоях горели десятки свечей, а в камине пылала половинка бревна, он решил отдать им ещё и шапку. Хотя другие присутствующие мужи были в головных уборах.

И тут же красавица взяла барона за руку и потащила к компании господ и дам, щебеча при этом:

— Господа… Я была невежлива и не представила вам моих подруг, когда мы встретились днём. Сейчас я всё исправлю.

И тут его ждало несколько неприятных сюрпризов; во первых, он понял, что среди собравшихся он самый старый и что на фоне юной Софии и её молодых подруг он выглядит настоящим сорокалетним стариком, а во-вторых, тут присутствовал Георг Иммануил Сольмс, молодой граф фон Вильбург, сын обер-прокурора фон Вильбурга, человека, с которым Волков и не помышлял помириться. И генерал, раскланиваясь с ним, думал:

«Как бы не вышло с ним какой свары. Выпьет вина и начнёт цепляться, не ко мне, так к Хаазе. Затеет ещё склоку. В общем, вина мне лучше много не пить и следить за разговорами».

Одним словом, ужин этот на отдых уже походил мало, скорее на деловой обед во дворце, где нужно держать ухо востро. И это несмотря на то, что дамы были просто обворожительны, а их декольте можно было смело назвать вызывающими. И тут нежданная радость, вот уж чего он не чаял тут увидеть, так это милого лица Амалии Цельвиг. Той самой приятной молодой дамы, что как-то ночью явилась к нему вместо Брунхильды в одном лишь плаще и башмачках.

— О, как неожиданно, вы сегодня в платье, — тихо произнёс барон, когда София представила ему её.

— Ах, это пока я не выпила вина, — улыбаясь отвечала ему Амалия.

— И что же, вы, оказывается, знакомы? — удивлялась хозяйка ужина София фон Аленберг, привлекая к их разговору внимание всех остальных гостей.

— Имел честь, — с поклоном сказал барон.

— А я наоборот, — продолжая улыбаться и с притворным смущением потупив глазки, призналась милая Амалия.

Шутка удалась. Это её признание тут же вызвало смех всех собравшихся, даже ничего не понявший Хаазе скромно посмеивался за плечом генерала. А тем временем в залу пришли музыканты и стали рассаживаться у стены на стулья.

И тут хозяйка чуть повысила голос:

— Господа, господа, хочу вам сказать, что этот ужин я даю в честь нашего героя, спасшего нас от ужасного людоеда-еретика

ван дер Пильса. А ещё спасшего город… не помню, какой-то там… опять же от сатанинских лап еретиков. И герой этот — владетель Эшбахта, барон фон Рабенбург.

Она первая начала хлопать в ладоши, и прочие поддержали её в этом, а генерал, не ожидавший ничего подобного, в некоторой растерянности стал кланяться собравшимся господам, сам же думая, что теперь кто-нибудь из них, например молодой граф Вильбург, от которого он ждал всяких неприятностей, вздумает фыркать или злословить в его адрес. И с этим ему придётся что-то делать. Но ничего подобного не произошло. Молодой человек улыбался вместе со всеми другими и слушал Софию фон Аленберг, а та сделала знак, и тут же в распахнувшихся дверях появился лакей, что нёс перед собой подушку, на которой лежала какая-то красивая материя.

— Генерал, — продолжала хозяйка вечера, — прошу принять от меня в дар эти шарфы в цветах вашего герба.

Лакей подошёл к Волкову и с поклоном протянул ему подушку, а на ней лежали два поясных офицерских шёлковых шарфа прекрасной работы.

Серебро и лазурь.

Настоящее серебряное шитьё удивительным образом сочеталось с насыщенным и глубоким голубым цветом. Почти синим. Шарфы были по-настоящему великолепны. Их можно было носить и офицерам на поясе, и даже генералы не постеснялись бы надеть такую ленту через плечо.

— Божественная красота! — восхитился Волков. Он взял шарфы в руки и после поклонился Софии. — Добрая госпожа моя, не ожидал я такого подарка. Я признателен вам!

Конечно, желательно было что-то подарить ей в ответ, но барон и представить не мог, что ему на этом ужине понадобится как-то отдариваться. Подарить, что ли, фаворитке герцога пару гульденов? Это смешно! Она ещё и оскорбиться может. Это ведь не Амалия Цельвиг, которая не постесняется схватить своею лапкой любое золото, что ей предложат.

Но красавица и не ждала от него ответных подарков, она была полна радушия и позвала всех за стол.

— Господа, прошу садиться.

И тут же заиграла музыка, и все стали рассаживаться, и произошла некоторая суета, так как место рядом с бароном поначалу было предназначено другой даме, но теперь по правую руку от него распорядитель ужина усаживал красотку Амалию. В общем, генерал был не против, эта придворная дама в прошлую их встречу смогла произвести на него хорошее впечатление. Ну, иначе он и не стал бы её награждать золотой монетой поутру. Но

дело в том, что его не совсем устроило то, как все расселись. Он хотел, чтобы Хаазе сидел с ним рядом, волнуясь, как бы тот не наделал глупостей без него, но Хаазе оказался на другом конце стола рядом с обворожительной баронессой Аделаидой Хольске, которая была в чрезмерно открытом платье. Той самой, что днём называла ротмистра «миленьким».

«Как тут всё просто! После нескольких стаканов вина она будет под столом касаться своей коленкой его коленки. Хаазе… Чёртов болван! Чувствую, придётся мне потом из-за него объясняться с этим бароном Хольске! Знать бы ещё, кто это! Впрочем, к дьяволу его; если он позволяет своей жене по ночам таскаться по замку в таких нарядах, пусть потом никому ничего не предъявляет!».

Глава 6

Лакеи стали разносить морских рыб и разливать белые вина. Рыба была отличной, на любой вкус. Несли крупную солёную сельдь, не ту, что ест чернь, а потрошёную, жирную, в сладкой медовой горчице. И тут же несли большие куски рыбы белой, хорошо разваренной, с тмином. А за этой рыбой выносили блюда с мелкими и золотистыми жареными сардинами.

Виночерпий наливал вино из трёх бочек: местное — но вовсе не дешёвое — рейнское, насыщенное вино из Ламбрии и дорогое вино из богатого виноградниками западного королевства; а кто желал, просил себе пива. Волкову, уже изрядно проголодавшемуся и не желавшему пропустить что-то вкусное, например золотых жареных сардин, нужно было разговаривать со своими соседками, а ещё поглядывать в конец стола, где сидел рядом с соблазнительной красоткой молодой ротмистр. Музыка, дорогие вина, невиданная им доселе еда и прекрасная женщина с необыкновенным декольте, вне всяких сомнений, сводили Хаазе с ума.

«Судя по его разинутому рту и блаженному виду, болван думает, что он в раю… Не иначе».

Волкову могло это и показаться, но глаза у ротмистра постоянно разъезжались в разные стороны, стараясь уследить и за лакеем, что разливал вино, и за чуть наклонявшейся вперед баронессой, отчего той, после подобных наклонов, приходилось поправлять свои прелести и возвращать их в рамки хоть какого-то приличия. А зрачки ротмистра сползали обратно к переносице, чтобы сосредоточиться на собственной тарелке.

А когда у всех стаканы были полны и в тарелках было вдоволь вкусной еды, так хозяйка стала бренчать по стакану ножом и заговорила, повышая свой звонкий голосок, чтобы слышали её все, кто был за столом:

— Господа, господа, давайте попросим нашего генерала рассказать нам, как он одолел еретиков в том городе, в котором был!

— Да, давайте… Просим, генерал, — как по команде загалдели присутствующие дамы, а господа им стали поддакивать.

Признаться, это немного обескуражило барона, уж кем-кем, а хорошим рассказчиком он себя точно не считал. Он и не знал, что там можно было рассказать. Про пару ночных стычек? Про ранение? Про бесконечные переговоры со всякими типами с городского дна? Но фаворитка герцога продолжала настаивать:

— Генерал, я вас умоляю, расскажите!

И ещё дюжина людей смотрели на него в ожидании чего-то интересного, и тогда он, вытерев салфеткой пальцы и рот, всё-таки решился. Начал с предыстории, с того, как герцог попросил его поехать в Фёренбург и как город неприветливо встретил его, но уже через минуту вдруг стал замечать, что лица у его слушателей постны и глаза их начали блуждать… Лишь одна, кажется, София фон Аленберг слушала его внимательно. Даже этот болван Хаазе, и тот о чём-то перешёптывался с баронессой, что сидела с ним рядом.

«Чёртовы повесы и распутницы, им все мои рассказы так же интересны, как рассказы колбасника о делании колбасы!».

И он тут же решает со всей этой болтовнёй покончить и говорит неожиданно:

— А все женщины-еретички в Фёренбурге носят платья строгие, закрытые, и уже думал я, что это от редкой праведности тех дам, но, как мне рассказали местные мужи, это вовсе не от праведности… — он делает паузу.

И вот эта его последняя фраза оживила интерес присутствующих.

— Так отчего же они носят такую одежду? — стали интересоваться в первую очередь женщины.

— Да, генерал, отчего же?

И тут Волков улыбнулся, взял стакан и произнёс:

— Там постоянно дуют холодные ветра с севера и идут ледяные дожди, оттого груди у женщин Фёренбурга плоски, а кожа на них имеет синий оттенок, цвет старой ощипанной курицы, вот они всё это и прячут от посторонних глаз.

Конечно, это была глупость, да и правды в этой его болтовне не было. Он толком и не разглядел в Фёренбурге женщин, не до них ему там было.

Но эта, казалось бы, глупость тут же оживила обед, мужчины стали говорить, что у женщин Вильбурга всё совсем не так, как у тех еретичек, что живут на севере. Да и сами дамы были с тем согласны, а хозяйка ужина даже сказала:

— Уж дамы в Вильбурге своими прелестями могут гордиться. Им нечего скрывать, синей кожи у них нет. Не правда ли, Аделаида?

Баронесса тут же поднялась со своего места и, вертясь во все стороны, стала делать книксены и демонстрировать своё декольте, а все присутствовавшие начали аплодировать ей и восхищаться ею.

А Волков уже стал есть жареную сардину, он был рад, что про него и его рассказ господа позабыли, а ещё он думал о том, что

это лишь начало обеда и что дамы только начали пить вино.

«Сдаётся мне, что к концу обеда эти знатные дамы будут танцевать и в танце задирать подолы не хуже пьяных кабацких девиц».

Музыка, вторая смена блюд. Мясо и красное вино. Вино на обеде у фаворитки герцога было отменным. Как и еда. Он даже не сомневался, что она имела доступ к погребам Его Высочества, да и угощения были с кухни курфюрста. Музыка звучала веселее, разговоры за столом становились всё фривольнее, а смех всё громче. После третьего бокала вина барон размяк и как-то перестал следить за своим молодым офицером. А ещё вдруг понял, что молодой граф Вильбург совсем не такой спесивый, как его отец, а, напротив, любитель посмеяться и поболтать с дамами.

И тогда барон стал больше обращать внимания на ту милашку, что сидела возле него. Амалия Цельвиг разрумянилась от вина и от жары, улыбалась барону и, задирая подол платья под столом так высоко, что он видел подвязки на её чулках, говорила:

— Ах, как тут жарко, когда же подадут фрукты со льдом?

Он уже хотел положить руку ей на колено, но тут вдруг музыка стихла и музыканты стали подниматься со своих мест, гремя музыкальными инструментами, а потом и все гости красавицы Софии тоже стали вставать, и лишь тогда он услышал шёпот: «Герцог… Его Высочество…».

Волков обернулся к двери и увидал Карла Оттона Четвёртого собственной персоной, тот как раз шёл по зале, а за ним шли два его миньона. Молодые любимцы, да и сам курфюрст улыбались, видимо, пребывали в добром расположении духа. Герцог был со всеми приветлив, всем кивал и, первым делом подойдя к Софии фон Аленберг, поцеловал ей руку. Что-то негромко спросил у неё, дождался короткого ответа и после пошёл вдоль стола, кивая в ответ на поклоны господ и книксены дам. Так он шёл, пока не увидал Волкова. И вдруг он двинулся к генералу, протягивая руки.

— Барон! И вы тут!

— Ваше Высочество, — Волков поклонился герцогу.

А тот подошёл к генералу и положил руки ему на плечи.

— Как ваше здоровье, барон?

— Несколько лучше, — ответил Волков. Ему было немного неловко: ещё вчера утром он принимал курфюрста, лёжа в постели, а уже сегодня вечером встретил того на званом ужине. — Но я думаю, что мне уже пора прилечь.

— Донимает рана? — интересуется герцог, а сам берёт генерала под руку и ведёт его к окну.

— Скорее слабость даёт о себе знать, — отвечает Волков.

Они остановились у окна и несколько минут разговаривали, и это была не пустая болтовня двух мужчин за вином, Волков ещё раз убедился, что герцог вовсе не глуп, он прекрасно осведомлён о делах в Фёренбурге, а именно о них они и разговаривали. Волков не упустил случая и стал благодарить своего сеньора за роскошный подарок. Говорил, что дом ему очень понравился. А тот уверял генерала, что дом он заслужил, и что заслужил даже больше, только вот состояние дел в земле Ребенрее не позволяет курфюрсту в полной мере вознаградить своего рыцаря за его деяние. В общем, они оба, во всяком случае на словах, были довольны друг другом. А после курфюрст снова стал интересоваться обстановкой в Фёренбурге, хотел знать, кто теперь займёт там ведущие позиции, спрашивал о земельных трудностях горожан. А ещё он, оказывается, помнил, что у людей барона, которые остались в городе, заканчиваются контракты, и их нужно уже менять.

— Или, может, оставить их в Фёренбурге? Они надёжны, и полагаю, что легко справятся с гарнизонной службой, — интересовался Карл Оттон Четвёртый. — Как вы считаете, генерал?

— Ну, если казна сможет платить моим мушкетёрам по четырнадцать талеров в месяц… — произнёс Волков. Он как раз совсем не хотел, чтобы добрые люди из Эшбахта торчали где-то вдали от дома и от него. И барон продолжал: — Вы же знаете, Ваше Высочество, мои солдаты и вправду надёжны, они и вправду хороши, но боюсь, что они очень дороги для гарнизонного сидения.

Деньги. Это был как раз тот самый аргумент, который герцог никогда не оспаривал. Курфюрст внимательно посмотрел на своего генерала и, покивав головой, произнёс:

— Да, пожалуй, вы правы, четырнадцать талеров в месяц на одного мушкетёра для моей казны многовато, — он протянул Волкову руку для рукопожатия. — Благодарю вас, генерал. Больше не буду злоупотреблять вашей любезностью, ступайте, развлекайтесь, — и после добавил с намёком: — Надеюсь, собравшееся общество вам небезынтересно.

— Я нахожу его весьма привлекательным, — ответил Волков.

На том разговор был закончен, и место Волкова у окна рядом с герцогом заняла красавица София. А сам генерал вернулся на свой стул. Волков, конечно, мог дождаться третьей смены блюд, птицы, фруктов и сладких вин, но после того, как он сказал герцогу, что ему уже пора отдохнуть, оставаться на ужине было бы неправильно. И, усевшись, он допил вино, склонился к ушку Амалии и спросил:

— Мне пора уходить, дорогая, не хотите ли присоединиться ко мне?

— С удовольствием присоединюсь, барон, — отвечала дама, поднимая стакан и тем самым давая знать лакею, что хочет ещё выпить.

— Тогда я пойду первым и подожду вас у лестницы, — предложил ей барон.

— Нет, — Амалия не согласилась; она, дождавшись, пока лакей нальёт ей вина, выпила весь стакан и встала. — Всё, я готова, пойдёмте, господин барон.

Волков тоже поднялся; он искал глазами своего молодого ротмистра, но его в зале уже не было, как не было там и баронессы Хольске.

«Вот болван! Да и чёрт с ним! Я его предупреждал».

А Амалия повисла у него на локте, весёлая и пьяная. Она стала со всеми прощаться. Волков думал уйти с нею тихонько, чтобы не давать поводов для злословия, но эта женщина словно хотела, чтобы о ней говорили, чтобы видели, что она уходит с бароном.

«Стеснению тут точно места нет».

Ну а раз она не стеснялась, ему стесняться причин было ещё меньше. И вскоре он уже садился в свою карету, говоря ей:

— Хочу сказать вам, моя дорогая, что сейчас живу я в поганой дыре. Так как нет в моём новом доме мебели.

— Да хоть на конюшню везите! — с пьяной весёлостью сообщила женщина. Она плюхнулась на диван рядом с генералом, положила свои стройные ножки ему на колени и подобрала юбки. — Лишь бы там тепло было. У вас там в вашей дыре тепло, барон?

— Тепло, тепло, — смеялся он, гладя её ноги выше чулок.

* * *

Он уже знал, что даст ей золотой в подарок. Уж больно ласкова была эта молодая женщина прошлой ночью. Ласкова, неутомима и умела. И теперь она сидела на кровати абсолютно нагая, внимания не обращая на его слуг, которые выносили ночную вазу, подавали на стол еду и воду для мытья, приносили новую одежду для генерала. Слуги же, и умный Гюнтер, и даже молодой Томас, подчёркнуто не глядели на неё, даже в её сторону, просто делали своё дело. А вот их господин, стоя у окошка и поглядывая на показавшееся из-за домов солнце, не стесняясь любовался молодой женщиной, которая, сидя на

перинах, расчёсывала свои волосы его щеткой и говорила:

— И что же, вы возьмёте меня с собой смотреть новую мебель для вашего дома?

— Та мебель не новая, — поправил её генерал, — ну и коли у вас нет иных дел, так поедемте.

— Да какие же у меня могут быть дела? — Амалия даже перестала чесать волосы и засмеялась. — С вами поеду. А может быть, заедем во дворец, по делу? Я быстро.

Волков подумал, что даме нужно переодеться или надеть что-то потеплее, так как уехала она с ним в одном платье, и тогда он предложил ей:

— Я могу отправить вас с каретой.

— Нет, — вдруг сказала женщина. — Я хочу с вами туда приехать. А без вас мне и не надо.

— Со мной? — не понял барон. — Почему со мной?

Она увязала волосы в большой узел, встала и, как была, голая подошла к столу, пальцами схватила со сковороды кусочек горячей колбасы, с удовольствием отправила его в рот и потом сказала:

— Ежели утром увидят меня с вами во дворце, то решат, что теперь я ваша любовница.

— Так то и вчера вечером всем было ясно, когда вы со мною ушли, — возразил барон.

— Нет, — она потрясла своей красивой головкой и отломила себе кусочек сдобной булки, — мало ли кто с кем вечером ушёл, главное — кто с кем утром появился. Уйти вы и с прачкой какой-нибудь могли, или с горничной, то дело обычное, а вот с прачкой вы поутру уже на балюстрадах замка пройтись не пожелаете. А с милой пожелаете. И когда меня с вами увидят, сразу всем ясно станет, что я ваша любовница.

— И это вам нужно? — Волков усмехался.

— Конечно! — воскликнула Амалия. — Меч герба, любимец герцога — и выбрал меня! И мне уже не придётся никого упрашивать, чтобы попадать на званые ужины во дворце. Меня первой звать будут. Ну, пока вы не заведёте себе новую любовницу.

— Так вы и на этот ужин просились? — интересуется Волков.

— Конечно, как узнала, что София собирается вас пригласить на ужин, так пошла к ней проситься; она и звать меня не хотела, знала, что я с графиней, с сестрою вашей, была в ладах, а она её не любит, но когда я сказала, что и с вами уже знакома, так тогда она и согласилась.

— А что же, все во дворце знали, что София пригласила меня на ужин? — спросил тут барон с некоторым удивлением.

— Конечно! — отвечала распутная красотка, усаживаясь за стол голой и принимаясь за завтрак. — Такие слухи по замку быстро расходятся. Кто через поваров узнает, кто через винных слуг, что за погребами смотрят. Я узнала через горничных, которым было велено залу прибирать.

Какое-то подозрение, смутное и нечёткое, зародилось в душе у генерала. Этот ужин… Такой неожиданный, а к нему вдруг у фаворитки герцога уже готов для него подарок.

Шарфы!

Эти шарфы из его цветов, что подарила София, за половину дня не сшить. Купить, конечно, можно, если знать, где они уже есть. Волков взглянул на молодую голую женщину, что сидела у него за столом, ела варёное яйцо с булкой и маслом, болтала о чём-то несущественном, и подумал о том, что вчерашний ужин был не таким уж случайным. И богатый подарок, и «неожиданное» появление герцога, и его прилюдная благосклонность.

Что-то во всём этом не нравилось генералу, уж больно ласков был к нему курфюрст, уж больно приветлив его двор, был в этой ласке какой-то подвох.

И он, размышляя обо всём случившемся, стал умываться, поглядывая иной раз на бёдра и живот молодой женщины, что с аппетитом завтракала в паре шагов от него.

Глава 7

После завтрака Амалия Цельвиг всё-таки решила одеться, и тогда, при свете дня, генерал разглядел её чулки. И были они штопаны, а её нижняя рубаха тоже была не нова, да и рукава, манжеты платья были потёрты. Молодая привлекательная придворная женщина вовсе не была богатой, едва ли она выглядела богаче средней горожанки. И тогда, усевшись в карету, генерал достал из кошеля новенький флорин. Толстый папский золотой флорин, который был процентов на двадцать дороже обычного гульдена. И эту монету, добытую среди других в Фёренбурге, он протянул женщине. Она тут же, без всяких долгих разговоров, попыталась её схватить, но он убрал от неё золото, словно играя с ней, и сказал улыбаясь:

— Мне нужны от вас будут услуги.

— Так каких же услуг вы от меня ещё хотите? — с удивлением спросила Амалия. — Всё, что могла, я уже для вас нынче сделала.

А Волков, покивав — мол, ну да, это так, — тут же продолжал:

— Графиня, сестра моя, от двора отбыла, а мне хотелось бы, чтобы кто-то мне о том, что при дворе происходит, писал.

Она так и сидела, протягивая руку за флорином, но он не спешил ей отдавать золото.

— Вы умеете писать?

— Писать? Конечно, умею, только вы уж скажите, что надобно.

— Всё, что при дворе болтают, — он наконец протянул ей монету. — Будете получать по золотому каждый месяц.

И Амалия, схватив наконец деньги и засунув их за лиф платья, сказала:

— Что ж, буду писать вам. Куда прикажете?

— В Эшбахт. Мне. И что бы вы сейчас мне написали?

Молодая женщина поглядела на него, подумала несколько мгновений и сказала:

— Про то, что герцог будет канцлера менять? Писать?

— Обязательно. И писать, на кого и кто за новым стоит. Кто его друзья. А ещё что бы вы написали?

— Если вдруг новая любовница будет у герцога, писать?

— Обязательно. И писать, из какой она фамилии, кто её курфюрсту подсунул. А ещё пишите, о чём все нынче болтают. Вот о чём сейчас всё больше говорят при дворе?

— О том, что герцог с императором ссору затевает из-за

маркграфства. Про то, что он племянника своего молодого, графа Сигизмунда, хочет на маркграфине Оливии женить.

— И что же, будет война? — Волков уже не смеётся.

— Ой, ну откуда же мне про то знать? — Амалия Цельвиг тоже стала серьёзной. — То вовсе не женского ума дело, моё дело в постели вас греть, а не про войны знать.

И тут он был с нею, конечно, согласен.

— Будете писать, что услышите. И про фавориток герцога, и про всё остальное, о чём во дворце болтают.

— Буду-буду, — обещала ему придворная дама, — только вы со мной теперь по дверцу прогуляйтесь, чтобы меня с вами видели, потом мне легче будет слухи для вас собирать.

* * *

Конечно, он прошёлся с нею по дворцу под руку, отчего Амалия цвела, когда встречала кого-то из других придворных дам. И после приговаривала довольная:

— Аж пятнами пошла, как вас со мною увидела.

Потом она быстро забежала куда-то в коридоры замка и вернулась в другом платье. И это «новое» её платье оказалось ещё более потёртым, чем то, в котором она была.

И после, забрав женщину, он поехал в свой новый дом, куда к тому времени ловкий нотариус Гиппиус должен был уже привезти мебель.

А та мебель ему не понравилась. Не то чтобы была плоха или стара — нет. Просто она была уже не того уровня, к которому он стал привыкать. Недостаточно красива и изящна.

— Нет, много просишь, — качал он головой, поглядев на стулья, осмотрев комоды и шкафы. — Столько я за неё не дам, да и вообще, куплю себе другую.

Гиппиус корчил жалостливые гримасы, видно, что уже посчитал полученный барыш.

— А если уступлю двадцать монет?

— Нет, куплю себе другую.

— Неужто ничего не возьмёте?

— Тут, кроме стульев, кровати и пары кухонных шкафов, и смотреть-то ни на что не хочу, — признавался нотариусу генерал.

— Ну так купите хоть их, — не отставал от него Гиппиус. — Я уже, признаться, потратился на извозчиков да на грузчиков, возьмите хоть что-нибудь.

Тогда Волков согласился и купил у него… всё! Но за пятьсот десять монет. Мебель была, конечно, не лучшей. Но за деньги, что

она досталась ему… не так уж и плоха.

Но генерал был удивлён, что и нотариус, пересчитав и спрятав полученные деньги, тоже имел довольный вид.

«Украл он эту мебель, что ли? — недоумевал Волков. — Надо было ещё торговаться!».

— Тогда грузчиков здесь оставь за свой счёт, мои слуги скоро придут сюда, скажут им, как расставить мебель, — распорядился барон.

— Непременно, — тут же согласился Гиппиус, он был и вправду доволен сделкой.

Сэкономил — считай заработал. И заработанное он решил потратить на свою новую сердечную подругу. И в ближайших хороших лавках купил ей новое платье, башмачки и шляпку с шарфом, чулки, нижнее и прочие женские надобности, на всё потратив тридцать шесть монет. И, видя детскую радость у женщины, и сам радовался, не жалея о потраченном.

Потом он заехал на городскую почту и нашёл там несколько писем для себя, там были письма и от Карла Брюнхвальда, и от баронессы, и от епископа Малена. На все надо бы было ответить, и поэтому он посадил свою новую пассию со старшим слугой Гюнтером в карету, предварительно дав тому тридцать талеров, и отправил их покупать для нового дома всякое нужное. Перины, простыни, кастрюли и другое. Кофе, опять же, приказал найти, хотя это было и непросто.

Сам же сел отвечать на письма. Епископ писал ему обо всём, что происходило в Малене, а там происходило немало интересного. Оказалось, что в верховьях Марты, пока там нет истинного хозяина, появился разбойник. Разбойник тот явно высокородный, из письма барон понял, что имя разбойника отец Бартоломей знает, но в письме называть его не желает. Почему?

Волков помнил праведного епископа, что в далёком своём монашестве носил имя брата Николаса. Уже тогда он слыл умным, неумных в Инквизицию не брали. И раз он тут, в письме, не желал писать имя разбойника, то, скорее всего, имя то весьма известно.

Отец Бартоломей написал, что за месяц вор уже разграбил две баржи на реке, и одна из тех барж была купцов из кантона Брегген.

Это было неприятно. Барону очень не хотелось, чтобы кто-то портил его отношения с горцами. Кантон Брегген был его главным торговым партнёром, а ещё там, в кантоне, несмотря на бойкую торговлю с Эшбахтом и графством Мален, была уйма всякой сволочи, которая всё ещё помнила об обидах, что барон нанёс их земле. И подобные разбойные эксцессы на реке давали

тем злопамятным людям повод возвысить свой голос.

И он, поразмыслив над этим письмом, писал епископу в раздражении:

«Отчего же нобили Малена не соберут среди горожан добрых людей и не найдут среди себя достойного их возглавить и не изловят вора? Чего ждут? Неужто у вора ватага так велика, что целый город с нею совладать не в силах?».

Потом он читал письмо от Брюнхвальда. Не письмо, а скорее рапорт. У полковника всё было по делу. Людишки живы, здоровы, лошадки тоже, оружие в исправности, телег и провианта хватает. Контракты у людей заканчиваются через неделю. Сменивший барона офицер божится, что смена скоро будет. Как дождёмся, так из Фёренбурга выйдем в Эшбахт. Всё.

Волков написал ему письмо краткое, дельное. А вот от супруги письмо было длинным. Писала она ещё месяц назад. Сообщала о всякой ерунде, дескать, в Эшбахте без хозяина всё плохо, мужики ленятся, управляющие к ней носа не кажут, а когда приходят, так её не слушают; ещё писала, что люда в Эшбахте стало много, и что в трактире в Амбарах среди пьяных была поножовщина. Мужика-лодочника и какую-то девку порезали, хоть и не до смерти. Ещё писала, что скучает, что сыновья здоровы и что она нашла одного купца, что торгует хорошей мебелью. Он приехал с юга и говорит, что недорого найдёт им лучшую мебель, какой и герцог не побрезгует, чтобы замок обставить. И на то нужно всего двадцать шесть тысяч талеров.

Ох, курица… Двадцать шесть тысяч… Замок ещё достроить нужно, нужно полы доложить в верхних покоях, там лаги лежат, да отштукатурить стены хотя бы, пока на обивку денег нет, и на балконах боевых настилы положить, под пушки ещё выкаты доделать. Архитектор за то ещё кучу золота просит, какая тут мебель?! До мебели не близко даже!

Купца она нашла… Двадцать шесть тысяч… Курица…

Как речь про деньги заходила, так у него портилось настроение. До окончания строительства уже совсем немного. Но чтобы его наконец завершить, опять денег нужно где-то взять. А потом ещё отделка. Стены оббить, а на них гобелены надобны, да в окна ещё стёкла вставить. Окна он в господских покоях решил делать большие, как все нынче делают, и в эти большие модные окна стёкла стоили необыкновенно дорого. А ещё паркеты надобно в покои класть, теперь по доскам кто ходит? Мужики да подмастерья! Теперь во всех приличных домах паркеты кладут. А изразцы на печи, а посуда для стола, серебро надобно… А кухонная утварь, а люстры и канделябры? И это только то, что

вспомнил…

Сто тысяч талеров надо найти… Не меньше… А она тут со своей мебелью. Барон морщится и просит у Томаса какой-нибудь еды. Обедать он не собирается, так как сегодня у него ужин с канцлером. Молодой слуга принёс сыра и колбасы, вина, но генерал потребовал себе пива, и Томас сбегал за ним вниз, и попробовав то пиво, барон всё-таки решил пить вино. А ответное письмо всё равно он писал жене ласковое. Про деньги и мебель в том письме ничего ей не сказывал.

* * *

Так как Амалия и Гюнтер не вернули ему карету, он просил фон Флюгена оседлать ему гнедого. На гнедом, захватив с собой лишь того же фон Флюгена, он отправился на ужин с Фезенклевером.

В хорошем месте, за столом со скатертью и с услужливыми разносчиками, они с канцлером уселись и за стаканом вина и сырами дожидались печёную утку. Разговаривали.

Говорили о делах. Фон Фезенклевер порадовал генерала, рассказав, что дело про лафеты решено было незамедлительно. Как только герцог узнал, что это нужно для Волкова, тут же приказал казначею изыскать нужную сумму.

— Курфюрст к вам благоволит, — произнёс канцлер. — В этом у меня нет сомнений.

— Его фаворитка в мою честь вчера дала ужин и на том ужине подарила мне хорошие подарки, — вспомнил генерал.

— Да, я знаю, — кивал канцлер. — Герцог потом посетил его.

— Именно, — произнёс Волков. — И это мне кажется удивительным.

И тут искушённый царедворец, что провёл многие годы на высочайшем в земле Ребенрее посту, и говорит ему:

— Ничего удивительного в том нет, Малены всегда ласковы, если им что-то от вас нужно.

Сказал он это без каких-либо колебаний, то есть с абсолютной уверенностью.

— И что же Его Высочеству от меня нужно теперь? — барон даже есть расхотел от такой неожиданной неприятности. Он-то полагал, что теперь хоть некоторое время сможет пожить в покое, без поручений от сеньора.

И тут Фезенклевер отломил кусочек твёрдого старого сыра, закинул его в рот и после, сделав глоток отличного вина и посмаковав сыр пару мгновений во рту, ответил, не глотая

лакомства:

— Доподлинно того мне не известно, мне уже о том не говорят, но, насколько я знаю, сейчас собирается посольство в Винцлау, к маркграфине Оливии. Возглавит его наш проворный друг, — он, конечно, имел в виду барона фон Виттернауфа, — посольство поедет решать вопрос с женитьбой. Думается мне, что и вас, барон, включили в то посольство.

— Меня? — удивился Волков. — Зачем же там я? Или мне туда с войском надобно идти будет?

— С войском? — канцлер покачал головой и отломил ещё один кусочек сыра. — Нет, нет… Но вы теперь человек известный и за пределами нашей земли. Такие персоны, как вы, придадут больший вес посольству. Одно ваше присутствие в той поездке заставит горячие головы, что строят свои планы против наших прав, немного охладиться. Это почётная миссия, хоть и непростая. Тем более что всем известно, что вы человек, который умеет договариваться. Ваши договоры с дикими горцами — яркое тому подтверждение.

— То есть это будет свадьба?

— Нет, молодой граф Сигизмунд Ханс фон Кунн фон Нахтенбель с вами не будет, вы поедете к маркграфине один, заключать брачные договоры и решать всякие вопросы по свадьбе. Где, когда, кто сколько платит и все прочие мелочи…

— И вы думаете, что принц пожелает видеть меня в этой делегации? — со вздохом спросил Волков. — Даже отдохнуть по ранению не даст?

— По ранению? — канцлер невесело хмыкнул и махнул рукой. — Он прекрасно осведомлён о вашем состоянии. Теперь-то, когда увидал вас на ужине у своей красавицы… Да и ужин тот, думаю, его собственная затея.

Теперь и генерал так думал, но всё равно он ещё не всё понимал.

— Но отчего же вы считаете, что меня включат в делегацию?

— Во-первых, я бы и сам вас туда рекомендовал, если бы спросили меня, а во-вторых… — теперь продолжал Фезенклевер, чуть понизив голос, — Поверьте, друг мой, просто так курфюрст подарки и ласку не расточает. Дом, лафеты для пушек, ужины в вашу честь… Подарки, беседы… Думаете, это всё от сердечности Его Высочества?

Нет, генерал точно так не думал. И теперь он был уже уверен, что отдохнуть сеньор ему не даст. Не даст привести в порядок свои дела, а отправит за горы, решать дела самого сеньора. Важные дела дома Ребенрее.

Весь оставшийся ужин Волков был задумчив и говорил мало,

всё больше слушал искушённого царедворца, путь которого при дворе уже заканчивался.

* * *

Приехав в свой новый дом, он прошёлся по нему, оглядел его ещё раз. С мебелью он выглядел уже по-другому. А когда Томас и Гюнтер привезли из гостиницы его сундуки, когда постелили перины на кровать, когда распаковали его походную посуду и растопили печь, а после стали греть воду для вечернего мытья на кухне, так дом сразу ожил. И радостная Амалия очень в ту ночь старалась отблагодарить генерала за подарки. И хоть как-то отвлекала его от дурных мыслей.

А утром, ещё до рассвета, он встал и, едва умывшись, сказал всем своим людям:

— Хенрик, приготовьте всех моих лошадей и карету. Гюнтер, все вещи собери. Я уезжаю в Мален.

— Когда же вы, господин, собираетесь отъехать? — немного растерявшись от такой неожиданности, интересовался слуга.

— Немедля, как только будет готова карета, — отвечал барон.

Глава 8

Возвращался он домой или бежал, барон и сам не знал. Главное, что приближался он к дому. К месту, которое за последние несколько лет стало для его сердца милым.

Мален. Конечно, он был не чета чопорному Вильбургу. Не так красив, не так чист, как город, что извечно находится под строгим взглядом сюзерена. Но в том и была его прелесть, что далёк он был от взора герцога. А ещё тем он был хорош, что в городе Волков был силён. Всех тут знал, отсюда черпал силу. Вся торговля, что вёл его племянник, завязана была на Мален. Даже те сделки, что заключал Бруно Фолькоф с другими землями, с купцами из Фринланда, к примеру, так и те договоры финансировали банкиры и менялы из Малена. Город удачно встал в верховьях Марты, став крупнейшим населённым пунктом в этих местах. Но и в городе люди понимали, благодаря кому начали богатеть, кто стянул в узел торговые пути. Знали горожане, через чьи причалы и дороги идут в обе стороны надобные всем товары. Помнили, кто угомонил злобных горцев и добился от них торговых, хоть и взаимовыгодных, но привилегий.

Волкова здесь уважали, и он уже привык, что слово его в Малене стало одним из решающих, хотя места в городском совете ему так никто и не предложил. Но и без места он имел тут силу, тем более что крепко среди горожан утвердился праведный и строгий его друг, епископ Бартоломей. И потому уже к середине третьего дня, когда въезжала его карета в северные ворота Малена, генерал почувствовал на душе лёгкость, такую, которую чувствует беглец, ушедший от опасности и добравшийся наконец до надёжного убежища.

— К родственнику едем? — спросил Хенрик, заглянув в окно кареты.

— А к кому же ещё? — ответил барон, и кони понесли карету по знакомым им мостовым к большому красивому дому купца и мастера кожевенных дел Дитмара Кёршнера.

Своим домом в городе барон так и не обзавёлся, он привык уже к дому своего родственника, где к его услугам всегда были богатые покои для гостей, которые нравились и баронессе. Сами Кёршнеры, и хозяин, и его жена Клара, всегда были радушны и гостеприимны. И крепко связало Кёршнеров с сеньором Эшбахта очаровательное существо, которому ещё не исполнилось и шести лет. Урсула Вильгельмина Кёршнер, мать которой была племянницей барона и умерла родами, теперь бегала по огромному дому так проворно, что няньки за нею не поспевали.

Бойкий ребёнок рос, не зная запретов. Девочка была обожаема не только своим отцом, но бабушкой и дедушкой, да и сам барон её нежно любил. И прежде, чем заявиться к Кёршнерам, он заехал в пару лавок и купил для девочки самое дорогое платье, что только нашёл, и золотой кулончик. И только после этого поехал в гости.

Встречала его Клара Кёршнер, так как хозяина свалил приступ. Тучный Дитмар, один из богатейших, если не самый богатый человек Малена, страдал от злой болезни. Всё чаще он стал багроветь лицом и болеть головою. От того он тут же звал доктора, и тот, приходя, первым делом говорил ему о его излишней тучности, а потом пускал ему кровь, отчего купца болезнь отпускала, но после Кёршнер ещё лежал полдня, приходя в себя. Вот в такой день и приехал к ним в дом генерал. Потому и встречала его лишь хозяйка дома госпожа Клара да маленькая Урсула Вильгельмина.

Поцеловав руку хозяйке, он сразу взял на руки свою внучатую племянницу, и та бойко с ним заговорила:

— Дедушка Иероним, вы были на войне?

— На войне, дорогая моя, на войне, — отвечал Волков, поднимаясь по лестнице. Говорил он с девочкой с таким удовольствием, что про хромоту свою позабыл.

— А вы воевали с еретиками?

— О, — барон смеётся. — Да вы всё знаете! С ними, с подлыми. С ними.

— Все говорят, что вы их побили, — продолжает девочка.

— А как же, побил, конечно, побил. Со мною же был Господь, а с ними сатана! Как же могло быть иначе?

— А подарки мне привезли? — не унимается внучка. — Ну хоть какие-нибудь. Хоть маленькие.

— Урсула Вильгельмина, — упрекает её бабушка, что идёт рядом с ними. — Неужели вам мало подарков, что вам дарит отец и ваш дедушка Дитмар?

— Прекрасной даме, даже маленькой, всегда нужны подарки, — старый солдат продолжает улыбаться.

Он в этом гостеприимном доме, с этим ребёнком на руках отдыхает сердцем. И радуется тому, что находится почти в трёх днях пути от двора и ласки герцога.

* * *

Госпожа Клара прекрасно знала привычки своего именитого гостя. И полчаса не прошло, как в его покоях была установлена ванна, которую быстро наполняли водой, а пока ванна

наполнялась, сам барон нанёс визит хозяину дома, который принял его по-родственному, в постели.

— Я готов вас порадовать, друг мой, — усевшись напротив кровати купца, со стаканом в руке говорил барон. — Мне удалось кое-что добыть в последнем деле. И я готов погасить все проценты по долгам за прошлый год.

Это и вправду была хорошая новость для Кёршнера, так как купец, по сути, выступал не только кредитором Волкова, но в некоторых случаях был ещё и его поручителем.

— Ах, как это кстати, — вздыхал ослабший от кровопускания Дитмар Кёршнер. — А то на прошлой неделе эти мерзавцы Мёльдениц уже приходили… Сидели тут… Всё спрашивали, как у вас дела, нет ли от вас вестей… Ещё всякое…

— Они, что, были грубы? — сразу насторожился генерал.

— О, нет, конечно… — отвечал его родственник. — Кто же осмелится сейчас плохо говорить о вас после ваших новых побед… Но всё равно… Это их противное: «Слышно что-нибудь от генерала?».

— Завтра же раздам все проценты; если вы не против, я поеду в вашу контору и приглашу их всех туда.

— Конечно, конечно, друг мой, пользуйтесь, — соглашался Кёршнер. — Я распоряжусь… Скажу моему управляющему, чтобы начал собирать ваших кредиторов на завтра. Прикажу ему приготовить хорошего вина и сыра к их приходу.

— Да, — кивнул Волков, — пожалуй, собакам нужно бросить кость.

— Мне бы самому всё организовать, — морщится толстяк. — Ах, как не вовремя меня скрутила эта болезнь.

— Это потому, что вы упрямец, — назидательно, по-родственному упрекает его барон, — вам и врачи, и жена, и я, и даже Его Преосвященство наш епископ говорил, чтобы вы покончили уже со своим чревоугодием.

— Ах, не говорите, дорогой родственник, — сокрушается Кёршнер, — сам всё понимаю, но ничего не могу с собой поделать, даже ночью голод одолевает меня. Проснусь и думаю: не встать ли, не пойти ли на кухню. Уже и одежду приходится перешивать. Словно бес какой во мне живёт. Оттого и страдаю… — он тяжко вздыхает. — Надеюсь, я поправлюсь к балу.

— К какому балу? — интересуется Волков.

— Ну как же… — теперь Кёршнер удивлён. — А разве вы не к балу сюда приехали нынче? К весеннему балу. Старый граф, покойник, всегда давал в городе бал к первым дням апреля. В честь фамилии.

— Так старый граф уже умер давно, после него ещё два графа

были, и кто же теперь даёт бал? — не понимает барон.

И тут купец удивляется ещё больше:

— Так как же… — недоумевает родственник. — Графиня устраивает этот бал.

Теперь пришла очередь удивляться генералу, и он, не осознав до конца услышанного, спрашивает у хозяина дома:

— Какая ещё графиня?

И тут повисла в спальных покоях богатого купца нелепая пауза, которая так и подразумевала смысл: что значит — какая? Генерал и купец смотрят друг на друга, и, не выдержав взгляда военного, торговый человек говорит ему мягко:

— Та графиня, что сестрица ваша.

Волков чувствовал что-то неприятное сердцем, сам в глубине души сие понимал, только вот поверить в это никак не мог, и потому ещё раз уточнил:

— Сестрица моя… бал даёт, дура?

— Намеревается, — как можно более сдержанно подтвердил Кёршнер.

Волков стал бел лицом, что-то кольнуло у него под левой ключицей и, проскользнув по руке в локоть, а оттуда — в кисть до самого мизинца, в безымянном пальце остановилось неприятным ощущением, словно он пальцы отлежал ночью. И тогда генерал постучал по подлокотнику кресла, на котором сидел, ногтем указательного пальца и произнёс тоном очень нехорошим:

— Кто бы на дурость сию денег ей ни одолжил, какие бы бумаги ни дал ей подписать… пусть даже и не думает получить серебро своё обратно! Пусть считает, что в реку его бросил!

— Я ей ничего не давал! — поняв, что дела денежные меж сестрой и братом нехорошие, открестился купец. — Ни крейцера.

— А кто же давал? — почти с угрозой выпытывал генерал.

— Друг мой, — тут Кёршнер даже руку к груди приложил. — Ни сном, ни духом. Только знаю, что деньги у неё есть. Обедала у нас третьего дня с молодым графом, на ней были новые украшения.

«Новые украшения — новые долги! Балы даёт! Дура! Наверное, уже все доходы с Грюнефельде на годы вперёд заложила, а может, и само имение продала! Да нет… Продать она его не может».

И опять боль прострелила его от левой ключицы до пальцев. Давно она его не донимала. Позабыл он про эту «радость» уже. Он стал сжимать и разжимать кулак. Архитектор безмозглый, сбежавший подлец, огромные траты, последние войны с еретиками и осада у реки, тяжкие схватки и сложные, опасные дела в Фёренбурге до этой боли его не доводили, а эта…

курица… довела.

«В могилу меня сведёт! И ведь вроде и в уме ей иной раз не откажешь, и хитра бывает, и изворотлива, а уж как умеет мужам головы вскружить… Но как дело доходит до денег, так словно нет у неё ума более… Всё-таки, как ни крути, а дура и потаскуха, в хлеву рождённая, так дурой и будет до конца дней. Хоть титул ей дай, хоть в парчу золотую наряди! — он тяжело вздохнул. — Ну, если опять это проделки хахаля её…».

Генерал со всё ещё бледным лицом сжимал и разжимал кулаки, а толстый купец из огромной кровати своей смотрел на него. Смотрел с большою опаской.

— И где же она сейчас? — спрашивает наконец барон, чуть отдышавшись и дождавшись, пока сердце хоть немного успокоится. — Раз приходила к вам на обед, значит, живёт она не у вас. Или, может, в графском доме остановилась?

— Нет, не в графском, — отвечает ему Кёршнер. И то верно, ведь в графский дом, на который она имела полное право, родственнички мужа графиню с юным графом не пускали. — Сказала, что Фейлинги… Новый глава дома Фейлингов, Хуго, просил её быть его гостьей и передал ей под жильё всё правое крыло дома.

После смерти старшего Фейлинга, что отдал Богу душу два года назад от неожиданного удара в купальне, теперь влиятельную семью возглавлял Хуго Фейлинг по прозвищу Чёрный — из-за цвета его бороды, — с которым генерал был знаком шапочно. Зато пару других Фейлингов знал отлично.

— А чем та фамилия промышляет? — интересуется барон, чтобы не пришлось потом удивляться. — Ну, разумеется, кроме того, что деньги дают в рост?

— Так всем. Говорят, что начинали они с каменоломен в округе, а потом стали улицы тут мостить, до сих пор на тех подрядах сидят, так и не сдвинуть их, а ещё у них две из четырёх мельниц в городе, а ещё домов… восемнадцать, по-моему, — вспоминал купец. — Ещё лавки, уборка города, очистка рва под стенами, склады… В банках партнёрами состоят. Ничем не брезгуют, они уже лет шестьдесят в городском совете сидят. Пару раз и в городские консулы избирались.

— И с чего же это они стали так радушны к сестрице? — не понимал Волков. Он ещё с прошлых лет не очень-то жаловал эту семейку. Ну, кроме Курта Фейлинга, храброго молодого человека, служившего у него оруженосцем за учёбу.

— Уж и выдумать не могу, — признавался Кёршнер. — Но Фейлинги обо всём в городе первыми узнают. Видно, узнали, что вы у нашего курфюрста в почёте, вот и усердствуют в дружбе.

Это было похоже на правду. И тогда Волков наконец встал.

— Ладно, друг мой, не буду вам более докучать, выздоравливайте.

Под левой ключицей ещё покалывало. Нужно было бы прилечь, но его уже разжигал огонь раздражения. Он поставил пустой стакан из-под вина на красивый комод и покинул спальню купца.

Когда он уже спешил к большой лестнице, что вела к выходу из дома и конюшням, его встретила Клара Кёршнер.

— Барон, ванна уже готова.

— Ах, дорогая моя родственница, — отвечал ей генерал, — жаль, что побеспокоил вас этим, но неотложные дела вдруг появились. Надобно отъехать мне. А ванну после приму.

— Но как же…? — немного растерялась хозяйка дома.

— Уж извините.

— Но к ужину-то вы хоть вернётесь?

— Даже и не знаю, госпожа моя, садитесь ужинать без меня.

Хенрик даже загрустил немного, когда узнал, что вместо отдыха ему снова надобно седлать лошадей. А их седлать было нужно, так как его начальник решил ехать верхом.

Глава 9

Генерал прекрасно знал, где находится дом Фейлингов, и добрался до него достаточно быстро. Оставив коней у коновязи на большом дворе, они с Хенриком и фон Флюгеном вошли в дом. Привратник, узнав, как его представить, сразу скрылся, и тут же после этого появился сам Хуго Фейлинг по прозвищу Чёрный. Был он в домашней, простой одежде, видно не ждал гостей, а увидав их, сразу пошёл к генералу, улыбаясь и расставляя руки для объятий так, как будто были они старинными знакомыми.

— Господин барон, а мне сон нынче снился, что белый голубь прилетел ко мне на крышу. И вот же… Сон в руку… Какая честь для нас видеть у себя усмирителя еретиков.

И генерал не счёл нужным быть с ним холодным или чопорным, всё-таки он приютил его «сестру» и «племянника». Тем более, что совладельцем одной из контор, где он занимал деньги, был и дом Фейлингов.

— Здравствуйте, дорогой друг, — они обнялись как знакомцы, хотя до этого едва ли здоровались больше трёх раз, да и то лишь где-нибудь на балах или обедах.

— Думаю, вы хотите навестить графиню? — сразу догадался хозяин дома. — Так она как раз недавно вернулась с прогулки.

— Да, хотел бы её повидать, — отвечал генерал, — и сразу хочу вам выразить свою признательность за то, что вы предоставили кров ей и моему племяннику.

— Признательность? — Фейлинг развёл руками, как будто удивлялся. — О чём вы, дорогой господин барон? То большая честь приютить графиню и юного графа у себя под крышей. Тут едва свары не вышло среди местных нобилей, всё спорили, кому выпадет сия удача. На меня так многие злятся, что не их дом, а мой выбрала графиня.

«Он! Он ей денег дал на бал! — тут же подумал генерал. — Прослышал про мои удачи и про милость герцога, и теперь думает, что я все её долги выплачивать буду!».

— Я провожу вас, господин барон, — продолжал гостеприимный хозяин, — сюда, прошу вас.

— Благодарю, — Волков пошёл за ним.

А Фейлинг, как только их никто не мог уже слышать, вдруг, понизив голос, заговорил:

— Уж и сами вы, господин барон, видите, что ситуация эта абсурдна.

— О чём вы, дорогой Хуго? — не понимал Волков.

— О доме, господин барон, — всё так же негромко продолжал

Фейлинг. — О том, что юный граф имеет тут огромный дом, то есть дом, в котором должен жить, но по неправедной воле в свой дом попасть не может.

Теперь генерал понял, к чему клонит радушный хозяин. А тот продолжал:

— Я справлялся недавно, в реестрах владения города Малена дом с мезонином, что находится на площади святого Фомы, возле церкви того же имени, принадлежит гербу графов Маленов, а именно графу лично, лично. То есть вашему племяннику и никому другому. И принадлежит навечно!

«К чему это такие речи? Уж не в друзья ли набивается? Хотя, конечно, набивается. Наверное, жалеет, что бывший глава фамилии не согласился женить своего сына на моей племяннице. Теперь завидует Кёршнерам, поэтому и привечает Брунхильду с „племянником“, печётся о них».

— И я в том справедливости не вижу! — соглашался с Фейлингом генерал. — Племянник не должен ютиться по добрым людям, когда у него свой дом имеется.

— И я же к тому веду. Но не в том смысле, что не рад я графу в своём доме, я-то как раз рад, — продолжал хозяин дома, — но я предложил графине подать прошение в городской совет. Так как простой городской юрист такой серьёзный вопрос не решит. И если совет примет решение, то консул может силою закона вернуть недвижимость графу, племяннику вашему.

Волков шёл, смотрел на него, кивал и выражал полную поддержку подобным идеям. Но сам при этом думал:

«С чего бы этакий друг у меня объявился? Отчего именно сейчас возник? Раньше Фейлинги всё больше к семейству Маленов благоволили, а теперь и „сестрицу“ с „племянником“ привечают под своей крышей, и хлопотать о их интересах готовы. И сдаётся мне, дело тут не в деньгах, видно, прав Кёршнер, эти ловкачи из Вильбурга какие-то вести раньше других получают!».

Они наконец дошли, и в большой, светлой зале со множеством окон генерал увидал свою «сестру».

Выглядела она изумительно. Женщина изменилась. Изменилась разительно. Заметно похудела, стала носить новое платье, такое, которое в земле Ребенрее ещё мало кто носил. Платье синего бархата туго обтягивало стан красавицы, лиф расшит серебром. Никаких декольте, ворот из белоснежных кружев под самый подбородок, манжеты на рукавах — те же пышные кружева. Светлые её волосы собраны в безукоризненную высокую причёску и заколоты черепаховым гребнем с жемчугами. От фаворитки сюзерена, от той придворной дамы, чьё нескромное декольте волновало всех мужчин в замке, и следа не осталось.

Теперь это была первая дама рода Маленов. Гордая, высокородная и необыкновенно красивая.

Увидав хозяина дома и генерала, Брунхильда сразу поспешила им навстречу и за десять шагов от них остановилась и присела в таком низком книксене, что можно было подумать, что встала на колени. И при этом склонила голову и в таком положении дождалась, пока «брат» подойдёт к ней, а когда он подошёл, то взяла его руку и поцеловала, сказав:

— Храни вас Господь, господин мой и брат мой.

И тогда генерал взял её за плечи и расцеловал в щёки. Она пахла необыкновенно хорошо и была свежа.

— Сестра моя, — он чуть отстранился от неё и оглядел пристально. — Да вы похорошели! Я всегда знал, что двор дурно на вас сказывался.

И лишь после этого графиня поглядела на Хуго Фейлинга и произнесла, протягивая руку:

— Дорогой Хуго.

Фейлинг проворно схватил руку красавицы и поцеловал её.

— Госпожа графиня.

И тут вдруг барон подумал, что, может быть, не так уж Хуго Фейлинг корыстен в своём радушии и гостеприимстве. Вернее, корысть его иная. Кажется, у него были другие виды на гостью, не столько его заботили дела политические, сколько… дела сердечные. Эта мысль неприятно кольнула Волкова, уязвила позабытым чувством. И чтобы проверить свою догадку, он говорит Брунхильде:

— Отчего же вы не остановились у родственников? Клара Кёршнер, кажется, обижается на вас. Да и сам Кёршнер вам будет рад. Они думают, что вы злитесь на них за что-то.

Он, всё это говоря графине, сам краем глаза поглядывал на хозяина дома и сразу заметил, как тот обеспокоился. И захотел даже что-то сказать, но одумался и сдержался.

— Так мы были с графом только что у них, — отвечала Брунхильда. — Обедали — позавчера, кажется.

И тут генерал, следя за Фейлингом, и говорит ей:

— Так, может, уже вы не будете злоупотреблять гостеприимством дорогого нашего хозяина, а поедете к Кёршнерам жить?

И его догадка оказалась верна. Тут уже Хуго Чёрный не выдержал и заговорил быстро:

— Уверяю вас, барон, графиня в доме нашем гостья наижеланнейшая, а Кёршнеры… Кёршнерам и вас, барон, довольно будет. Не всё же счастье им.

«О-о… Счастье! Червяк! Ещё немного, и начал бы эту

потаскуху прямо при мне за подол хватать, чтобы от себя не отпускать!».

И графиня тоже заметила излишнюю пылкость Фейлинга и, мягко улыбаясь, чтобы успокоить хозяина, сказала:

— Поживу тут пока, раз дорогой Хуго настаивает, а к Кларе Кёршнер буду наведываться почаще.

И её тон, и её удивительный вид, и улыбка этой очаровательной женщины, и осанка, и правильно подобранные слова… Всё говорило о том, что перед ним стоит настоящая графиня. Женщина благороднейших кровей, рождённая и выросшая во дворце.

«Если бы не знал сам, что эта шалава, в грязном трактире в Рютте, давала мелким купчишкам за десять крейцеров, так расскажи кто — и не поверил бы! Теперь уже и не знаю, считать ли её ещё дурой… Надеюсь, что у этого болвана Фейлинга она ссужает деньги без расписок. Надо будет о том спросить у неё!».

А «болван Фейлинг», поняв, что гостья его дом ещё не покидает, обрадовался и решил дать брату и сестре поговорить.

— Оставляю вас, господа.

И, поклонившись, ушёл. Волков, кивнув в ответ и проводив его взглядом, взглянул на красавицу и спросил:

— И зачем он тебе?

— Так у вас учусь, братец, — отвечала графиня, продолжая мило улыбаться. — Завожу друзей, где можно. Тем более что он мне дом обещал отобрать у Гейзенберга. Не вечно же мне с графом по чужим углам слоняться, пора уже нам и свой кров заиметь.

Фон Гейзенберги были одной из ветвей фамилии Маленов; Волков точно не помнил, но, кажется, глава рода Гейзенбергов был одним из младших братьев мужа Брунхильды.

— Интересно только, чем ты за дружбу сию платишь? — вкладывая всё своё недовольство в эти слова, интересуется барон.

— А тем, чем и всегда! — весьма нагло отвечает ему красавица.

Она продолжает улыбаться, и эта её ухмылочка раздражает Волкова, он говорит ей:

— Только позоришь меня.

— А с герцогом-то я вас не сильно позорила, и про то все вокруг знали, а как с Хуго, так сразу большой позор, — усмехается Брунхильда. — Хотя про него никто и не знает.

— То герцог, а то купчишка… Нашла, что сравнивать! — продолжает высказывать ей барон. Он подходит к окну и смотрит на улицу. И продолжает, не поворачиваясь к ней. — И будь уверена, уже, наверное, языки про вас болтают в городе.

— Так и пусть болтают, языки на то и даны, чтобы болтать, — легкомысленно заявляет красавица, подходя к нему.

«Так и пусть болтают!».

Конечно, он был недоволен этой её новой связью… Смотрел на неё с укором. И тут же иные мысли посещали его: но с другой стороны… Если фамилия Фейлингов поможет вытряхнуть Гейзенбергов из графского дворца и передать его Брунхильде, это будет очень важной победой, несомненным успехом. И дело тут не только в доме, но и в том, что Малены никогда Фейлингам этого уже не простят и тем самым навсегда привяжут эту влиятельную семью, одну из сильнейших в городе, к нему, к Эшбахту.

«Возможно, всё сложится и неплохо!».

Но вид его был суров, брови от размышлений сдвинуты; графиня понимает всё это немного иначе, подходит, берёт его под локоть и кладёт его ладонь на свою руку, а головку с точёными чертами склоняет на плечо «братцу» и говорит примирительно, ласково:

— Уж не ревнуйте, братец, так было нужно. Ко двору мне дорога теперь заказана, где-то нужно искать мне новый дом. Свой дом. Придётся жить в Малене или в Грюнефельде. И вам в том никакого неудобства не будет, а коли надобность во мне у вас случится, так зовите и пользуйтесь, вы мне никогда в тягость не были. И впредь не будете. Иной раз я и сама думаю о вас.

Генерал поворачивает голову к ней, глядит на красавицу… И снова думает о том, что нет равных в красоте этой женщине. Даже красивая госпожа Ланге, и та графине в том не ровня. А теперь ещё новый вид этой женщины, вид целомудренный и строгий…

И у него появляется желание её поцеловать, благо губы ангельские — вот они, рядом. Он едва сдерживается — у окна же они стоят, мало ли кто смотрит с улицы… Барон глядит на её прекрасное лицо: «Чистый ангел плеча челом коснулся! Вот только очень этот ангел изворотлив, и хотелось бы знать, когда этот ангел врёт, а когда говорит правду!».

Глава 10

Её близость будоражит его. Но он успокаивает себя и думает о том, что если бы она ещё и с деньгами могла управляться, не транжирила бы их бездумно, то умом могла бы и с Бригитт посоперничать. Наконец он спрашивает у неё:

— А граф где?

— Спит. Были сегодня на конной прогулке. Умаялся. Уже засыпал, когда домой возвращались.

— На какой ещё прогулке? — насторожился Волков. Он прекрасно понимал, что несколько родственничков из фамилии Мален готовы будут заплатить, чтобы юного графа не стало. Заплатят, и много. И то будет плата обоснованная. Титул и имение Маленов стоят гораздо больше. — За городом, что ли, были?

— Не волнуйтесь, братец, — сразу стала успокаивать его Брунхильда, — с нами было семь человек охраны. И один из них ваш бывший человек. Человек, что вас боготворит.

— Кто таков? — интересуется барон.

— Славный молодой человек, Курт Фейлинг. Всё время о вас говорит, о всех ваших походах знает.

Конечно, Волков помнил храбреца Курта Фейлинга. Но это генерала не успокаивало.

— Фейлинги всегда за Маленов стояли, и если ты не знаешь, то прежний глава рода хотел с нами породниться, так Малены его отговорили, и он побоялся их ослушаться.

— То раньше было! — уверенно говорит женщина. Она ещё и едва заметно улыбается при этом.

— Глупая! — Волков говорит это почти беззлобно. — Малены заплатят за убийство графа гору золота. И Фейлинги тебя предадут. Потому и говорю тебе, чтобы ты переезжала к Кёршнерам. Там вам будет безопаснее. Или ты думаешь, что сможешь управлять влиятельной фамилией тем, что у тебя под юбкой?

И тут Брунхильда вдруг засмеялась. Казалось бы, испугаться его слов должна, а эта гусыня смеётся в голос. И тем ещё больше злит генерала.

— Чего же ты смеёшься, глупая?

— Тем, что у меня под юбками, я и герцогом управляла, вас с ним помирила, а тут Фейлинги какие-то! Да и не только я тому виной, что Фейлинги теперь нам будут служить. Но и вы.

— Я? — не совсем понимает генерал.

— Конечно, вы… — продолжает красавица. — Тут все носы по

ветру держат. Все знают, что вы нынче в большой милости у Его Высочества. И пока та милость не закончилась, я хочу дом у Гейзенбергов отобрать, хочу во владение поместьем, что принадлежит моему сыну, вступить. Довольно уже Маленам нас грабить. Я опекун графа. Мне дóлжно управлять имениями его. И Фейлинги мне в том обязаны помочь, и начну я с городского замка. Себе его хочу.

Тут уже Волков смотрит на неё с некоторым удивлением. Совсем не та это Брунхильда, разбитная и весёлая красавица пышная, что порхала когда-то при дворе курфюрста. Эта была женщина с глазами цепкими, внимательными, насторожёнными.

И заметив его взгляд, красавица и спрашивает:

— Отчего же вы на меня так смотрите?

— Удивляюсь тебе. Как быстро ты поумнела. Откуда ум вдруг взялся?

— Поумнела сразу, как только от двора отбыла. Ещё до отъезда вдруг поняла, что нам с графом и деться некуда. Первым делом стала думать, куда ехать. К вам в Эшбахт? Так ни ваша жена, ни ваша фаворитка меня никогда не жаловали, чувствовали бабьим чутьём, что ли, подвох…

— Ничего, приехала бы, я бы тебе дом поставил. Или поехала бы в Грюнефельде.

— Ну, когда совсем некуда будет податься, так и сделаю. Хотя, по мне, жить в такой глуши, как ваш Эшбахт или Грюнефельде, так лучше вообще не жить, — смеётся Брунхильда.

— Избалована ты двором, — качает головой генерал. — Жила уж очень хорошо: кухня герцога, его погреба, его портные, лакеи… Сколько он тебе давал серебра на расходы?

— Ах, мелочи, — Брунхильда пренебрежительно машет рукой, — когда двести, а когда и вовсе сто…

— Сто монет в месяц?

— В месяц, в месяц, — говорит красавица.

— Мелочи! — смеётся генерал. — Да у меня за сто монет пять младших офицеров целый месяц жизнью рискуют на войне, — он качает головой. — Сто монет ей мелочь!

— В общем, как от двора меня просили, так я сразу поумнела, — продолжала Брунхильда. — Поневоле умной станешь, как подумаешь, что кучеру и горничным платить нечем будет.

— А секретарь твой где? — вдруг вспомнил барон. И от воспоминания этого как оскомина его лицо перекосила.

— При мне, — спокойно ответила она.

— Деньги ему всё даёшь?

— Так нету теперь денег, только содержание. Он всё понимает, теперь не просит многого. Стал опасаться меня,

слушаться. Думает, что погнать могу. Раньше, когда во дворце жили, спесив бывал, теперь нет такого. Тихохонек.

— Денег нет, а пир городской готова оплатить, — вспомнил Волков.

— Так половину Хуго обещал оплатить, — отвечает графиня. — И пир тот не для веселья я собираю. Хуго сказал, что на пиру мне легче себе будет сторонников набрать… — она секунду помолчала и добавила: — Вернее нам, нам с вами, братец. Так что надобно вам на пиру быть, раз уж приехали, и епископу нашему тоже. Езжайте, братец, к нему, просите, чтобы был.

Тут она, конечно, была права, его взлёт при дворе вовсе не обещал ему вечной силы в Малене. Долгого успеха при дворе никто гарантировать не может; Брунхильда, да и фон Фезенклевер, всесильный канцлер и фаворитка принца, тому яркие примеры. Волков отлично понимал это. Как и то, что многие знатные фамилии города всё ещё во многом поглядывали на сильный клан Маленов. И с этим нужно было что-то делать.

— С епископом поговорю…

— Вот за то спасибо вам, братец, — она довольна и целует его в щёку.

— И во сколько же тебе обойдётся бал и пир? — спрашивает он.

Красавица пренебрежительно морщит носик:

— Не так уж и много. Пока что восемь сотен, если придётся ещё вина хорошего покупать и рыбы, то всё равно уложимся в тысячу. А половину Хуго обещал возместить. Бал — это вообще его придумка.

— А деньги на бал, это… это из тех, что я тебе давал? — уточняет генерал.

— Нет, конечно, — она отвечает так, словно он сказал какую-то глупость. — От тех денег давно ничего не осталось.

Тут барон снова начинает злиться.

— Опять занимала?

Но графиня сразу не отвечает, молчит.

— Ну?! — настаивает Волков.

— Уж и не знаю, как ответить, — наконец произносит Брунхильда.

— Говори уже, — злится генерал. — Откуда деньги?

И тогда, вздохнув, она и произносит:

— Я в Ланне была.

Волков даже и не понял поначалу, о чём эта женщина говорит.

— В Ланне? И что? — и только после этих нелепых вопросов до него стало вдруг доходить. — У кого ты там была?

— У племянницы нашей, — отвечает ему Брунхильда.

— И что же она? — спросил генерал с замиранием сердца.

Агнес. Никогда из мыслей его, из его сознания она никуда не исчезала. Хотя и вспоминать о ней генерал не любил, а если и вспоминал, так лишь в том духе, что надо ждать из-за неё неприятностей. Рано или поздно, но неприятности, связанные с нею, так или иначе случатся. Генерал очень любил Ланн. Его роскошь, его богатые храмы, красивый дворец местного курфюрста, широкие площади, улицы, где без труда разъезжались две кареты. Любил его красоту, его распутных и жадных горожанок, которых запросто можно созвать в купальни на обед. И не ездил туда генерал, сам себя обманывая тем, что архиепископ на него, должно быть, зол. На самом же деле не ездил он туда, чтобы не услышать неприятные новости о своей «племяннице». Боялся узнать о каких-нибудь её проделках, боялся, что окажется она в лапах ушлых монахов да начнёт там болтать почём зря. Так и до него доберутся. Дядя её, всё-таки. Да и саму «племянницу» он видеть не очень-то желал. Наверное потому, что отлично понимал, кто она есть на самом деле. Писала она ему редко, пару раз в год. Писала коротко: дескать, всё у меня, «дядя», хорошо. Дом ваш в порядке, тут все опять о ваших победах судачат, и я молюсь за вас.

И он отвечал ей так же коротко, всякий раз думая, что скоро из Инквизиции приедет к нему эмиссар и начнёт задавать о «племяннице» нехорошие вопросы. Вот и сейчас он ждал, что Брунхильда начнёт про Агнес рассказывать что-то такое, что он и слышать не захочет, но та стала его своими речами удивлять:

— Она? Да она живёт исправно. И меня приняла как родную.

— Вы же раньше без ругани и минуты прожить не могли, — вспоминает генерал.

— О, — графиня машет рукой, — то когда было. Теперь мы уже не дети малые. В общем, встретила она меня и была со мной ласкова, как никогда не бывала. Правда…

— Что?

— Правда, в доме своём мне отказала, мол, тесно нам там с графом будет, но зато оплатила мне большой дом рядом со своим. Я в нём неделю прожила. Местным нобилям меня представляла… Да! Оказывается, она в Ланне все первые семьи знает, все её там уважают, и даже среди святых отцов она известна своим умом и знанием писания, а она меня при всех величала «тётушкой».

— А ты, видно, за зельем к ней ездила? — догадался генерал. Он вдруг понял, что то, как его сейчас влекло к ней, могло быть и следствием той поездки.

— Да, за зельем, — отвечала Брунхильда вполне буднично — и тут же успокоила барона: — Но ещё его не использую, нужды в нём пока нет. Хуго и без зелья от меня млеет.

«Врёт — не врёт? Врёт, наверное. Вон как близко ко мне подошла и голову на плечо укладывала. То неспроста. Видно, и меня зельем дурманит. Не иначе… Вот паршивая баба!».

И он спрашивает у неё строго:

— А ещё ты попросила у неё денег?

— Спросила, — отвечает графиня. — Так она и не отказала. Дала.

— А откуда Агнес их, деньги эти, берёт, ты не спросила? — с некоторой долей удивления интересуется Волков.

— Что за вздор! — усмехается Брунхильда и смотрит на него чуть снисходительно. — Зачем же мне про то спрашивать? Дала — и слава Богу.

— Расписки ты ей писала? — не обращает на её усмешки внимания генерал.

— Нет, — красавица качает своей головкой. — Ничего не писала, а она и не просила. Дала ларь с деньгами, и всё. Как близкой родственнице. Говорит: как будут, так вернёшь.

— И сколько тебе дала эта близкая родственница?

— Пятьсот монет, — отвечает графиня.

— И ты эти пятьсот монет тут же решила потратить на бал и обед? — говорит генерал с упрёком. — А жить дальше на что будешь? Или думаешь, Фейлинг тебе ещё даст?

Но Брунхильда почему-то сразу не ответила. Выждала несколько мгновений и лишь потом произнесла:

— Так она дала мне пятьсот золотых.

— Золотых? — теперь-то барон точно был удивлён. Может, потому снова задал вопрос, на которой красавица ему уже отвечала: — И ты даже не спросила, откуда у неё столько золота?

На этот раз графиня лишь поглядела на него и даже не сочла нужным ему отвечать. А у него в голове вопросы, вопросы…

«Откуда же у Агнес деньги? Чем промышляет? Неужели на зельях столько зарабатывает, что вот так запросто может Брунхильде без всяких расписок дать пятьсот золотых?».

— И что же… Нобили местные её привечают? — наконец спрашивает генерал у своей «сестрицы».

— Привечают. Ручки целуют, кланяются. И мне кланялись низко, — вспоминала Брунхильда.

— Тебе-то — понятное дело. Ты носишь великий герб, ты мать графа Малена, а она кто? — недоумевает Волков.

— А она моя племянница, а ещё племянница знаменитого на всю округу генерала. Любимца двух курфюрстов. Победителя

еретиков, — напомнила ему графиня. — Дня не было, чтобы кто-то из нобилей Ланна про ваше здравье не осведомился, дорогой братец.

И это было ему понятно, но вот откуда Агнес берёт деньги… После рассказов Брунхильды он ещё больше стал волноваться по поводу своей «племянницы».

«Ох, не к добру всё это, ох, не к добру…».

А графиня, увидав его озабоченный вид, стала его гладить по щеке рукой и приговаривать:

— Полно вам, братец, полно волноваться. Вы в большой силе, я теперь тоже в силах, нечего нам с вами бояться. Некого, — и, понизив голос, она добавляет: — А если кто-то нам встанет поперёк, так мы можем и ведьму нашу попросить. Она сказала, что поможет, если на то нужда будет.

Волков глядит на неё так, как будто в первый раз видит, и в который уже раз за эту беседу удивляется:

«Нет, она точно поумнела! Как только от двора её герцогиня отвадила, так сразу поумнела!».

Глава 11

Генерал снова смотрит на красавицу: лик ангельский, глаза чистейшие, губы подкрасила чем-то, грудь из-под узкого лифа просится, женщина ещё и благоухает, и у него опять возникает желание… ну, хотя бы крепко взять её за зад, пусть даже через платье, хоть одной рукой, незаметно, но прикоснуться к её телу…

И тут в коридоре послышались шаги. Генерал и красавица повернули головы на звук и увидели Хуго Фейлинга. Тот на сей раз был одет уже в дорогую одежду, он шёл к ним улыбаясь и когда подошёл, чуть поклонившись, сказал:

— Госпожа графиня, господин барон, надеюсь, что вы голодны, так как ужин уже поспел, — он поворачивается к Волкову ещё раз, кланяется и говорит просяще: — Господин барон, не откажите… Седло барашка, говяжья вырезка с розмарином; понимаю, что моим поварам далеко до столичных, но у нас в Малене мои повара слывут лучшими.

«Заискивает, просит… С чего бы такая ласка?».

Волкову этот горожанин не нравится, уж больно сердечен и радушен, генерал не понимает его неожиданной приязни, но отказываться ему неудобно, всё-таки Фейлинг дал приют его «сестре», хлопочет о её делах, а значит, и о делах «племянника», да ещё готов нести расходы. И поэтому генерал соглашается.

— Конечно, мой любезный друг, — вежливо и мягко отвечает барон, он улыбается и кланяется в ответ хозяину дома. — Почту за честь ваше приглашение и с радостью его принимаю. Уверен, что ваши повара не будут хуже вильбургских.

Этой улыбке, этой манере говорить ласковым голосом, этим оборотам речи за последнее время генерал выучился при дворе. Не одной же Брунхильде там учиться и умнеть. И теперь он видел, какое впечатление эта его манера общаться производит на провинциала.

Фейлинг расцветает:

— Ах, как я рад, прошу вас, господа.

Фамилия Фейлингов не так уж и мала, в столовой собралось почти два десятка важных и богатых мужчин и женщин. Хуго по очереди представляет их генералу, а тот демонстрирует перед ними и куртуазность в поклонах, и манеры, и придворный язык, в общем, всё, чему научился при дворе, и, конечно, производит на семейство большое впечатление, особенно на дам. Всё происходит весьма чинно, даже чопорно, все друг другу кланяются, говорят витиеватые приветствия, пока дело не доходит до одного молодого Фейлинга, в котором Волков вдруг

узнает…

— Курт!

— Да, господин генерал! — улыбается ему в ответ Курт Фейлинг, один из первых его знаменосцев. Только теперь он уже не тот мальчишка, которого помнил Волков со знаменем у Овечьих бродов, теперь это молодой мужчина. И вся дворцовая шелуха сразу облетает с генерала, когда он видит своего боевого товарища.

Он просто и без всяких слов обнимает молодого Фейлинга, а потом смотрит на молодую женщину, что стоит рядом с Куртом.

— А это что за красотка?

— Это моя жена, Хельга Гертруда, господин генерал, — отвечает Курт. Он сам просто светится. Ещё бы! Столь важный человек помнит его и так тепло приветствует.

А генерал поворачивается к Хуго Фейлингу и говорит:

— Любезный друг мой, а нельзя ли этого славного молодого человека усадить за стол рядом со мной? У нас с ним есть что вспомнить.

— Усадить рядом? — кажется, Хуго собрался сам сидеть рядом с гостем, но раз генерал просит… — Конечно, конечно, господин барон. Наш храбрец Курт, несомненно, должен сидеть с вами рядом. Я распоряжусь.

Теперь все рассаживаются, и лакеи начинают разносить чаши для омовения рук и потом уже подавать кушанья. И еда и вправду у Фейлинга неплоха, а вот вино… Тут этот пройдоха расстарался, нашёл где-то такого отличного вина, что и не всякое вино из погребов Его Высочества смогло бы с ним соперничать.

— Совсем не плохо! — нахваливал генерал погреб хозяина, делая глоток за глотком из дорогого бокала. — Совсем не плохо! Где вы взяли такое вино? Откройте секрет, дорогой друг.

И то был бальзам на сердце хозяина, он улыбался гостю, говоря:

— Купил я его по случаю у одного локрийского купца, — и обещал: — Я вам пришлю один бочонок, господин барон.

— О, я не в силах буду отказаться, — говорил Волков, выпивая вино до дна и подставляя стакан лакею: наливай ещё.

А потом шла обычная светская болтовня, и хозяева интересовались тем, как он одолел еретиков, и какие нынче нравы при дворе, и кто там нынче в силах.

Волков о том рассказывал всё больше шутя, вспоминая анекдоты из жизни придворных. Старался избегать серьёзных тем, ведь за столом было много дам, а им слушать политическую скукоту интереса нет. А вот узнать, насколько глубоки декольте, что сейчас носят при дворе, им было очень даже интересно. И они

с удовольствием слушали, как одна баронесса, выпив вина, хвастается своим вырезом на платье. Интересовались тем, что сейчас танцуют в Вильбурге. И кто новая пассия герцога. И хороша ли она. Про это он и рассказывал. Все слушали и смеялись, и над столом висело непринуждённое веселье, только музыки немного не хватало. А потом, выбрав паузу, уже седеющий господин по фамилии Гобен, видно, выпив вина не в меру, вдруг сказал:

— Генерал, а вы знаете, что по уставу города Малена одно место среди городских сенаторов, то есть членов совета города, закреплено за гербом графов Маленов, и всегда один советник в городском сенате представлял фамилию нашей многоуважаемой графини, — он кивнул в сторону Брунхильды.

И тут же за столом веселье поутихло, дамам стал разговор неинтересен. А вот Волков даже отставил стакан. Кажется, и графиня заинтересовалась.

Тут и Хуго Фейлинг стал кивать головой:

— Да, так и есть. Одно место в совете города закреплено за человеком, что представляет герб Маленов. Мы с некоторыми господами как раз недавно о том говорили. Эрнст Гобен, мой шурин, напомнил нам о том неделю назад. Он у нас первый нотариус города и член городского суда. Эрнст прекрасно знает все наши законы.

Тут Брунхильда повернула своё прекрасное лицо к господину Гобену и спросила:

— И кто же сейчас занимает место в сенате?

— То сенатор Эрнхард, — тут же отозвался господин Гобен.

— Господин судья, — продолжала графиня, — а кто же имеет право предлагать в совет человека от герба Маленов?

— Я уже посмотрел законы, и там сказано весьма просто: «от графа Малена должен быть один сенатор», — он развёл руками, — а если граф по возрасту не правомочен, то по всем законам человеческим и божьим назначать представителя в городской совет должен опекун графа, то есть вы, графиня.

Это был очень важный разговор. Волков был осведомлён, сколько сил и денег потратил его родственник Кёршнер, чтобы среди девяти сенаторов города Малена был и его представитель. Все попытки родственника были бесплодны. Эти выборные посты были в городе очень важны. По сути, сенаторы решали, на что пустить городские средства, а также кому потом раздать подряды.

А Брунхильда продолжала интересоваться:

— А кто же направил этого Эрнхарда в сенат?

— Доподлинно мне не известно, я не имею доступа к протоколам совета, — отвечал судья, — возможно, то был

господин фон Раух фон Мален, а может, господин фон Гейзенберг; думаю, что кто-то из них. Впрочем, вы, графиня, можете в любой момент опротестовать их представителя. Для того у вас есть все основания. Полагаю, суд примет вашу сторону.

— Пожалуй, я так и сделаю, — произнесла Брунхильда так значимо, так серьёзно, что никто из присутствующих не усомнился, что с этим она уже определилась.

«Да, годы, проведённые во дворце, и пинок герцогини, который её оттуда выпроводил, эту деревенскую девицу сильно изменили».

Волков видел, что она стала иной. Теперь это была взрослая, почти тридцатилетняя женщина, готовая драться за свои интересы и за интересы своего сына. Она готова была схватиться с одной из самых больших сил в графстве. По сути, она собиралась бросить вызов своим «родственникам», всему клану Маленов, который и без того ненавидел её и маленького графа. Возможно, это было генералу на руку. Всё равно вражда с фамилией Маленов у него так и не закончилась. А тут вот она, помощь… Что там ни говори, но очень быстро Брунхильда нашла себе, а значит, и ему, ещё одних сильных союзников в городе. Вот только он не знал, ко времени ли всё это. Вообще-то генерал собирался передохнуть немного, покончить дело с замком, разобраться с долгами. А тут на тебе, новое дело, новая распря. Хотя, вернее, распря старая, только обострившаяся.

И в тоже время Волков хотел, чтобы у «сестрицы», и особенно у «племянника», всё было хорошо. И чтобы дом у него был в городе, и замок с поместьем, и чтобы враги не точили на него ножи, не подсылали убийц с ядами.

Когда он отъезжал домой, Курт Фейлинг и ещё два молодых человека взялись его проводить. И хоть и выпил генерал изрядно отличного вина, ума от него не терял. Он не зря привечал молодого Фейлинга с самого начала, не просто так сажал с собой рядом за стол и всячески возвышал при родственниках. Теперь, когда никто из них не мог слышать, генерал спрашивал у Курта:

— Раньше семья Фейлингов всегда за герб Маленов стояла, со мной породниться не захотела, отчего же теперь такая ласка?

— Так Хуго говорит, что мы и сейчас за герб стоим, только теперь семья Маленов — это графиня Брунхильда и граф, а уже потом все остальные Малены, — отвечал молодой человек. И тут же добавлял, усмехаясь: — А ещё он говорит, что вы при дворе большую силу взяли. Что герцог к вам благоволит, — кажется, он был рад помочь Волкову. И, уже не стесняясь, рассказывал: — А ещё говорит, что вы и тут большую силу берёте, что через Эшбахт ваш много товаров пошло, что замок вы такой строите, что с ним

вам некого будет бояться. Как достроите, так все верховья Марты, вся торговля на реке ваши будут. Он говорит, что Фезенклеверы с вами в большой дружбе, а значит, и другие сеньоры и рыцарские фамилии тоже дружить будут. А значит, старые Малены уступят вам, Маленам новым.

Это всё было похоже на правду, но Волкова интересовал ещё один нюанс, про который Курт Фейлинг либо не хотел говорить, либо о нём не знал. И тогда Волков начал тот разговор, о котором подумал сразу, когда только увидал своего знаменосца:

— Дорогой мой Фейлинг…

— Да, генерал?

— Вы должны понимать, что графиня и граф — люди для меня очень близкие. Не менее близкие, чем моя жена или мои дети.

— Я прекрасно это понимаю, — тут же отозвался молодой человек.

— И поэтому я прошу вас как старого друга приглядеть за графиней и графом. Я хочу быть уверенным, что моя сестра и мой племянник в вашем доме будут в безопасности, — продолжал барон.

— Но они там и вправду в безопасности, — стал уверять его молодой Фейлинг. — Но если вам так будет легче, я буду теперь с ними всё время рядом.

— Дорогой Курт, — Волков был показательно ласков. — Вам, моему боевому товарищу, я доверяю больше, чем главе вашей фамилии. И прошу вас, если вдруг… вы что-то почувствуете или узнаете… если вдруг случится какая-то опасность… сразу отвезёте графиню и графа в дом Кёршнеров, если в городе не будет меня.

— Клянусь вам, господин генерал, — отвечал молодой человек с горячностью, видно, его тронули слова о военном товариществе, — я сделаю всё, чтобы с головы графа и графини не упало ни волоса.

Это были как раз те слова, что Волков и хотел услышать, но это было ещё не всё, и тогда он сказал:

— Графиня собирается завтра на ужин к Кёршнерам, приезжайте с нею. Вам там будут рады.

— А если графиня спросит, зачем я еду с нею?

— Скажите ей, что вы с нею по моей просьбе, — отвечал барон.

Вскоре они подъехали ко дворцу Кёршнеров, где тепло простились.

Барон не стал тревожить хозяев и тихонько поднялся в свои покои. Он чувствовал некоторый подъём перед будущей схваткой.

Ему не терпелось выяснить диспозицию, знать, на кого в городе он может рассчитывать, а кто будет поддерживать его врагов. Но уже сейчас он понимал, что превосходство в силах будет на его стороне. И поэтому собирался добыть Брунхильде и «племяннику» большой дом, соответствующий их статусу и, кстати, принадлежащий им по праву, а родственнику Кёршнеру — место в городском совете. Кёршнер был главным его кредитором, он никогда не отказывал Волкову в деньгах, и тот хотел наконец отблагодарить его; впрочем, ему и самому не помешал бы свой собственный сенатор. Город в последнее время быстро богател, и свой человек в городском совете помог бы ему стать хоть немного ближе к тем богатствам. Так что советником они смогли бы «пользоваться» совместно. В общем, у него было много мыслей на сей счёт. Но вино не дало ему возможности всё обдумать. И он заснул быстро и спал всю ночь не просыпаясь.

Глава 12

Большой конторой Кёршнера, что находилась на улице Кожевников, управлял немолодой, но всё ещё расторопный и хваткий господин Хольмер. Он ещё до рассвета явился в дом своего хозяина, где генерал вручил ему список своих кредиторов, которых он хотел порадовать сегодня.

Господин Хольмер разослал посыльных с приглашениями, а сам велел убраться в конторе. Додумался в одной из комнат поставить стол со скатертью, принести хорошие стаканы и блюда, отправить человека за вином и сыром, оплатив их вперед, как просил его о том важный гость господина Кёршнера.

А когда колокола на колокольне собора Плащаницы Господней только пробили десять часов дня, так в конторе появился и сам важный гость. Барон фон Рабенбург. Он оглядел стол и блюда с сырами, попробовал приготовленное для гостей вино, остался всем доволен, велел заносить сундуки с деньгами и уединился со своим серебром в одной небольшой комнате. А вскоре стали появляться и его кредиторы. Приезжали на каретах, верхом и даже приходили пешком. В общем, гости устроили на улице Кожевников затор, перегородив своими каретами движение.

И тут наблюдательный и знающий город господин Хольмер вдруг начал замечать, что к конторе приехали не только те, кто бароном был указан в списках. Приезжали и многие другие влиятельные люди, которые в кредиторах барона не значились. А вскоре в конторе появился и сам хозяин заведения господин Кёршнер. И тут умный господин Хольмер понял, что это будет нечто похожее на дневную ассамблею, что иной раз случается в ратуше, когда по какому-то важному поводу туда собираются все нобили города, чтобы обсудить что-то насущное.

«Ишь ты! И эти здесь!» — удивлялся и кланялся господин Хольмер, увидав перепрыгивающих лужи перед самой конторой бургомистра Ольбрехта и секретаря магистрата Цойлинга.

И тогда управляющий послал людей в точильные цеха, чтобы оттуда принесли ещё лавок для прибывающих господ, а также послал человека купить ещё вина и ещё сыра, так как уже купленного будет для такого множества гостей явно недостаточно.

Прибыл и господин Виллегунд, старый знакомец генерала, некогда бургомистр, а нынче помощник первого консула города господина Герхарда Клюнга, который недавно стал главой купеческой Гильдии Малена. Хоть сам Клюнг и не давал Волкову

денег, но банк Гильдии генералу ссудил сумму немалую, и посему консул тоже был тут. Приехали пройдохи и проныры братья Мёльдениц, быстро разбогатевшие и ныне известные в городе менялы, чья банка стояла на главной площади города; с ними был их дружок, тоже знакомец барона, голова цеха извозчиков и секретарь гильдии коновалов Гефельрод. С ним Волков, а вернее, его племянник Бруно, имел много дел, так как именно Гефельрод брал почти все подряды на перевозку угля от пристаней в Амбарах до складов в Малене. Его же извозчики возили и лес от пирсов, и проволоку и железный лист от кузниц на реке. Поговаривали, что в его конюшнях было более пятидесяти меринов, не считая коней на развод и десятков мулов. Его отец был выходцем из мужичья, взявшим себе звонкую фамилию. Гефельрод поначалу не умел себя вести и иной раз скатывался в неуместное панибратство. Думая, что, одалживая деньги барону, может запросто приглашать его к себе в гости. Несколько лет назад было такое… Не понимал купчишка, что только первые фамилии города могут приглашать в гости барона и генерала герцога. Да и то не на всякое приглашение тот ответит. Но теперь глава цеха извозчиков пообтесался в обществе и, глядя, с каким уважением все остальные относятся к генералу, купчишка понял своё место, поумнел и стал вежлив.

Был тут и Людвиг Остен, невзрачный человек, о котором говорили, что по богатству он мог соперничать даже с Кёршнером. Шуба его была стара и потёрта, старший сын его, Александр, пришедший с ним, тоже был неказист на вид, зато в совете они имели двух сенаторов, один из которых баллотировался от Коммуны Южных ворот, крупнейшей коммуны города, а второй — от Гильдии Каменщиков и Камнетёсов. Гильдии, в которой состояло более четырёх сотен мастеров, не считая подмастерий. Известен он был ещё и тем, что брал на откуп у города его загородные угодья, в которых выдавливал из местных мужиков деньги без всякой жалости. Он тоже был кредитором барона. Причём барон его недолюбливал за то, что условия контракта с ним были самыми неприятными и тогда Остен просто выкрутил ему руки, так как Волкову срочно нужны были деньги, и старый банкир этим пользовался.

В общем, больше половины городских нобилей в это утро съехалось в контору Кёршнера. И все ждали Волкова, и тот вскоре появился в зале с Кёршнером, а несколько человек несли за ними тяжёлый сундук. Он кланялся людям не так чтобы низко, но и не без уважения. И удивлялся тому, что, кроме его кредиторов, тут были люди, которым он ничего не был должен, в том числе и выборный капитан городского ополчения Генрих Вайзен, весьма

опытный офицер, который за последние три года на своём посту многое сделал для города и его обороны. Мало того, сюда он пришёл с одним из своих лейтенантов, Карлом Хольвертом, представителем городского рыцарства, старого военного рода города Малена.

«Интересно, а эти что тут делают? Я им, кажется, ничего не должен. Видно, пришли расспросить меня о войне с ван дер Пильсом».

Генерал был со всеми приветлив, даже со стариком Остеном. Раскланявшись со всеми и перебросившись парой фраз с коллегами по воинскому ремеслу, он ушёл в отдельную комнату с Дитмаром Кёршнером и туда стал приглашать всех кредиторов; первыми звал тех, к кому был расположен более других. Там он с кредиторами глядел контракты, потом с ними же высчитывал суммы по процентам, отсчитывал деньги и выдавал их заёмщику. После чего тот писал ему расписку в получении. Дитмар Кёршнер и Хенрик помогали ему. А управляющий Хольмер развлекал, как мог, ожидающих господ разговорами, вином и сырами.

Не много времени прошло, как сундук опустел. Волков заглянул в него и увидал лишь немного полных мешочков и много пустых. От всех его привезённых денег осталась всего пара сотен золотом и чуть больше двух тысяч серебром; он положил на них сверху собранные от кредиторов расписки и запер сундук.

«До следующей весны эти чертовы хищники не будут меня истязать. Но нужно всё-таки найти им деньги. Если всё время выплачивать только проценты… мне придётся распродавать поместье!».

Они с Кёршнером вышли из комнатушки, где вели расчёты, и генерал понял, что собрание вовсе не закончено. Даже те, кто получил свои проценты, никуда не уехали.

— Остальные господа собрались в большой комнате, — сразу сообщил им управляющий Хольмер.

Волков взглянул на родственника и спросил у него:

— А что же им надо? Поприветствовать хотят? Так на днях бал будет, могли бы поприветствовать там.

— Э… — закряхтел Кёршнер, и барон сразу понял, что его дородный родственник в курсе происходящего. Тот покряхтел и добавил: — Это не совсем приветствие. У них к вам разговор.

— Разговор? Что за разговор? — насторожился генерал. Он подумал, что слухи про намерения Брунхильды насчёт дома и поместья дошли до горожан и они во избежание свар в городе будут просить его усмирить сестрицу, но эта догадка барона оказалась неверна, так как Дитмар Кёршнер прошептал ему доверительно:

— Они хотят поговорить с вами насчёт грабежей на реке.

«Ах вот как! Ну, хорошо, что не про Брунхильду и её претензии к Гейзенбергам».

— Что ж, дорогой родственник, раз столько важных господ собралось говорить с нами, невежливо заставлять их ждать.

Волкову и Кёршнеру управляющий Хольмер оставил самые почётные места во главе стола. Они поздоровались ещё раз с собравшимися и уселись в свои кресла. Один из писарей конторы тут же налил им вина. И только после этого глава города Ольбрехт взял на себя смелость начать:

— Барон, многоуважаемый генерал, мы наслышаны о ваших новых победах, знаем, как высоко Его Высочество оценил ваши деяния, и несказанно рады тому, что вы наш земляк. Ваша сестра графиня как наследница старинных традиций даёт пасхальный бал, и мы про себя решили, что это будет бал и в вашу честь.

Волков, чуть улыбаясь, кивает.

«Надеюсь, что вы приготовили кроме праздных слов ещё что-нибудь… что-нибудь более осязаемое».

А бургомистр продолжает:

— Но, к сожалению, будущие Пасха и бал омрачены неприятными происшествиями. У нас случились грабежи на реке. И мы ждали вас, господин генерал, от самого Рождества, чтобы вы помогли разрешить этот печальный вопрос.

— А… — произнёс Волков, как бы вспоминая, — я что-то слышал; кажется, епископ мне писал о том…Будто на реке лихие люди пограбили две баржи…

— Тринадцать, господин генерал, — поправил его секретарь Цойлинг.

— Тринадцать? — удивился тот.

— К сожалению, уже тринадцать, — сокрушался глава города. — А также разбойники напали на Лейдениц.

И тут обратил на себя внимание капитан Генрих Вайзен. Он неожиданно заговорил:

— Они знают своё дело, разграбили склады, что у пирсов. Вглубь города не пошли. Грабили полдня, пока не подошли силы из Эвельрата, а как подошли добрые люди, разбойники с ними драться не стали, тут же сели на лодки и уплыли.

— Взяли много хороших товаров, одного сукна синего сорок отрезов, на сумму четырнадцать тысяч талеров, — продолжал секретарь. — Фогт архиепископа Ланна во Фринланде, господин Райслер, писал нам о том подробное письмо. Там указано всё ценное утерянное имущество. А также жалобы побитых людей.

— И фогт написал это письмо вам, господин бургомистр? — спрашивает Волков.

— И мне, и сенаторам города также, — подтвердил Ольбрехт.

— Любопытно… Любопытно… — генерал смотрит на бургомистра. — А почему же фогт Фринланда пишет вам подобные письма? Он, что, имеет к городу какие-то претензии? — тут генерал делает паузу и обводит взглядом всех присутствующих за столом господ. — Или, может быть, этим разбоем занимается кто-то из горожан?

— Нет-нет, — заверяет его бургомистр. — Это не горожане. Нам нет нужды разбойничать на реке. Никто из горожан и не посмел бы… Нам на реке нужен мир. Торговле всегда нужен мир.

«Да уж, расскажи мне… А то я не знаю, с каким удовольствием вы, городские купчишки, наживаетесь на войнах, если они не касаются вас самих!».

И всё-таки ему было непонятно, почему фогт Фринланда пишет подобные письма в Мален.

— Значит, ограбили Лейдениц не горожане, но фогт пишет вам? Отчего же так?

Тут бургомистр повёл себя немного странно, он стал глядеть то на капитана Вайзена, то на консула, и если капитан не внял взглядам бургомистра, то консул Клюнг был вынужден отвечать:

— И во Фринланде, и в кантоне Брегген считают, что разбойники скрываются в нашем графстве.

И вот тут Волков утерял своё благодушие и расслабленность, с которыми он слушал рассказы горожан до этого. Генерал уставился на консула.

— Что? Что? Что? Я не понял… Разбойники нападали и на кантон?

— Кажется, да… — отвечал Герхард Клюнг.

И тут, заглянув в свои бумаги, снова заговорил секретарь бургомистра Цойлинг:

— В кантоне они напали на Мелликон, разграбили две лавки менял и одну лавку мехов, а также несколько возов с мясом, что ехали на ярмарку. Там разбойники взяли не больше двадцати тысяч, но из тринадцати ограбленных барж — шесть барж купцов из кантона Брегген. Совет кантона также написал нам письмо. Они во гневе.

— Да, две недели назад я получил из Бреггена письмо с обидами, — подтвердил консул города Мален господин Клюнг.

И вот это было уже действительно неприятно. Уж чего-чего, а портить отношения с кантоном барон не хотел ни при каких обстоятельствах.

Барон снова осматривает всех присутствующих и спрашивает едва ли не с насмешкой:

— И что же это получается — с Рождества и до Пасхи на реке

кто-то озорничает, и все думают на нас?

— Да, господин барон, — соглашается с ним бургомистр. — Все соседи считают, что разбойники исходят из нашего графства. И здесь же потом прячутся.

— Сдаётся мне, что вы и сами так думаете, — замечает Волков.

— Признаться, так оно и есть, — нехотя соглашается с ним господин Ольбрехт. Потом он вздыхает. — Мы, признаться, тоже так думаем.

— Ну а что же вы… Писали ли вы письмо Его Высочеству? — интересуется Волков.

— Писали, — сразу откликается секретарь Цойлинг. — Первое ещё зимой. А второе уже в марте.

— И что же? — спрашивает барон. И в вопросе его слишком уж неприкрыто, немного злорадно звучит сарказм. — Что ответили вам из канцелярии курфюрста?

— Канцлер фон Фезенклевер написал нам, что сейчас он уже не в силах влиять на герцога, Его Высочество к нему не прислушивается, — объяснил бургомистр. — И что у него сейчас много других дел, но тем не менее, герцог обещает, что в ближайшее время займётся нашей бедой. Но с тех пор прошёл ещё месяц… И ничего.

Генерал понимающе кивает и после глядит на консула города.

— А что же вы сами? Или у этого разбойника велики силы? Отчего ему никто не даст отпор на реке?

— Говорят, что он ходит на пяти или шести лодках, — отвечает консул.

— На пяти-шести? — генерал тут же прикидывает. — То есть человек пятьдесят у него или, в лучшем случае, сто.

Теперь он глядит на капитана Вайзена.

— Капитан. Кажется, у вас три десятка латников из первых семей города, конных копейщиков, что ни конями, ни доспехом не уступают королевским жандармам, — льстил горожанам Волков. — А ещё пять десятков хороших кавалеристов.

— Да, в городе наберётся восемь десятков добрых юношей и мужей с добрым доспехом и на хороших конях, — соглашается капитан.

— А ещё вы можете призвать три сотни хороших пехотинцев, две сотни арбалетчиков и шестьдесят аркебузиров.

— Именно так, господин генерал, гильдии и коммуны города без труда соберут шесть сотен людей при надобности. И даже больше, если совет дозволит взять оружие и доспех в городском арсенале, — отвечает Вайзен.

— Как интересно. Вы знаете, что в графстве поселился разбойник, но ничего не предпринимаете, — произносит генерал с сарказмом. На самом деле Волков начинает кое-что понимать в сложившейся ситуации. Но всё ещё ждет пояснений.

— На то не было распоряжений, — без затей отвечает капитан.

Генерал этим ответом удовлетворён не был. Ему послышалась в голосе Вайзена какая-то фальшь. А ещё надежда, что приказа разобраться с разбойником от консула так и не случится. Волков некоторое время изучает лица собравшихся и убеждается в своей правоте. Лица у нобилей постные, отстранённые, собрались они здесь дело решать, вот только сами они его решать не хотят. Никак не хотят влезать в это дело, вот поэтому с самого Рождества и ждали его.

— Почему-то кажется мне, добрые господа, — наконец начинает барон, — что вы знаете, кто тот мерзавец, что из наших земель ходит по реке к соседям разбойничать.

Глава 13

И тогда господин Хуго Фейлинг и говорит ему:

— У того разбойника кабан на кирасе и на шлеме…

— Кабан? — переспрашивает Волков.

— Да, кабан, — продолжает Фейлинг, — а зовут этого человека Эрнст Иоганн Ульберт по прозвищу Вепрь.

— Ульберт, — вспоминает генерал; он, конечно же, слышал это имя, но пока не может вспомнить где. — Ульберт.

— Он из ветви фон Займлеров, — поясняет господин Виллегунд. — Он третий сын Карла Ульберта фон Займлера фон Малена.

«Ну вот всё и прояснилось! — теперь генералу всё стало ясно. — Я был прав. Конечно, это семейка Маленов. А эти городские храбрецы потому меня и ждали с самого Рождества, что никто из них не посмеет даже и рта раскрыть против этой поганой семейки, не то что походом против кого-то из Маленов пойти».

— И что же… — продолжает генерал, — вы, наверное, знаете, где убежище этого Ульберта Вепря.

— Мы предполагаем, — начал консул Клюнг, — что убежище его в самых верховьях реки, в болотах, туда ни одна баржа уже не заходит, так как воды там неглубокие, пристаней там тоже нет, но лодки туда ходить могут. Там места дикие, безлюдные, есть где спрятаться, а ещё там есть заброшенное поместье, зовётся оно Альтерзумпф; вот там-то, как нам кажется, и прячется Ульберт со своей ватагой.

— «Нам кажется», — усмехнулся генерал. — А мне кажется, господа, что вам не кажется, что вы всё про это знаете наверняка.

Но никто ему на этот выпад не ответил, а первый раз за весь разговор взял слово господин Остен:

— Мы ждали вас, генерал, так как, кроме вас, никто не осмелится бросить вызов фамилии Маленов. Даже если право будет на его стороне. Раньше, в былые времена, когда был жив граф, никто бы не посмел так озорничать на реке, — Остен разумно не стал вспоминать о поведении самого барона, — но сейчас граф ещё мал, и некому, кроме вас, генерал, самого сильного сеньора графства, остановить сие беззаконие. Поэтому мы и возлагаем на вас такие надежды.

— Хотите, чтобы я опять злил Маленов? — спрашивает Волков. — Трону этого разбойника, так они опять будут на меня герцогу жалобы писать.

— Чего вам бояться?! — воскликнул бургомистр Ольбрехт. — Ваша жена сама из рода Маленов, а ваш племянник теперь —

глава этого рода, он хоть и не прямой, но всё-таки наследник герба Ребенрее.

Но барон не спешил соглашаться, он просто говорил:

— Да, жена у меня из рода Маленов, и племянник мой граф Мален, но это не значит, что родственнички из этой фамилии не попытаются как-либо меня убить при первом удобном случае. Они уже пытались это сделать. Почему же им снова не подослать ко мне убийц, отравителей. С них станется. И главное, если у них получится, то кто их накажет? Герцог? — он оглядел собравшиеся, чтобы видеть их реакцию, а после продолжил, всё также не спеша. — А после, как только меня не будет, они обязательно убьют молодого графа.

Он специально всё это говорил. Во-первых, генерал был уверен, что содержание этих бесед будет обязательно передано кому-нибудь из фамилии Маленов, например тому же фон Гейзенбергу. И он хотел показать своим противникам, что у него нет большого желания с ними враждовать. А во-вторых, он хотел знать, кто в будущей схватке точно будет на его стороне. А именно тот сейчас будет настаивать на походе против разбойника Ульберта Вепря. Была и третья причина этого его видимого нежелания новой распри. Он хотел взять небольшую паузу, чтобы сформулировать свои условия, которые он выдвинет городу. Но самому ему необходимость похода была очевидна. Нельзя было давать этому мерзавцу с кабаном на доспехе хозяйничать на его реке.

Судя по всему, его слова никого не удивили, собравшиеся всё понимали, и поэтому бургомистр, выдержав паузу, поднялся со стула и важно произнёс целую речь:

— Господин барон, разбой на реке не только обидами соседей чреват, но мешает торговле нашей; бесчинства в верховьях Марты надобно пресечь, и думаю, что я выражу общее мнение, сказав, что пока граф молод, горожане, да и всякий иной люд графства Мален будут просить вас о том, чтобы вы угомонили разбойников. Иного рыцаря, кроме вас, кто осмелится бросить им вызов, у нас нет, а у герцога, видно, пока своих дел хватает.

В общем, это заявление выглядело как официальная просьба главного чиновника города. После такого Малены уже должны понять, что город в этой распре не на их стороне.

Генерал оглядывает собравшихся и видит полное их согласие, ни один из них не встал и не высказался против слов бургомистра. Не последовало ни каких-либо особенных пожеланий, ни дополнений к сказанному.

Единодушие. То было нечастое среди городских нобилей явление, иногда их раздирали непримиримые противоречия;

впрочем, тут были многие видные господа и чиновники, но далеко не все важные жители города. Так что… И всё ещё думая, что сразу соглашаться на их просьбу никак нельзя, генерал ответил наконец:

— Думаю, не все собравшиеся господа знают, что в последнем деле я получил новую рану и отбыл по ранению из Фёренбурга раньше моих солдат. И пока рана беспокоит меня, я не готов взяться за дело новое. Пока полностью не окрепну, я не могу гарантировать успех предприятия. Подожду, пока врач мой не укрепит меня.

— Мы рады уже тому, генерал, что вы соглашаетесь, — высказал общее мнение Хуго Фейлинг.

Многие господа стали кивать головами: именно так. Именно так.

— Но нам хотелось бы знать, когда ваш врач уже сможет сказать, что вы способны вести войско, — настаивал консул Клюнг.

— Я сообщу вам через… — Волков сделал паузу, — через недельку. Или, может, даже раньше. А пока пусть город выделит добрых людей несколько десятков с храбрым ротмистром во главе и наймёт пару лодок, чтобы они поплавали у болот, чтобы поглядели, что и как… И выяснили, откуда разбойники выходят, где прячут свои лодки, где живут, где хранят награбленное. Чтобы к тому времени, когда я окрепну, всё это было уже известно, — он взглянул на консула. — Господин Клюнг, уж распорядитесь насчёт этого. Выделите на предприятие сие людей.

Но консул смотрит из-под кустистых бровей странно, взгляд прячет.

В его обязанности входило всё, что связано с войной и любой силой, которую город был готов применить, только вот он вовсе не торопился соглашаться на предложение барона. Клюнг теперь стал зачем-то глядеть на бургомистра, словно ища его поддержки. И это генерала не удивляло. Всё дело было в том — и Волков это прекрасно понимал, — что консул не хотел этого делать. Хотел бы он разобраться с разбойником, так всё это сделал бы ещё до приезда генерала. Собравшиеся господа, конечно, хотели успокоить Ульберта-Вепря, но так, чтобы самим остаться в стороне, чтобы не злить влиятельную семейку. Дескать, пусть Эшбахт воюет с Маленами, они и так враги, а мы барона поддержим словесами. Вот только Волкова пустые слова не устраивали. Нет-нет… Пусть эти жирные каплуны начнут войну сами, сделают первый шаг, хоть что-то предпримут, и вот тогда… Тогда он, конечно, придёт и завершит дело. Поэтому он настаивал:

— Ну так что, господин консул, вы отрядите людей для поиска?

Клюнг опять смотрел на бургомистра: ну и что же мне прикажете делать, господин бургомистр? И тому всё-таки пришлось ответить, а так как был он в интригах человек закалённый, господин Ольбрехт и сказал:

— Обязательно о том подниму вопрос на совете, завтра же. У нас как раз завтра заседание совета. Коли сенаторы дадут добро, так господин Клюнг сразу и соберёт отряд и начнёт дело.

«Сборище жирных, трусливых и хитрых крыс, что желают чужими руками жар загрести, и при том ещё и кошельки свои уберечь!».

Впрочем, ничего другого от них генерал и не ждал, поэтому он радушно улыбнулся господам нобилям и сказал:

— Прекрасно, на том и порешим. Подождём решения городского совета. Пусть сенаторы всё завтра скажут свое слово. А на этом, господа, позвольте откланяться, — он встал. — А то рана беспокоит меня, кажется, опять кровь пошла.

Судя по всему, многие из пришедших господ не были согласны с таким положением дел, они явно хотели услышать от него другое, но сейчас ничего поделать не могли. Господа вставали, тоже поднимались со своих кресел и лавок, кланялись ему, стали расходиться, собираясь в группки и ведя меж собой тихие беседы.

А вот помощник консула Виллегунд отошёл в сторонку и покинуть помещение не спешил. У него с генералом были свои отношения, Виллегунд считался в городе старым сторонником Эшбахта и даже страдал за то, поэтому он надеялся на разговор с глазу на глаз, и Волков, хоть и нехотя, кивнул ему: ну, что у вас?

— Дорогой генерал, отцы города рассчитывали на иной ваш ответ, они считают вас защитником графства, — сразу начал бывший бургомистр.

— Дорогой Виллегунд, — отвечал ему Волков, — я устал, с ноября месяца я не был дома, я ранен, всё это время я жил в шатре на пронизывающем ветру, в дурных постоялых дворах, набитых вшами и клопами, в одной казарме с многими сотнями солдат. Мне бы хоть месяц от войн передохнуть, хоть дух перевести, рану подлечить, но уважаемые нобили уже мне новую войну придумали.

— Всё это господа понимают, но уж больно небезобиден стал молодой господин Ульберт, — продолжал бывший бургомистр. — Вы, видно, о том не знаете, что он и на ваши Амбары покушался.

— Вот как? — и вправду, барон об этом не знал. Да и не думал о том. Он был удивлён. — И что же, вышло у него?

— Нет, не вышло, больно много в вашей земле оказалось добрых людей. Они быстро собрались и пришли к лодкам, стали палить порох, бить по нему, и Ульберт ушёл не солоно хлебавши. Но сам факт… Он просто всем показал, что не боится вас.

«И он думает, что я вознегодую и кинусь собирать солдат за такое неуважение и поругание своего герба!».

Волков поморщился:

— Виллегунд! У разбойника сотня людей, отчего же город не прихлопнул его?

— За ним стоит его фамилия, — пояснял бывший бургомистр. — А за фамилией герцог, да и многие земельные сеньоры. Потому город и желает лидера такого, как вы. Такого неустрашимого.

— У неустрашимого лидера нет денег, нет солдат, — генерал не торопился заканчивать разговор, он знал, что теперь через этого умного и опытного человека он начинает с городом торг. — У меня и своих дел достаточно, в которых город никак мне не хочет помочь, хотя имеет все возможности для этого.

— О чём вы говорите, генерал? — сразу интересуется Виллегунд.

— О том, что в доме, который по праву принадлежит моей сестре, живёт какой-то человек, который её туда не допускает, а среди сенаторов города есть другой человек, которого там быть не должно, так как в сенат своего представителя должен назначать сам граф или его опекун, а вовсе не тот, кто просто носит фамилию моего племянника.

По тому, как внимательно слушал его помощник консула, он понимал, что вся эта информация дойдёт до нужных ушей. Но и у Виллегунда был свой козырь:

— Вы недооцениваете Ульберта, у него в городе достаточно друзей. И им давно не нравится то, что Кёршнер и другие господа вашей партии набрали столь большой вес.

— В том, что у разбойника в городе есть друзья… — усмехался генерал. Он был уверен в своих силах: по сути, он держал в руках торговлю в верховьях Марты, почти все торговые пути пролегали через Эшбахт; и он продолжал: — Я в том не сомневаюсь, ведь ему больше некому продавать награбленное.

— Да, может быть, может быть, — соглашался Виллегунд, — но вот наши соседи… Горцы уже запретили нашим купцам торговать на земле кантона…

А вот это уже было неприятное известие. Волков хоть и продолжал улыбаться, но он серьёзно отнёсся к этой вести. А помощник консула ещё и добавлял:

— И фогт Фринланда предупредил наш сенат, что более

разбоев терпеть не станет. Что если ещё раз на купца из Фринланда нападут, он все лавки наших купцов на подвластной земле закроет. Конфискует, — и тут бывший бургомистр добавил почти шёпотом: — А между прочим, половину кож ваш многоуважаемый родственник для своих цехов закупает во Фринланде. А у друга вашей сестры Фейлинга конторы по скупке зерна и ячменя в тех землях. И у многих других наших господ тоже всякого имущества там предостаточно. Да и в кантоне Брегген теперь у наших людей и лавки, и склады есть, как бы и их не отобрали.

А вот тут барон уже перестал улыбаться. Ситуация и вправду становилась нехорошей. И он начинал злиться на того мерзавца, который всё это ему устроил. Но больше он всё-таки злился на этих упрямых и хитрых горожан, которые, несмотря на все свои потери, сами никак прекращать беззаконие на реке не спешили. А лишь толкали к тому его, толкали к новой распре с самой влиятельной фамилией.

«Думают, как всегда, в сторонке отстояться… Трусливые крысы!».

Глава 14

Он подчёркнуто носил простое монашеское платье, крест медный, но удивительной работы, и лишь один перстень на его пальцах был золотой, то был подарок. Два других были из олова и меди, на них были выбиты святые символы.

— Пир во время поста? — епископ покачал головой. — Пусть сестрица ваша не ждёт от меня благословения.

— То традиция старинная, — объяснял генерал ситуацию. — Малены всегда давали бал и пир перед святой Пасхой.

— Надо всё-таки было дождаться светлых седмиц, тогда бы уже и пировали, то были бы пиры праведные. А так… Не смогу я быть на её пиру, уж не взыщите. Появись я там, что скажут люди? Какой пример я подам пастве?

Волков вздохнул; он очень хотел, чтобы прелат присутствовал на пиру сестры, но всё прекрасно понимал. Не может пастырь публично презирать то, к чему паству зовёт. И, заметив его огорчение, старинный друг ему и говорит:

— А у меня для вас есть добрая весть.

— Да, и какая же? — Волков к этому времени уже проголодался, а на столе у епископа маленского блюд было немного. Бобами с жареным луком барон пренебрёг, а вот два хороших куска варёной трески с тмином его внимание привлекли. Как и неплохое белое вино, хоть было оно и разбавлено вполовину.

— Посмотрел я дом пастырский, имущество своё, и подумал, что серверной посуды тут слишком. Кубки золотые мне тоже не надобны, — барон даже перестал есть рыбу. Ему стало очень интересно, к чему всё это говорит прелат. А тот и продолжал: — Должное я отослал в Ланн, и у меня осталось порядочно серебра, посуда опять же, много мехов, что без толку лежат в сундуках, сие мне не нужно, велел я всё это продать.

Генерал молчит и ждёт продолжения, и епископ наконец говорит:

— Думаю, соберу я не менее тридцати, а может, и тридцати двух тысяч талеров. То хорошее начало для начала строительства просторного храма в Эшбахте.

Это и вправду была отличная весть! Волков уже подумал, что к тем деньгам, что у него остались после выплаты процентов, да если к ним немного добавить из тех, что даст на храм епископ… Но хитрый поп как будто услыхал его мысли и говорит:

— Только вам и вашему ловкачу отцу Семиону я тех денег не дам. Я передам их человеку ответственному и богобоязненному.

Который серебра не уполовинит из корысти.

«Хитрый поп».

Волков немного расстроился, не стал даже спрашивать, кто же тот человек, которому доверяет прелат. Впрочем, он знал, что церковь ему и вправду нужна. Он помнил, каким диким и пустынным был его край. Сколько бедолаг там проживало, кормясь с худой земли. И каким стал теперь его Эшбахт. А стал он многолюдным и богател на глазах. Теперь в его земле проживало две с половиной тысячи человек, а может, и все три. Сам он не знал. И о том, наверное, могли сказать лишь его приказчики. А те несчастные крестьяне, что жили в Эшбахте к его появлению, уже были богачами. Никто из них теперь не прозябал. Так как кто-то построил пивную с комнатами на своей земле, кто-то пивоварню, кто-то мясную лавку. Все они давно выкупились у барона из крепости, так как тому были очень сильно нужны деньги в последнее время. И теперь были небедными и уважаемыми в Эшбахте людьми. И люди те одевались в праздничное и по выходным хотели бы ходить в храм, притом чтобы не толпиться на улице, так как места на всех в маленькой церквушке не хватало. В общем, церковь новая и большая ему была нужна. Правда, он хотел бы, чтобы нового попа в ту церковь епископ без его согласия не назначал. Но этот вопрос не требовал решения сиюминутного. И поэтому он сказал епископу:

— Уж и не знаю, как вас благодарить, Ваше Преосвященство.

Отец Бартоломей машет рукой: не нужно благодарности. И спрашивает:

— А о чём вам горожане говорили сегодня?

Генерал снова принимается за рыбу.

— Хотят, чтобы я прекратил бесчинства на реке.

— А сами того сделать не хотели? — догадывается епископ.

— Конечно, никто из них не хочет связываться с Маленами. Ведь разбойник — это какой-то молодой рыцарь из этой фамилии. Говорят, что зовут его Ульберт.

— Ульберт… Да-да, — епископ сразу выдаёт полное имя отца разбойника, показывая свою осведомлённость и отличную память: — Это, кажется, младший сын Карла Ульберта фон Займлера.

— Да, его ещё прозывают Вепрем.

— Я знаю эту семью, они первая ветвь Маленов, у них хорошее поместье, но слишком много сыновей, — продолжает прелат. — И что же хотят горожане?

— Они раздражены, Фринланд и Брегген грозятся выгнать их купцов и забрать их лавки и склады, если нападения продолжатся.

— О, это будет очень неприятно. То приведёт к большим для

горожан потерям.

— Ещё как приведёт! — соглашается генерал. — Мне пришлось много торговаться с горцами, идти на большие уступки, чтобы они допустили наших купцов на свои земли и чтобы на наши товары не возлагали непомерных пошлин.

— Значит, мальчишку надо вразумить, но так, чтобы не злить влиятельную семейку.

Волков тут смеётся, он вытирает руки о салфетку и берёт стакан с хорошим, но разбавленным вином.

— И как же так сделать? Мальчишке имения не полагается, он будет грабить, пока его кто-нибудь не угомонит. Или пока герцог не возьмёт его ко двору.

— Да, да… — соглашается епископ. — Этот вопрос добром решить сможет только Его Высочество.

И тут в голову генералу приходит одна интересная мысль. Эта мысль ему сразу понравилась. Он понимал, что вопрос с разбойником придётся решать всё равно ему, а вовсе не курфюрсту, этот Вепрь портил ему репутацию, но барон хотел выжать из горожан как можно больше всяческих уступок и поэтому говорит епископу:

— Думается мне, Ваше Преосвященство, что было бы неплохо послать к этому Ульберту какого-нибудь ловкого человека.

— Ловкого человека? — не совсем понимает святой отец.

— Да, и желательно монаха.

— Для чего же?

— Поговорить с этим Ульбертом.

— Думаете, он усовестит его? Умиротворит?

— Так пусть умный монах поедет и попробует. Вреда в том не будет, а если что и получится, то вам как миротворцу большой почёт причитается, — продолжал убежать генерал епископа.

Епископ был совсем не глуп, но тут он смотрел на Волкова внимательно и спрашивал:

— Не могу понять, зачем это вам.

А тот в ответ лишь усмехается и отвечает:

— Сделайте так, святой отец, сделайте, и вам в том польза будет, и мне тоже. Отправьте умного человека переговорить с разбойником. Говорят, прячется он в болотах, место то прозывается Альтерзумпф. То ли поместье, то ли замок заброшенный.

— Ну хорошо, — соглашается наконец святой отец, — есть у меня умный человек, отправлю его к разбойнику, но с каким наказом?

— Пусть скажет ему, что барон Рабенбург не хочет с ним воевать, только вот горожане сильно его к тому склоняют, и если

кавалер Ульберт найдёт возможность со мною встретиться, то я гарантирую его неприкосновенность, а если он пообещает, что более на реке разбойничать не станет, так на том со всем и покончим.

— Хорошо, отправлю одного брата великомудрого, он всё, что надо, кавалеру Ульберту и передаст, — ещё раз после некоторых раздумий пообещал генералу Его Высокопреосвященство.

* * *

Они с епископом поговорили о разном, пока дожидались сладких пирогов и сушёных фруктов, а через час барон поехал к Кёршнеру. Там, усевшись в удобстве, поговорил с ним. И узнал от родственника, что у того и вправду есть во Фринланде лавки, которые скупают всю необработанную кожу. И что потеря этих поставок будет для него весьма болезненной.

— Двор Его Высочества заказал мне как раз сверх обычного сто шестьдесят хомутов и восемьдесят сбруй, это не считая ста сорока новых сёдел, что я ещё обязан поставить по прошлому контракту. А ещё пахота началась, купцы раскупают всё, что есть на складах, мужикам развозят, приезжие купцы из ваших Амбаров товар тоже хорошо берут, да и к лету нужно кож собрать, вдруг герцог новую войну затеет, а у меня про запас ничего нет. Склады почти пусты. Мне без кож из Фринланда никак не обойтись, кож и так мне мало, — объясняет ситуацию Кёршнер; и тут он машет рукой мажордому, стоявшему у дверей, дескать, давай. И тот сразу кланяется и уходит.

Волков же понимающе кивает и говорит:

— Если фогт Фринланда и вправду решит наказать наших купцов и закроет все ваши лавки, придётся просить нашего друга, чтобы взял на себя скупку кожи.

— Вы говорите про нашего друга Гевельдаса? — догадывается купец.

— Да, он человек честный и скрупулёзный, сколько уже лет с моим племянником работает, ни одного слова в упрёк я от Бруно в его адрес не слыхал, — пояснил генерал. — Думаю, он освоит ваше дело, если вдруг недоброе случится.

— Да-да, я его знаю, — обрадовался хозяин дома. — Но будем надеяться, что всё с этим разбойником разрешится, — тут Кёршнер качает головой. — Ох, сколько забот лишних от этого Ульберта всем нам, сколько забот.

А генерал тут начинает принюхиваться, а потом смотрит на

хозяина дома с удивлением:

— Это что? Чем это пахнет?

А Кёршнер довольно улыбается, он рад выражению лица барона и сообщает своему гостю:

— Нынче, как вы поехали к епископу, я решил заглянуть на рынок, вина хорошего приглядеть, или сыра, или чего-нибудь этакого необычного к столу, лимонов каких-нибудь или апельсинов, вдруг попадутся, а тут вижу — какой-то купчишка не нашего вида, смуглый такой, видно, с юга откуда-то, товар свой расхваливает, кричит: варево сарацинское, от головных болей помогает, снимает тяжесть в груди, возвращает бодрость духа. А я чувствую запах и думаю: вот барон порадуется.

А барон и вправду радуется, видя, как лакеи вносят небольшой медный ковшик на подносе, а рядом с ним чашки, горшочек со сливками и небольшая тарелочка с колотым желтоватым сахаром.

— Кофе! — улыбается Волков. — Вот уж угодили так угодили, дорогой родственник.

Глава 15

А к вечеру, к ужину, как и обещала, к Кёршнерам приехала графиня с юным графом. Волков пошёл встречать их вместе с хозяевами. Графиня была обворожительна, её новое платье из атласа глубокого алого цвета, с белоснежным кружевом по вороту и манжетам, выглядело уточнённым и роскошным. Явно не местным.

«Всё это не здешнее. За платье отдала пятьдесят талеров, не меньше, — сразу для себя отметил кавалер, — да две жемчужные нити — ещё сорок. Четыре гульдена на себя нацепила, это не считая перстней и исподнего с башмачками. В Ланне купила, видно, как Агнес ей денег дала, так она по лавкам и пошла».

И это было неудивительно! Какая женщина, имея деньги, смогла бы удержаться от тех удивительных вещей, что таили в себе лавки Ланна? Не зря в большой город съезжались все лучшие ювелиры, ткачи и портные со всех земель в округе.

А в необыкновенную причёску Брунхильды были уложены все волоски до единого. И накрыты волосы были накидкой-фатой из редкого в этих местах газа, придавленной маленькой шапочкой.

Годы, проведённые при дворе, и вправду многому научили эту красивую женщину. Уж вести себя с людьми графиня знала как. Она научилась улыбаться с вежливой снисходительностью всем тем, чей статус был ниже её. И сейчас именно такая улыбка была на её устах, когда она протягивала обе руки хозяйке дома.

— Дорогая Клара.

Они обнялись, и тогда графиня протянула руку и самому Кёршнеру, тот со всей неуклюжестью толстяка кланялся и целовал ей пальцы.

И лишь потом она обратила внимания на Волкова и снова с показательной уважительностью сделала перед «братцем» книксен и поцеловала ему руку, а потом уже стала представлять прекрасно одетого мальчика на вид лет шести или, может быть, семи, что стоял до сих пор молча, ожидая своего часа. И тогда графиня произнесла важно и официально:

— Вот, дядюшка, как вырос ваш племянник вы его с лета не видели. Мальчик с удивительным, недетским достоинством поклонился сначала хозяевам дома:

— Добрая госпожа Клара, добрый господин Кёршнер.

Хозяева кланялись ему в ответ. И тогда он со всё той же недетской серьёзностью поклонился Волкову:

— Господин барон! Дядюшка, наслышан я про ваши новые, необыкновенные победы. Надеюсь услышать от вас про них.

Это был маленький мальчик, но и на хозяев дома, и на самого «дядюшку» абсолютно взрослое поведение, абсолютно взрослая речь и взрослый тон ребёнка произвели огромное впечатление.

— Боже мой! Истинный граф! Истинный! — воскликнула Клара Кёршнер, в восхищении складывая руки в молитвенном жесте.

Барон и сам был поражён теми разительными переменами, что произошли с ребёнком за год, наверное, что он его не видел. Он бегло взглянул на мать мальчика, а та просто цвела. Она упивалась удивлённым восхищением Кёршнеров и барона, которые по достоинству оценили её чадо, её «произведение». Женщина гордилась своим сыном, и эта гордость светилась на её лице. Волков же наклонился к мальчику и стал брать его на руки.

— Дозвольте-ка, граф, я разгляжу вас получше.

— Конечно, дядюшка, давайте обнимемся, вы меня уже давно не обнимали, — рассудительно произнёс маленький граф.

Волков сам расцвёл от удовольствия и гордости не меньше самой графини, когда поднял ребёнка, а маленький Георг Иероним совсем не испугался его, а спокойно положил руку на плечо огромного и знаменитого «дяди». Генерал не удержался и поцеловал его в розовую щёку.

И вдруг, всплеснув руками, Клара Кёршнер воскликнула:

— Господи! Одно лицо! — и добавила, глядя на супруга: — Поглядите, Дитмар, у графа и барона одно лицо.

— Истинно так! — удивлялся и хозяин дома. — Видно, кровь Эшбахтов возобладала над кровью Маленов.

Тут генерал даже немного растерялся, он взглянул на Брунхильду и по её выражению лица понял, что и она растеряна; красавица смотрит то на Волкова, то на своего сына и притом говорит с некотором сомнением или замешательством:

— Что ж сказать, сходство какое-то есть, но к чему тут удивляться, они же дядя и племянник.

— Одна кровь, — продолжала восхищаться госпожа хозяйка дома. — Всякому то будет заметно, едва он посмотрит на господина графа и господина барона.

А Волков, уже переборов секундную растерянность, говорил мальчику с улыбкой:

— Вот видите, граф, всякому человеку заметно наше родство.

А мальчик с продолжающим удивлять взрослых благоразумием отвечает генералу:

— Родство с вами, дядюшка, всякому честь.

Волков, посмеиваясь, отпускает графа с рук и продолжает разговаривать с мальчиком:

— А знакомы ли вы со своей кузиной Урсулой

Вильгельминой?

— Нет, — признался мальчик. — не знаком. А кузина она мне по какой линии?

— Это трудно объяснить, — говорит графу матушка. — Я вам потом объясню её родство с вами.

— Ну что ж, я готов с нею познакомиться. А она уже взрослая? — спрашивает мальчик.

— Урсула Вильгельмина немного младше вашего будет, и пора вам познакомиться, она дожидается вас в своих покоях, — сказал «племяннику» «дядя».

Он, может, и хотел побыть с мальчиком, так как ему тот показался не по годам умным. Но после того, как Кёршнеры заметили его сходство с мальчиком, барон не желал находиться с ним в одном помещении на глазах чужих людей.

Няня и лакеи повели маленького графа к кузине, а хозяева и гости пошли в гостиную, где уже был богато сервирован стол.

— Ах, умён граф! — на ходу восхищалась ребёнком Клара Кёршнер.

— А обходителен как! — поддерживал жену хозяин. — Уж и не многие взрослые из хороших семей могут быть такими обходительными.

— При дворе рос, — объяснил манеры ребёнка Волков, — там иначе и не разговаривают.

— Да, наверное, — соглашалась хозяйка дома. — Манерам при дворе выучиться можно в столь юном возрасте, если ум с детства велик.

— Истинно так! — поддержал жену Кёршнер.

— Умён, умён, сам герцог то замечал после разговора с ним, а Его Высочество умных людей сразу видит, он при дворе дураков не жалует, — вдруг говорит графиня и тут же добавляет: — Вот только умён граф стал излишне. Хоть совсем юн, а уже и хитрить научился.

— Хитрить?! Да как же?! — восклицает хозяйка.

— Учитель рассказывал, что читать писание долго не желает, дескать, глазки устают, но как только ему разрешают отдохнуть, тут же берёт книги другие, те, что про рыцарей и с картинками, говорит, что от таких книг глаза у него не болят вовсе, — сообщает Брунхильда со смехом. Гордость за сына распирает женщину, и, как бы ругая его, она им ещё и хвалится, как хвасталась бы всякая иная мать своим удивительным чадом.

— Умом он явно пошёл в дядюшку, — тут же говорит Кёршнер, — уж об уме его дяди все наслышаны. Отчего же племяннику не быть умным?

Волков улыбается; нет, его не трогает лесть, он улыбается из

вежливости, а ещё от предвкушения: когда они поднимались по лестнице, он подал графине руку, и та взялась за неё крепко. Сжала его пальцы на мгновение, как бы давая ему знак о своей расположенности. Он украдкой глядит на неё и в который раз отмечает необыкновенную красоту графини. Красоту зрелой женщины, которая пока не пересекла рубежа тридцати лет. Женщины, ещё не утратившей свежести, женщины, ещё наполненной жизненной силой, красавицы, ещё не вступившей в пору увядания.

Господа расселись, мажордом сделал знак, и лакеи понесли лёгкие закуски и крепкие вина, что подают для поднятия аппетита. И едва сделав глоток хереса и пренебрегая правилами о лёгких застольных беседах, которые уместны, когда за столом дамы, Брунхильда вдруг и говорит:

— Известно мне стало, что сегодня городской голова и многие другие видные горожане встречались с вами, братец.

— Да, мы встретились, я раздал им денег, потом выпили вина, поговорили о всяком, о делах городских, — Волкову нужен был этот разговор с графиней, у него были мысли на этот счёт, но он не собирался раскрывать свои планы тут, за столом.

— И о каких же делах вы на той встрече говорили? — продолжала графиня. Поведение её было не очень вежливым, и для женщины она была слишком настойчива, но, казалось, приличия сейчас её мало заботили.

Генерал взглянул на хозяина дома, он хотел привлечь его в разговор, так как родственник присутствовал на той встрече, но барону не понравился вид Кёршнера. Тот стал лицом красен, если не сказать пунцов. И теперь дышал и отдувался так, как будто пробежал изрядное расстояние.

— Дорогой родственник! Вам дурно? — с участием интересуется Волков. Он даже привстаёт со всего места.

— Душно, — отвечает Дитмар Кёршнер, продолжая махать на себя салфеткой. — Кажется, печи излишне растопили.

— Воды со льдом принесите! Слышите? — с волнением за мужа распоряжается госпожа Кёршнер, она даже встала со стула, и слуги бегом бросаются исполнять приказ.

Но воды хозяин дома не дождался, он тоже встал и, извинившись, стал выбираться из-за стола.

— Графиня, барон, уж простите… Надобно мне.

Слуги стали ему помогать, и жена его пошла с ним прочь из залы, а Брунхильда, глядя им вслед, и говорит:

— Это всё от тучности его и от полнокровия.

— О, — Волков смотрит на неё с притворным восхищением, — графиня, вы ещё и ремеслу докторскому при дворе обучились.

— И обучилась, — отвечает она серьёзно, — герцог тоже уже не юноша, иной раз и у него случались припадки сердечные, — но все эти разговоры про здоровье волнуют красавицу мало, её интересует другое. — Так о чём вы говорили с бургомистром и другими горожанами сегодня в конторе Кёршнера?

— А, — генерал небрежно машет рукой, — господа хотели, чтобы я усмирил разбойника Ульберта. Рассказывали, какие обиды он нанёс городу и соседям. Говорили, что кантон и Фринланд из-за этого дерзкого рыцаря обещают с купцами Малена быть неласковыми.

— А вы что же? — по её тону барон понимает, как она заинтересована.

Волков же ждёт, пока лакей положит ему кусок прекрасно разваренной говядины, а потом он сам кладёт себе в тарелку немалую ложку яблочной горчицы. И лишь после этого говорит:

— Я ещё недужен после новой раны, люди мои не при мне, денег у меня нет, так что… Пусть сами ловят разбойника.

— Они дадут вам денег, — неожиданно сообщает Брунхильда.

— Да? Откуда ты знаешь? — Волков намазывает отличный кусок говядины горчицей. — Фейлинг тебе о том уже сказал?

— Город заинтересован, чтобы вы взялись за это дело. Городу оно не под силу, — говорит красавица проникновенно, а Волков вдруг понимает, что она пришла сюда такая красивая не просто так.

— Город хочет, чтобы я с Маленами грызся, а они бы в сторонке стояли да барыши подсчитывали, — он начинает есть мясо, и ему очень вкусно. Генерал уже начал игру, и весь этот разговор пока идёт по его плану.

— И что, вы откажетесь им помогать? — спрашивает Брунхильда.

Барон делает вилкой неопределённый жест: пока неясно. Может быть. Там посмотрим.

— Горожане будут злы, — как бы предупреждает его женщина. Она явно пришла склонить его к поимке Ульберта.

— К дьяволу горожан! — усмехается барон. — Я попросил их хотя бы разведать ту местность, где прячется разбойник, найти его лодки, так они и этого делать не хотят. Дескать, сенат должен одобрить. Я эти игры их уже знаю, сколько лет они ко мне в Эшбахт дорогу строили: сенат то одобрит, то передумает. В общем, пока сами не начнут, я и пальцем не пошевелю.

Нет, нет… Такой поворот никак не устраивает красавицу, и она тогда продолжает:

— Если рыцаря того не угомонить, то и ваши купцы страдать

будут. И все ваши связи с Бергеном порушатся. Вы пострадаете не менее горожан, а может, и более.

Волков бросает вилку на стол, вытирает салфеткой рот, он улыбается этой прекрасной женщине, отпивает вина из дорогого бокала и лишь потом говорит ей:

— Уж больно ты умна стала, как двор всё-таки тебя переменил. Вот только в политике тебе со мной рано тягаться, да и Фейлингу твоему тоже, меня этому тонкому делу злые горцы учили и курфюрсты Ланна и Ребенрее. Так что не волнуйся, не пострадают мои купцы, и интересы мои не пострадают.

— Не пострадают? — не верит ему графиня.

А генерал, продолжая улыбаться, рассказывает ей:

— После разговора с горожанами поехал я к епископу…

— И что же? — не терпится узнать графине. — Что же, дорогой братец, сказал вам святой отец?

— Он мне пообещал, что отправит к Ульберту одного из своих умных монахов, а тот уговорит его встретиться со мной.

— И что же вы думаете? Полагаете умиротворить разбойника? — она явно не верит в такую возможность.

— Умиротворить? Нет! Договориться, — отвечает генерал. — Попрошу его не трогать тех купцов, что под моим вымпелом будут по реке ходить, а ещё попрошу не лезть к горцам. А со всеми остальными купчишками пусть делает всё, что пожелает. Мне до них дела нет.

Волков улыбается. Он видит, что такой расклад не входит в планы графини, и та наконец говорит с надеждой:

— А ежели он не согласится?

— Согласится, согласится… коли ум у него есть, — заверяет её барон, снова берёт вилку и принимается за говядину, — а коли нет, тогда уже, как и желают горожане, приду к нему с парой пушек, с сотней мушкетёров и двумя сотнями солдат… И сверну ему шею. Это я ему сразу объясню; зная, кто я, полагаю, упрямиться он не станет.

Графиня молчит, ничего не ест, смотрит на него, а генерал, отрезая отличный кусок говядины с жёлтым жиром, смазывает его горчицей и отправляет в рот, затем запивает его вином: это очень вкусно. Он улыбается, и не только от прекрасного мяса, но и от того, что всё продолжает идти по его плану. Волков уверен, что Брунхильда сюда приехала, чтобы уговорить его взяться за дело. Это её дружок Фейлинг попросил, и пообещал он ей за то городской замок Маленов у Гейзенберга забрать и ей передать. А замок графине нужен. Очень нужен. Вот и старается красавица. А также знал он, что весь их разговор она передаст своему новому другу, на это генерал и рассчитывал. Поэтому и добавлял:

— Мне даже выгодно, чтобы Ульберт на реке продолжал разбойничать, теперь мои купцы ещё больше зарабатывать станут. Всё под себя подберут. А дурачьё городское этого не понимает, всё думают, что я кинусь их кошельки спасать.

Графине лакеи тоже положили в тарелку мяса, так она его даже не тронула, вина почти не пила, сидит злая, губы поджала, бокал за ножку вертит. И наконец говорит:

— А что же мне делать?

Генерал ей не отвечает, как раз лакеи принесли вторую перемену, то жареные утки с кислыми яблоками и в медовой подливе, утки жирные, коричневые, зажарены прекрасно; хоть и не голоден уже он, но разве от такого откажешься? И только после того, как ножка утиная оказалась в его тарелке, он отвечает ей:

— Волноваться тебе не о чем. Ты и граф мне не чужие, будет тебе дом, дай срок. А если Фейлинг тебе наскучит, так переезжай сюда, Кёршнеры наши родственники, они тебе рады будут, и мне так спокойнее будет, можешь в моих покоях остановиться, они отличные, — и, взяв в руки утиную ногу, добавляет: — Кстати, и про место в городском сенате я тоже помню.

Кажется, его слова графиню приободрили. Она смотрит на него чуть прищурившись и говорит:

— Уж только вы меня, братец, не обманите.

— Глупая гусыня, — почти беззлобно отвечает ей барон. — Я разве тебя хоть раз обманул?

Вместо ответа Брунхильда одним глотком допивает вино из своего бокала и говорит тихо, чуть наклонившись к нему:

— Коли вы намерены меня… вести куда-нибудь, так поторапливайтесь, а то мне ехать уже пора.

— Намерен, — сразу отвечает Волков и бросает утиную кость себе в тарелку; от её красоты, от близости, от её запаха у него начинает закипать кровь.

— Только мне в уборную сначала надо, — шепчет графиня.

— У меня в покоях отличная уборная, — он вытирает руки, бросает салфетку на стол и поднимается со стула.

Глава 16

Волков уселся на кровать, прежде расстегнув и скинув свой дорогой колет. И ждал, пока красавица выйдет из соседней комнатушки. И каждое лишнее мгновение было нестерпимо: ну что же ты там делаешь так долго?

Брунхильда наконец появилась из-за двери, так высоко подобрав юбки, что он увидел подвязки её чулок выше колен. Ноги её в чёрных чулках были так стройны, что один вид их вызвал у него желание. А она, подойдя к нему, спрашивает чуть насторожённо:

— А что у вас под рубахой?

— То пустяки. Повязки, но я уже почти выздоровел.

И тогда она обхватила руками его плечи и стала целовать в губы со страстью и желанием, а он хотел обнять её, схватить её, сжать, но женщина вдруг оттолкнула его.

— Легче, братец! Легче!

— Что? — удивился и немного растерялся Волков.

— Причёску мне не попортите, кто мне потом её исправит? Потом мне домой простоволосой ехать? Что хозяева подумают? И слуги шептаться начнут, — графиня при этом аккуратно поправила свой головной убор.

— О Господи! — барон поморщился и снова притянул её к себе, снова стал целовать и прикасаться к ней, хотя через корсет было трудно добраться до её груди, а через тяжёлые юбки — до ягодиц.

А красавица опять приговаривала при этом:

— Ах, как вы горячи, братец… Тихо, тихо вы… Причёску попортите…

— Сними-ка платье, — говорит он ей, а сам начинает искать концы завязок на спине.

— Да вы рассудка лишились, братец, — она вырывается из его рук и садится на самый край кровати, — как я потом его без горничных надену, уж не вы ли будете мне помогать? Нет, — она подбирает юбки так высоко, что он видит, где кончаются её чулки, видит волосы на её лобке. Она пошире разводит ноги и притягивает его к себе. — Берите так, и побыстрее, а то Кёршнеры ещё искать нас начнут. Да и ехать мне уже скоро.

— Хотел тебя голой увидать, как в тот раз, в трактире, когда ты ко мне первый раз пришла, до сих пор помню, хоть сколько лет уже прошло, — говорит он, прикасаясь к ней рукой.

— Сама иной раз вспоминаю… — её дыхание, её глаза, её ласковые руки выдают в ней желание. Она снова быстро целует

его в губы и продолжает: — Да берите уже наконец, я горю — не терпится, — шепчет женщина и собирается ему помочь с одеждой.

И вдруг… Они оба замирают.

За дверью своих покоев слышат господа по дорогим паркетам частые шаги, кто-то подбежал к двери и затих. И ещё шаги, тоже лёгкие, и потом за дверью высокие голоса… Детские.

И барон, и графиня оборачиваются к двери, замирают и опять слышат детские голоса.

— Неужто граф? — спрашивает Волков, поворачиваясь к Брунхильде.

— Не знаю… Без няньки? И как он нас нашёл? Нет, то не граф, — отвечает женщина и, оттолкнув его, одёргивает подол и расправляет юбки. — Спросите, кто там. Поглядите, братец.

А тут ещё в дверь стали колотить, и слышно было, что это бьют маленькие кулачки.

— Нет, то не граф, — с уверенностью говорит Брунхильда. И шепчет потом: — Откройте же дверь, братец, а то подумают ещё чего… Только накиньте одежду…

А за дверью снова голоса. Сомнений нет, за нею дети. Тогда он берёт колет, надевает его на ходу, подходит к двери, отпирает засовчик и…

За дверью видит двух мальчишек, он сразу узнаёт их и говорит удивлённо:

— Барон? Господин Эшбахт?

А два мальчишки, не очень-то опрятных, в царапинах и ссадинах на детских лицах, радостно смотрят на него, и старший из них отвечает с быстрым и не очень почтительным поклоном:

— Батюшка.

А за ним повторяет и младший:

— Батюшка.

* * *

— Господа! — Волков открывает дверь и впускает их в покои. — Соизвольте объяснить, как вы тут оказались.

— Приехали, — радостно сообщает ему наследник титула.

Потом, ничего более не объясняя отцу, Карл Георг Фолькоф барон фон Рабенбург влетает мимо него в покои и, обнаружив там Брунхильду и узнав тётку, кланяется ей так же небрежно, как кланялся отцу.

— Тётушка графиня!

— Узнал! — восхищается Брунхильда. — Добрый вечер, барон, — он хотел проскользнуть мимо неё, но красавица хватает

его за плечи. — А ну-ка постойте! Дайте-ка я на вас погляжу! — она смеётся и целует мальчишку в щёки. — Уже давно вас не видала.

— Ну тётушка! — барон вырывается из её руки и вытирает щёки ладонью. Разбегается и прыгает на кровать.

Младший же сын генерала, Генрих Альберт Фолькоф фон Эшбахт, или, как по-домашнему звала его мать, Хайнц Альберт, наоборот, обнимает отца, прижимается к нему.

— Батюшка, где же вы так долго были?

Волков треплет его по волосам.

— На войне, друг мой, на войне. Идите поздоровайтесь со своей тётушкой. Вы помните свою тётю Брунхильду?

— Идите, мой дорогой, сюда, — зовёт его графиня, присаживаясь на корточки и протягивая к ребёнку руки. — Давайте знакомиться.

— Идите, идите, — подталкивает мальчика в спину отец.

Сын нехотя идёт к Брунхильде в объятия.

Он уже не спрашивает у своих сыновей, как они сюда попали, кто их привёз из Эшбахта; он и так всё понимает. И, как подтверждение его догадок, за дверью слышатся знакомые шаги и шуршанье юбок, он уже знает, кого увидит в дверях.

И не ошибается, через несколько мгновений в проёме появляется баронесса фон Рабенбург, урождённая Элеонора Августа фон Мален. Его супруга. Она сразу быстрым, но цепким взглядом окидывает покои и, улыбаясь чуть деланно, говорит удивлённо:

— Графиня? Рада вас видеть! Дорогой супруг! — она идёт к нему, протягивая руки, по-хозяйски заглядывает под колет и видит тугую повязку на торсе мужа. — Опять изранили вас?

— Уже всё поправилось, крови нет, лишь рёбра срастаются, — говорит генерал, обнимая жену. И тут же интересуется. — А чего это вы вдруг приехали на ночь глядя?

Но Элеонора Августа его словно не слышит, она смотрит на графиню. Это всё тот же цепкий, всевидящий женский взгляд. Она сразу оценивает красавицу, её платье, причёску, драгоценности, и уж после баронесса признаёт:

— Вы, как всегда, прелестны, сестрица. Как здоровье графа?

— Спасибо, сестрица, — улыбается Брунхильда, — слава Богу, сын мой здоров, и племянники мои, я вижу, тоже, — она всё не отпускает от себя младшего, Хайнца Альберта, прижимая его к своим юбкам.

А супруга генерала стала застёгивать мужу колет и говорит:

— А приехала я, так как купчишка один на подворье нашем болтал, что утром видел вас в городе. Вот я и собралась. А вы тут,

дорогой супруг, сколько дней уже?

— Вчера приехал, — отвечает генерал. — Хотел дальше ехать, но горожане мне делами своими докучают второй день.

— Ну, я так и думала. А мы с сыновьями и обедать не стали, собрались и поехали, теперь с дороги голодны, а ужин, кажется, у Кёршнеров не закончился, со столов еда не убрана, я видела в столовой. А вы уже поели?

— Я ещё голоден, — говорил жене Волков.

— А нам с графом уже пора, поеду, наверное, — говорит графиня.

Тут и лакеи принесли сундуки баронессы и её сыновей, пришли сиделка со старой монахиней. Они стали устраиваться по комнатам, у Кёршнеров для всего семейства Эшбахтов всегда были приготовлены комнаты. Тут ещё и хозяйка дома появилась. Она была хорошо знакома с баронессой, так как баронесса была у неё в гостях далеко не первый раз; они обнялись как подруги. Клара Кёршнер сообщила потом, что хозяину дома лучше, но к столу он уже не спустится. Просит продолжить ужин без него.

А графиня стала прощаться со всеми и, когда целовала генерала, тихо шепнула ему:

— А вы просили платье снять.

Когда Брунхильда и юный граф уехали, супруга спросила генерала как бы между прочим:

— А что это графиня делала в наших покоях?

— Она просилась в уборную, — нашёлся генерал, — а те уборные, что внизу, ей не пришлись, я предложил ей нашу.

Кажется, баронессу этот ответ удовлетворил, и она ушла в покои, что отводились детям и няне. Устраивать их.

Потом все, включая монашку и уже почти родственницу мать Амелию, а также сыновей барона, спустились к столу, где их ждала хозяйка дома Клара Кёршнер. И сыновья его, по своему обыкновению, затеяли обычный для них раздор, старший, не обращая внимания на няньку, начал вставать на стуле и лезть во все блюда руками, а когда его одёрнула мать, так он уселся на свой стул и тут же затеял драку с младшим. После чего тот начал плакать. Это было в порядке вещей, молодой барон фон Рабенбург часто затевал ссоры с братом и вообще прослыл в свои шесть неполных лет задирой, которому никто не указ. Няньку он вообще не замечал, что ему, барону, какая-то служанка, слова матери не успокаивали его надолго, от монахини и от чтения молитв он бежал и прятался, и лишь окрик отца приводил его в чувство.

— Барон! Карл Георг! — рычал раздражённый отец. — Уж не желаете ли побеседовать со мной с глазу на глаз?

Лишь тон отца на время успокаивал мальчишку. Но за своих сыновей, которые не умели себя вести в гостях, Волкову становится немного стыдно перед госпожой Кёршнер.

И, видя его недовольное лицо, баронесса, ещё раз шикнув на старшего и успокоив младшего, шептала мужу:

— Это всё оттого, что вы, дражайший супруг мой, в делах бесконечно пропадаете, даже когда вы дома, он вас не видит, а потом ещё вы на своих войнах по полгода воюете, вот и растёт сын ваш без отцовского слова. Никем не вразумлённый и никого не боящийся. Скоро он и меня уже слушать не будет.

«Так и есть: они очень разные, и молодой барон фон Рабенбург молодому графу фон Малену ни по уму, ни по воспитанию и близко не ровня».

Это немного печалит генерала. Он сурово смотрит на сына и грозит тому пальцем: имейте в виду, я за вами слежу!

Потом Волков глядит на свою жену, которая, найдя благодарную слушательницу в лице госпожи Клары, болтает неумолкаемо. Говорит всякую дурь про старый дом в Эшбахте. Про недостроенный замок. Про нерадивых слуг и весеннюю грязь на дороге. А генерал разглядывает платье своей жены, которое ей уже мал**о́**, раздобрела она к весне. Видит на правом рукаве того платья какие-то пятна, потом он смотрит на её незатейливую причёску, простое и не очень умное лицо с миной высокомерия… И всё в ней ему не нравится. Всё в ней какое-то скудное, провинциальное, на весь её вид наложился поросший грубым кустарником Эшбахт, медвежий угол, деревня. Как и его сыновья не чета юному графу Малену, так и баронесса совсем не ровня роскошной и прекрасной Брунхильде, которая сидела тут недавно со своей изумительной причёской, вежливой улыбкой и прямой спиной. И теперь эта их разность просто бросается ему в глаза. И генерал думает с лёгкой грустью:

«Вот и поди ж ты угадай: кто из них родился в хлеву, а кто в графском замке».

Глава 17

После ужина супруги и сыновья пожелали хозяевам спокойной ночи и ушли в свои покои. Нянька и монахиня увели мальчиков в их спальню, а барон и баронесса остались в своей. Горничная помогала Элеоноре Августе раздеваться возле зеркала, Томас приносил господину таз с водой, а Гюнтер унёс его одежду, чтобы почистить или постирать.

А баронесса при этом ему говорила:

— Дорогой супруг, а отчего же вы не сказали, что сестрица ваша даёт пасхальный бал?

— Я и сам о том узнал лишь по приезду, — Волков умылся с мылом и стал обмывать шею, грудь и подмышки.

— И она мне про то ничего не писала, — продолжала баронесса. — Могла бы написать пару слов по-родственному.

В этих речах слышался укор, но вот направлен он был не по адресу. Однако оправдывать Брунхильду генерал не спешил, день выдался непростой, ему было просто лень говорить про это, но супруга его не унималась и продолжала.

— А сами-то вы на бал пойдёте, наверное? — едко интересовалась у генерала жена.

— Мне нужно там быть по делам, — нехотя ответил тот.

— А когда вы собирались писать мне, что приехали в Мален? — интересуется супруга.

— Я закончил все дела и завтра собирался устроить себе почтовый день. Вам бы я написал первой, — барон закончил с мытьём и взял у Томаса полотенце.

— Может, сестрица меня стыдится? — продолжала Элеонора Августа всё с той же своей неприятной едкостью. — Может, она меня не хотела звать на бал?

— С чего бы ей вас стыдиться? — Волков морщился, ему был неприятен весь этот разговор.

— Ну так вы видели её! Истинная графиня! — баронесса говорила это так, как будто её муж был в этом виноват. — И молодой граф тоже хорош, учтив, пригож, не чета нашим сыновьям, — женщина бросает на мужа недобрый взгляд, — они при дворе в ласке принца жили, мы, поди, для них деревенщина.

— Я бы предпочёл всю оставшуюся жизнь прожить в нашей деревне и при дворе вовсе не появляться, — говорит Волков и ложится в постель. И чтобы хоть чуть улучшить настроение жены, добавляет: — Курфюрст за дело моё в Фёренбурге даровал мне дом в Вильбурге.

— Дом?! — воскликнула жена и тут же кинулась на кровать к

мужу. — А что за дом? Хорош?

— Хорош тем, что есть, — отвечает ей генерал. — Комнат мало, для прислуги места нет, конюшни малы… Но жить там можно. Мебель я какую-то купил. А вот посуды нет, простыней нет, перин…

— А сам-то дом каков? — женщина лезет к мужу, обнимает его аккуратно, чтобы не разбередить рану. — Сам-то дом красив?

— Ну, неплох, — отвечает ей барон, — на хорошей улице стоит.

— Ох, как то хорошо может быть. Поедемте туда, господин мой, — жена прижимается к нему, гладит по щеке, даже закидывает на него свою ножку. — Ах, как хочу я в Вильбург. Хочу дом посмотреть, всё купить для него, опять же сыновей при дворе представить. Вы же сможете взять нас во дворец, когда принц позовёт вас туда? И дворец бы мы посмотрели. Вы ведь при дворце часто бывали? На балах, на обедах.

На этом благодушие генерала и закончилось, он говорит жене весьма твёрдо:

— Принц позовёт меня ко двору, когда пожелает на новую войну отправить, а мне его войны уже до желудочных колик обрыдли, и двор Его Высочества я больше видеть не хочу. Насмотрелся уже. Можно будет съездить в Вильбург по осени, после урожая, сыновьям столицу показать, вам по лавкам походить, но ко двору ездить да на обеды к принцу набиваться у меня желания нету.

Но жена от его слов огорчилась всего на мгновение, а потом продолжает:

— Ну и хорошо, съездим по осени, а ко двору я могу и без вас съездить, авось принц примет родственницу.

Волков смотрит на неё осуждающе, но ничего не говорит, а баронесса оправдывается:

— Ну надо же сыновьям показать двор.

— Уж чего-чего, а двора им точно видеть нужды нет.

— Ах, как вы не правы, — мечтает баронесса, закатывая глаза к потолку. — Говорят, там такие балы! Такие обеды. Дамы в таких нарядах. Говорят, лучшие рыцари все там, там и турниры лучшие, и все так хорошо танцуют. Не то что в этом закопчённом Малене, где одни кузнецы да купчишки… Вот хорошо бы было, если бы герцог подтвердил вам чин генерала и дал при дворе содержание, а лучше уж дал чин маршала…

Тут уже барон не выдерживает, скидывает с себя ножку жены и говорит холодно:

— Душа моя, злите вы меня, ибо глупости вашей предела нет.

— А что? Что? — жена лезет к нему, обнимает и целует его.

— Отчего вы так злитесь. Оттого, что при дворе состоять не желаете? Так и ладно, это я только помечтать хотела. А сыновьям покажем дворец, и того будет достаточно.

Она запускает крепкую ручку свою под мужнее исподнее, целует его не единожды в щёки, в губы и шепчет сладострастно:

— Не злитесь на дурость мою, не отталкивайте меня, сердце моё, я без вас с Рождества, жду вас, жду, уже истосковалась.

Вся его страсть, весь его любовный пыл перегорел в этой комнате ещё час или два назад, когда тут, присев на этой кровати, задирала юбки обворожительная графиня; он бы и сейчас хотел видеть тут её, а не жену, но жена по законам людским и божьим имела право на его внимание. И хотя то, что некрасива она, и не мила, и пахнет от неё совсем не так, как от Брунхильды, но генерал не отталкивал её. Жена, данная Богом, всё-таки. Куда от неё деться?

* * *

Хозяин дома за завтраком уже был за столом, ему стало получше, приступ прошёл, и он любезно разговаривал с баронессой и гонял слуг в кладовые и чуланы за лакомствами: то за орехами и сушёными фруктами в сахаре, то за мёдом, то за твёрдыми пряниками — лишь бы порадовать Элеонору Августу и её шумных, капризных сыновей.

А мальчики за общим столом и вправду были шумны, особенно юный барон. Он никак не мог успокоиться то ли от радости, что он находится в гостях в большом доме, то ли от присутствия очень красивой своей кузины Урсулы Вильгельмины Кёршнер, которая за его чудачествами наблюдала с большим интересом и даже смеялась, когда он кидал в лакеев чёрными сушёными грушами и попадал им в лица, после чего те притворно кричали от боли. После чего и младший начинал делать то же самое. Мать, и монахиня, и няня урезонить хулиганов никак не могли.

Волкову надо было бы снова приструнить расшалившихся сыновей, но он сидел, словно не видя их бесчинств, ел не спеша, глядя только перед собой, и думал. И сколько баронесса ни поглядывала в его сторону, ища его поддержки, он её взглядов не замечал.

А думал генерал о вчерашнем долгом разговоре с Брунхильдой. И теперь сидел и гадал, передаст она этот разговор Хуго Фейлингу или нет.

«Должна, должна передать. Он из неё все от меня

услышанное вызнавал полночи».

Генерал был практически уверен, что приехала она вчера на ужин не просто так. Приезжала она сюда с одобрения, а может даже, и по просьбе Фейлинга. Весь её удивительный вид, её поведение, её ласка указывали на то, что она к ужину готовилась. Вернее сказать, готовилась ко встрече с генералом. В общем, как бы там ни было, Волков очень рассчитывал на то, что его рассказ про то, что он ищет встречи с раубриттером Ульбертом, чтобы договориться с ним, дойдёт до Фейлинга, а значит, и до всех городских нобилей.

И тогда возможны будут два варианта: либо город будет вынужден пойти сам воевать разбойника, либо горожане прибегут к нему, к Эшбахту, и согласятся на все его условия, даже на те, которые он ещё не выдвинул, лишь бы он не договаривался с Ульбертом делить купеческие баржи на те, что можно грабить, и на те, что грабить нельзя. Что ж, оба варианта его устраивали. В первом случае горожане начнут склоку с фамилией Маленов, ещё несколько лет назад он об этом и мечтать не мог. А во втором случае они отнимут у Гейзенберга и отдадут Брунхильде графский дом, а также предоставят место её человеку — а правильнее сказать, его человеку — в городском совете. И всякий из этих случаев радовал барона.

А посему теперь у него было хорошее настроение, и он, додумав все расклады этой интриги, наконец «вернулся» за стол и заметил, как бесчинствует там его старший сынок. И тогда отец постучал вилкой по стакану, привлекая внимание молодого барона, и сказал строго:

— Вы, я вижу, пристойно вести себя не желаете!

— А что? — дерзко поинтересовался Карл Георг. Он, сидя на стуле, едва выглядывал из-за стола, хоть ему и подкладывали подушки; видно, потому он встал на стуле и заявил: — Что я сделал?

Волков указал вилкой на няньку: ты; а потом произнёс с беспрекословной строгостью:

— Барон, вон из-за стола!

И нянька кинулась выполнять приказ главы дома. Она стащила мальчишку со стула и поволокла его к выходу из гостиной.

— За что? — заверещал тот. Он упирался, скользя по паркету, но дородная нянька легко тащила его к дверям.

— За то, что не умеете себя вести! — с видимым удовольствием отвечала за мужа баронесса. И потом говорила супругу: — Давно с ним так надо, всю зиму бедокурит, управы на него не было. Как хорошо, что вы вернулись.

— А что же вы не могли его успокоить?

— Да разве я с ним справлюсь?

— Я ещё не поел! — кричал молодой барон, цепляясь за двери. — Я ещё голоден! Отец, дозвольте мне поесть!

— У вас было на то время, — холодно отвечал ему генерал. — Теперь в обед поедите. Не раньше!

— А-а! — заорал мальчишка. — Вы злой!

Но нянька уже оторвала его от двери и выволокла в коридор, где его крики и затихли.

— Уж и не знаю, что с ним делать, — стала вздыхать и жаловаться баронесса. — Как вы уехали на войну, так он распоясался, слуг бьёт, няньку бьёт, с матерью Амелией тоже ругается, учиться с нею не желает…

— Недавно писание со стола на пол скинул, — поддержала баронессу монахиня. — Дескать, не хочу я ваши буквы учить. Я его пристыдить хотела, так он бранил меня коровой старой. А уж как слуг лупит, как няньку по щекам хлещет почём зря…

Она сокрушённо качала головой. А господин Кёршнер тогда и заметил с улыбкой:

— Так воин растёт, ему есть в кого быть воинственным и грозным.

На что Волков ничего не сказал, хотя и мог заметить, что времена рыцарской вольницы и глупой отваги теперь уже проходят, а приходят времена ровных колонн и крепкой дисциплины.

* * *

После завтрака он, как и намеревался, отправил Хенрика на почту, а сам сел писать письма.

Но тут к нему пришла баронесса и сказала:

— Дорогой супруг мой, позволите ли вы мне поехать по лавкам? А то бал, что даёт графиня, уже завтра, а у меня нет ни одного приличного платья. Клара едет и уже велела запрягать карету. Я бы с нею поехала, она тут все лавки и всех портных знает лучше моего.

Волков поглядел на то платье, что было на ней, и оно было не лучше вчерашнего с заляпанными рукавами. Кружева все замызганы, сама ткань застирана и потеряла половину своей краски. Блёклое, старое, бедное.

«Сидели бы вы, баронесса, дома, там, в Эшбахте, и ваши заляпанные наряды выглядят достойно».

Он вздохнул: думал сэкономить денег, а ещё немного занять

и всё-таки довести постройку замка до конца. Но жена будет с ним на балу и, по сути, будет его лицом. Ей и вправду было нужно хорошее платье. Да и всё остальное, что нужно знатной даме. Жене самого влиятельного человека юга земли Ребенрее.

«Уместить бы все её затраты в сто талеров. Хорошо бы было».

— Что ж… езжайте, — и, подумав, спрашивает: — Может, мне поехать с вами, дорогая супруга?

Генерал, во-первых, хотел сэкономить, а во-вторых, думал, что, зная нынешние моды в Вильбурге, подберёт ей платье получше. В котором и при дворе, случись ей там быть, её не посчитают деревенщиной.

Но Элеонора Августа на это сказала, подходя к мужу и ласково обнимая его:

— Уж и хотела бы я, чтобы вы были со мной, но едем мы с Кларой надолго, боюсь утомить вас своими поездками, а вы, я вижу, почтовыми делами занялись, так и делайте их. Только денег дайте…

Волков отпер сундук и выдал жене кошелёк со ста монетами.

— Берите то платье, что госпожа Кёршнер одобрит, у неё на одежду хороший глаз.

Баронесса, совсем как девочка, запрыгала от радости, когда он передал ей деньги. Поцеловала его быстро и убежала.

Глава 18

Первое письмо он писал на почту Вильбурга для ротмистра Хаазе, и в том письме отругал его предварительно за исчезновение со званого ужина, потом стал требовать, чтобы он теперь каждый день справлялся о готовности лафетов, так как деньги для них уже должны быть из казны выделены. Потом сел писать письмо своему заместителю полковнику Брюнхвальду. Справился, как у него и его отряда дела. И это письмо он отправил на почту Вильбурга, полагая, что Карл уже вывел его людей из Фёренбурга и ведёт домой. Потом он написал большое письмо канцлеру, в котором описал происходящее в Малене, писал про разбои на реке и про то, что горожане тем разбоем возбуждены, а заодно напомнил ему о своих лафетах. Он ещё на всякий случай спросил у Фезенклевера о том посольстве, что собиралось ко двору маркграфини Клары Кристины Оливии, графини фон Эден, маркграфини Винцлау. Спрашивал осторожненько, отбыло ли посольство. Спрашивал с надеждою, что отбыло и что в нём самом нет более у принца никакой надобности, и поэтому теперь он сможет заняться своими делами, которые были не так уж и хороши.

Проведя почти всё время до обеда за делами чернильными, он вышел из своих покоев и, спустившись в гостиную, обнаружил там хозяина дома, который забавлялся игрой со своей чудесной внучкой.

Урсула Вильгельмина была и вправду удивительным ребёнком, но дедушка, прервав с нею игру, звал няню, а также лакеев, чтобы те принесли ему и генералу вина. И Волков понял, что у родственника к нему имеется какой-то разговор. И в том не ошибся. После того как они сделали по глотку, Кёршнер начал:

— Утром сегодня были у меня важные господа из Вильбурга.

— Важные господа? — генералу захотелось знать, что за господа посещали его родственника. — И кто же это был?

— То были господин Вальдер глава гильдии башмачников Вильбурга, и господин Кронс, выборный казначей гильдии кожевенников и гильдии седельщиков Вильбурга и Амсбурга, и с ними были другие господа из разных кожевенных цехов, а также цехов мебельных и каретных, от столицы и окрестностей. А ещё несколько купцов, что торгуют от Хоккенхайма и вниз по реке.

— О, большая делегация, — говорит генерал, а сам думает, что раньше Кёршнер ни о чём подобном ему не рассказывал. После чего понимает, что визит этих всех господ каким-то образом касается и его. И посему спрашивает: — И что же все эти

уважаемые господа хотели от вас, друг мой?

— Это собрались мои крупнейшие заказчики, — поясняет купец, стараясь деликатно довести до генерала ситуацию. — Со многими из них я торгую уже не первый десяток лет. Честно говоря, эти заказчики мне выгоднее заказов двора Его Высочества. И платят они без отсрочек, и цены у них приятные.

— Прекрасно, — кивает генерал, — и что же?

— Они собрались тут у меня поговорить… поговорить о заказах.

— Они собираются заказать у вас товары?

— Они уже заказали, — поясняет Кёршнер в некоторой нерешительности, — ещё по прошлому году, а теперь съехались…

— Друг мой, да не тяните вы уже, — говорит купцу барон ободряюще. — Ну… Рассказывайте, что же за беда их сюда привела, о чём волнуются господа купцы… главы цехов… казначеи разные…

— Они заказали у меня в общей сложности четыре тысячи четыреста свиных шкур средней выделки, а ещё восемьсот свиных шкур скоблёных, выделки тонкой, и тысячу двести шкур воловьих, твёрдых, крепкого дубления, что идут на подошвы для башмаков и на всякое подобное.

— О, думаю, что это хороший заказ, что принесёт вам немалые прибыли, — замечает генерал.

— Хороший, хороший, — соглашается купец, но отдувается, словно это не разговор, а какая-то нелёгкая работа. Потом отпивает вина и продолжает: — Вот только господа стали волноваться… Так разволновались, что собрались и приехали сюда.

— А, — догадывается Волков, — прознали, подлецы, про разбои на реке, вот теперь и волнуются, сможете ли вы поставить все обещанные вами кожи.

— Именно, — говорит Кёршнер. И поясняет: — Очень много кож я скупаю у мужичков во Фринланде, у меня закупочные лавки в Эвельрате и склад в Лейденице, а ещё больше кож, особенно воловьих, мне собирают два купца из Бреггена. Из Мелликона.

— Ах вот оно что! — генерал понимает его.

— Да, вот… — продолжает купец. — Вот так… Здесь, в нашем графстве, я соберу до конца года чуть больше половины надобных для тех господ кож.

— Потеряете прибыли, — понимает Волков, но произносит это без видимого сочувствия.

И поэтому купец продолжает:

— Если бы только прибыли…

— А что же ещё? Репутацию? — не понимает барон.

— Купцы из Хоккенхайма, что торгуют с Нижними землями по реке, говорят, что потери моих поставок обойдутся им неустойками, и эти неустойки… — Кёршнер вздыхает, — они, естественно, грозятся переложить на меня.

— Вот как! — говорит генерал и тут же вспоминает: — Знаю этих хоккенхаймцев, самое отпетое жульё на реке, все они там воры, и город у них ведьминский.

— Тут не поспоришь, о хоккенхаймцах всегда дурная слава шла, — соглашается купец и добавляет: — Только вот остальные мои покупатели также о неустойках говорили.

Волков уже понимает, к чему клонит купец, но ему надобно, чтобы тот всё сказал вслух, чтобы высказал все свои пожелания. И он ждёт, пока тот закончит свою речь. И Кёршнер со вздохом заканчивает:

— Очень нам всем… не надо, чтобы плохие вести по реке вниз плыли, как-то нужно того разбойника приструнить, много от него разных хлопот ненужных. Много шума, много болтовни, а коммерции спокойствие желательно.

«И этот меня подбивает с Ульбертом разобраться. Все, все хотят, чтобы это сделал именно я. И Брунхильда, и родственничек!».

Но ничего определённого отвечать ему генерал не спешит, машет лишь рукой небрежно:

— Полноте вам, друг мой, волноваться раньше времени. Ничего с вашими кожами не будет, все будут у вас. Коли ваши скупки закроют во Фринланде, так на то у нас там есть мой и ваш знакомец господин Гевельдас; помните же вы Иеремию?

— Помню Иеремию Гевельдаса, помню, — кивает Кёршнер. — Как же мне его не помнить, если я с ним и сейчас дела имею и по лесу, и по углю, и по шерсти.

— Так он ваши скупки себе приберёт, коли вас оттуда попросят, и все кожи для вас и купит. Я ему доверяю свои деньги, и ваши дела, полагаю, доверить сможем, он нас не обманет, — объясняет Волков. — И про кантон вам волноваться нечего, мой племянник Бруно стоит там крепко, у него лавки, мастерские, склады уже есть и в Висликофенне, и в Мюллибахе; его тесть, сам Николас Райхерд, хоть уже и не ландаман земли Брегген, но в совете кантона вес имеет решающий, так что ничего со скупкой ваших кож у горцев не случится. Не переживайте. Разве что… — барон не закончил свою речь, многозначительно замолчав.

— Что? — не терпится знать родственнику.

— Может, ваши расходы немного возрастут. Но уж и не так, чтобы вас разорить. Ваши кожи всё равно будут вам выгодны.

— Расходы? — спрашивает Кёршнер и, кажется, грустит ещё

больше.

— Мелочи, — машет рукой генерал. — И говорить о том лень.

— А судоходство на реке? — всё ещё волнуется купец. — Соберу я, к примеру, кожи в Бреггене, погружу на баржу и повезу к вам в Амбары, а разбойник налетит, да их и отнимет.

— И об этом не волнуйтесь, я договорюсь с ним; тех, кто будет плавать по реке под моими цветами, он трогать не станет, — говорит купцу генерал, для убедительности понижая тон до шёпота.

— Ах вот как! — воскликнул купец и тут же прикрыл рот рукою. — Значит, вы с разбойником думаете договориться?

— Думаю, думаю, — Волков ещё ближе подвигается к родственнику и говорит ещё тише: — Епископ обещал мне в том содействие. А Ульберт епископу отказать не посмеет.

— Ах, какова интрига! — восхищается купец. — Как всё умно у вас придумано.

— Да, умно. Вот только лишние люди про то знать не должны, — говорит ему генерал, прекрасно зная, что уже сегодня о том будет известно… Ну, например, жене Кёршнера Кларе. А после и его собственной супруге. Женщины есть женщины. А там и слуги про то прознают.

— Лишние не узнают, — обещает купец.

Но генералу нужно как раз обратное. И Брунхильда, и родственник должны распустить по городу слух, что он собирается договариваться с Ульбертом. И лучше, если этот слух будет исходить не из одного источника, а из нескольких. Так будет правдоподобнее.

* * *

После барон пошёл к своим сыновьям. Они, особенно юный барон, буйствовали в принявшем их доме. Со слов немолодой и уставшей от братьев монахини, которая просто села на стул у стены, пустив безобразия на самотёк, недавно господа разбили кувшин со сладкой водой, что пожаловали им хозяева. А ещё успели испачкать башмаками обивку стен у кровати в своей комнате. О чём вовсе не сожалели.

А теперь, несмотря на окрики няньки, мальчишки влезли на стулья с ногами и добрались до чернильницы с перьями и бумагой, которые кто-то по недосмотру оставил в детской на большом столе. Юные господа перепачкались чернилами, испортили десяток листов отличной бумаги, а также заляпали платье и передник своей няньке, которая пыталась у них чернила

отобрать.

И только появление отца привело их в относительное спокойствие.

— Батюшка, а мы учимся писать! — радостно сообщил ему младший из братьев, Хайнц Альберт, держа чёрными от чернил пальцами дорогой лист бумаги с каракулями и кляксами.

— Сие похвально, — холодно заметил отец, присаживаясь к столу и с неудовольствием оглядывая всё вокруг, включая измождённую няньку, — вот только прежде, чем учиться писать, неплохо было бы выучить буквы, а также овладеть чтением было бы хорошо, — он поворачивается к монахине. — Мать Амелия, есть ли у вас какая книга, чтобы господа могли мне почитать?

— Книга у меня есть, господин, и, коли прикажете, так я её принесу, — начинает монахиня тоном, выражающим полную безнадёжность, — вот только господин молодой барон читать не желают и отказываются, а если просить их, так переходят в крик, а господин Эшбахт могут и прочесть пару слов, но потом начинают рыдать: дескать, тяжело им.

Юный барон смотрит на отца, вихрастый, перепачканный чернилами, вид у него заносчивый.

Волков глядит на него, потом на младшего сына и удивляется им. Перед зимой, когда он уезжал по призыву герцога, мальчишки были совсем иные, и волосы у них были короткие, и одежда была другая. И вели себя они пристойнее. Теперь молодой барон глядит на отца, а у самого взгляд дерзкий: ну и что? Ты и вправду думаешь, что тебе буду читать сейчас?

— Отчего же вы не слушаете монахиню? — наконец спрашивает генерал у своего старшего сына. — Отчего отказываетесь читать?

— Не буду читать! Недосуг мне! — нагло и просто отвечает сын; потом он нарочито отворачивается от отца, начинает макать перо в чернильницу и что-то рисовать на листе бумаги. А у няньки лицо от такого ответа мальчишки вытянулось. Монахиня сидит, едва дышит, только глаза бегают от отца к сыну. Обе ждут, что будет.

Это вопиющее неуважение, да ещё перед домашней прислугой, едва не заставило генерала вскочить…

Ах, как он хотел сейчас схватить этого мелкого червяка за шиворот да как следует его встряхнуть, чтобы пришёл в себя и вспомнил, с кем говорит. Ведь маленький мерзавец осмелился при всех отказывать ему, да ещё в столь неуважительной форме. Отказать! Ему, Рыцарю Божьему, барону фон Рабенбургу, тому, с кем князья мирские и князья церкви беседуют без заносчивости, не говоря уже о всех остальных людях.

Волков едва нашёл в себе силы, чтобы остаться на стуле, но все присутствующие и так почувствовали, как от него по покоям волнами расходилась ярость. Даже сам Карл Георг Фолькоф, барон фон Рабенбург, отрывает глаза от своих рисунков и косится на отца.

И только после этого генерал встаёт.

— Ваше поведение, барон, недопустимо. Как вернёмся в Эшбахт, я найду способ вас вразумить, и поверьте, этот способ вам по душе не придётся.

— И что? — нагло спрашивает сын у отца. — Что вы сделаете?

— Вы всё узнаете, а пока я запрещаю вам являться к столу, и в обед, и в ужин, чтобы ни мне, ни матери вашей не приходилось краснеть перед радушными людьми, что нас привечают, за бесчинства, что вы учиняете.

— Отчего ко столу мне нельзя? А что я сделал? — кричит мальчишка.

Но генерал его не слушает, он глядит сначала на няньку, а потом и на монахиню и спрашивает:

— Слышали меня? — и стучит по столу пальцем. — Ни на шаг его из покоев не выпускать.

— А-а… — сразу начинает лить слёзы молодой барон. — За что? А Хайнцу ко столу, что? Можно, что ли? Вы, батюшка, злы! А-а-а…

— Хоть верёвками его вяжите, а из комнаты не выпускайте. А пока… Умойте его холодной водой, а потом уложите спать, видите, ребёнок беснуется, — распоряжается генерал и, чтобы не слышать зычных криков своего первенца, покидает комнату. Закрывает за собою дверь и вздыхает:

«Дурень и горлопан! Нет… Не чета он молодому графу, хоть и близкий родственник».

Глава 19

Они вернулись со множеством покупок уже ближе к ужину. Лакеи бежали вниз, ко входу, а поднимались по лестнице уже с тюками и свёртками. Клара Кёршнер была значительно старше баронессы. Может, потому относилась к покупкам спокойнее, а Элеонора Августа, давненько не выезжавшая из Эшбахта, была возбуждена и радостна. Первым делом кинулась к мужу делиться своей радостью, а заодно целовать его. И, расцеловав так, как будто он только что вернулся с войны, она стала щебетать:

— Ах, столько всего пришлось купить; хорошо, что Клара поехала со мной, я и половины тех хороших лавок не видела, которые она мне показала, — она была счастлива и вся светилась. — Пойдёмте в наши покои, я покажу вам, что купила.

И хоть генерала сейчас больше интересовал ужин, он согласился.

А там, усевшись в кресло возле кровати, смотрел, как горничная торопливо помогает его жене раздеться, чтобы та потом смогла начать показ нового платья. И Элеоноре Августе не пришлось его даже надевать, едва служанка развязала ленты свёртка, а генералу было уже всё ясно.

«Эх, надо было поехать с нею».

Впрочем, он вовсе не был уверен в том, что нашёл бы тут, в Малене, в далёкой от всех столиц провинции, что-то достойное жены известного в округе человека и боевого генерала.

«Нужно было её свозить в Вильбург, а лучше, конечно, в Ланн».

То, что купила себе на бал баронесса, не было похоже ни на то фривольное и очаровательное, что носят красотки при дворе, ни на то серьёзное и роскошное, что носила сейчас Брунхильда.

То было тяжёлое платье из хорошего сукна горчичного цвета, расшитое и отороченное чёрными кружевами. Яркое и провинциальное. Как раз для провинциалки, которой раз в год удаётся выбраться на бал.

«Впрочем, не многого ли я от них хочу? Разве госпожа медвежьего угла и купчиха могли купить что-то лучше?».

И вот это почти жёлтое платье было водружено на неказистую, коротковатую и широковатую фигурку его супруги… И тогда барон заволновался. Не на шутку. Женщина улыбалась и спрашивала его:

— Ну, дорогой супруг. Как вам?

А платье не сидело на ней… никак…

«Какая там Брунхильда? Какая там ещё София фон Аленберг?

Моей коровёнке перещеголять хотя бы торговку потрохами с маленского рынка! Уж лучше бы она обернулась в конскую попону!».

— Ну, душа моя… — требует ответа Элеонора Августа, вертясь перед супругом и так, и этак. — Что скажете?

Волков ёрзает на своем кресле и потом произносит:

— Дражайшая супруга, а не кажется ли вам, что оно вам не по фигуре?

— А, это я знаю, — отвечает баронесса, крутясь то в одну сторону, то в другую. — Оно мне велико… — она глядит в зеркало, что поднесла ей горничная, — Клара уже послала за портным и белошвейками, уж за ночь они управятся, и оно сядет как надо.

— Ну что ж… — генерал вздыхает. — Хорошо, — и тут же спрашивает: — А вы с собой из дома никаких других платьев не взяли?

— Взяла, так оно старее того, в котором я приехала, — отвечает супруга. — Я, как узнала, что вы в Малене, так стала собираться, чтобы успеть в город до того, как ворота закроют. Торопилась.

Генерал уже начал смиряться с тем, что жена завтра на городском балу будет выглядеть ужасно. Что ж тут поделаешь, деньги-то уже потрачены. Да и времени ехать покупать новое платье уже нет.

Про себя, в душе́, генерал машет рукой.

«Ну и во славу Господа. Ей этот страх Божий нравится, и пусть. Не буду её разочаровывать. Вон как радуется. Ну а завтра на балу как-нибудь перетерплю».

— А вот смотрите, какое я нижнее купила, — жена уже сняла страшное платье и, разоблачившись перед мужем до естества, надела платье нижнее. И эта одежда была куда лучше верхней. Отличная ткань, расшитый узором подол, удачный покрой.

— Жаль, что на бал нельзя идти в этом, — говорит генерал с сожалением.

— Вам нравится, да? — жена кидается к нему и обнимает, она так рада, что у него нет сил сказать ей правду об этом её новом платье. А она уже из какого-то мешочка достаёт чулки, их две пары, пара шёлковых чёрных и пара светлых, почти белых. — А вот смотрите, что я ещё купила.

А потом она ещё что-то показывала ему, и туфельки бальные, и башмачки, и берет, и лёгкую фату с замысловатой шапочкой, и ленты, и платки, и перчатки.

Он удивляется тому, как много она всего купила. И тут одна мысль приходит барону в голову:

— Сердце моё, а сколько же вы за сегодня потратили?

— Ох, — она садится на кровать напротив него, подбирает подол и начинает надевать чёрные чулки, а служанка ей помогает. — Даже и не знаю, я и не считала серебра…

Её ножки в чёрном шёлке выглядят более стройными, и она говорит служанке:

— Туфли подай.

И пока служанка надевает ей на ноги туфли, барон опять её спрашивает:

— Так сколько вы сегодня потратили, душа моя?

— Ой, говорю же вам, я и не считала, — отвечает баронесса, пританцовывая на паркете, выделывая всякие па, словно готовилась к завтрашним танцам. — Что-то у меня было, а что-то я у Ёгана взяла перед дорогой.

Но всё это не кажется барону убедительным.

— Взяли у Ёгана? И сколько же он вам дал?

— Я уже и не помню, он вам сам скажет, — она не хочет об этом говорить, женщина счастлива, ей сейчас не до этих глупостей.

— А у госпожи Кёршнер вы деньги сегодня просили?

— Ничего я у неё не просила, — сразу, и теперь уже серьёзно, заявляет Элеонора Августа и добавляет: — но, кажется, она за меня где-то что-то доплачивала.

Новые долги. Генерал вздыхает; в общем-то, он так и предполагал.

Ругать он её не стал, последние несколько лет стройка выжимала из него всё серебро, которое он только мог добыть, а те деньги, что перепадали семье, баронесса в первую очередь тратила на сыновей. Пусть хоть теперь немного порадуется. Всё равно сотня или две талеров для него мало что решали.

А после ужина она долго не приходила в спальню, они с Кларой уединились на женской стороне дома, так как приехал портной Кёршнеров, и теперь он занимался платьем баронессы.

«Господь всемилостивый, пусть у него хоть что-нибудь получится».

* * *

А портной Кёршнеров оказался кудесником и за ночь сотворил чудо. Он при помощи иголок и ниток умело превратил баронессу из безвкусной и неказистой в просто провинциальную, только лишь подогнав наряд по её фигуре. Теперь и цвет платья уже не казался Волкову ужасным. И чёрные кружева на нём не

выглядели дешёвыми. Даже берет и перчатки… Ну, вроде… подходили к этому её наряду. Сама же Элеонора Августа фон Мален госпожа фон Эшбахт баронесса фон Рабенбург просто цвела от счастья. Женщина не отходила от мужа, вертелась перед ним и уже полдюжины раз спросила у него что-то типа:

— Дорогой супруг, а носят ли такое при дворе? — или: — Ну и как вам я в этом наряде? А чёрные кружева не слишком ли?

И он её как мог успокаивал, дескать, кто-то да и носит такое при дворе, и что это платье безусловно её стройнит, и цвет у него хорош, и что многие носят чёрные кружева при дворе.

Она была не в силах расстаться со своим платьем и даже к завтраку вышла в новом своём наряде.

«Пусть тешится… Лишь бы только не заляпала его до бала, она же такая неловкая».

А потом женщины, Элеонора Августа и Клара, позвали своих служанок и стали собираться на бал, а мужчины, уже одетые, уселись в гостиной и попивали разбавленное вино, чтобы скоротать время; там же дети, очаровательная, как ангел, Урсула Вильгельмина и младший сын барона Хайнц Альберт, играли с красивым щенком, скармливая тому кусочки сыров и вяленых окороков из тарелки с закусками.

— Хайнц, — замечал отец, — не давайте ему много сыра.

— Батюшка, но отчего же? Он же голоден, — замечал мальчик. — Смотрите, как он жадно ест.

— Он не голоден, — отвечал барон — и тут же польстил хозяину дворца и родственнику: — в доме господина Кёршнера не бывает голодных, а щенок ваш просто обжора и любитель лакомств. И если вы его перекормите сыром, то у него разболится живот, — он сделал паузу, — и это закончится печально…

— Он умрёт? — ужаснулся Хайнц Альберт.

— Нет! Не умрёт! — крикнула Урсула Вильгельмина, хватая собачку в охапку и прижимая её к себе. — Он просто перепачкает ковры! Немножко!

Мужчины засмеялись. И тут как раз в дверях появилась нянька детей барона, а из-за её подола выглядывал его старший сын.

— Что вам угодно, барон? — сухо и даже холодно спросил отец у ребёнка. — Кто дозволил вам покинуть ваши покои?

— Мне позволила матушка, — выходя из-за няньки, отвечает суровому отцу Карл Георг.

— Да? И зачем же вы сюда пришли? — всё так же холодно интересуется генерал.

— Я пришёл сюда просить у вас прощения, — объясняет мальчишка. — Я дурно себя вёл. И за то прошу меня простить.

— Нет-нет, — барон покачал головой. — Вы не просто дурно себя вели, вы были дерзки. И дерзость — это не просто шалость! Вы набрались смелости перечить мне.

— Так вы меня не прощаете? — воскликнул мальчик с немалым удивлением, он явно к отказу отца был не готов.

— Я не привык отменять принятых решений, — назидательно замечает генерал. — Вы останетесь в своих покоях до завтра. До отъезда. А по приезду домой вас ждут неприятные для вас новшества.

— А-а, — мальчишка как будто ждал отказа, он сразу кинулся в крики и слёзы. — Вы злы, батюшка!

Но барон лишь поморщился от шума и сделал нетерпеливый знак няньке: прочь отсюда.

И нянька почти потащила Карла Георга из гостиной под испуганными взглядами его родного брата Хайнца Альберта и кузины Урсулы Вильгельмины, которая всё ещё прижимала щенка-обжору к себе.

* * *

Конечно, в этот день в доме Кёршнеров обед подавать никто не планировал. Ведь к обеду все господа были приглашены в городскую ратушу, на бал, что давала графиня фон Мален. И едва на ближайшей колокольне храма святого Андрея колокола пробили полдень, как все господа стали выходить во двор, где их уже поджидали кареты.

Решено было ехать на двух каретах. Не новая уже карета барона была вычищена, и его герб на её дверях был подновлён. Баронесса и госпожа Кёршнер, выходя из дверей дворца, источали необыкновенные ароматы. Да и выглядели они… Ну, точно не хуже прочих жительниц города и графства Мален. В принципе, Волков был доволен видом своей жены. И то, что платье её такого нелепого цвета, уже не так волновало генерала. Теперь в баронессе ничто его не огорчало.

«Среди купчих да горожанок, среди местных жён сеньоров, она точно не будет худшей. И если кому уступит, так лишь графине. А та и при дворе в Вильбурге не терялась, да и при дворе в Ланне была бы одной из первых. Так что…».

Глава 20

Ехали на двух каретах в сопровождении шести верховых, двое были от Волкова и четверо — люди Кёршнера. Ещё на подъезде к главной городской площади кареты поехали медленно из-за большого количества людей, что собирались на улицах. Люди были одеты празднично. Тут были и трубачи, и барабанщики. А ещё барон стал отчётливо чувствовать запах жаренного на огне мяса. То повара городские готовили на улице жаркое для черни, уже крутили где-то на вертелах целые туши коров и свиней. Резали большими тесаками пшеничные хлеба, сыры и колбасы, выбивали днища у огромных пивных бочек.

— Всё как в былые времена! — сообщила ему баронесса. Она была возбуждена и выглядывала в окно кареты. — Так при батюшке было, когда он давал пасхальные балы.

А на главной площади не протиснуться от карет, все видные горожане, а также многие сеньоры из окрестностей приехали по приглашению графини. Генерал слегка волновался, что на бал приедет мало кто из первых персон графства, но тут он успокоился: кроме городских нобилей, многие, многие гербы из земельной знати были тут. Не побоялись сеньоры раздражения фамилии Маленов, приехали. Графиня, несомненно, набирала в графстве всё больший вес. И он прекрасно понимал, что в этом её успехе он сам играет не последнюю роль. Его военные успехи и расположение к нему принца были большим подспорьем Брунхильде.

Входы в ратушу задрапированы полотнищами в цветах Маленов. А у входа ещё и знамёна с гербами рода свисают. Барон по достоинству оценил сие.

«Правильно, правильно. Отныне все в городе должны знать: графиня Брунхильда и её сын, десятый граф Мален, — первые в этом роду, и они дадут фамилии новую ветвь. Их ветвь теперь будет зваться Малены-Эшбахты… Если, конечно, выживут».

Подошла их очередь, и они стали выходить из карет. У входа в ратушу на красных коврах встречают гостей разодетый в парчу Хуго Фейлинг и бургомистр Ольбрехт, который надел на себя богатую соболью шубу с тяжёлой золотой цепью поверх неё.

А между ними, ростом едва ли не выше их, стояла Брунхильда. В платье из благородной темно-серой парчи, расшитом серебряным узором, в котором легко угадывалась тонкая работа мастериц славного города Ланна. А на голове у неё высился рогатый «месяц» старинного головного убора, которые уже почти никто не носит, подчёркивающий высокий статус

женщины.

Фамилию Эшбахтов тут принимали с подчёркнутым радушием, Фейлинг и бургомистр кланялись барону и баронессе, а графиня, на правах родственницы, так сначала расцеловала Элеонору Августу, а потом целовала «брату» руку, а он целовал ей щёки.

— Ах, что это у вас за удивительное платье, дорогая сестра, — заметила графиня наряд баронессы. Причём эту фразу она произнесла и без намёка на издёвку или лукавство. Словно платье «сестрицы» и вправду ей понравилось. Но генерал не поверил в чистосердечность этих слов.

«Удивительное платье? В каком смысле удивительное? Нет… Брунхильда насмехается над женой. Не иначе!».

— Ах, что вы, это платье… Оно просто пустяк по сравнению с вашим, сестрица, — Элеонора Августа млела и краснела от шеи и до ушей от счастья, что её наряд заметила и признала дама, хоть и бывшая, но фаворитка Его Высочества, сколько лет прожившая при дворе.

Волков вошёл в здание ратуши. Всё было убрано и украшено, повсюду цветные полотнища и гербы Маленов. На столах стояли кувшины из дорогого красного стекла.

О! Красивые бокалы. Большие блюда. И три десятка музыкантов рассаживались на балконах. Уже пробовали свои инструменты, ели и пили перед долгой работой. Атлеты и акробаты, шуты также находились в огромной зале.

Ему одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что графиня ему немножко… врёт. Уж больно хороши были столы, хороша посуда, чтобы стоимость этого бала могла уместиться в тысячу талеров. Две, а то и три тысячи, и это не считая жаркого, что жарилось для простолюдинов, не считая пива и колбас.

А к нему и его жене уже бежал распорядитель бала, любезный и разодетый в самые пёстрые и яркие одежды, немного противный тип. Он стал указывать генералу его место. И, конечно, его место было лучшее, находилось оно за центральным столом, что стоял на небольшой возвышенности. Кресло Волкову досталось по правую руку от кресла графини, о чём ему с придыханием сообщил распорядитель. Другое место рядом с Волковым предназначалось, естественно, баронессе. И та радовалась, как девочка, которая достигла брачного возраста и в первый раз приглашена на бал.

Барон и баронесса фон Рабенбург заняли свои места при помощи лакеев и распорядителя. И баронесса сразу стала рассматривать и трогать всё, что было на столе перед нею.

— Посмотрите, какие у графини стаканы, — восхищалась

Элеонора Августа. Она схватила красивый высокий бокал и вертела его в руках. — Видно, она их из Вильбурга привезла. У нас таких не сыскать, хоть неделю ищи.

— Эти стаканы из Ланна, — заметил барон.

— Вот я так и подумала, что не наши! — тут же сказала баронесса и прибавила: — Я очень хочу такие. Вы мне купите? Может, как-нибудь съездим в Ланн, заодно проведаем вашу племянницу.

— Я обязательно вам куплю такие, — обещал ей барон. — Но после того, как закончу строить замок.

— Ах, этот замок! Как он уже надоел! — воскликнула баронесса, ставя стакан на стол. — Сколько лет уже строим его, столько сил и денег у нас отнимает. Словно камень на шее.

Всё это было сказано с каким-то скрытым упрёком, словно она выговаривала ему, что замок он строит слишком долго. И что он виноват в том, что строительство съедает все доходы от имения на много лет вперёд. Генерал бросает на неё нехороший взгляд. Но вслух ничего ей не говорит. Хотя эти её слова его задевают. И он просто отводит глаза.

«Вот гусыня! Совсем у неё мозгов нет».

Словно не помнит, что сама же, глупая, упрекала его сотню раз, что их дом в Эшбахте — просто хибара, что жить в нём невыносимо, и тут же высказывает ему за то, что он строит для неё новый роскошный дом на берегу реки в живописнейшем месте.

Волков поморщился. Жена появилась совсем недавно, и трёх дней не прошло, а он уже сыт ею. А она, как будто не видит его настроения, кладёт свою руку на его руку, склоняется к нему ближе, улыбается и что-то шепчет ему ласковое, какую-то чепуху, но он не разбирает слов. И думает о том, что лучше бы на месте жены сидела Брунхильда. Лучше бы… Или даже Бригитт. А эта женщина… Она сейчас его только раздражает… А ещё генерал так и не забыл, что она задумывала. Не забыл своего позора. И её любовничка мерзавца Шоуберга, изрубленного и висящего с вывернутой головой на заборе его дома, как сейчас видел. Он ничего из прошлого не забыл. А она всё продолжала говорить, и говорила про то, как рада, что попала сюда, и как ей было тоскливо без мужа.

Он же слушал её в пол-уха и обрадовался, когда в ратуше появился его сосед, барон фон Фезенклевер с женою. Тот, найдя генерала глазами, тут же помахал ему рукой, и Волков поднялся со своего места и стал вылезать из-за стола.

— Куда же вы? — удивилась Элеонора Августа, прервав наконец свою болтовню.

— Вон наш сосед пришёл, нужно с ним переговорить о делах, — отвечал барон супруге.

— Ах, конечно же, у вас опять дела! — баронесса, кажется, обиделась. — А я даже на балу буду сидеть одна, как вдова.

Барон фон Фезенклевер был старшим братом канцлера Его Высочества, и ему с генералом было о чём поговорить. Сеньоры обсудили своих крестьян, которым сколько ни дай, а они всё равно стараются сбежать в кантоны, и грабежи на реке. И реакцию горожан и сеньоров на эти происшествия. Причём Волков чувствовал, что Фезенклевер разделяет его позицию в этом вопросе и считает, что в первую очередь против разбойника должен выступить город, а не сеньоры.

Но больше всего они обсуждали перемены при дворе. И близкую отставку канцлера. Эта тема была для обоих близка и малоприятна.

В общем, проговорили сеньоры, стоя у стены ратуши, довольно долго. Пока рядом с ними не появилась графиня и своим появлением, хоть и ненавязчиво, но прервала их беседу. Фон Фезенклевер раскланялся с нею и ушёл. А «брат» и «сестра» остались в первый раз за день наедине. За то время, что сеньоры разговаривали, огромное помещение почти заполнилось самыми видными людьми графства и города, и теперь Брунхильда осматривала своих гостей и с некоторым волнением отмечала:

— Ну что ж, почти все из званых пришли.

— Можешь считать, что бал удался, — заверил её Волков. — Теперь всё будет зависеть от твоих поваров и твоего вина. Ну, и от твоих музыкантов.

— Ах, об этом я не беспокоюсь, Хуго собрал поваров лучших в графстве, а вино я сама пробовала, всё хорошее. А вот епископ…

— Ах да, забыл тебе сказать, он просил передать, что не придёт.

— Не придёт? — удивилась графиня.

— Пост, — пояснил генерал. — До пасхи ещё три дня.

— Раньше, когда супруг мой устраивал бал, епископ приходил.

— То был другой епископ, — генерал тоже рассматривает гостей, которые уже почти расселись, и спрашивает «сестрицу»: — А что, родственников со стороны мужа ты не приглашала?

Она смотрит на него с удивлением.

— Надо было обязательно прислать им приглашения, — продолжает генерал нравоучительно.

— Они бы всё равно не пришли… Наверное… — разумно предполагает Брунхильда.

— Скорее всего; и то было бы вам на руку, — говорит ей

барон. — Они не пришли бы, а вы бы всем собравшимся сообщили, что надобно подождать, пока они придут. Часик посидеть за столом. Всё-таки они ваши родственники. Вот гости, важные гости, лучшие люди графства, сидели бы и ждали, пока Малены соизволят явиться. С вашей стороны это было бы проявлением вежливости. Но, уверяю вас, такое высокомерие и заносчивость Маленов никому из присутствующих не понравились бы: с какой стати мы все должны их ждать? — он поглядел на красавицу, которая слушала его с большим вниманием, и закончил: — Умение располагать к себе людей, умение завоёвывать друзей у вас есть, а вот умению настраивать своих друзей против своих врагов вам ещё нужно учиться.

Графиня всё то запомнила, а потом и спрашивает:

— Вдруг они пожаловали бы?

— И то вам было бы на руку, посадили бы за столы самые подлые, у входа или у кухни, чтобы все видели их теперешнее место.

— Так они склоку затеяли бы, — сразу предположила красавица.

— И это было бы к вашей выгоде, так всем стала бы видна их дурость и склочность, а ещё бы вы взяли на всякий случай людей добрых, которые их в случае бузы вытолкали бы взашей и с позором. И тогда все присутствующие поняли бы, что вы теперь тут сила, а они отныне здесь никто.

А графиня смотрит на него с укоризной и говорит:

— Давеча была я у на ужине у Кёршнеров и у вас, отчего же вы мне про то всё не рассказали?

— Я думал, что ты, при дворе сколько лет прожив, и без меня все эти мелочи знаешь, да и не до того мне тогда было, я о другом думал, — отвечает Волков. — Я и сейчас о том думаю.

— И о чём же вы думаете, братец? — спрашивает красавица.

— Думаю, есть ли тут хоть какая-то комнатёнка, где я мог бы тебе по-быстрому подол задрать, — отвечает он улыбаясь. — Раз уж в прошлый раз не получилось.

Графиня морщится, как от кислого, и говорит ему с заносчивостью красивой женщины:

— Ах, братец, вы тоже при дворе бываете часто, вам бы тоже следовало кое-чему там поучиться.

— Чему же это? — смеётся барон. Он очень сожалеет о том, что вокруг сотни глаз и графиню ну никак нельзя схватить за зад.

— Куртуазности, братец, вам не хватает, — язвительно замечает Брунхильда, — приязнь свою выражаете так, как будто с чёрной девкой или с крестьянкой говорите, а я давно уже графиня.

Сказала и пошла, твёрдым шагом и гордо подняв голову, роскошная, вызывающе красивая. А генерал так и стоял, глядя ей вслед и улыбаясь, пока не увидал, как жена его, повиснув через подлокотник кресла, делает ему знаки. Дескать: идите уже ко мне, супруг мой.

Он уселся с нею рядом, а баронесса опять кладёт ему на руку свою руку. Генерал взглянул на неё, улыбнулся вежливо и отвел глаза. После красавицы графини глядеть на баронессу у него большого желания не было.

Всё шло хорошо… Хорошо… Хорошо… Казалось бы, хорошо, но генерал ещё не знал, что решил город по поводу разбойника Ульберта. Он всё думал, что к нему кто-то подойдёт. Может, бургомистр, а может, консул; Фейлинг наконец, как соучредитель бала, решит поговорить с ним. Но никто не подходил к нему, и это барона настораживало.

«Неужели до горожан так и не дошло, что я собираюсь вести переговоры с раубриттером. Неужели я зря распространял о том слухи? Приняли они решение или нет? А если приняли, то что решили?».

Вот тут бы и пригодился ему свой человек в совете. А пока он не мог понять, как всё повернётся дальше с разбойником.

А тут и музыка сменилась, графиня, устроив все дела, наконец встала у своего кресла, между «братцем» и бургомистром, и речей говорить не стала, к чему речи, когда все ждут обеда, а лишь махнула рукой: начинайте.

И лакеи понесли первую перемену блюд, то были большие куски отлично жаренной с луком свинины и хлеба с тмином, от вида такой прекрасной еды у всякого разыгрался бы аппетит.

Также несли вино, но многие господа, и даже дамы, к этакой еде требовали себе вовсе не вина, а просили пива. И барон с баронессой были как раз из их числа. И только как гости приступили к еде, как вдруг бургомистр встаёт и требует от капельмейстера тишины и привлекает внимание всех собравшихся постукиванием вилки по графину. И как только налаживается тишина и люди отвлекаются от свинины, он и говорит громким и отлично поставленным голосом:

— Господа. Уж не взыщите, что отвлекаю вас от пиршества, но, во-первых, от лица всех добрых горожан хочу поблагодарить госпожу графиню за бал, что она так любезно устроила для нас для всех, — он кланяется графине. И та благосклонно кивает ему в ответ и милостиво улыбается. А господин Ольбрехт после продолжает: — Но уж простите меня, господа, что отниму у вас ещё несколько мгновений, — он машет рукой капельмейстеру, и тут же под высоким потолком ратуши пафосно и торжественно

зазвенели трубы. И под барабан в зал входят несколько городских чиновников не последней значимости, а впереди них идёт важно сам первый секретарь магистрата Цойлинг. Он несёт что-то на бархатной подушке. Господа встают со своих мест, чтобы рассмотреть, что же там несёт секретарь, но Волков со своего высокого места и так видит, что лежит на подушке: это довольно массивная золотая цепь.

Он уже всё понимает, и даже жена его догадывается, она хватает его за руку крепко, аж ногти её ему в кожу впиваются, глядит на приближающихся людей и взволнованно шепчет:

— То честь от города вам несут.

И в подтверждение её слов бургомистр продолжает так, что голос его слышится во всех углах ратуши:

— От лица всех горожан хочу чествовать я человека, что по праву считается первым рыцарем Его Высочества принца Карла Оттона Четвёртого, того, кого зовут Первым Мечом Герба Ребенрее и прозывают Инквизитором, и имя которого Иероним Фолькоф фон Эшбахт, барон фон Рабенбург.

Тут уже все присутствующие начали хлопать в ладоши и подниматься с мест, пришлось встать и Волкову, он всё улыбался и кланялся, кланялся, а к нему уже поднесли подушку, и… протиснувшись вперед, обойдя чуть замешкавшегося господина Ольбрехта, у подушки появился Хуго Фейлинг. Он схватил с подушки цепь и, не глядя на озадаченного бургомистра, подошёл к генералу со словами:

— То малая награда для настоящего рыцаря, — и потянулся с цепью к барону. И тому пришлось склонить голову, и Хуго по прозвищу Чёрный возложил ему на плечи массивную золотую цепь с гербом города по центру. Волкову и взвешивать цепь нужды не было.

«По весу пятьдесят гульденов, не меньше!».

А удивлённый и раздосадованный бургомистр, теперь с негодованием взиравший на ловкача Фейлинга, наконец взял себя в руки и продолжил:

— По моему распоряжению и с согласия совета имя Иероним Фолькоф отныне будет вписано в книгу почётных горожан навечно. И, я думаю, выскажу общее согласие всех горожан, что появление фамилии Фолькоф в земле Мален стало для земли большим благом.

Тут уже и Брунхильде пришлось встать со своего кресла; она взяла за руку «братца» и так же, как и он, стала отвечать, кивать головой на приветствия собравшихся господ. И делала она это с таким достоинством, на которое женщина, рождённая в вонючей харчевне, просто не способна. Никто не посмел бы усомниться в

том, что перед горожанами стояла настоящая, истинная благородная Брунхильда Фолькоф, графиня фон Мален. И тогда она склонилась к уху «братца» и прошептала так негромко, что он едва расслышал:

— Бал, кажется, и вправду удался! — и когда барон кивнул ей в ответ, она шептала дальше, сжимая его руку многозначительно: — Приеду к вам в Эшбахт вскоре… Покажете мне свой новый замок, а я вам покажу всё, что только пожелаете.

И генерал улыбался и снова кивал ей: так и поступим. И теперь сам шептал ей с уверенностью:

— Они выполнят все наши требования, жить вам вскоре в фамильном доме Маленов; а вы не вздумайте забыть сегодняшнее ваше обещание, графиня.

На что графиня взглянула на него и едва заметно кивнула и ещё раз сжала его пальцы: не забуду.

А бургомистр, глядя на могущественного «брата» и прекраснейшую «сестру», продолжал:

— Также сенаторы просят барона принять чин почётного маршала города Мален.

— Ну, что ж сказать теперь… После такого подарка и такой чести разве посмею я отказаться?! — громко произнёс генерал, и за этим послышались в зале смешки и восклицания радостные, которыми горожане одобряли его согласие.

А он снова кланялся и кланялся собравшимся. А когда наконец снова заиграла музыка и он сел на своё место, баронесса вдруг схватила его руку крепко и стала её целовать, никого не стесняясь, и когда генерал повернул к ней удивлённое лицо, то заметил в глазах у жены слёзы, а она и говорит ему:

— Ах, как я счастлива от того, что Господь нарёк мне в супруги именно вас, мой господин!

Глава 21

Горожане просто так золота дарить не будут, и уж ежели подарили, так тут же потребуют от одарённого какой корысти для себя. И едва генерал встал, едва успел умыться и отругать сыновей, как пришёл лакей и доложил, что его желают видеть господа офицеры.

— Офицеры? — удивлялся генерал с некоторым раздражением, так как поначалу не понимал, о ком идёт речь. — Какие ещё офицеры?

— Что за офицеры, что им нужно поутру? Кто же так невежливо приходит в дом по утрам? — сразу всполошилась баронесса; последнее время, ещё до его отъезда на войну, он замечал, что она стала пристальнее следить за ним, а уж как вернулся… Теперь и вовсе от него не отходила.

— Не могу знать; кажется, старшего из них зовут Вайзен, — растерялся молодой, ещё неопытный слуга.

— Ах, вот это кто, — Волков понял, что это командиры городской стражи и местного ополчения. Он задумался на несколько секунд: то, что его чествовали вчера, сделали почётным горожанином и почётным маршалом Малена, вовсе не обязывало его кидаться пришедшим навстречу. Во-первых, пришли без уведомления и приглашения, во-вторых, пришли во время завтрака, в-третьих, он старше их по званию и посему не многим им обязан. А в-четвертых, он собирался выпить кофе, который, по его разумению, должен был привести его в доброе расположение духа. Так что господам придётся его подождать. — Скажи господам офицерам, что я приму их после завтрака.

Лакей ушёл, а генерал продолжил свой утренний туалет, перебирая принесённую слугами одежду. Он ещё раз взглянул на золотую цепь, что лежала на столе, она так и манила к себе: дорогая, работы искуснейшей. Барон взял её в руки — тяжёлая. Он уселся на стул и подал Томасу ногу.

— Что же им нужно в такую рань? — продолжала негодовать баронесса, встав рядом со слугой, который надевал генералу чулок.

— Может, хотят, чтобы я смотр им устроил.

— Не дадут покоя барону! — жена была явно недовольна происходящим. — Ещё к утрене не звонили, а они уже пришли. А если бы вы спали, так что, просили бы будить?

Волков всё ещё удивлялся тому, что жена стала так ревностно его оберегать. Это было ему непривычно. Он положил цепь на стол: жаль, что нельзя её носить всё время, цепь была

замечательной. Впрочем, на смотр местного ополчения её надеть было можно. Вполне. Для солидности.

* * *

Конечно, господа офицеры терпеливо дожидались, пока он позавтракает; правда, в этот раз генерал особо не рассиживался за столом, и меньше чем через час он уже обсуждал за вином с пятью первыми офицерами план смотров сил, средств и укреплений. И несмотря на недовольство баронессы, которая по женской, простительной глупости не постеснялась прийти к мужчинам в залу, где они беседовали, и высказать пришедшим своё неудовольствие из-за того, что они опять забирают у неё супруга, он согласился начать тотчас, извинившись сначала за поведение жены.

Утро было прекрасное, поэтому барон, поразмыслив, решил перед горожанами выглядеть настоящим воином, а не больным и старым генералом. Он велел Хенрику и фон Флюгену седлать коней. Поехал верхом.

Первым делом Волков решил осмотреть арсенал. И от арсенала у него осталось двоякое впечатление.

— У нас в наличии двести двадцать кирас, триста шесть шлемов, сорок пар наплечников и поножей двадцать две пары, — читал по бумажке капитан-лейтенант Фиглер; был он офицером наёмным, а не выборным, и посему всячески пытался подчеркнуть свою полезность и осведомлённость. — Пятьдесят две пики, сто семнадцать алебард, двести одиннадцать копий и четыреста сорок тесаков и длинных кинжалов.

Они шли вдоль стен, у которых было аккуратно разложено и расставлено оружие и доспехи. Тут всё было в порядке.

— Помимо семи сотен городского ополчения от цехов и коммун, что придут со своим оружием, — пояснял капитан Вайзен, — мы сможем вооружить ещё двести шестьдесят человек из городских чёрных людей и пришлых крестьян. Это не считая ста двадцати арбалетчиков и тридцати аркебузиров.

— А мушкетов у города, значит, нет? — уточняет генерал.

— Ах, господин почётный маршал, мы за последний год дважды подавали прошение в совет на закупку мушкетов и на обучение и взятие на городское содержание хотя бы двадцати мушкетёров, но сенаторы отказывали, — сетовал Фиглер.

— Как узнают стоимость мушкета и месячного содержания мушкетёра, так сразу у них лица кислые становятся, — подтвердил капитан Вайзен.

— Понятно, — генерал всё и вправду понимал. — Ну что ж… Покажите мне арбалеты и аркебузы.

Если к доспеху и белому оружию у него претензий не было, то ко всему остальному…

Арбалеты были всех возможных размеров и систем, было несколько совсем новых, но всякого старья в избытке. Ко всем нужны были разные болты. Да и самих болтов, как отчитался перед ним капитан-лейтенант Фиглер, было всего сто семнадцать бочонков.

— То есть, случись осада города, так вам всего того хватит на три-четыре недели или на один штурм, — прикинул генерал.

— Мало, — согласился Вайзен.

— Хорошо, давайте посмотрим ваши аркебузы, — пожелал почётный маршал, следуя дальше.

И пороха, и пуль было недостаточно, да и порох был плох, этот давал дым чёрный, а силу малую. Покупали такой не от ума, а из жадности, что генерал не преминул заметить.

После они смотрели сёдла и всякое, что надобно для боя кавалерийского. А потом поехали осмотрели городские конюшни, в которых было боевых коней и кобылок тридцать семь голов. И ко всему увиденному у Волкова были замечания, которые лейтенант Карл Хольверт все тщательно записал. После конюшен они решили и закончить на сей день, обед настал. Но договорились, что вскоре, как у почётного маршала выдастся время, соберутся все вновь и осмотрят городские стены, ворота, башни и рвы.

— Уж как хорошо, что это ваша инспекция состоялась, — говорил ему после капитан Вайзен. — Теперь мы все ваши замечания, господин маршал, запишем и снова подадим прошения в совет, да и консулу. Может, они всё-таки раскошелятся на этот раз. Эх, как не помешали бы нам мушкеты.

— Будем надеяться, господа, — улыбался генерал. — Будем надеяться.

Барон вообще был с ними вежлив и обходителен, за всю инспекцию не сделал ни одного обидного или резкого замечания. И теперь, когда время пришло, он решил задать главный свой вопрос:

— А сколько же город может выставить людей по первому призыву? Ну, к примеру, коли надобно будет воевать разбойника Ульберта.

И его порадовало, что этот вопрос вовсе не удивил городских офицеров, словно это уже ими обсуждалось, вот только снова за капитана Вайзена взялся отвечать капитан-лейтенант Фиглер:

— По первому наряду призвано будет сто двадцать людей в

добром доспехе из стражи, что служат за содержание, а ещё из первых гильдий восемь десятков добрых людей по желанию, в хорошем доспехе, и пять десятков арбалетчиков, а из первых семей города будет призвано в первом призыве тридцать господ о конях, при конных слугах. К ним будет придан обоз, два барабанщика и два трубача, писарь, лекарь и городские знаменосцы.

— Хорошо, это хорошо, — кивал генерал. Наряд сил, что город готов был выставить против раубриттера Ульберта, вполне его устраивал, а главное, устраивала готовность офицеров. И он продолжил, обращаясь уже непосредственно к капитану Вайзену:
— А когда вы, капитан, готовы провести рекогносцировку?

— Как только консул даст на то приказ, — отвечал генералу Вайзен, — но пока и речи он о том не заводил.

— Понятно, понятно, — сказал Волков и стал с офицерами прощаться.

А пока ехал к Кёршнерам, решил заехать на почту, справиться нет ли для него писем. И письмо для него было. И пришло оно не от канцлера, и не от ротмистра Хаазе, и даже не от его заместился Карла Брюнхвальда, и не от министра герцога фон Виттернауфа, а было письмо, судя по округлому почерку, руки женской. И письмо то было не коротким.

«Не иначе, Амалия Цельвиг пишет. Любопытно…».

И он оказался прав. Ему, конечно, хотелось его прочесть, но читать, сидя в седле, неудобно, и он засунул письмо под колет и поехал к Кёршнерам.

Глава 22

Но по приезду к Кёршнерам про письмо барон позабыл, так как во дворе дома, у коновязи, увидал одного из своих молодых офицеров. Он сразу узнал его. То был прапорщик первой роты мушкетёров Кропп. Волков помнил его ещё мальчишкой с тонкой шеей, бедняком, у которого даже не было собственного коня и который просился к нему в ученики. Теперь же Юрген Кропп представлял из себя молодого мужчину ремесла воинского, мужчину крепкого, запылённого долгой дорогой и загоревшего на весеннем солнце. Он был с генералом при своей роте в Фёренбурге. А теперь приехал сюда. Это чуть-чуть насторожило Волкова: если Брюнхвальд не доверился почте, а послал нарочного, не случилось ли чего.

Он, едва заметив генерала, сразу пошёл к нему быстрым шагом и, подойдя, поклонился.

— Господин генерал! Желаю здравия!

— Прапорщик! — барон слез с коня и обнял молодого человека за плечи. — Рад вас видеть. Надеюсь, ничего не произошло.

На что Кропп достал из-под стёганки пакет и протянул его командиру:

— Это от господина полковника.

— А на словах просил ли полковник что-то передать мне?

— Нет, ничего, но неделю назад я выехал из Фёренбурга со всем отрядом. Просто полковник велел мне скакать к вам вперед, передать письмо, а в Вильбурге я вас не нашёл. Вот и прискакал сюда.

— Понятно, — сказал генерал и, так как у него ещё были вопросы, пригласил молодого офицера к обеду.

Волкова уже ждали, и как только они с Кроппом появились в столовой, хозяйка дома сразу велела подавать. А генерал, чуть волнуясь и пренебрегая приличиями, стал читать письмо от Брюнхвальда прямо за столом. Жена ему стала делать замечание шёпотом, дескать, вы не дома, дорогой супруг, но письмо он всё равно дочитал.

— Значит, полковник вывел людей из города раньше того, как туда прибыли им на смену люди герцога? — уточнил генерал, когда им подавали аперитив и мясные закуски из буженин, окороков и колбас.

— Из Вильбурга пришёл капитан с сорока людьми, и больше никого не было, — пояснял генералу прапорщик. — Уж когда контракт у всех закончился. Этот капитан никакой казны с собой

не привёз, и мы поняли, что денег за следующий месяц от герцога не будет.

— И тогда полковник приказал собираться?

— Он послал вам письмо в Вильбург с просьбой прояснить ситуацию, но вы, как видно, того письма не получали. Мы и так пробыли в городе неделю сверх оплаченного, а потом собрались и ушли.

Это, конечно, было не очень хорошо.

— А в городе к тому времени всё улеглось? — Спрашивал генерал у своего подчинённого.

— Какой там! — отвечал ему тот. — Свары и поножовщина так и пошли, как вы отъехали.

— Что? Неужто еретики вернулись? — после таких слов генерал и взволновался бы, вот только в письме ничего подобного Карл Брюнхвальд ему не писал.

— Да нет! Местные стали выяснять, кто в городе теперь главный, цеха с гильдиями стали собачиться, купчишки меж собой, всё оставленное начали делить, а добра-то осталось много, и дома там всякие, и причалы на реке, даже за церкви еретиков, и за те стали спорить, вот всё и началось…

У генерала аж голова закружилась от таких слов, представил он, что не уехал из опостылевшего города.

«Останься я там до сих пор, так все бы свои долги теперь раздал и замок достроил».

И мог бы себя барон успокоить тем, что уехал он из Фёренбурга из-за раны, но себе Волков врать не хотел: уехал он оттого, что осточертел ему вонючий, грязный и холодный городишко до зубной боли.

Но теперь-то сожалеть было бессмысленно. Вернуться туда было невозможно. И поэтому лишь вздохнул барон и спросил у Кроппа:

— Значит, вывел людей из города полковник ещё неделю назад?

— Восьмой день сегодня, — уточнил прапорщик.

«Ну и правильно сделал! Герцог знал о том, что контракты у моих людей кончаются, а не поторопился свой гарнизон в город завести — так сам виноват. А просиди мои люди в Фёренбурге ещё месяц, кто бы им заплатил? Никто, в казне-то денег нет, вот на меня бы всё и повесили!».

Решив это для себя, он вернулся от дел к светским застольным беседам и больше этими вопросами не мучался. Генерал знал, что всё узнает скоро. Когда его старинный товарищ Карл Брюнхвальд вернётся, то и расскажет, а пока обо всём этом и думать нечего.

После обеда, он вспомнил о полученном из Вильбурга письме и уединился в гостиной, и ожидая, пока подадут ему кофе, развернул письмо. Волков не ошибся, подумав, что писала его очаровательная Амалия. Вообще-то генерал полагал о ней, что она настолько же легкомысленна, как и очаровательна, но уже после первых строк, писаных её ручкой, он понял, что в ней ошибался.

«Ах, дорогой мой генерал, едва узнала я, что вы отбыли от двора, так сразу стала грустить, хоть плачь, так желаю видеть вас, а ваши глаза и ваши руки целовать, мой господин, — скорее всего, она врала, это письмо она могла писать, сидя голой в покоях у какого-то господина. Генерал знал, что то были слова вежливости или лести, к которой он был абсолютно холоден, — и всё случилось так неожиданно, и не только для меня. Сами того не ведая, вашим отъездом вы произвели в городе большие розыски. Я — персона при дворе не первая, а тут вдруг стали мне оказывать внимание, и сама госпожа „С“, ранее меня не примечавшая, вдруг ни с того ни с сего зовёт меня к себе на вечер, на женские посиделки. И там при всех дамах начинает меня про вас расспрашивать. Ах, как хорошо, что вы дали мне золота и я смогла купить себе новое платье и всякое остальное и не была средь них посмешищем, так как я всё-таки теперь ваша фаворитка. И вот…».

Тут он услыхал шаги и шуршание юбок за своей спиной и выглянул из-за спинки кресла. То была его жена. Неудивительно. Она теперь часто искала его общества. Подошла и, бросив мимолетный, но по-женски внимательный взгляд на письмо, спросила:

— Вы работаете, супруг мой?

— Как видите, дорогая, — жена появилась совсем некстати, его крайне заинтересовало то, что писала придворная дама. И теперь он ждал, пока супруга уйдёт.

— Дети опять бедокурят, — сообщила мужу баронесса после паузы.

— Ничего, скоро вернёмся домой, и всё изменится, — обещал он, — там им будет не до баловства.

— И что же вы придумали? — сразу оживилась баронесса. Она, кажется, хотела уже присесть рядом с ним.

— Дорогая моя, давайте о том поговорим после, — просит её муж, — сейчас я немного занят.

— Заняты? — она не уходит и снова смотрит на бумагу в его руке. — А письмо это у вас… от женщины?

— Это от моего… друга при дворе, — отвечает он.

— Ах вот как, тогда я подожду, пока вы освободитесь, — она

вздыхает и чуть постояв ещё, нехотя уходит.

А генерал провожает её взглядом и потом снова начинает читать:

«… и вот болтали мы там о всяком, а потом госпожа „С“ и спрашивает у меня: а куда девался ваш генерал? Мол, по всему городу его сыскать не могут. А мне и самой невдомёк, я так ей и говорю, что не знаю, только купили мебель для дома, а вы и исчезли из города. На том, кажется, разговор надобно и закончить было, так нет, она спрашивает дальше, дескать, отставили ли вы для меня адрес? Я и про то ей не сказала. Но и этим дело не кончилось, на следующий день сам министр Его Высочества до меня снизошёл, нашёл меня его лакей и сказал, что барон фон Виттернауф желают меня видеть. А раньше и не замечали такую малость, как я. Так я пошла к нему, а он меня так ласково спрашивает: а генерал уехал к себе? Уж как мне всё это приятно было. Все так со мной обходительны были».

Дальше она стала писать о том, что ждёт господина генерала и что будет с ним делать, когда он приедет. Всё это искусная Амалия описала в письме так красочно, что Волков, читая их, иной раз с волнением оборачивался на двери залы — не идёт ли жена. А когда дочитал письмо, как бы ни было ему жалко, сжёг его на свече.

Но чуть остыв от обещаний развратной красотки, он задумался над смыслом написанного. А именно над тем, что при дворе очень интересовались им и были удивлены его быстрым отъездом.

«Значит, правильно я сделал, что отбыл от двора! Они кинулись меня искать и, не найдя, решили, что обойдутся без моей скромной персоны. И слава Богу!».

Но беспокойство это письмо всё равно ему принесло, и понимая, что сегодня ему до Эшбахта уже засветло не добраться, он сообщил жене и хозяевам принимавшего его дома, что завтра утром, на заре, он желает отъехать к себе.

Может, это и было глупо, но генерал хотел быть подальше от Вильбурга. И чем дальше, тем лучше, ведь герцог, как понял Волков, не собирался оставлять его в покое и готовил ему какое-то новое задание. Участие в посольстве? Если и так — нет. Нет! Сейчас даже такое почётное задание ему было немило. Поэтому генерал уже и в Малене не хотел задерживаться и думал побыстрее вернуться домой, в Эшбахт, словно там мог спрятаться от своего сеньора. А жена после этого сообщения лишь спросила:

— Уезжаем? Так скоро?

Она после бесконечно скучной деревенской жизни надеялась ещё хоть немного пожить в городе, но генерал её огорчил:

— На рассвете, душа моя. Уедем на рассвете. Так надобно.

После чего сел писать письма с извинениями за скорый отъезд.

А супруга его, огорчённая, сокрушалась и недоумевала, разговаривая с Кларой Кёршнер:

— Письмо он недавно читал, что пришло из Вильбурга, и после него сразу переменился. Ума не приложу, что в том письме было.

А перед сном барон справился, сколько его жена за последний поход по лавкам заняла у госпожи Клары себе на платья. И выяснил, что баронесса потратила восемьдесят семь талеров сверх выданного мужем. Генерал позлился про себя и выплатил родственнику долг жены.

* * *

Карет было две, но вся семья уселась в его, в более просторную. А в карете жены поехала одна нянька. Баронесса полагала, что присутствие отца как-то вразумит братьев. Но она заблуждалась.

С сыновьями и вправду нужно было что-то делать, мальчишки были несносны. Шумны, драчливы, дерзки. Причём младший ни в чём не хотел уступать старшему, хотя старший был, естественно, сильнее. Как только Карл Георг его обижал, так Хайнц Альберт начинал орать что есть силы и рыдать, требуя для обидчика наказания. И орал он, пока старшему не влетало. А когда взрослые наказывали старшего и, казалось бы, справедливость была восстановлена, Хайнц Альберт, пока родители не видят, бил исподтишка старшего брата, вцеплялся тому в волосы и беспощадно драл их. А в последний раз, уже на середине пути к Эшбахту, когда генерал стал дремать от мерной дорожной качки, он уколол Карла Георга булавкой, которую стащил у кузины своей Урсулы Вильгельмины.

На сей раз орал и заливался слезами старший брат, а так как младший тут же стал прятаться за мать, он, осознавая, что не может отлупить Хайнца Альберта, орал, видно от обиды, просто изо всех имеющихся у него сил.

Волков ругал обоих и морщился от нестерпимого крика, а баронесса, словно в укор, словно с удовольствием, высказывала супругу:

— И вот так у них всегда. С тех пор как вы отъехали на войну.

Слов и угроз отца мальчишки просто не слышали из-за своего собственного крика. Волков едва сдерживался, чтобы не надавать

им оплеух. Только память о том, как тяжела у него рука, удерживала его. Но вынести этого он больше не мог и повелел кучеру остановить карету. И когда та остановилась, выбрался из неё и пошёл во вторую карету.

— Заберите хотя бы младшего! — кричала вслед мужу баронесса. — Рассадим их, так всем будет спокойнее.

Барон не стал с нею спорить, вернулся и за шиворот вытащил орущего молодого барона из кареты. Отвел сына к другой карете и почти закинул его туда, потом выгнал оттуда няньку и влез в карету сам. И, размахивая указательным пальцем у носа притихшего сына, зло выговаривал ему:

— Уж поверьте, барон, по приезду вашим бесчинствам придёт конец.

— Какой конец? — хныкал мальчишка в неприятных предчувствиях.

— Самый решительный! — обещал ему отец.

Глава 23

Деревня. После Фёренбурга, Вильбурга и Малена, улицы которых были переполнены людьми, Эшбахт выглядел всего-навсего огромной деревней. Тут едва-едва стали появляться дома, которые имели больше одного этажа. Те самые нищие крестьяне, восемь или девять домов, что жили тут, когда Волков сюда только приехал, давно уже богатели на продаже провизии, предоставлении крова на ночь и производстве пива, и все у него из крепости выкупились, а теперь ставили двух- и даже трёхэтажные дома на своих бывших огородах, чтобы пускать туда жильцов, которых день ото дня становилось в Эшбахте всё больше. Тут появились пять заведений, трактиры и постоялые дворы были делом прибыльным, так как теперь много людей: купцов, мастеровых и просто подёнщиков — искали здесь своё место. Эшбахт стал необходимой точкой, которая требовалась югу земли Ребенрее. Через него прошёл путь к Реке, главной торговой артерии, объединявшей множество земель и народов вокруг себя. После войны с Волковым горцы, ранее без радости допускавшие чужих купцов в верховья Марты, уже не чинили людям препятствий, не обирали, не облагали проход по реке налогами, и количество барж, приходивших во Фринланд и Амбары, за последние три года удвоилось. Сам барон мог жить счастливо и богато, только успевая подставлять сундуки под серебро. Ведь только за право поставить у пристаней в Амбарах склады гильдия купцов из Эвельрата два года назад заплатила ему восемь с половиной тысяч талеров, и это без права владения землёй. И таких случаев было в избытке. В общем, если бы не затея с замком, кавалер Фолькоф, владетель Эшбахта, барон фон Рабенбург, несомненно, был бы самым богатым и влиятельным сеньором на юге земли Ребенрее.

Вот дом его был совсем не похож на дворец богатого сеньора. Слуг у него стало много, одних конюхов трое, так как барон не мог удержаться и прикупал себе хороших коньков и кобылок для развода. Конюшни у него были большие, там было место для четырёх десятков лошадей. Но вот в доме места для всех людей не хватало. Волков ещё пять лет назад распорядился пристроить к дому флигель для слуг. Но всё равно места было мало. И часто в его прихожей находилось несколько молодых людей из выезда, хохотали, цеплялись к служанкам, ругались, а кто-нибудь из них ещё мог валяться на лавке у стены в гостиной. В последний год это часто делал фон Флюген, отчего был нелюбим баронессой. В общем, ему нужен был большой дом, в котором могли бы легко

разместиться все его люди, все его слуги.

Весна. Солнце поднялось уже высоко, было необыкновенно тепло, даже немного жарко. Хенрик, что ехал неподалёку, так тот вообще разделся до рубахи. Барон же снял шапку, перчатки и расстегнул колет. Сидел теперь умиротворённый, поглядывал то на заснувшего на диване напротив сына, то в окно кареты.

Солнце и ветерок. Жёлтая, глинистая земля, поросшая сорной травой и бесконечными зарослями самых крепких и живучих кустарников из тех, что растут в предгорьях. Кабаньи следы, не первый раз за их путь пересекавшие дорогу. Тут вообще было много кабанов, но генерал никогда не охотился. Он не понимал этой забавы, так любимой земельной знатью. У него для охоты и собак было мало, хотя и собак он любил. А псарь Хельмут, бывший солдат, больше занимался поиском пропавших коров или помогал Фрицу Ламме искать прятавшихся в кустарниках воров, которые иной раз приезжали в Эшбахт разжиться чужим. Охота для генерала была кровавым и утомительным делом, почти всегда заканчивающимся смертью, а он повидал смертей и кровищи в своей жизни столько, что в своей жизни домашней видеть подобного более не желал. Барон запретил забивать скот на своём дворе. Авось не бойня. Даже куриц и гусей помощники его кухарки Марии на дворе не резали. Ходили за дом.

Наверное, поэтому здесь, вдали от двора принца, вдали от городов, пропитанных интригами, среди крестьян, купцов и любимых им лошадей, генерал действительно отдыхал. Отдыхал, так как чувствовал себя спокойно. С тех пор как от Малена до границы с его владениями город проложил хорошую дорогу, так путь ускорился едва ли не на треть. Ещё не прошло и трёх часов в дороге, как слева от реки вместо жёлтых холмов с кустарником потянулись дела рук человеческих: яркие зелёные пятна выпасов и ржаных полей, участки с растущим на жердинах хмелем.

И от вида этой ухоженной зелени ему стало особенно спокойно и хорошо. То началась его вотчина, его дом.

На въезде в Эшбахт он велел кучеру остановить карету возле строящегося дома. Дом был очень большой, имел уже три этажа и покрывался крышей, а среди рабочих расхаживал не старый ещё мужичок с заметным брюхом; то был один из первых крепостных барона Пауль Мунке.

Мунке, заметив остановившуюся карету, кинулся к господину, снимая шапку, он кланялся на каждом шагу и излучал притворное счастье от возможности лицезреть своего барона после долгой отлучки.

— Приехали, господин барон? Слава Богу! Как здоровьечко ваше?

— Хорошо, Пауль, хорошо, — отвечал Волков, рассматривая стройку, — а с чего это ты тут строиться вздумал? Тут же земля не твоя. Ты же у колодца живешь? На перекрёстке.

— Так-то верно, господин барон, — соглашался крестьянин, — это надел Томаса Круйменга… Был… Но я его у него выкупил. Всё по чести, покупка в вашу земельную книгу занесена самим господином управляющим.

— Ты выкупил участок? — Волков ещё раз огляделся. — Этот участок, видно, был недёшев, где же ты взял деньги на то, проныра?

— Я кое-что скопил, — начал крестьянин, но говорил он не очень уверенно, и тогда барон чуть надавил на него:

— Где ты взял деньги, мерзавец? Я уж этого сквалыгу Круйменга знаю, он за каждый пфенниг торговаться будет, он бы тебе задёшево свою землю не продал. Говори, откуда у тебя деньги.

— Ну говорю же, кое-что накопил, а кое-что занял.

— Под процент брал? — догадался барон. — У кого?

— У Лейбница, — признался Мунке нехотя.

— Это… — Волков не смог сразу вспомнить кто это, но фамилия явно была ему знакома. — Это…

— Это зять кузнеца Волинга.

— Точно-точно… — вспомнил барон. — И что же, теперь у меня в земле этот выжига деньги под процент даёт?

Возможно, это была какая-то их договорённость, чтобы Мунке об этом деле никому не говорил, но раз уж господин спрашивает, лучше о том не молчать, и крестьянин ответил:

— Он, господин.

— Ну хорошо, — произнёс барон удовлетворённо. — Ладно, стройся, раз всё по чести, — а потом, покачав головой и усмехнувшись, добавил: — Вижу, ты, подлец, хочешь быть богаче меня.

— Да разве же такое возможно?! — смеялся крестьянин, снова кланяясь господину.

А дома сразу случился переполох: господа вернулись. И первым человеком, что пришёл к нему, был Эрнст Кахельбаум, который служил у барона уже шесть лет. По сути, они с Ёганом и ещё тремя помощниками взяли на себя управление всей огромной территорией баронетства с несколькими тысячами проживающих тут людей. Управляющий Кахельбаум поначалу был кем-то вроде писаря и секретаря у Ёгана, человека, которому Волков доверял безоговорочно, но со временем он взял бразды управления поместьем в свои руки, причём ни Ёган, ни сам барон этому сильно не сопротивлялись. Кахельбаум, сухой, педантичный и

неутомимый человек, вел дела так, что знал о каждом проживающем в земле Эшбахт крестьянине, хоть крепостном, хоть свободном, сколько кому платить податей, сколько кому отрабатывать барщины, а сколько поселенцу-солдату заплатить налог с земли и с обжига глины, если он не ходил с господином на войну в этом году. Его вездесущие помощники записывали всё в большие книги, один так не уходил с пристаней, учитывая товары: и что приплыли в землю барона, и что отплывают из неё. Даже немного обнаглевший от доверия господина Фриц Ламме, с его людьми, которые одним своим появлением могли навести тишину и порядок в самом хмельном заведении, и те сначала стали относиться к управляющему с уважением, а со временим принялись беспрекословно выполнять его распоряжения. Так всего за несколько лет вырос авторитет сухого и придирчивого господина Кахельбаума.

И теперь, когда слуги носили сундуки с вещами барона и баронессы от карет в дом, он был уже на дворе, как будто знал о приезде господской семьи.

— Господин барон, рад видеть вас во здравии, — управляющий низко поклонился Волкову. — Баронесса. Господин молодой барон, господин Эшбахт, — после того как поклоны были сделаны всей господской семье, Кахельбаум постучал по большой книге, что была у него под мышкой. — Господин барон, отчёт о всех ваших делах, как в имении, так и за его пределами, за полгода вашего отсутствия уже мною составлен. Я, как узнал, что вы в Малене, стал его готовить. Желаете ознакомиться или мне прийти позже?

— Нет, не уходите Эрнст, — Волков, подавая ногу Томасу, который стягивал с него сапоги, указал на место за столом: — Садитесь. Я хочу знать, как у меня дома шли дела. Только подробностей не нужно, бумагами и цифрами мы займёмся завтра, а пока расскажите вкратце, как идут дела в поместье.

— В общем, дела идут неплохо, господин барон, — присаживаясь на указанное место, начал управляющий. — Прогнозы на урожай озимых неплохие, неплохие, хотя урожай, что собрали по осени, был весьма средний, но так как цены до Рождества держались хорошие, и особенно хороши были цены на рожь и ячмень этою зимой, то получили мы серебра не меньше, чем в прошлом году. Сейчас все амбары пусты, посевная завершена, отсеялись хорошо, — он достал лист бумаги из книги и протянул его генералу. — Итог зимы и весны этого года. Это без учёта сбора озимых и без учёта продажи хмеля, за который купец Ольденегер должен нам ещё тысячу двести семьдесят талеров, и тысячи с лишком пудов сена, что мы поставили союзу извозчиков

в Мален.

Барон, наконец освободившись от сапог, встал на ноги и взглянул на цифры. Итог был неплох, почти восемь тысяч талеров. И это было без учёта его доходов от водяных кузниц и гончарных цехов, от аренды пирсов и складов на реке, от тайных делишек, что шли через Жанзуана. И от хороших доходов, что приносила ему торговля племянника Бруно.

«Тридцать… а в хороший год все тридцать пять тысяч талеров в год. Господи! Сто талеров в день! Такие деньги ещё попробуй потрать! Живи и радуйся. Но нет…».

Этого ему было мало. Тридцать пять тысяч серебряных монет чеканки герцога Ребенрее ему нужно только чтобы закончить свою бесконечную стройку. Это при том, что он ничего не потратит из этих денег. А ещё надобны будут деньги на отделку, и на обустройство замка, и на долги и проценты по долгам. Тем не менее он удовлетворённо кивает:

— Значит, всё идёт неплохо?

— Не всё, господин, — отвечает управляющий.

— А что такое? — интересуется барон.

— Купчишки по реке теперь плавают без живости, боятся быть пограбленными. Посему у нас старый наш покупатель Виллерби из Нижних земель хмель и не выкупил, обещал купить к весне, я его ждал, хмель другим не отдавал, а его, оказывается, на реке пограбили, и он к нам не доехал, а хмель пришлось в долг давать купцу Ольденегеру под залог его склада, а иначе пришлось бы дёшево отдать этим волкам алчным из Малена, что думали нажиться на нас. Едва не в полцены хотели забрать наш хмель.

— Про грабежи я знаю; думаю, что скоро с ними всё закончится, — сказал барон, чему его управляющий сразу порадовался.

— И слава Богу, и слава Богу! Мешают нам они, побаиваются людишки к нам сюда плавать. Письма мне пишут, а в них спрашивают: будет кто на реке гарантии давать, что не разорят их грабежами? Справляются: может, охрану кто им даст?

— Пиши всем обязательно, что скоро с разбоями Рабенбург покончит, дескать, на войне был долго, вот тут раубриттер и расшалился, а теперь хозяин верхней реки приехал домой и порядок наведёт.

— Напишу, напишу, — обещает управляющий.

— А ещё что плохого в земле моей случилось, пока меня не было?

— Ну, крыша у большой вашей конюшни прогнила, новую положить велел, расходы на то немалые вышли, завтра вам покажу. У мужиков за оврагами пожар был, два дома сгорели

дотла, едва скотину вывести успели, потом просили подлецы денег на новые дома, так я не дал. Сами виноваты. Одна семейка из тех, что у замка поселились, угорела из-за плохой печи сразу после Рождества, младенец их помер; ещё две семейки заболели, господин Ипполит говорит — холера. То из-за талой воды, что в колодец стекла с пригорков. Велел к тем семьям не ходить, только сам к ним ходил, и они все выздоровели, даже дети не померли. Драки были в кабаках и поножовщины, две недели назад воров словили, но о том вам господин Ламме сам всё расскажет.

Это было обычной для его земли рутиной, то есть всё шло своим чередом, а тут Мария вышла поздороваться с господином и спросить, пора ли подавать на стол, и барон тогда спросил у управляющего, который стал собираться:

— То есть больше ничего плохого за моё отсутствие не случилось?

— Нет, ничего, разве что сбежали трое крепостных, так то дело обычное, по весне, подлецы, всегда бегут. Один сбежал ещё в феврале, а двое вот… недавно… месяц назад.

Дело обычное! Обычное… Вот только побеги эти огорчали генерала. Что им, сволочам, не живётся тут? И барщиной он их не утруждал излишне, и оброк брал умеренно, а женатых на зиму на заработки отпускал в города, дозволял рыбу ловить и рубить кустарник для обогрева. Многие из них стали зажиточными, мясо стали кушать каждую неделю, жен одевать в хорошую одежду, но всё равно мерзавцы бежали от него.

— Молодые сбежали? — интересуется барон.

— Конечно, женатые не бегут. Куда же от семьи бежать?

— Женить надо всех как можно раньше, — с недовольством говорит Волков. — Может, и бегать меньше будут. Надо отцу Семиону сказать, чтобы торопил отцов, пусть выгоняют парней из дому пораньше, чтобы не сидели у матерей под подолами.

— Я уже думал о том, и ещё подумал: может, в первый год после свадьбы на барщину их не гонять, то как подарок к свадьбе, — предложил управляющий.

— А ещё на свадьбу дарить от меня поросёнка, — добавил барон.

— Тоже хорошая мысль, — соглашался Эрнст Кахельбаум. — О том завтра же сообщу людям.

На этом управлявший откланялся, так как баронесса и дети вышли к столу обедать. А Мария уже вынесла блюдо с жареной курицей с чесноком и редким для этих мест рисом с жиром из-под курицы. А другие кухонные девки несли кувшины с местным пивом, хлеба и колбасы с сыром.

Глава 24

А едва пообедали, так пришли Фриц Ламме и Ёган. Сыча он видал недавно, и ему барон не удивился, а вот в доверенном управляющем вдруг увидал он много нового.

— Ишь ты, как у тебя борода поседела! — удивился Волков.

— Так времечко идёт, господин, — усаживаясь за стол, отвечал Ёган.

— Всего полгода прошло!

— Семь месяцев, как вы отъехали, — поправил его управляющий.

— Дети как? — интересуется генерал. Ёган недавно женился, женщину взял простую, из мужиков, но приятную и неглупую.

— Орут целыми днями и ночами, — отвечает Ёган.

— А жена?

— Тоже, — говорит управляющий, и они всё втроём смеются.

— Кахельбаум в двух словах мне рассказал, что дела в вотчине идут неплохо.

— Да, — сразу соглашается Ёган, — хорошо идут дела, хорошо, народец жиреет помаленьку, у нас из крепостных осталось всего двести двадцать дворов безлошадных. А коровы есть, почитай, у всех, свинки опять же, а про куриц и уток я и не говорю. Сейчас, за это лето, всё болотце до самого замка прокопаю, воду сведу и, считай, ещё двенадцать тысяч десятин отличного выпаса или неплохой пашни прибавится. Вот только бы Кахельбаум побольше на барщину мужичков гонял, и уже к следующей весне было бы у нас возле замка много новой хорошей земли, хоть паши, хоть скот паси.

— Так у тебя мужики и так три дня на барщину ходят, — возражает ему Сыч, — а ты хочешь, чтобы четыре ходили, что ли?

— Так им же лучше будет, земли-то и для них тоже прибавится, — объясняет коннетаблю управляющий.

— А на себя они когда работать будут? В воскресенье в церковь идут: полдня туда, полдня обратно, четыре дня на барщину ходят, а на себя остаются у них два дня да ночи, если спать не будут, — говорит Фриц Ламме.

Волков только слушает их и ничего не говорит, а Сыч продолжает, как бы укоряя Ёгана:

— Они уже и так бегут от нас… Бегут, но пока молодые, несемейные, а четыре дня барщины сделаешь, так целыми семьями побегут.

Тут барон вспоминает:

— Кахельбаум мне сказал, что за зиму трое сбежали. Так

никого и не поймали твои люди?

— Не поймали, — бурчит Ламме недовольно, — поймаешь их! Они тоже, экселенц, не совсем дураки. Раньше бежали во Фринланд, оттуда их выдавали; бежали в Брегген, так горцы тоже нам их выдавали. Мы беглых всех пороли, а помните, того, кто повторно побежал, так и вовсе повесили. Теперь они воруют лодку да плывут вниз по реке. В Бреггене на берег не сходят, плывут дальше, на запад, а с теми дальними кантонами у нас же уговора о выдаче беглых нет. И мужичьё о том знает. Проведали уже.

Волков закрывает лицо ладонями, он не знает, как разрешить эту напасть. И бежит их всё больше с каждым годом, радует его тут лишь одно, что плодятся его крестьяне, слава Богу, хорошо, детей в семьях много. И наконец он спрашивает:

— Ну а с ворами как?

Тут Фриц Ламме пренебрежительно машет рукой:

— То вам и думать не нужно, ватаги иной раз приходят к нам, и с Фринланда, и из Малена, так мы их уже всех знаем, сразу взашей, да ещё дубьём на дорожку отходим, чтобы впредь не совались. Бывает, правда, и блудные к нам забираются, недавно повесили одного: купчишку подрезал, подлец, хорошо, хоть не до смерти. В общем, всё больше драки по кабакам да свары меж мужиками, что межу не поделили, растаскиваем. А так, кабаки у нас в Эшбахте тихие, а вот в Амбарах кабаки… там да… Там и драки, там игра в кости… девки… Так и понятно, там приезжих много, купчишки гуляют, отмечают сделки, приказчики, грузчики, матросы с барж, всякой иной сволочи…

— Понятно, — говорит генерал и кричит в комнату соседнюю.: — Томас! Томас! Ну где ты там?

— Господин, — наконец появляется молодой слуга.

— Скажи господину Хенрику, чтобы седлал коней, пусть мне моего Вороного оседлает, а ты одежду неси.

— Какую прикажете одежду?

— Синий костюм, сапоги для езды, перчатки и чулки чёрные.

И минуты не прошло с ухода слуги, как в столовой появилась сама баронесса. Влетела в комнату, аж юбки развевались. Глаза вытаращены, губы собраны в нитку. От неё веет негодованием.

— Собираетесь куда, господин мой?

— Земли свои посмотреть желаю, — спокойно отвечает генерал. И напоминает жене: — Я же тут полгода не был.

— А земли свои вы непременно в костюме синего шёлка смотреть желаете? — язвительно интересуется супруга.

— Да что вам за дело? — барон старается говорить спокойно. — В шёлке я поеду или в стёганке… какая разница… А в шёлке

так и лучше, люди своего господина с осени не видали, так хорошо бы мне быть одетым, как следует сеньору.

— И коня своего вороного седлаете. По землям своим можно и на простом коньке скакать, и в шелка не одеваться. Авось, мужики ваши в шелках не разбираются.

— Госпожа моя, — барон морщится, — к чему вы всё это затеваете?

— А к тому! — кричит уже срывающимся голосом его супруга. — Может, вы и меня с собой возьмёте в свою поездку?

— Вас? — удивляется Волков. — Да к чему же это?

— А к тому, чтобы люди ваши видели, что я жена ваша, Богом данная, и чтобы уважали меня! — почти кричала Элеонора Августа, не обращая внимания на Сыча и Ёгана.

— Глупость это, — заметил барон примирительно. — Вас и так тут уважают; если кто к вам проявил неуважение или дерзок был с вами, так немедля мне скажите.

Фриц Ламме толкает Ёгана в бок: давай вставай, чего расселся, Ёган вскакивает, и они бочком, тихонечко исчезают за дверьми залы.

— Сказать вам, кто проявляет ко мне неуважение? — уже со слезами в голосе говорит баронесса. — Так скажу вам! Вы, мой господин, и проявляете неуважение ко мне.

— Ах, госпожа моя, — Волков лишь машет на жену рукой и уходит от неё, закрывая за собой дверь.

А безутешная баронесса падает на стул и, положив голову на стол, плачет навзрыд. И даже появившаяся мать Амелия первое время не может её успокоить.

* * *

Выехав со двора в своём любимом ныне синем костюме и на своём любимом вороном трёхлетке, он в дурном расположении духа немного проехал по Эшбахту. Ехал вдоль его главной дороги, вдоль трактиров и лавок, успокаиваясь понемногу. Встречные люди ему кланялись, а он их даже не знал. Кивал в ответ и вспоминал эту улицу и несколько убогих лачуг, что меньше десяти лет назад назывались Эшбахтом. Теперь, через семь месяцев, что его тут не было, он нашёл тут пару новых домов. И после этого, повернувшись к Ёгану, говорит:

— А ты знаешь сержанта Бернбахера?

— Чего-то не помню я такого, — пытается вспомнить управляющий. — Он из солдатской слободы?

— Да, он один из первых, кому я дал землю тут, он поначалу

был сержантом, но после ранения стал писарем в роте Бертье.

— Не могу припомнить такого, — признается Ёган.

— Ладно, не вспоминай, не надо, просто найди его и проси быть завтра у меня после завтрака.

— Хорошо, господин.

— А ещё найди мне Ипполита, пусть тоже будет к тому же времени.

— Хорошо, господин, — повторил Ёган и, хоть это дело и не соответствовало его статусу, поехал выполнять его лично.

А барон с фон Флюгеном, Хенриком, Сычом и одним человеком Сыча повернули на восток, к Амбарам.

Волкову уже несколько дней, со встречи с Брунхильдой, не давал покоя один вопрос. Вопрос был так важен, что и ложась спать, он над ним думал, и за богатым столом, и с женою, и в дороге. Этот вопрос касался его безопасности. И он хотел знать на него ответ. И кроме Фрица Ламме, скорее всего, никто бы не смог в этом деле ему помочь. Поэтому генерал начал издали:

— Ты жену-то свою не бил, когда вернулся?

Сыч смеётся и трясёт головой:

— Не смог, экселенц. Она клялась, что не изменяла.

— Не изменяла, значит. А у тебя, значит, рука не поднялась?

— Ага, она же у меня лапочка… Так… за косу потаскал её, да и то больше для острастки, чем для наказания, — рассказывает Сыч. Как ни странно, Хенрик, обычно не интересующийся, о чём говорит сеньор со своими людьми, подъехал ближе. Стал прислушиваться. — А потом она стала меня кормить, спать укладывать, ласкать.

— Значит, размяк ты, — смеётся Волков, а потом глядит на Хенрика и говорит: — Господин Хенрик, не могли бы вы ехать чуть поодаль?

И когда первый его оруженосец отъезжает, он говорит Сычу негромко:

— Дело есть одно.

— Да уж я понял, — так же негромко отвечает ему его коннетабль. — И что это за дело?

— В Ланн надобно съездить.

— В Ланн? — настораживается Сыч. И потом добавляет: — Уж не к нашей ли родственнице?

— К ней, — говорит барон и, видя, как морщится Сыч, спрашивает: — А что, не хочется тебе в Ланн?

— В Ланн, может, и хочется… Хороший город… Вот только не люблю я эту заразу, — продолжает Сыч, — вы же знаете, экселенц… Я её всегда не любил, и она меня.

— А вот Брунхильда к ней ездила, и у них всё мило вышло,

графиня ею довольна осталась.

— Так то бабы! Эта графиня наша, может, и сама такая же, — физиономия становится ещё более недовольной. Он машет рукой. — Все они отродье ведьминское.

— Тем не менее, съездить тебе придётся, тридцать талеров дам, возьми кого-нибудь себе в помощь.

— Тридцать талеров… Ну… — коннетабль чешет щетину на подбородке. Демонстрирует глубокое раздумье. — Что ж… Тридцать талеров — оно, конечно…

— Не торгуйся, — Волков прекрасно знает Сыча. Знает его манеры, да и все его фокусы. — Нет у меня сейчас больше. Да и поедешь ты туда ненадолго, на неделю или на две.

— Ну а что узнать-то надо? — нехотя соглашается коннетабль.

— Я и сам не знаю, — отвечает генерал.

Тут уже Сыч оживает, такая задача ему по вкусу: прокатись в большой красивый город за тридцать монет, узнай не пойми чего; он уже что-то прикидывает у себя в голове, и барон это замечает.

— Ты никак жену с собой намылился взять?

— Я? — удивляется Фриц Ламме, но не очень натурально. — Нет!

— Даже не думай, это не прогулка!

— Говорю же — нет, — убеждает господина Сыч.

— Пойми, балда. Дело серьёзное. Сам понимаешь, с кем дело будешь иметь.

— Да я понял, понял… Только вы хоть объясните, чего там мне узнать нужно, что выяснить, зачем еду?

И тогда Волков говорит:

— Брунхильда была у неё.

— То уж вы сказывали.

— И, приехав из Ланна, рассказала, что живёт моя племянница на широкую ногу, ни в чём не нуждается. Водит дружбу с первыми домами Ланна.

— Ишь ты? — сначала удивляется Ламме, а потом и говорит: — А меня сие не шибко удивляет. Ума Агнес сызмальства была недюжинного, помню, она на спор писание, книгу божью на старинном языке, целыми страницами по памяти бубнила, брат Ипполит не мог её на ошибке поймать.

Волков этого не помнил, но то, что такое могло быть, не сомневался. Девчушка малая, поломойка из плохого трактира Агнес и вправду была умнее многих искушённых мужей. С этим и брат Ипполит соглашался, и брат Семион. И сам генерал иной раз удивлялся её прозорливости. А Сыч, оглядевшись по сторонам: не слышит ли кто — говорил дальше:

— А к её уму прибавить её… все эти… ну, вы понимаете… Плюс имя ваше она носит… Так и не удивительно, что её в Ланне при знатных домах за свою держат.

Тут коннетабль Эшбахта был, конечно, прав, но был ещё один вопрос у генерала:

— Пусть так, но откуда у неё деньги? Большие деньги.

— Деньги? Большие? — переспрашивает Ламме.

— Графиня из Ланна вернулась вся разодетая, не графиня, а вообще… принцесса, да и только, а ещё ей племянница ларец дала… Пятьсот золотых в том ларце.

— Пятьсот золотых?

— Брунхильда на те деньги уже балы в Малене даёт и Агнес нахваливает за доброту.

— А Агнес графине те деньги… — Сыч не понимает, — подарила, что ли, или как?

— Дала, и расписку даже не взяла: дескать, родственница. Пять сотен. Я, генерал герцога, Рыцарь Божий, голову себе ломаю о том, как бы раздобыть тысячу триста золотых, чтобы замок достроить, а «племянница» моя «сестре» моей от щедрот пять сотен отсыпает. Возьми, пожалуйста.

— Пятьсот золотых! — повторяет Ламме мечтательно. — Интересно, а что там за монета ходит, гульден, как и у нас?

— И гульден, и крона, и флорин папский, и цехин, всё там ходит… Не о том речь, непонятно, где она их берёт, как добывает.

— А… — тут Фриц Ламме догадался. — Думаете, как бы она на делишках своих не погорела. Как бы в Инквизицию не попала.

— Вот именно! — кивает барон.

— Ведь имечко-то она ваше носит, — снова додумывается Сыч. И после мычит многозначительно: — М-м…

— В общем, езжай, тихонечко за нею пригляди, выясни про неё всё, что сможешь, только аккуратно, чтобы она тебя не приметила.

— Да уж не учите, экселенц, мне самому ей на глаз попадать нет желания, — он делает паузу и добавляет: — Вот только не подумайте, что я опять у вас деньги выжиливаю, но накиньте ещё хоть десяток монет. Я возьму с собой одного из своих ребят, но думается мне, что неплохо будет и там, в Ланне, ещё кого-нибудь из местных нанять. Из тех, кто и город, и людишек тамошних знает. Для помощи. Ведь я-то и улицы его уже плохо помню.

Эта мысль показалась генералу вполне здравой.

— Хорошо. И давай уже завтра выезжайте.

— Экселенц… — Сыч молитвенно складывает руки. — Дозвольте послезавтра поехать. Завтра вечером к тёще приглашён.

Волков машет на него рукой: вот будешь ты всегда и во всём торговаться, хоть в деньгах, хоть во времени, лишь бы выгадать хоть немного с лишком.

Глава 25

Вся дорога к пирсам, да и всё вокруг перед причалами, забито телегами и большими возами. Их тут под сотню. Барон не может вспомнить, видел ли такое раньше. Он поворачивается к своему коннетаблю.

— День на убыль пошёл, они тут останутся ночевать, что ли?

— Грузиться будут, пока солнце не сядет, а потом ночевать тут останутся. — говорит Сыч и поясняет: — Весна, господин, зимой тут такого не было. Барж-то у причалов вон сколько, шесть штук под разгрузкой только, и вон ещё две очереди ждут.

— Много, — соглашается барон. Он, конечно, всему увиденному рад, но и тревога некоторая его не покидает. — А говорят, что разбойник на реке озорничает, купчишки плавать боятся.

Ламме только разводит руками: ну сами же видите.

Волков трогает коня и едет вниз по течению реки вдоль пирсов и, кажется, уже бесконечных складов. Везде суетятся люди, двери складов нараспашку, опять же телеги, ручные тачки, приказчики считают корзины и кули, важные купцы беседуют о чем-то чинно. Увидев его, все замирают, кланяются.

А жена спрашивала, зачем он шёлковый костюм надевает, зачем вороного жеребца стоимостью в сто двадцать талеров велел седлать. Вот для этого он всё это и делал, чтобы все эти напыщенные денежные мешки, что стоят в такую тёплую погоду в шубах и бархатных беретах у своих богатых амбаров, знали, кто перед ними, помнили, на чьей земле находятся, и понимали, чьей милостью кормятся.

Но не только для них надевал барон свой любимый костюм. Проехав вдоль пирсов и выехав из пыли, что поднимали лошади и телеги, он со своими людьми стал подниматься на пригорок к одному прекрасному дому, что возвышался над рекою в самом живописном месте здешнего берега. И всё понимающий Сыч тогда ему и говорит:

— Экселенц, видно, я вам более не надобен.

— Да, — соглашается генерал, — езжай. Но перед отъездом в Ланн зайди ко мне, ещё раз всё обговорим.

И когда Фриц Ламме со своим человеком уехал, он добрался до раскрытых ворот дома, перед которыми его увидал конюх и кучер госпожи Ланге Ганс. Он, едва успев поклониться въезжающему барону, тут же кинулся в дом, и не успел Волков вылезти из седла, как на пороге дома уже стояли две женщины. Мать и дочь. Стройная зеленоглазая женщина, безусловно

красивая и подчёркнуто аккуратная во всём. И девочка, маленький белокурый ангел в белом платьице. Бригитт держала Анну Терезу за руку и говорила заметно подросшей дочери:

— Вот, Анна Тереза, ваш папенька приехал, — и уже обращаясь к Волкову, она добавляла: — Каждый день про вас спрашивала.

Не ответив ей ничего, генерал схватил ребёнка в охапку, поднял и крепко прижал к себе.

— Ой… Ай… Папенька! — кричала дочка.

— Что? — чуть отпустил ребёнка отец. — Что такое?

— У вас щёки колются! — смеялась девочка, трогая его щетину. — Вон у вас какие колючки.

А генерал снова прижимает дочку к себе, ему хочется прижать её сильнее, ещё сильнее, но он сдерживается, боясь причинить этому ангелу боль. Ему не хочется выпускать её из рук, но дочка начинает мило и ещё не очень хорошо лопотать что-то про своего котёнка, которого она сейчас хочет ему показать, и лишь после этого он нехотя отпускает её.

Теперь сама хозяйка дома. Генерал с удовольствием поцеловал бы её в губы… С удовольствием. Но тут же, у двери, стоят Хенрик и служанки госпожи Ланге, вышедшие встречать господина, поэтому он целует ей щёки и руки, а она шепчет ему:

— Я вас жду уже второй день! От окна не отхожу. Думала, что вы вчера приедете.

В её голосе ему кажутся слёзы, барон заглядывает ей в глаза — так и есть, и он снова целует её щёки. А потом она берёт его за руку и ведёт в дом, где усаживает за стол, который уже сервирован. Там снова обнимает его, прижимает к груди. Она прекрасно пахнет, чем-то цветочным, лёгким. Потом Бригитт садится рядом с ним, и он видит, насколько эта женщина хороша. И это при том, что всё у неё просто. И платье её домашнее, казалось бы, из простого, но добротного сукна, но так пошито, так сидит на ней, что кажется весьма нарядным, и виной тому белоснежные и дорогие кружева. И пятен никаких на нём нет, ни на рукавах, ни на подоле; вообще безукоризненная чистота была тем, что разительно отличало Бригитт от всех иных дам, не говоря уже про простых женщин. Одежда этой рыжей красавицы всегда имела вид как только что из стирки. В этом она была весьма щепетильна. Впрочем, таков был весь её дом. Всё её хозяйство.

Кроме красивого дома, Волков подарил ей в прокорм изрядный надел земли, хорошее пастбище и четырёх исправных, работящих мужиков. Бригитт ни в чём не нуждалась. Но деньги она не транжирила. Недорогая, но изящная посуда, явно от

мастеров Ланна. Никакого тебе серебра и красного стекла. Но всё так умно и красиво, что о какой-то бедности или нужде никто бы, взглянув на этот дом, не подумал. Чистая скатерть из обычного, чуть обшитого холста, мебель добротная и крепкая, подсвечники из отличной бронзы. Ничего лишнего, но тут чувствуется и уют, и безусловный вкус хозяйки. Да и сама она… Причёска волосок к волоску, чистюля в кружевах. Красавица с засыпанным веснушками лицом. Ему снова хочется поцеловать её в губы, но служанки, не менее опрятные, чем хозяйка, уже носят на стол ужин, и он решает потерпеть. А ещё генерал сожалеет о том, что не купил ни Бригитт, ни дочери хороших подарков, и обещает себе исправить это упущение, а пока лезет в кошель и достаёт оттуда пять золотых, кладёт их на чистую скатерть перед своей женщиной.

— Это вам.

Она откажется? Нет, конечно. Изящная её ручка с веснушками тут же ловко сгребает золото со стола. А потом Бригитт, не обращая внимания на прислугу, встаёт и целует его в губы.

— Спасибо, мой господин.

А тут в обеденной зале появляется и Анна Тереза, она несёт подросшего в отсутствие отца котёнка.

— Батюшка, это Ральф. Можете погладить, он вырос кусучий, меня укусил, маму укусил, мою няньку Марту тоже укусил, но вас, может быть, не укусит.

— Кот Ральф, прекрасно, — отец гладит кота. И спрашивает у дочери: — А что вы хотите от меня в подарок?

— Ах, — сразу оживает девочка. — Я хочу козлёнка. Белого.

Волков снова лезет в кошелёк, достаёт ещё золотой, протягивает его дочери.

— Но лучше покупайте козочку, из козлят вырастают иной раз злобные козлы.

— Ой, — девочка вертит монету в руках. — А тут хватит на козочку?

— Тут хватит на целое стадо коз, — говорит ей мать и тут же забирает золото у Анны Терезы. — А то потеряете ещё.

— Матушка, но это деньги на козочку.

— Будет вам козочка, будет, — обещает Бригитт дочери, но монету, конечно, не отдаёт.

Отобрала гульден у девочки. Но даже эта её прижимистость нравится генералу. Конечно, Бригитт настоящая хозяйка, чистоплотная, в хозяйстве своём всё знающая, управлять слугами умеющая. И красивая к тому же, хотя на чей-то вкус, может быть, и слишком стройная. Волков невольно вспоминает свою данную

Богом супругу и вздыхает.

Потом они втроём, если не считать няньки, что помогала девочке, ужинают. И даже ужин у Бригитт кажется ему лучше, чем дома, хотя никаких особых яств на столе не было, а вино и вовсе было недорогим.

* * *

И как тут их было не сравнивать? После бала Элеонора Августа легла в постель к нему в своей несвежей рубахе, от жены пахло вином и потом, и она при том стала целовать его и просить от мужа ласки. Нет, конечно, естественные запахи от женщин его никогда не отталкивали. Вот ещё вздор. Какого мужчину может отвадить от женщины какой-то там запах, когда у него сердце сгорает от желания?

Он брал обозных девиц после того, как они шли за войском целый месяц, и целый месяц нигде толком помыться не могли, не то чтобы постираться и сменить бельё. И ничего, дорожная пыль и женский пот ему тогда помехой не были.

Но всё-таки… Волков предпочтёт ту женщину, что приходит к нему омытая и ложится без всякой одежды, абсолютно нагая, как раз как он любил, на постель, благоухающую цветами.

И как было их не сравнивать? А ещё Бригитт была более искусна и менее ленива. Поначалу барон считал, что их разность заключается в том, что у одной женщины её мужчина почти всегда лежит рядом. Чего уж тут стараться? А та, что неделями ждёт, и будет более ласковой. Но потом он понял, что Бригитт всегда будет лучше. Это и по её дому видно, и по её постелям и столу, и по ней самой. Она вообще во всём превосходила других женщин. Может, она и уступала графине фон Мален в её неестественной, какой-то колдовской притягательности, а в изощрённой, если не сказать распутной, искусности уступала придворной развратнице Амалии Цельвиг, но во всём остальном Бригитт безусловно превосходила этих прекрасных женщин. И как женщина, и как мать, и как хозяйка. И опять же, как не сравнивать госпожу Ланге с баронессой: едва он открыл глаза, а она перед ним стоит уже чистая и свежая, в новом, но простом платье, волосы безукоризненно убраны, рядом с кроватью уже таз, а сама рыжая красавица держит кувшины с горячей водой и улыбается счастливая: Мыться подано, господин мой сердечный.

Элеонора Августа же вставала, когда сыновья её криками или плачем разбудят, когда младший на старшего жаловаться к матери прибежит, а потом матушка побурчит немного и на

старшего, и на младшего и ещё будет лежать, почёсываться да потягиваться, зевать. И лишь повалявшись, будет звать горничных девок одеваться и выйдет из покоев к концу завтрака, когда муж уже будет куда-нибудь собираться.

Бригитт же… Когда только всё успела, непонятно… Солнце-то едва встало. Спала ли она вообще? Они ведь с нею разговаривали до полуночи, говорили о делах в поместье, о которых госпожа Ланге была осведомлена отлично, ведь Ёган заезжал к ней часто, рассказать, что пора сеять яровые или начинать убирать рожь, да и Эрнст Кахельбаум тоже приезжал, любил он посидеть тут у неё, выпить стаканчик вина, а заодно сообщить ей последние цены на хмель или на ячмень, чтобы она с выгодой продала собранное. Заодно болтливый Ёган ей рассказывал все новости, что творились в баронетстве, и сообщал все сплетни. Бывали у неё на посиделках и дамы. Тут бывала и жена кузнеца Волинга, что всё время восхищалась её домом и домашними порядками, и жена Карла Брюнхвальда; и совсем молодую ещё женщину госпожу Ламме, жену коннетабля Эшбахта, и ту приглашала к себе Бригитт, не брезговала, хотя госпожа Ламме была из людей простых; а ещё к ней захаживала и сама сестра барона госпожа Рене. Хоть о том вслух не говорилось, но все знали, что прекрасный ангел Анна Тереза очень госпожой Рене любима. И все понимали, что проистекает та любовь от того, что очаровательная девочка этой даме приходится близкой роднёй. Поэтому и сама госпожа Ланге госпоже Рене была не чужая.

В общем, как-то так сложилось, что именно тут, в прекрасном доме на берегу реки, обычно после службы в церкви и собиралось женское общество Эшбахта. Общество, в которое мечтали попасть все дамы баронства; особенно на те приёмы желали попасть жёны и дочери купцов местных, что решили здесь, в Амбарах, обосноваться.

Единственно, у кого не было шансов на эти посиделки попасть, так это у самой баронессы. Ни разу госпожа Ланге не приглашала баронессу фон Эшбахт фон Рабенбург к себе в гости. И генерал как-то раз даже завёл об этом разговор с Бригитт, начав издалека, дескать, неплохо было бы, если бы дамы его перестали ненавидеть друг друга, на что госпожа Ланге со всей своей едкостью и, кажется, с удовольствием ему отвечала:

— Ни видеть, ни слышать эту замухрышку, грязнулю глупую не желаю. И знаться с нею не хочу. И впредь о том, господин мой, меня даже не просите.

Ох, как противна и несносна была в те мгновения госпожа Ланге. Стояла злая, аж пятна на лице пошли, смотрела на него с

нехорошим прищуром, как будто упивалась своим высокомерным отказом. Как будто это она ему от дома отказывала.

Тут генерал вдруг подумал, что все эти посиделки женские госпожа Ланге устраивает не от большой любви к местным дамам, к сладким винам и сахарённым орехам. А, может быть, даже от нелюбви к баронессе, к которой местные дамы вовсе не так часто заезжают, как к ней. Назло баронессе. Подумал он так, и в тот раз эта мысль вовсе не показалась ему абсурдной. Да и в другие времена он от этой мысли не отказался.

— Я приказала варить вам кофе и взбить сливки с сахаром, дорогой мой. Одежду вашу вычистили, бельё и чулки стирали, всё почти высохло; пока умываться будете, вам его подадут, — говорит Бригитт ласково и смотрит на него так же. Она проводит рукой по его волосам. — Давайте, я вам полью, мой господин.

Глава 26

А за столом, когда он уже допивал кофе, Бригитт вдруг и говорит:

— Ах, совсем забыла… Мне же епископ письмо прислал.

— Что? Кто? Епископ? — удивился барон. Так удивился, что решил даже уточнить: — Епископ маленский?

— Да уж маленский, — смеётся госпожа Ланге, — иных-то я не знаю. С чего бы иным мне письма слать?

— Ну да, вы же с ним знакомы, — вспомнил барон.

— Знакомы, на крещении Урсулы Вильгельмины познакомились, помните? А когда вы на войне были, на именинах Клары Кёршнер он со мною долго говорил.

— Долго? — удивляется Волков.

— Час, наверное, — вспоминает Бригитт.

— Час? — продолжает удивляться барон. Он, признаться, не понимает, оставляет чашку и с новым интересом смотрит на госпожу Ланге. — О чём же вы с ним целый час разговаривали?

— Да обо всём, — Бригитт улыбается. Утром она такая свежая, её зелёные глаза лукавые, живые. Женщине явно нравится то удивление, которое она находит в своём мужчине. — О вас говорили. О моём доме. О дочери нашей. О том, как её крестили. Каким именем. Об отце Семионе. О том, как он службы ведёт, — тут госпожа Ланге смеётся. — Епископ всё спрашивал, не приходит ли он на службу пьян.

— Ну ясно, — говорит барон многозначительно. — А чего же от вас хочет святой отец сейчас?

— Не ведаю, — отвечает красавица. — Просит приехать, как время у меня будет.

Волков всё ещё удивляется, но теперь начинает о чём-то догадываться. Но о догадках своих Бригитт не говорит.

— Так езжайте.

— Уже собиралась, да тут узнала, что вы вернулись, вот вас и ждала. Теперь поеду. И дочку возьму. Пусть благословит, он человек большого благочестия.

— Как соберётесь, заезжайте ко мне, я вам людей в охрану дам. Кого-нибудь… Хенрика и пару людей от коннетабля.

— Так на дорогах тихо сейчас, — замечает Бригитт. — О разбойниках не слышно. Телеги день и ночь ездят.

— Мне так спокойнее будет, — отвечает ей генерал.

Когда он уезжал, прежде чем сесть на коня, поцеловал дочь, а потом спросил у госпожи Ланге:

— Душа моя, желаете чего-нибудь? Может, вам что-то нужно,

я хотел бы сделать для вас что-нибудь. Хочу вас порадовать.

И Бригитт не раздумывая ответила:

— Конечно, мой господин, — она улыбалась, и в её голосе опять слышались нотки присущего ей противного женского ехидства. — Уж порадуйте меня, приезжайте сегодня снова ночевать. То и будет мне лучшим подарком.

Волков на это ничего ей не сказал, она так делала не первый раз. Знала, что он не сможет выполнить эту её просьбу, не сможет, чтобы не доводить жену до бесовского воя, но словно назло ему просила его об этом. Он сел на коня и поехал в Эшбахт.

Проехал мимо дома сестры и дома с сыроварнями, что принадлежали семейству Брюнхвальдов. Те дома были недалеко от жилища Бригитт, но ни к кому он в гости не заехал, так как торопился домой. Ведь дома его уже должны были ждать люди, которых он звал для решения важного дела.

На пороге дома его ждала монахиня, она всегда была лицом кисла, а сейчас так особенно.

— Явились наконец, — заметила она барону, когда тот слез с лошади, — баронесса все глаза проплакала.

— Прочь, старуха, — ответил ей Волков, проходя мимо неё.

Но матери Амалии того было мало, и она пошла за ним, бубня из-за спины:

— И дня, как приехали, не прошло, а вы уже от дома уехали, от родной жены и детей. Разве так можно?

— Пшла вон, дура, — уже зло отвечал ей генерал. — будешь докучать — выгоню. На монашеские харчи вернёшься.

Она ещё что-то говорила, но он уже был в гостиной и спрашивал у Гюнтера, что помогал ему разуться:

— Я людей звал, явились они?

— Явились, господин, в прихожей дожидаются.

— Позови, — Волков поудобнее устроился в своём кресле во главе обеденного стола.

И тут же в зале появились два человека, один ещё молодой и второй почти старик лет пятидесяти пяти. Один был врач, сыскавший, несмотря на свой возраст, известность, к которому со всего Эшбахта, а зачастую и из самого Малена приезжали больные; то был монах-расстрига Ипполит, взявший себе незамысловатую фамилию Брандт. А старик, пришедший к барону по его зову, был старый солдат, первый сержант роты Бертье Бернбахер. И Волков, хоть и не вставая из кресла, протянул им руку для рукопожатия обоим.

Когда ему пожимал её господин Брандт, барон спрашивал у него:

— Доктор, вы, я вижу, в добром здравии. Как здоровье жены?

— Слава Богу, господин барон, — он пожал руку господину и поклонился. — Говорят, вы опять были ранены, уж дозвольте взглянуть.

Генерал поднялся с места, и Ипполит помог ему поднять рубаху. Он смотрел уже почти зажившую рану и сказал:

— Рёбра срослись уже, но срослись неправильно. При глубоком вздохе не колет вот тут?

— Нет, — отвечает барон. — Тут не колет, но у меня опять кололо под ключицей и отдавало в левую руку.

— Опять вы гневались, господин, — укоризненно говорит доктор.

— Да уж пришлось…

— То боли душевные, от них случаются удары, а от ударов люди и помоложе вашего иной раз Богу душу отдают, — рассказывает Ипполит, опуская рубаху. — Воздерживаться надо от гнева, о том и в Писании говорится.

— Да разве от гнева удержишься… — сетует генерал.

— Уж вам такое точно не по плечу, — замечает лекарь. — Завтра принесу вам две настойки, а к ним надобна умеренность в винах и в жирной еде. А еще воздержаться желательно от игр любовных, но и это вам не по силам.

Когда осмотр был закончен, генерал уселся в своё кресло и наконец повернулся к человеку, который почтительно ждал, пока он обратит на него внимание. И барон удивил того человека тем, что обратился к нему вежливо и с почтением:

— Вы ведь служили у Бертье, и он выбрал вас правофланговым сержантом. Первым сержантом роты.

— Именно так, господин, — не без гордости отвечал старик. — Я стоял возле ротного штандарта.

— Бертье был храбрец, каких мало, — продолжал генерал. — И сержанты, сдаётся мне, были ему под стать. Как вас прозывают?

— По отцу Бернбахер, господин, а по Богу крещён Олафом.

— А после ранения вы уже были ротным писарем?

— Именно так. В сражении у оврага горцы прокололи мне кирасу и грудь алебардой, с тех пор я долго ходить не могу, кашель одолевает и одышка. И тогда ротмистр меня не бросил и взял писарем в роту.

— И, кажется, вы вели все дела и выдавали жалование и довольствие людям из первой роты. Вы с корпоралами делили добытое и считали расходы, а значит, с цифрами вы знакомы.

— Конечно, я и сейчас счётом живу, господин.

— Вот как? То есть счётом вы владеете?

— Уж простите меня, господин, но с надела, что вы мне дали, сильно не зажируешь. Вот я и подрядился к купцу Кильбергу

приказчиком, взялся считать кирпич и на приёмке, и на отгрузке, а также всякие иные товары. С утра и до ночи я всё с бумагами и с цифрами.

— Прекрасно, — кажется, барон именно это и хотел услышать. — А сколько же вам платит купец?

— Это как пойдёт, может, и монету в неделю, а может, всего полталера получится. Недели разные бывают.

— Ну что ж… — прибывшие явно хотели знать, зачем их пригласил хозяин Эшбахта. И он произнёс: — Вы мне надобны, господа, для очень важного дела.

Олаф Бернбахер уже был рад тому, что Волков величает его «господином», и поэтому отвечал услужливо:

— Вы только скажите, что надобно, господин барон.

И Волков всё им объяснил:

— Сыновья мои до сих пор воспитывались бабами, оттого дурны и горласты, пора им становиться мужчинами. И для этого им надобны учителя. Ты, Ипполит, обучишь их знанию языка предков — монахиня моя бестолковая пыталась их учить Писанию, но то всё тщета, едва ли они и десяток слов выучили; а вы, сержант, обучите их счёту простому и письму.

Он закончил и понял, что у обоих приглашённых людей его предложение большой радости не вызвало. И если с Ипполитом всё было ясно — ему обучение молодых господ было не нужно, в деньгах доктор Брандт не нуждался, к нему поутру очереди из страждущих стояли. Он, по прикидкам Сыча, в день имел талер, а в иной день и два. Теперь бывший монах брат Ипполит имел слугу и служанку и строил на окраине Эшбахта большой дом с конюшнями. К чему ему было идти в учителя к барчукам? То для него были только хлопоты. А вот сомнения сержанта барона удивили, и тогда он сказал:

— Вам, сержант, придётся учить моих сыновей каждый день, и посему придётся покинуть вашу должность у купца, а значит, я буду вам платить полтора талера в неделю. Всяко лучше работать два часа в доме, чем целый день считать кирпичи на улице.

— Несомненно, господин, — соглашался сержант, но всё ещё сомневался. — Вот только я не привык к тому, чтобы мне перечили, сами понимаете, в войске я не допускал и слова против моих распоряжений… Я держал всю роту в… — он показал крепко сжатый кулак, — вот тут… И вдруг дети… Ангелочки…

— Вот для этих ангелочков я вас и вызвал, — с усмешкой произнёс барон. — Для них нужен именно сержант, да ещё сержант с розгами, а не учитель танцев и манер из города. Розги и строгость! По-другому мои разбойники вас всерьёз и не воспримут.

— Розги? — с удивлением переспросил старый сержант. — То всё-таки молодые господа. Разве ж можно?

— К сожалению, нужно! Уж вам ли не знать, сержант, что учение начинается с дисциплины. А дисциплина со строгости, — более Волков не собирался ничего им объяснять или уговаривать. Он в этой земле имел последнее слово, а посему закончил: — Ипполит, ты приходи три раза в неделю на час, а вы, сержант, приходите пять раз в неделю на два часа и принесите с собой розги. Этот год обучайте их только чтению, письму и математике, а с осени и воинскому делу начнёте учить. Я подготовлю им доспехи. И начнём… Щит, копьё, меч, верховая езда и прочее.

Конечно, спорить с ним никто не стал, а сержант лишь заметил:

— Не то чтобы я мог их научить работе с мечом, господин, солдатское дело — это тесак.

— Пусть так, начнёте с тесака, потом я им мастера найму, он всему остальному выучит.

— Я смогу приходить в понедельник, среду и пятницу, — сказал врачеватель Эшбахта. И, чуть подумав, добавил: — Перед обедом.

— Отлично, — согласился барон. — Завтра и приходи.

— А мне бы у купца расчёт взять, — просил Бернбахер. — Ещё хоть день отработать надо бы, пока он замену найдёт, иначе не по-людски будет.

— Хорошо, пусть так, — согласился генерал. — Вы, доктор, начинаете завтра; вы, учитель, — он специально назвал так сержанта, чтобы тот почувствовал свою важность, — начинаете через день.

Оба человека ему кланялись, а он напомнил им вслед:

— Сержант, не забудьте про розги.

Глава 27

Баронесса так и не появилась из своих покоев, пока он разговаривал с учителями. То был верный признак того, что она на него сердита. И генерал, желая побыстрее убраться из дому, решил найти Ёгана и съездить посмотреть замок. Понять, что нужно для того, чтобы закончить строительство.

Но пока переодевался, приехал Сыч с вопросом.

— Экселенц, ну что… Завтра думаю ехать… Денежки дадите мне сейчас, чтобы я вас на рассвете не беспокоил?

Волков задумался на мгновение, а потом пошёл в кладовую, открыл свой денежный сундук и достал оттуда серебряные стремена и позолоченные шпоры. Закрыл сундук и вернулся к своему коннетаблю. Положил стремена и шпоры перед ним на стол. Конечно, они нравились Волкову. Прекрасная работа, богатые вещи для шествий, торжественных приёмов. Как хорошо стремена подошли бы для турниров, а шпоры — для церемонии оммажа. Но сейчас генералу нужно было экономить деньги, и он сказал Сычу:

— В Малене это всё можно продать талеров за шестьдесят, а в Ланне — за восемьдесят.

— Может, и получится продать это в Ланне, — Сыч взял в руки стремена и стал их рассматривать. — А на дорогу? У меня нет денег на дорогу, а я ещё и не один еду. И путь не близкий.

Волков выдал ему десять монет с наказом:

— Привезёшь мне пять десятков монет, слышишь? Пятьдесят монет! И даже не думай крейцера утаить, я всё из тебя вытрясу.

— Экселенц! — Ламме разводил руками. Весь его жест показывал, что его такие слова задевают до глубины души. — Да разве я хоть раз…

И Волков вздыхает, зная, что это поведение его коннетабля ровным счётом ничего не значит. Сыч есть Сыч, он всё равно попытается украсть себе пару монет.

* * *

У генерала сердце едва не выскочило из груди, когда он увидал знакомое лицо одного человека, что ждал его во дворе. Несомненно, он видел это лицо, но не мог вспомнить имя. Барон уже подумал, что это кто-то от герцога уже примчался, чтобы передать вассалу желание сеньора видеть его.

«Дьявол! И недели дома не побыл!».

Барону захотелось быть с ним невежливым, и когда этот человек, сняв шляпу, учтиво поклонился, он ответил на поклон лишь кивком головы, да и то когда уже сел в седло.

— Господин генерал, моё почтение, — начал пришедший и вдруг спросил его: — Вы меня не узнаёте?

— А должен? — генерал смотрел на него всё ещё хмуро. Он всё ещё пытался вспомнить, кто это?

— Я служил при вас, — продолжал незнакомец, — был при вас во многих делах. Моё имя Мильке.

— Ах вот вы кто! Капитан! — барон сразу сменил тон, он был рад, что перед ним не посланник Его Высочества. — Мильке, Мильке… Извините, не могу вспомнить вашего имени, капитан…

— Эдуард Георг, — напомнил бывший офицер.

— Эдуард Георг Мильке… Кажется, в прошлые времена вы были стройнее, — сказал барон и подумал: — «И имели более надменный нрав».

— Это вы верно заметили, — смеётся Мильке. — Признаться, женитьба изменила мои размеры.

— А ещё женитьба стала поводом отрастить усы и бороду, — опять заметил генерал и продолжил: — И что же вас привело в мои владения, друг мой?

Тут Мильке перестал улыбаться.

— Я поддерживал дружбу с капитаном Дорфусом…

— Он теперь майор, — с удовлетворением поправил капитана генерал.

— Ах да…. Конечно же, майор… Так вот, Эрик Георг пишет, что в последних делах при вас неплохо заработал.

«Ещё бы, он неплохо пограбил еретиков в Фёренбурге».

— А ещё писал, что скоро собирается в Эшбахт, вот я и хотел встретиться с ним… Поговорить. Но ваш отряд ещё не вернулся. Я сам случайно узнал, что вы уже вернулись.

— По моим расчётам, он может вернуться со дня на день; полковник Брюнхвальд писал мне восемь дней назад, что они выдвинулись домой, — произнёс генерал.

Он уже хотел прощаться, но капитан спросил его:

— Господин генерал, а не намечаете ли какого нового дела?

— Нет, — усмехался Волков. — Устал я от дел, хочу просто пожить спокойно в своём имении. Без войн.

— Да, — соглашался Мильке почему-то невесело. — В вашем имении можно неплохо жить.

— Неужели вы ищете работу? — спросил барон. — Дорфус говорил мне, что вы удачно женились, что взяли за женой хорошее приданое. Что более не нуждаетесь.

— Так было раньше, — качал головой капитан, — но теперь…

— Жаль, что не смогу вам ничем помочь, капитан, в ближайшее время я собираюсь достраивать замок.

— Спасибо за беседу, господин генерал, — Мильке поклонился, — поживу здесь у вас пару дней, дождусь Дорфуса, может, у него есть какие планы.

Возможно, бывший его офицер напрашивался на приглашение к обеду или ужину, но Волков не стал его приглашать, а только попрощался.

* * *

В шаге, всего в шаге от заветной мечты он остановился. Прекрасный, пусть и небольшой, современный замок возвышался над рекою. Грозный, неприступный, весь словно сплетённый из ровных геометрических линий, он внушал уважение всем, кто его видел, хоть с реки, хоть с берега, а Волкову давал приятное чувство удовлетворения и возможность гордиться своим новым домом.

Он обязательно, когда замок будет закончен, поднимет большой бело-голубой стяг с чёрным вороном. Чтобы его непременно было видно с реки. А пока фон Флюген поскакал по не поднятому мосту к воротам замка и, спешившись, вошёл в небольшую дверь.

В замке жили несколько рабочих, они что-то доделывали там и сейчас замешивали новую партию раствора; они-то и открыли собственнику замка ворота, и барон фон Рабенбург заехал в свой будущий дом.

Бригадир рабочих показывал ему, что его подчинённые сделали за последние полгода. Барон поднялся на северо-западную башню, в который раз осмотрел окрестности и в который раз убедился, что, в общем-то, не зря потратил свои деньги. Не подведя сюда по болотистой земле изрядного количества артиллерии, замок было просто не взять. Но даже если кто-то и решился бы, смог бы подтянуть сюда осадные орудия, то они непременно стали бы отличной мишенью для его орудий, которые он собирался расставить на северной стене. И для этого он собирался поставить у северной стены, помимо двух уже существующих, ещё два мощных балкона, которые смогли бы запросто выдерживать выстрел тяжёлого орудия, при этом не разрушая стены.

«Надо искать деньги, чтобы побыстрее закончить строительство. Сколько там просил этот старый сквалыга? Тысячу двести золотых?». Барон решает по приезду ещё раз пересчитать

то, что у него осталось в сундуках.

Побродив по замку ещё часик, он осмотрел склады, конюшни, хлев, оружейную и пороховой погреб. В общем, всем увиденным остался доволен. Осматривать жилые помещения, особенно господские покои, не стал. Барон прекрасно себе представлял, сколько денег потребует отделка покоев, вот и не шёл их смотреть, не хотел расстраиваться.

После они с Ёганом, фон Флюгеном и Хенриком вернулись в Эшбахт. Приехали уже после обеда, но ещё не доехав до дома, фон Флюген, который по своему обыкновению ехал от своего сеньора в ста шагах впереди, вдруг остановил коня, повернулся и, указывая стеком на двор дома барона, крикнул:

— Господин генерал! Карета чья-то!

И второй раз за день у него замерло сердце. Поначалу он, правда, надеялся, что к нему приехал кто-то из Малена, а может быть, даже графиня, но подъехав ближе, он понял, что ни у кого в Малене нет такой роскошной и большой кареты. К тому же ни у кого на дверцах карет никто в Малене не рисует гербы.

«Сам фон Виттернауф пожаловал. Не нарочного герцог прислал с письмом, а министра, тайного своего поверенного; первый советник курфюрста лично пожаловал. Видно, дело важное».

Генералу только и оставалось вздыхать. От посыльного можно было и отписаться и, о чём бы ни просил герцог — отказаться, сослаться на болезнь, на рану незажившую; а тут придётся что-то придумывать.

Уж и не знал генерал, как быть с ловким министром принца, как с ним вести себя. Барон фон Виттернауф всегда подчёркнуто дружелюбно относился к нему, всегда хлопотал в интересах Волкова и при дворе числился якобы одним из сторонников партии канцлера фон Фезенклевера, к которой принадлежали и сам генерал, и отставленная ныне графиня фон Мален. Но в тоже время министр всегда и неукоснительно соблюдал интересы герба Ребенрее. И теперь приехал сюда их отстаивать.

В гостиной за столом сидели сам министр и баронесса, они вели непринуждённый разговор и, кажется, Элеонора Августа была в добром расположении духа; она при появлении супруга встала и, улыбаясь, сказала, показывая на Волкова:

— А вот и господин мой вернулся.

Фон Виттернауф встал, и два барона, два видных в герцогстве человека, обнялись, как старинные друзья.

— Рад вас видеть, барон, — врал генерал.

— И я вас рад видеть, барон, всё ехал и думал о вашем здравии, — в свою очередь врал министр. — Как вы, друг мой?

— Ещё не очень, — снова врал Волков, — мой лекарь говорит, что рёбра срослись неправильно, оттого я и дышать без боли не могу. Вот покатался на коне чуть быстрее, чем следовало, и уже кровь на бинтах выступила.

— Кровь? — испугалась баронесса и всплеснула руками. — Да как же? Ведь не было её совсем недавно. Казались вы мне, дорогой супруг, здоровым уже.

«Ох и дура!».

Генерал вздыхает, видя, как министр улыбается, а потом, понимающе покивав головой, и говорит ему:

— Уж вы берегите себя, генерал, ваше здоровье волнует Его Высочество, он велел мне о нём справиться.

— Надо бы за врачом послать, — волнуется баронесса.

— Нет нужды, дорогая моя, — отвечает ей муж, — был он уже сегодня утром, завтра опять придёт, принесёт снадобья, — и, опасаясь, как бы она ещё чего не сболтнула, продолжает: — Госпожа сердца моего, не могли бы вы нас оставить, думаю, барон приехал поговорить о важных делах земли и герба.

— Опять, что ли, герцог войну затевает? — сразу печалится баронесса.

— Нет-нет, как раз наоборот, — улыбается ей ловкий дипломат принца, — он затевает большую свадьбу, на которую вы, баронесса, обязательно будете приглашены с вашим доблестным супругом.

— Свадьбу? — сразу оживилась Элеонора Августа. — А что же это за свадьба? Что за марьяж?

— Я потом тебе всё объясню, — обещает ей Волков и потихонечку выпроваживает жену из залы. — Обещаю.

Наконец они остаются с министром вдвоём, и генерал, слуг звать не желая, берёт стакан жены и доливает в него вино, которым баронесса угощала гостя, садится в своё кресло у стола и спрашивает:

— Так какую звезду я должен благодарить за счастье видеть вас у себя, дорогой барон?

Фон Виттернауф улыбнулся:

— Ту звезду зовут маркграфиня Оливия.

«Я так и знал. Кажется, канцлер был прав, они всё-таки решили затащить меня в свадебное посольство».

Безусловно, это была почётная миссия, и в перспективе, может быть, даже и выгодная, но Волков и думать не хотел, сколько на эту затею потребуется денег, а уж в том, что его расходы двор не компенсирует ни при каких обстоятельствах, генерал не сомневался; а потому, исходя из своих предпочтений, намеревался было отказаться от подобной чести. И поводом к

тому отказу как раз подходило его безденежье.

«Это хорошо, что Виттернауф видит мой убогий дом и эту убогую мебель. То будет прекрасным подтверждением моих слов о стеснённости в средствах».

И так как министр Его Высочества тему про маркграфиню более не развивал, а сидел лишь и попивал вино, генерал решил спросить у него сам.

— И какое же отношение ко мне и к вашему визиту имеет эта, безусловно, достойная женщина.

Тут фон Виттернауф стал серьёзен и отставил от себя стакан.

— Вы же знаете, что в договоре между гербом Ребенрее и домом императора есть уговор об очерёдности бракосочетаний этих фамилий с представителями фамилии Винцлау, последней представительницей которой является маркграфиня Оливия, если не считать, конечно, её несовершеннолетних дочерей.

— То дела дипломатические, но кое-что я об этом договоре слыхал, — отвечал министру генерал.

— Так вот, согласно этому уговору, мы имеем право… мы, дом Ребенрее-Маленов, нынче имеем право выставлять свою партию для бракосочетания овдовевшей маркграфини. И мы хотим, чтобы женихом Клары Кристины Оливии графини фон Эден, маркграфини Винцлау, был племянник Его Высочества Сигизмунд Ханс фон Кунн граф фон Нахтенбель, а не кто-нибудь из дома императора, — с некоторым пафосом произнёс фон Виттернауф.

— Полностью разделяю эти стремления, этот союз будет абсолютно справедливым, — заметил генерал, но тут же уточнил: — Но при чём же здесь я?

Глава 28

Видно, к этому вопросу и подводил его министр. И теперь, когда он был задан, он и говорит:

— Я уполномочен вам передать личную просьбу Его Высочества…

Наверное, это должно было произвести на Волкова впечатление, но он лишь подумал с усталостью и сожалением:

«Ну вот и началось! Сейчас он наконец скажет про посольство, про то, что это большая честь…».

А фон Виттернауф вдруг и говорит:

— … Принц просит вас оказать ему содействие в освобождении маркграфини Оливии.

«Содействие…? В освобождении…?».

Волков так растерялся от этих слов, что не нашёлся, что и ответить сразу, а лишь уставился на гостя, ожидая пояснений. И тот стал ему рассказывать:

— Маркграфиня, всё ещё пребывая в трауре по мужу, поехала на запад из своего Швацца в горы на Цугшпице, в знаменитый женский монастырь святой Радегунды. И там молилась три дня в посту. Мы писали ей и посылали нарочных, но она отбыла из своего дворца и ни на одно наше письмо не отвечала. Тогда наш человек стал выяснять, когда же она вернётся с богомолья. Он поехал в тот монастырь и узнал, что, будучи там, она получила приглашение от некоего графа и графини Фаркаш фон Тельвис. Монахини рассказывали. Но также говорили они, что благочестивая дама отвергла его. Эти господа Фаркаши, — тут барон фон Виттернауф сделал рукой жест, обозначающий что-то не очень постоянное или неприличное, — пользуются дурной славой в тех горах, о них говорят, что они…

— Разбойники? — догадался генерал.

— Ах, если бы… — отвечал ему министр. — Говорят, что они колдуны. Или ещё говорят, что только графиня колдунья, а граф ей подчинён, в общем, не знаю я, как там доподлинно у них всё устроено…

— Но вы же сказали, что графиня отказалась от их приглашения.

— Так и есть. Наш человек встретился с её служанкой и пажом, она отправила их из монастыря, чтобы они подготовили ей ночлег в одном из сёл, что было как раз по пути её следования, что они и сделали, но вечер пришёл, а маркграфиня так в селение то и не приехала. Исчезла со всей своей свитой, а было с нею ещё восемь человек, включая двух добрых мужей из известных

фамилий.

— И вы полагаете, что эти Фериши схватили маркграфиню Оливию? — спросил генерал.

— Фаркаши… — поправляет его министр. — Они! Больше и некому. Там больше и нет никого, одно ущелье, одна дорога, хоть и важная, один замок на горе.

— Просят выкуп?

— Ничего не просят, ничего никому не говорят, но всем понятно, что сами они на такую наглость никогда не решились бы.

«Неужто император за всем этим делом стоит? — думает Волков, но, естественно, вслух об этом спрашивать у гостя не будет. — Ох, как не хочется, как не хочется влезать в эту ужасную распрю между большими сеньорами». И он лишь интересуется:

— Целое графство — это всего одно ущелье с одной дорогой и одним замком?

На что барон лишь махнул рукой:

— То никакое не графство, наш человек пишет, что графское достоинство они присвоили себе произволом. У них ни сеньора, ни вассалов нет, и мужиков немного, весь их доход — это дорожные сборы, и только-то.

— Но замок у них есть, — напомнил гостю Волков, так как этот разговор нравился ему всё меньше и меньше.

И после этого напоминания барон вздохнул:

— Да, замок у них есть, хоть и не новый, вашему он точно не чета, но наш человек пишет, что стоит замок на горе так хорошо, что к нему ниоткуда и не подступиться.

«Он и про мой замок, и про замок этих Фаркашей знает. Как хорошо осведомлён господин министр Его Высочества».

— И вы думаете, что маркграфиня всё ещё в этом замке? — спрашивает генерал.

— Девять дней назад мне писали, что она в своём Шварце так и не объявилась, — он сделал паузу и добавил: — Ежели она жива, то больше ей быть и негде.

Тут наконец Волков не выдержал и засмеялся:

— И что же вы, барон, думаете, что я, Рыцарь Божий, по велению своего сеньора должен вырвать принцессу из лап злобной колдуньи и графа-разбойника?

А вот лицо у министра было что-то невесёлое, ему явно было не до смеха.

— Я бы с удовольствием, барон, посмеялся вместе с вами… Ситуация и вправду прекрасно подходит для романа, вот только… Смерть маркграфини, как и её плен, ничего хорошего дому Ребенрее не сулят. А напротив, играют на руку дому

императора. Смерть маркграфини… Плен маркграфини… Важный брак меж знатных домов… Титул курфюрста Винцлау, стоящий на кону… Интересы дома Ребенрее или дома императора…

«Господи, смилуйся!».

Всё это было так далеко от интересов владетеля Эшбахта. Он про всё это и слышать не хотел. А хотел барон фон Рабенбург только закончить строительство своего замка и рассчитаться со своими долгами, желательно лет за пять. Но важный человек, приехавший к нему из столицы, собирался сделать всё, чтобы затащить его в какое-то новое, абсолютно ненужное Волкову дело. Для того и примчался издалека.

Курфюрст Ребенрее очень хотел стать — через брак своего юного племянника — курфюрстом Винцлау, вернее, тем, кто стоит за спиной номинального курфюрста; его можно было понять, богатое, очень богатое маркграфство могло всегда поддержать герцога и деньгами, и людьми. Это если не считать сразу удвоившегося авторитета дома Маленов.

Император, естественно, всеми силами будет тому препятствовать. При выборе нового императора герцоги Ребенрее сосредоточат в одних руках два голоса из семи. Ещё три голоса находятся в цепких лапах Святого Престола. Императорской фамилии придётся сильно постараться, чтобы в следующий раз влезть на трон империи. И, конечно, император сделает всё, чтобы Ребенрее-Малены не получили ещё одно курфюршество.

Вот и волновался Карл Оттон Четвёртый, что маркграфиня пропала. Вот и летел его министр фон Виттернауф через половину страны к удачливому генералу, сподвигнуть того к действию и прояснить ситуацию. Вот только было ли это всё нужно генералу?

— Друг мой… И что же вы хотите от меня? — нехотя интересуется Волков. — Чтобы я собрал людей и через чужие земли прошёл к тому замку, что стоит, кстати, как вы сами заметили, на горе, штурмом взял его и освободил принцессу.

— Вот видите, генерал… — невесело усмехается гость. — Вам даже объяснять ничего не нужно.

А Волков и продолжает:

— Барон, а вы что-нибудь знаете об осадах и штурмах?

— Об осадах и штурмах? — барон продолжает смеяться. — Я знаю, что вы о том прекрасно осведомлены.

— Да, я осведомлён… — Волков, в отличие от фон Виттернауфа, серьёзен. Ему вовсе не смешно. — Я просидел в осадах годы и участвовал в пяти или шести штурмах, и скажу вам вот что…

— Я слушаю вас, барон, — министр уже не улыбался.

— Все осады, в которых я участвовал, все штурмы, в которых я участвовал… ни разу не закончились удачей, — он покачал головой. — Ни разу…

Гость только вздохнул в ответ и сказал серьёзно:

— Мы всё равно должны попытаться, генерал, должны попытаться.

И тут вдруг к Волкову приходит осознание того, что если он не прогонит сейчас этого своего «друга» или хотя бы не откажет министру, определённо и уверенно, то придётся ему самому тащиться Бог знает куда штурмовать какой-то замок в каком-то забытом ущелье. И Волков говорит гостю:

— Нет, это невозможно. У меня нет для этого людей.

А фон Виттернауф ему и отвечает:

— Два дня назад я обогнал ваших людей, они уже прошли Вильбург; кстати, я познакомился с вашим полковником Брюнхвальдом, поговорил с ним… Прекрасный человек, истинный воин. И у него отличные сытые солдаты, нет ни больных, ни оборванных. И они пели песни.

— Это ни о чём не говорит. Солдаты часто поют песни, особенно после тяжких поражений, — возразил генерал.

Но это его возражение не возымело действия, фон Виттернауф продолжал:

— Они полгода просидели в гарнизоне, при том заработали деньжат; я думаю, что они не откажутся прогуляться в те края, где по склонам гор разбросаны виноградники.

И тут генерал решил опробовать свой главный козырь:

— И вы полагаете, что те бодрые и весёлые солдаты, что идут домой в Эшбахт и поют песни, решат поглазеть на виноградники бесплатно?

Гость поглядел на генерала и стал кивать головой, словно соглашался: да, да… Тут вы, безусловно, правы. А после встал и вышел из столовой, видно, пошёл к своей карете. А Волков, как вышел министр, вдруг подумал о том, что ему было бы неплохо сейчас тоже встать, выйти через заднюю дверь, через кухню, сесть на коня и уехать в Амбары к Бригитт; и наказать ей: всем, кто спросит, отвечать, что генерала у неё нет и она не знает, когда он будет. Но пока он предавался этим сладостным мечтам, барон вернулся с тяжёлой шкатулкой в руках.

«Вот как? И сколько же там? Не меньше тысячи золотых!».

А фон Виттернауф, поставив шкатулку перед генералом, достал ключ, раскрыл её и, запустив руку внутрь, вытащил оттуда полную пригоршню небольших, но тяжёлых жёлтых монет, потом разжал пальцы и высыпал монеты обратно в шкатулку.

— Восемьсот крон. Вы же знаете, генерал, что они тяжелее

гульдена. Говорят, и золото в них почище будет.

Волков ничего ему не ответил, он даже не стал заглядывать в шкатулку: восемьсот крон — ну, значит восемьсот крон. А министр продолжал:

— Герцог рыдал, как дитя, когда отдавал мне это золото.

— Да? — ехидно переспросил генерал. — Интересно, а как он рыдал, когда дарил Софии фон Аленберг поместье за четыреста тысяч талеров? Наверно, в десять раз сильнее.

— Ха-ха, — коротко посмеялся фон Виттернауф, — отличная шутка, генерал, правда, я не рекомендовал бы вам повторять её при дворе. В общем, вы правы, но дела это не меняет, деньги у вас теперь есть. Там отряд большой и не понадобится. Человек двести, не больше. Та земля лежит на самом западе от Винцлау и граничит в горах с кантонами; этот Фаркаш фон Тельвис, граф Фаркаш, как он себя именует, — по сути, суверен, не имеющий сеньора. Он владеет дорогой, двумя деревнями и замком. Не думаю, что вам понадобится более двух сотен солдат, — он снова запустил руку в шкатулку и снова выгреб оттуда монеты. — А на две сотни людей тут денег с избытком. Ещё и вам на ваш замок кое-что останется.

— Две сотни? — генерал усмехнулся. — Может, хватит и сотни, — он сделал паузу и вдруг продолжил: — А не хотите ли поехать со мной, дорогой барон, я бы с удовольствием передал вам командование и посмотрел бы, поучился бы, как вы возьмете без пушек замок, стоящий на горе.

Но на это его шутливое предложение барон даже не усмехнулся, он лишь спросил серьёзно:

— Думаете, без пушек не обойтись? Не взять замок?

Волков только развёл руками: интересно, как это сделать? А потом и ответил гостю:

— Пока его не увижу, ничего наверняка сказать не смогу. Может, замок и можно взять, а может, придётся прийти, поглядеть на него и уйти. И кстати, барон, а как дела идут с лафетами для моих пушек?

Фон Виттернауф уставился на генерала и ничего не отвечал ему — видно, всё продумавший барон позабыл про пушки генерала. Упустил из вида, что они могут понадобиться. Так помолчав и подумав, министр всё-таки произносит:

— Я разрешу этот вопрос в кратчайшие сроки. Но думаю, что вам нужно выйти вперёд без пушек. А пушки я пошлю вам следом.

— Выйти вперед… — генерал уже и не знал, что ещё придумать, чтобы отделаться от затеи герцога и его министра. — Допустим, я выйду и пойду, а разве граф этот, Фаркаш, не

прознает про моё приближение? Он укрепит замок, соберёт людей побольше, перевезёт маркграфиню в другое место наконец…

— Ничего такого не будет, — уверенно отвечает гость.

— Любопытно знать, почему вы так думаете?

— Потому что король собрал большое войско на юго-западе и готов двинуться в пределы империи. Он всё желает прибрать ряд земель на юге и взять Папский престол под свою руку. Ему так хочется назначать пап, что он есть не может. В общем… Грядёт новая южная война, и император срочно стягивает на юг силы. Большие силы. По тем местам сейчас проходят сотни отрядов, идут на юг. И ваш отряд ни у кого не вызовет удивления или подозрения.

Тут он опять был прав, последние полгода только и слухов было, что о грядущей войне великих самодержцев; генерал очень был рад тому, что герцог Ребенрее в той войне принимать участие отказался наотрез, так как у него и своих проблем хватало. Тем не менее, он всё ещё искал повода отстраниться от этой затеи.

— Да, деньги есть, — снова начал он, — люди, допустим, найдутся, и пушки вы мне обещали… Но всё равно дело… Дело сие выглядит очень опасным…

— Вы сейчас говорите о том, что… та графиня Фаркаш… ведьма?

— Я о том, что когда я начну штурм замка этих Фаркашей, и они поймут, что моя победа неизбежна, то просто… Они просто убьют маркграфиню.

— Это будет неслыханным злодейством! — холодно произнёс министр Его Высочества. — Неслыханным. Но даже в этом случае наш соискатель, граф Сигизмунд фон Нахтенбель, будет просить руки старшей дочери маркграфини, девятилетней госпожи Генриетты Сусанны фон Эден.

И тут генерал понял, что Карл Оттон Четвёртый, курфюрст Ребенрее, герцог фон Мален, ни при каких обстоятельствах не откажется от притязаний на маркграфство Винцлау. Ни при каких! Вся его фамилия, весь его дом, вся его родня, алчная и страждущая новых земель, титулов и сундуков серебра, ему не простят отказа от борьбы. Может быть, они ещё простят ему поражение в этой борьбе, но безвольного отказа от столь жирного куска…. Никогда!

Глава 29

Генерал никаких иллюзий на свой счёт не питал; если раньше его противостояние с герцогом и было успешным, то лишь потому, что в те времена сеньор и его приближённые его постоянно недооценивали, и в том было преимущество Волкова. Теперь же они ему цену знали и, случись надобность, будут воевать с ним всерьёз. Даже если ему удастся собрать, к примеру, тысячу людей со своей земли, даже полторы тысячи, и среди них будет пять сотен мушкетёров, то цу Коппенхаузен приведёт в Эшбахт пять тысяч человек с полутысячей кавалеристов. И всё…

Нет, выиграть у герцога войну он был не в состоянии. Тем более, что денег на войну у него не было совсем. Совсем!

Будь у него достроен замок… Да, он мог бы долго отсиживаться в нём. Может, даже и годами. Но люди герцога, да и родственнички жены за то время подмяли бы под себя все его дела, забрали бы мельницы и угнали бы у него крепостных, загребли бы все доходы, заодно настроили бы против него всех вокруг.

«Нет, сил у меня более нет воевать с герцогом».

Тогда… Тогда он был молод, тогда ему хватило бы злости и упрямства воевать со всем светом. А сейчас — нет… Годы уже брали своё. Он недружелюбно поглядел на гостя.

— Я так понимаю, что всё решено, и моя усталость, мои дела, моя рана вас не заботят?

— Если бы вы не явились на войну в конце осени, когда цу Коппенхаузен собирал войско, то герцог был бы взбешён, но и только, ничего бы вам не было, вы были бы не первый нерадивый вассал, что не пришёл по зову сеньора, но теперь… После вашей победы у реки и необыкновенного успеха в Фёренбурге Его Высочество уверовал, что вас и вправду ведёт Господь, что вы и вправду Длань Его, — слова министра были и приятны, и удручающи одновременно. — На сей раз он не примет вашего отказа, будь вы хоть при смерти.

— Неужели у него нет иных людей? Ведь я уже выполнил долг вассала и в этом году имею право заняться своим домом.

И тут барон фон Виттернауф после глубокого вдоха вдруг произносит тяжело, или скорее нехотя, всего два слова:

— Ваша сестра…

И двух этих слов хватило для того, чтобы третий раз за день сердце старого солдата замерло на мгновение, но даже тут вида он не показал, а лишь спросил у гостя:

— Что моя сестра?

— Ваша сестра, графиня фон Мален, после отбытия от двора решила обосноваться не в имении своём, а в городе Малене.

— И что из того? — Волков смотрит на министра исподлобья, а говорит с бароном так, словно разговаривает с врагом.

— А то, что собирает она вокруг себя партию влиятельных бюргеров, сильных и богатых, преуспевает в этом… Многие ей чуть не оммаж приносят… На обеды её попасть хотят. А люди говорят, что это всё неспроста, замышляет она забрать у родственников Его Высочества собственность и в городе, и в графстве.

А тут генерал его и спрашивает:

— Чью собственность? — и повторяет: — Чью собственность графиня фон Мален собирается забрать?

Гость лишь вздыхает в ответ, не находя слов, и это лишь раззадоривает генерала.

— В графском дворце в Малене живёт некто Гейзенберг, а граф фон Мален с матерью приживается по домам сердобольных горожан, графиню родственники покойного мужа не допускают в собственный домен её сына, а деньги со всех поместий делят меж собой, воры, юному графу лишь пенсион мизерный назначив, как в насмешку, хотя мать графа, — тут Волков поднял палец вверх, — как его законный опекун, имеет право сама ставить управляющего сыновьими поместьями…

И снова фон Виттернауф молчал, сидел мрачный и ничего не говорил генералу, и тогда тот, чуть поумерив пыл, продолжил:

— Отчего же графине не биться за своё? Тем более что один из родственничков её — мало ему уворованного у ребёнка — он ещё и на реке разбойничает, всем купцам во зло. Может, потому все бюргеры Малена и собираются вокруг графини, что им не по нраву, когда творится беззаконие.

Всё это Волков говорил министру, говорил, говорил, и неожиданно до него стало доходить, что ничего из сказанного фон Виттернауфа не тронуло, как будто все эти слова, все доводы генерала он слышал десять раз уже. Как был сер и постен лицом гость, так и остался, даже глаза отвёл от Волкова и смотрел в сторону. И ещё немного, и на лице министра появилась бы скука с зевотой. Ума владетелю Эшбахта хватило, чтобы понять: всё сказанное — пустое. А после хватило ума и вовсе замолчать. А когда он замолчал, гость повернул к нему лицо и сказал всё с той же постной миной:

— Ваши недруги пишут, что графиня Брунхильда фон Мален вам вовсе не сестра.

Волков не знал доподлинно, побледнело ли его лицо после этих слов, но, как и в самые трудные минуты своей жизни, он

собрался с силами, насупился, голову пригнул, словно собрался кинуться на гостя, но лишь спросил его сквозь зубы:

— Не сестра? А кто же?

— Уж простите меня, дорогой друг, — отвечал ему министр, уже чуть мягче, чем прежде, — но эти нечестивые люди пишут, что дева та роду подлого, и нашли вы её в каком-то трактире, и что с тех пор выдаёте за сестру, пребывая с нею в сношениях. Правда, так никто и не смог выяснить, в каком трактире вы её нашли, тем не менее они требуют аннулировать брак вашей сестры с графом Маленом, и конечно, ваш старинный приятель, епископ вильбургский, всеми силами поддерживает эту идею. Пока графиня была при дворе и в силах, это дело никто озвучивать не решался, но сейчас, после её отбытия от двора, злопыхатели снова ворошат тлеющие угли. Раздувают, так сказать…

— Раздувают, значит? — и что же мог на это ответствовать генерал? Ему и воздуха не хватало, когда он всё это слушал, а как только снова стал дышать после спазма в груди, так и сказал с презрением: — Чёрные люди, клеветники, подлецы, семейка отравителей.

— Да, — вдруг согласился фон Виттернауф. — Да… Под каждым вашим словом подпишусь, но писем-наветов на вас и вашу сестру у обер-прокурора уже десяток лежит. Я их сам видел. А ещё пишут, что вы не рыцарь, ибо достоинство рыцарское вы себе присвоили.

— Да? Так пусть съездят в Ланн, там в кафедрале есть книга записи честных людей, пусть проверят.

— Ездили, ездили… — усмехается фон Виттернауф, — граф Вильбург посылал человека.

— И что? — злорадно интересуется генерал.

— Вы в той книге записаны, и вас в Ланне знают уважаемые люди. И знают вашу племянницу, набожную и благочестивую девицу.

«Набожную и благочестивую?», — после этих слов генерал только покосился на министра. А тот, и не заметив этого взгляда, продолжал:

— Клеветники были посрамлены, — и тут он останавливается и становится серьёзным снова. — Но… Всё равно вам лучше не злить герцога. Он знает про эти слухи, но пока на просьбы обер-прокурора отвечает пренебрежительно. Хотя тот очень хочет дать расследованию ход.

— Мне нечего бояться, — с подчёркнутым безразличием отвечает гостю генерал. — Пусть расследуют. Пусть ищут.

Но это его безразличие на фон Виттернауфа впечатления не

произвело, кажется, он знал больше, чем о том говорил; он лишь поглядел на Волкова и продолжил:

— Я ехал к вам, а навстречу мне телеги, телеги… Бесконечная вереница… А другие телеги мне приходилось всё время обгонять, и все с товарами… Говорят, раньше тут был медвежий угол.

— Кабаний угол, — поправил его владетель Эшбахта. — Тут было… уж и не помню… по-моему, пятнадцать жалких хибар с голодными крестьянами, всё остальное поросло барбарисом и шиповником, где и плодились кабаны.

— Вы поставили таможню у себя на реке… — продолжал министр. — Я смотрел отчёты по сборам… Совсем неплохо… Конечно, Эшбахт даёт намного меньше таможенных сборов, чем Хоккенхайм, но тем не менее, сборы есть, и они постоянные. Герцог это отмечает… Да и ваши доходы здесь немалые… Сколько у вас мужичков?

— Крепостных около тысячи, вольных не знаю, — нехотя отвечает генерал.

— О-хо-хо! — восклицает гость, на его лице удивление и поднятые брови. — Больше тысячи… Остаётся только завидовать вам. У графа Вильбурга, насколько я знаю, тысяча крепостных. Вы живёте не хуже графа какого-нибудь. И земли у вас очень много, ваш удел просто огромен.

— Я живу в предгорьях. Три четверти моего удела — это камни и жёлтые глиняные холмы, на которых ничего не родится, — заметил хозяин Эшбахта.

На что гость лишь махнул рукой: ах, оставьте.

— Куда ни кинь взгляд, так там либо поля ржи или ячменя, либо жердины под хмель, либо пастбища со скотом. А ещё говорят, что замок, который вы достраиваете, будет самым современным из тех, что только есть у нас в земле. Вы тут очень хорошо устроились, дорогой барон.

— Не устроился, а устроил, — поправил его Волков.

— Это неважно… — министр посмотрел на хозяина пристально. — Друг мой, вы давно уже должны были убедиться, что Его Высочество, вовсе не глупы. — он сделал паузу. — Ему безразлично, доводится ли графиня фон Мален вам сестрой или не доводится, он не собирается идти на поводу у своих родственников, которых называет часто жадной сворой или и вовсе бандой попрошаек, но сейчас вы не в том положении, чтобы отказывать принцу. Слишком много у вас недоброжелателей, чтобы не искать его покровительства. Не дожидайтесь ярости сеньора и расследования насчёт вашей сестры.

Волков невесело усмехнулся и спросил:

— А если моя сестра окажется и вправду моей сестрой?

— Если своими отказами вы доведёте герцога до ярости, это уже не будет иметь никакого значения, — отвечал барон фон Виттернауф.

Генерал глядел на него внимательно; теперь он точно не считал министра своим другом. Да и возможны ли были вообще друзья при дворе, где все до единого ищут только расположения сюзерена? Нет, при дворе друзей не бывает, там могут быть только союзники. И теперь генерал это знал наверняка.

«Надо быстрее достраивать замок», — подумал Волков, а вслух произнёс:

— Кажется, обстоятельства не оставляют мне выбора.

— Они таковы, что выбора нет ни у кого из нас, — пытался сгладить неприятную ситуацию министр. — Чтобы вы знали, друг мой, я всеми силами пытался отказаться от этой поездки к вам, но герцог был непреклонен, он был уверен, что только я смогу уговорить вас взяться за это дело.

— Ну что ж… Вы можете отчитаться, что ваша миссия удалась. Я попробую спасти маркграфиню.

Тут фон Виттернауф достал из своего кошеля маленький кусочек желтоватой бумаги и положил её перед генералом.

— У него лавка на Льняной улице в Швацце, торгует он стеклом, человек он надёжный и умный. Скажете, что от меня. Он в курсе всех событий, что происходят в Винцлау. Он поможет вам. Но отношения с ним прошу вас держать в тайне.

— Ну разумеется, — произнёс генерал, взял бумажку и прочитал:

«Виторио Червезе».

* * *

Волков очень не хотел, чтобы министр воспользовался его гостеприимством. А у гостя хватило ума не искать его, он встал.

— Что ж… Поеду; чем быстрее доеду, тем быстрее смогу порадовать герцога вашим согласием и ускорить дело с вашими пушками.

«До темноты до Малена, дорогой друг, вы уже не успеете, — со злорадством думал генерал, — и ворота вам горожане не откроют, так что придётся вам ночевать где-нибудь в трактире с клопами».

Они попрощались, и барон укатил, а Волков вернулся в гостиную и уселся на своё место. Выпил пару глотков вина, и тут в зале появилась его супруга, была она удивлена, а может быть, и

огорчена.

— А барон, что, отъехал?

— У него дела при дворе, — нехотя отвечал ей супруг. — Он торопился.

— Ах, как жаль; он рассказывал мне, что скоро принц будет давать бал и что если мы будем в то время в Вильбурге, то нас непременно пригласят.

— Мы не будем в то время в Вильбурге, — ответил ей Волков. — Ваш родственничек снова нашёл мне дело.

— Ой, что, вы опять едете на войну? — спросила Элеонора Августа и подошла ближе к мужу; и тут её взгляд упал на шкатулку с золотом. Женщина заглянула в неё и сразу позабыла про отправку мужа на очередную войну. Она воскликнула радостно: — Барон привёз вам золото?! — и запустила туда пальцы. — Ах, как кстати.

И не успел супруг ей что-то ответить, как баронесса почти бегом кинулась прочь из столовой и уже через минуту вернулась к мужу с кипой бумаг в руках.

— Я же писала вам, что у меня тут в ваше отсутствие были купцы с юга, и один из них торгует мебелью для господских покоев, — она кладёт перед Волковым листы с рисунками мебели и цифрами. — Вот, мы уже и посчитали с ним, что для обустройства замка нам потребуется на первое время закупить мебели на двадцать шесть тысяч талеров; вот смотрите, душа моя, она очень хорошая, ко многим вещам есть рисунок, вот…Вот ещё… Ну разве не мила? Вот ещё стулья какие красивые, поглядите… — женщина смотрит на мужа и подкладывает к нему поближе бумаги с рисунками и расценками.

«Курица словно не слышит меня, или всё равно ей, что я еду на войну, или всё равно ей, что золото — это для дела, кудахчет, дура, кудахчет!».

— Душа моя, — отвечал он вздыхая. — Мне сейчас не до того. Не до стульев мне, не до комодов. Я на войну новую еду скоро.

— Что? — не понимала супруга. Она словно не слышала его. Видно, так магически действовал на неё раскрытый ларец с золотом. — Как же так? Отчего же вам это не интересно, вы же сами уже искали мебель для замка. Но там, в Малене, мебель дурна, а тут хороша, — и она снова показывала ему рисунки. — Вот, взгляните же.

А Волкова отчего-то это всё, эти её листы с рисунками, и эти расчёты и цены, эта её радость и её заинтересованность так разозлили, что он говорит ей едва не сквозь зубы:

— Дорогая моя, эти деньги, — тут он сделал особое ударные,

— ваш родственник герцог выдал мне на сбор войска, для новой войны, а вовсе не для покупки мебели, что вы нашли.

— Ах вот как? — у жены сразу поубавилось веселья в голосе.

— Да, так! — весьма холодно говорит генерал и при этом захлопывает крышку ларца со стуком.

— Вы так грубы, дорогой супруг! Так со мною неучтивы… — упрекнула его жена, и в её голосе послышались слёзы. — Разве я того заслуживаю?

«О Господи! Она сейчас зарыдает! Безмозглая курица с вечными требованиями… Её родственник подкидывает мне дел, одно хлеще другого, и отказаться не даёт, выкручивает руки, угрожая отобрать у моего „племянника“ титул и поместья, а у меня забрать моё имение! Имение, которое я создавал годами, создавал кровью и ежедневными трудами. А эта гусыня приходит и всё время что-то требует от меня. То новый дом, то денег, то учтивости, то чёрта рогатого… И попробуй только сказать ей что-то не так, как она желает… Я неучтив, видите ли!».

И слёзы жены на этот раз лишь ещё больше разозлили его вместо того, чтобы смягчить, но он нашёл в себе силы, чтобы сдержаться.

— Душа моя, найдите себе какое-то занятие, ступайте, сядьте за вышивание или займитесь сыновьями, дайте мне хоть немного времени подумать.

И тут жену прорвало, её как будто ещё сильнее задели его слова, и она зарыдала в голос:

— Г**о**ните меня? Опять я вам не мила… Мне уже и побыть рядом с вами нельзя! Сами ночевали у непотребной женщины, а явились домой и г**о**ните меня от себя, как прокажённую какую или чесоточную от церкви…

И тут уже генерал не выдержал, его покоробило, взбесило, что эта представительница отвратительной семьи, семьи доносчиков и отравителей, фамилии, которая всяческими подлостями пытается выжить его и Брунхильду из графства, упрекает других, намного более порядочных людей в непотребстве! И тут он, уже не сдерживаясь, ударил кулаком по столу, рявкнул на неё:

— Ступайте прочь!

— Что-о? Прочь? Мне уйти? Мне мой муж так говорит в моём доме? — она даже рыдать от удивления перестала. — Да как же так можно?

— Оставьте меня! Слышите? — продолжал рычать генерал. — Оставьте меня хоть на час, прошу вас! Не до стульев мне ваших сейчас! Не до причитаний и упрёков! Уходите! Уходите!

Жена постояла пару мгновений с широко открытыми от

удивления глазами, а потом, запрокинув голову к потолку и прижимая руки к груди, кинулась из залы прочь и на ходу, подвывая, звала Господа в свидетели своего женского несчастья.

А у Волкова в который раз за последнее время снова заколoло под ключицей, и он, начав растирать то место рукой, вдруг подумал, что на войне ему живётся поспокойнее.

Глава 30

И когда под левой ключицей ещё кололо, а раздражение на жену ещё не улеглось, он уже стал думать о том, как ему лучше выполнить повеление герцога.

«Будь он проклят!».

В этом был весь Волков. Да, он не хотел этого дела, избегал его, как мог, и при других обстоятельствах даже готов был выказать неповиновение сеньору — будь у него готов замок, может, так и поступил бы, — но после того как согласился, по сути, сказал слово рыцарское, теперь уже генерал стал думать о том, как исполнить данное обещание.

«Дьявол! Уж лучше бы меня пригласили в посольство и отправили к маркграфине за свой счёт!».

Он сразу захотел знать о тех местах всё, что только можно. Он проезжал через благодатные земли Винцлау не единожды. Бывал генерал и в столице этой земли, в Шваце. Город тот был небольшой, но, так же, как и Вильбург, отличался чистотой, а богатством и дороговизной, походил, наверное, на Ланн. Храмы и площади, дверец курфюрста, ратуша производили впечатление даже на искушённых приезжих.

Земля Винцлау была необыкновенно богата, и богатство её проистекало не только из великолепных долин с прекрасными пашнями, выпасами и многочисленными виноградниками, занимающими все южные склоны гор. Погоды приятные, солнце, а также обильные дожди, приносимые тёплыми ветрами от недалёкого моря — только этого могло хватить, чтобы быть той земле богатой, а ведь были ещё и торговые дороги, что вели с юга на север и с востока на запад. И пересекались они именно в Шваце. Тем не менее, главный доход земле давали шахты. Три шахты, что уходили в глубины северных гор Винцлау. Из тех шахт две были шахты оловянные, а одна соляная. Само же маркграфство веками умело балансировало в мире между имперскими княжествами на севере, вольными городами богатой и развитой Ламбрии на юге, мощной Энгерией на востоке и задиристыми кантонами на западе.

«Да, то земля хорошая. Богатая. И добрых людей там в достатке, так что лучше идти через те земли тихо, никого не задирая».

Но как идти? Он почти не знал дорог, тем более тех, что вели на запад, к горцам. А знания эти очень ему теперь были нужны. Места там горные и холмистые, с ущельями и перевалами… И через них нужно пройти быстро, дойти до замка колдунов и взять

его. Взять замок, который стоит на горе. Да будь замок тот трижды стар, гора сама по себе при правильной обороне может быть неприступной.

Пушки!

Без них никак. А есть ли дороги к замку, по которым можно будет подтащить к нему орудия?

— Фон Флюген! — кричит генерал, так как из его людей никого на лавке у стены нет. И он повышает голос: — Фон Флюген, Гюнтер!

На крик его появляется одна из горничных. Она находит ему его оруженосца.

— Фон Флюген, — говорит генерал, когда тот появляется в столовой. — Где-то в наших трактирах сейчас остановился один капитан.

— Тот, с которым вы поутру разговаривали? — вспомнил оруженосец.

— Тот, тот… Нужно найти его и пригласить сюда. Его зовут Мильке.

— Мильке… Ага… Мильке… — запомнил молодой человек и уточнил: — Сейчас идти искать его?

— Нет, не сейчас, — едко отвечает ему генерал. — Подождите-ка, братец, страстной пятницы и тогда идите.

Оруженосец ухмыляется — дескать, ага, понял шутку, — кивает и уходит, а генерал распоряжается принести к столу ещё вина, чистый стакан. Заодно велел принести себе бумагу и чернильницу с пером, чтобы начать прикидки того, что ему понадобится в дороге, продумывать наряд надобных для дела сил. Сколько взять кавалеристов, сколько мушкетёров, сколько арбалетчиков, сколько солдат, а сколько сапёров. Точно! Сапёры! Без них лучше и не выступать. А ещё нужен будет хороший инженер. Телеги для обоза? Упряжки для орудий? Сколько всего? Пока он писал цифры, беря их из головы, руководствуясь своим опытом, и при этом всё брал значения максимальные, завышенные. И людей собирался брать с избытком, и времени на дело отводил больше, но даже в этом случае у него должно было остаться некоторое количество от того золотишка, что привёз фон Виттернауф.

«Надо бы как следует пересчитать всё, что осталось в моём сундуке. Если добавить к моим деньгам того золота, что останется от выделенного казной на поход… чем чёрт не шутит… может, и наскребу денег Копплингу, чтобы он наконец закончил строительство».

Но он должен был всё пересчитать и всё взвесить. А пока в дверях появился Гюнтер и доложил:

— Капитан Мильке. Изволите принять, господин?

Волков бросает перо и делает знак: давай его сюда.

Мильке кланяется:

— Господин генерал.

— Идите сюда, капитан, — зовёт пришедшего хозяин дома и указывает на стул возле себя. — Идите, садитесь.

И пока гость садится, барон наливает ему вина.

— Прошу вас. Надеюсь, мой оруженосец не поднял вас из постели?

— Нет-нет, я только поужинал, когда он появился, — капитан отпил вина, а потом стал рассматривать стакан с напитком. — Отменное вино, господин генерал.

Волков лишь вздохнул в ответ.

— Трофейное, прихватил из Фёренбурга пару бочонков, — соврал генерал. Соврал, чтобы поднять интерес капитана и показать, что его компании удачны и приносят ощутимые плоды, которые можно попробовать на вкус. — Но пригласил я вас говорить не про вино.

— Я догадался о том, господин генерал.

— Насколько я понял из нашего утреннего разговора, капитан, вы не прочь найти себе дело согласно вашему ремеслу.

— Да, господин генерал, — отвечал Мильке. — Я стеснён обстоятельствами. И мне нужно место, соответствующее моему чину, а в городе, где я проживаю, мне предложили лишь место сержанта стражи.

— Но Дорфус говорил мне, что вы удачно женились.

— Да, — кивает Мильке, но как-то безрадостно. — Я взял за женой доходный дом, но моя жена уже в четвёртый раз беременна с тех пор, часть дома мы забрали себе, отказав некоторым жильцам, а ещё пришлось брать новых слуг, да и поучаствовал я в одном неудачном предприятии, обманулся с другими олухами. В общем, остался я без денег, а дохода от дома теперь не хватает.

Волкова эта грустная история занимала мало, но он терпеливо слушал рассказ и сочувствующе кивал, дожидаясь удобного момента, чтобы спросить:

— А вы ведь, кажется, топограф?

— И топограф, и картограф, и логист, — подтвердил капитан, — а у маршала фон Бока также служил и фуражиром, и инженер-инспектором.

«Его как будто Господь мне посылает! — генерал усмехается. — Может, я и вправду длань Его?».

А капитан, приняв его усмешку на свой счёт, тут же начинает его убеждать:

— Так вы же сами со мной к горцам ходили, разве я хоть раз

ошибся в дороге или карту какую сделал неправильно? А то, что у меня не было возможности показать, каков я инженер, так просто не довелось. Случая не было.

А Волков слушает его и молчит, ничего не говорит, и, видно, это смущает Мильке, и тот продолжает:

— И если вы, генерал, вдруг будете нуждаться в моих знаниях, то поначалу я согласен служить с чина ротмистра. Пока не докажу своей надобности в войске.

И только тогда генерал машет рукой.

— Полно вам. Я помню вас как человека дельного и ущемлять вас в звании не собираюсь. Капитан так капитан.

— Так, значит, есть для меня дело? — чуть успокоился и приободрился Мильке.

— Вы бывали в Шварце? — вопросом на вопрос отвечает барон.

— Бывал. Неоднократно.

— За сколько дней можно добраться до города?

Этот вопрос капитан расценил как проверку и потому стал отвечать обдуманно и развёрнуто:

— Коли простым солдатским шагом и без обоза, так восемь дней, если с обозом тащиться через перевал, всё вверх по горам, так две недели будет, не меньше, и то если не зимой; а если зимой в снег попадёте, так и того больше. Если на карете, так за шесть или семь дней доберётесь, а если верхом да со сменной лошадью, так умелый всадник и за три поспеет.

«Ну да… Как-то так, как-то так…».

Волков кивает головой и спрашивает:

— А вы, капитан, всадник умелый?

— Кто, я? — почему-то переспрашивает капитан.

— Вы, — подтверждает генерал.

— Со сменным конём, — и тут он уточняет: — с хорошим, за четыре дня доберусь гарантированно.

— Конь у вас будет отличный, — обещает ему Волков. — Помощник толковый.

При этом генерал отворяет всё ещё стоящий на столе ларец и достаёт из него две злотых кроны.

— Мне надобно сделать топографию, — он кладёт одну монету перед капитаном. — Тянуть придётся тяжёлый груз.

— Пушки? — догадался Мильке, оторвав взгляд от золота.

— От Шварце на запад, — продолжил Волков, не соизволив ответить на вопрос капитана. — До ущелья Тельвис, до замка, что там стоит. Замок тоже надобно осмотреть, раз уж вы ещё и инженер. За то получите две монеты, одну уже берите, — он кивает на золотой, — вторую заберёте после дела.

— И когда же мне выезжать? — спрашивает Мильке, забирая монету.

— Так завтра до зори и выезжайте. Коня хорошего, ещё одного к вашему, я вам дам, а ещё дам в помощь толкового… — он глядит на фон Флюгена, который валяется на лавке у стены. Нет, конечно. — Фон Флюген, найдите Хенрика. Сейчас же.

Глава 31

Конечно, Волков хотел бы, чтобы этой работой занялся майор Дорфус, генерал был уверен, что тот сделает всё лучше, но дело было в том, что ещё неизвестно, когда появится майор. И не захочет ли отдохнуть недельку после похода. И если захочет, что же делать генералу, выкручивать руки майору так же, как ему выкручивал руки герцог с его министром? А так с помощью Мильке он выигрывал какое-то время и, самое главное, мог сэкономить на этом походе. В общем, появление капитана-топографа было очень кстати. И генерал продолжал давать ему, а вернее, ему и Хенрику, который уже присоединился к ним, наставления, протягивая майору ещё один золотой:

— Будете в Шваце, так пробегитесь по книжным лавкам, ищите карты, берите любые карты Винцлау, только не очень старые.

— В лавках карты… — Мильке сомневался, но золотой забрал. — Хорошие карты в лавках вряд ли я смогу найти. Тем более, это дело… — он поморщился, как от неприятного запаха.

И генерал прекрасно понимал реакцию капитана: хорошие карты стоят недёшево, в книжных лавках бывают редко, и покупающие их люди, как правило, для властей… подозрительны.

— Тем не менее, — настаивал барон.

— Да, конечно, мы будем осторожны.

— Выдавайте себя за купцов из Малена, что ищут возможности покупать олово для литья бронзы, — продолжал генерал. — А отправил вас глава гильдии кожевенников господин Кёршнер, — Волков глядит на своего старшего оруженосца. — Хенрик… Если спросят, вы найдёте, что сказать.

— Найду, — кивает Хенрик, который не раз и не два жил в доме Кёршнеров и сидел с ним за столом.

Так и просидели они втроём до темноты, разговаривали и разговаривали о деле, пока генерал наконец не отпустил их.

А утром он первым делом, ещё не умывшись, уже звал к себе фон Флюгена и справился у него:

— Хенрик с офицером уехали?

— Ага… — беззаботно отвечал молодой оруженосец, сам при этом хрустел морковкой, которая, как полагал барон, предназначалась лакомством для коней. — Уехали. На заре. Взяли хороших лошадей и ускакали.

— Фон Флюген, а вы видели, что у вас башмаки грязны? А вы ко мне в покои припёрлись, — с неудовольствием заметил барон.

— Так я же на конюшнях был, — спокойно отвечал

оруженосец, — Томас ваш меня прямо оттуда к вам звал. Отчего же башмакам быть чистыми?

Тут Гюнтер принёс генералу таз и воду, а Волков сказал:

— После завтрака приду на конюшню, если там не прибрано будет, то не только конюхам достанется, но и вы берегитесь за небрежение ваше, так как пока Хенрика не будет, за коней в ответе вы, с вас и спрашивать буду.

— Небрежение? — тут молодой человек немного обиделся. — Я уже всем все распоряжения отдал!

Тем не менее, оруженосец тут же развернулся и на всякий случай ушёл в конюшни, чтобы убедиться, что там всё идёт как положено, а генерал стал умываться и думать о том, что после завтрака сядет и пересчитает деньги.

Но позавтракать он не успел; едва уселся за стол и, чтобы помириться с женой, принялся отчитывать старшего сына за обычное его дурное поведение, как появился на пороге Гюнтер и доложил, что его желает видеть Ёж. Конечно, теперь для всех остальных он был господином Хольдером, важным человеком, помощником коннетабля, но для Волкова он всё ещё был Ежом, а для самого коннетабля ещё и просто Лысым. И вот теперь господин помощник коннетабля явился в дом барона и сообщил ему, что утром, на заре, чуть ниже Амбаров по течению разбойники разграбили баржу, что везла солонину и уголь. Солонину, шесть бочек, забрали, купца и его приказчика били, отняли деньги, а ещё из злобы выбросили десятки корзин угля в реку.

Это было уже второе неприятное известие после вчерашнего приезда министра Его Высочества. Волков выпил пива, быстро съел два яйца с колбасой, пока фон Флюген седлал коней, и с ним, с Ежом и ещё двумя людьми из помощников Сыча поехал в Амбары.

И следующей неприятностью оказалось то, что ограбленный купец был из Бреггена и состоял в тамошней купеческой гильдии.

Уж чего-чего, а ухудшения отношений с кантоном он желал меньше всего, ведь он получал оттуда уголь для своих мельниц-кузниц, получал его беспошлинно, оттого его лист, полоса и проволока были на реке самыми дешёвыми. За его железом купцы стояли в очередь. А ещё он получал оттуда и доску, и брус, и кругляк, и дёготь, и дорогой поташ, чем хорошо торговали в Малене и его племянник Бруно, и его родственник Кёршнер. Сам же он отправлял в кантон, также без пошлины, и ячмень, и хмель, и овёс, и на этом всём быстро богатели его крестьяне.

В общем, разбой на реке для него лично становился всё неприятнее и неприятнее. Тем более что после выяснения

подробностей ограбления один из приказчиков на причале ему сообщил:

— Господин, так это ещё не всё. Разбойник четвёртого дня на ночь подстерёг ещё одного купца у Лейденица.

— У Лейденица? — нехорошо спрашивает барон, так как это случилось почти напротив от того места, где они стояли.

— Чуть ниже.

— А купчишка чей был? — Волков волнуется, что опять то был купец из Бреггена. Но приказчик его «обрадовал», сообщив, что купец тот был издалёка, приезжал за проволокой.

«Ну, хоть не из кантона».

После этих неприятных разговоров и вчерашней ссоры с женой домой ему возвращаться не очень хотелось, тем более что вон, на горке, красивый, как пряник, стоит дом очаровательной госпожи Ланге. Там и чисто, и красиво, и еда вкусная всегда. И дочка — ангел белокурый. Но к ней ехать…. Не поехал… Не хотел ещё больше огорчать свою бестолковую супругу.

А приехал домой… Там ор! Молодой господин барон орёт так, словно кожу с него заживо снимают.

— Это что там? — Волков остановился в дверях и спросил у одной из служанок: — Что там происходит?

А та, сама перепуганная, и отвечает:

— Господин учитель господина барона… вразумляли. Да тут госпожа пришла и господина учителя ругала.

И сразу всё стало ясно, когда он увидел в гостиной стоящего навытяжку сержанта Бернбахера, а на стуле напротив него сидела баронесса и обнимала стоящего перед нею и орущего в голос Карла Георга, барона фон Рабенбурга. Младший же сын генерала сидел за столом перед открытой книгой и округлившимися глазами глядел на происходящее, разумно помалкивая.

— Что тут происходит? — холодно поинтересовался Волков, оглядев всех присутствующих.

— Он бил меня палками! — прокричал молодой барон и указал пальцем на лежавшие на столе розги. — Вот теми.

И завыл ещё яростнее, чем выл раньше. А баронесса стала его прижимать к материнской груди и гладить по головке. Учитель господских детей косился на генерала, но стоял твёрдо, осанки, как говорится, не терял, боевой сержант всё-таки, и тогда Волков спросил у него:

— А что случилось?

И тот ему ответил:

— Господин молодой барон отказывались читать, даже отказывались повторять за мною буквы. Наотрез.

И тогда генерал подходит к первенцу и, вытащив его из рук

матери, присаживается перед ним на корточки и спрашивает:

— Отчего же вы не хотели читать или повторять буквы за учителем?

— Отчего, отчего!.. — через слёзы орёт сын. И выкрикивает весьма дерзко: — Оттого, вот отчего!

— Ах вот как, — генерал встаёт и, уже обращаясь к учителю, продолжает: — Господин Бернбахер, продолжайте обучение без всякого снисхождения до тех пор, пока господин барон не поумнеет хоть немного или пока не выйдет время занятий.

— А-а!.. — орал молодой барон ещё яростнее, понимая, что поддержки у отца не находит.

А его отец тем временем успел ухватить за руку и матушку барона.

— Пойдёмте, дорогая моя, пойдёмте, не будем мешать учителю.

— Но он же его опять будет сечь! — волновалась мать.

— То шалопаю будет только впрок, — назидательно говорил ей супруг, едва ли не силой выпроваживая её из гостиной в столовую.

Крики и жалобы в тот день так до конца обучения и не стихли. Старший ещё продолжал сопротивляться наукам, а вот младший, то ли менее упрямый, то ли более смышлёный, с учителем решил не ссориться.

Впрочем, и пяти минут не прошло с того, как ушёл учитель, а юный барон, уже позабыв про обиды, снова носился по дому и двору и бедокурил, как мог.

В довершение всего в этот же день после обеда к нему от епископа маленского приехал тощий монашек на тележке с мулом. И передал устное сообщение от святого отца. А сообщение то гласило: «Разбойник Ульберт на все уговоры встретиться с владетелем Эшбахта отвечал отказом и насмешками, а ещё раубриттер в злобе своей бахвалился, а ещё бранил барона фон Рабенбурга мошенником и грозился при встрече его повесить. А с распутной девицей Брунхильдой, что обманом приняла в церкви доброе имя, поступить нечестно, как и с ублюдком её».

— Значит, так и говорил? — уточнял ставший мрачнее тучи барон.

— Так и говорил, — кивал монашек и тут же добавлял: — Господин епископ, зная ваш норов, просит вас не гневаться, кровь держать хладной, а все подробности разговора того передаёт лишь с той целью, чтобы вы поняли, насколько разбойник заносчив и глуп.

— Не гневаться? — генерал усмехался. — Как же тут кровь холодной держать, когда дурень заносчивый угрожает моей

сестре и моему племяннику?

— Вот поэтому и прошу вас, господин барон, держите разум и кровь свои холодными, не чета вам этот Ульберт. Глуп он.

— Глуп? — Волков смотрит на монаха уже внимательнее. — А не ты ли, брат, к нему ездил?

— Я, господин.

— А он где проживает? В старом поместье Альтерзумпф?

— Да, но я бы назвал его дом замком.

— Замком? — удивляется генерал.

— Старым замком, стены почти порушены, вьюном поросли, донжон весь мхом зарос и также вьюном, но ворота новые у него.

— И стен тех обломки высоки?

— Два роста человеческих — то самые низкие, — и тут он ещё вспоминает: — А вокруг стен набиты рогатки.

— Даже так? — снова удивляется Волков. — Рогатки, значит? А земля там какова?

— Что значит — какова? — не понимает монах. — Земля там неурожайна, если вы про то, сырой лес вокруг, темнота, болота. Ничего там расти не может.

— Земля сыра? Дорога сыра к тому замку? — поясняет генерал.

— Везде вода, — теперь монах всё понял. — От копыта след на дороге водой наполняется. А дорога так… плоха. Через лес идёт, и болота рядом, а паводок едва месяц как сошёл.

«То есть пушки туда тащить — коней гробить».

— Ну а людей сколько там у разбойника?

— Ну, видел я во дворе замка десяток или дюжину. Не посчитал, — признаётся монах. — Уж простите, господин. О другом думал.

— А что они во дворе делали, лошади были там?

— Лошади… Да, были… Несколько. А люди во дворе еду готовили.

— А котёл у них какой был?

— Котёл? — снова не понимал его монах. — Котёл был… обычный, нечищеный, чёрный.

— Котёл был большой? На пятьдесят человек, на сто? Еды в нём много готовилось? Полный был? Дров много во дворе было сложено? Сено было?

И тут монах стал его понимать.

— Ах вот вы про что! Сена немного было. А котёл… — монах вспоминал. — Да, котёл был немаленький, явно не на дюжину людей рассчитан, и бобов он был полон. И луку тут же целое ведро уже нарубили.

Волков закрыл глаза ладонями и из-под них всё ещё

спрашивал:

— Значит, говоришь, земля вокруг сырая?

— Так по лесу по мокрому час ехал, и от дороги, хоть влево, хоть вправо иной раз вода ещё стоит.

Глава 32

«Господи! Когда же всё успокоится? Когда я смогу пожить спокойно? Без войн и распрей? Когда же наступит это время?».

Тут стал думать, что выкурить разбойника из его болота будет не так уж и легко, как казалось ему поначалу. Ульберт был, видимо, упрям и злобен, сдаваться не собирался, и местечко он выбрал для своего логова удачное.

Можно ли взять замок без пушек? Как вести солдат на разбойника? Тащить туда пушки по болоту? Это будет мука. А ещё едва он со своими людьми появится в лесу, так раубриттер уже будет знать, что он идёт. Генерал не сомневался, что на всех дорогах Ульберт расставил секреты. И, узнав о приближении вражеского отряда, подлец, конечно, подготовится. Так что на неожиданную атаку тут рассчитывать не приходилось.

Так что придётся пушки к замку подтащить, придётся рубить лес, класть настил под орудия… Нужно брать с собой сапёров. Обоз. Или быстро пройти кавалерией через лес да взять убежище «на шпагу» с налёта? Это риск… Ведь он даже не знал количества людей у разбойника. И не знал, что у него за люди.

«Кто знает, как там всё сложится, сколько нужно будет на дело такое кавалеристов».

Нет, нет… Ему всё это не нравилось. Пока он не знал, что делать… И думал о том, что Ульберта с его ватагой придётся… придётся подстерегать на реке.

— Господин… Господин…

Волков поднимает глаза и видит монаха, про которого уже позабыл, а тот и спрашивает:

— Если я вам более не надобен, я, может быть, поеду?

— А… Да-да, езжай… — но тут же он вспомнил: — Стой. Погоди, я письма напишу, одно на почту в Малене занесёшь, другое в дом Фейлингов, передашь графине.

И, потребовав еды и пива для монаха, а себе писчие принадлежности, сел писать. Первое письмо было адресовано ротмистру Хаазе, в том письме Волков требовал от офицера, чтобы тот немедля связался с бароном фон Виттернауфом и напомнил тому, что без пушек поход за маркграфиней не имеет смысла и что пушки надо как можно быстрее везти в Эшбахт. Также он писал, чтобы ротмистр довёл до сведения барона, что денег на лошадей у Хаазе нет и что их он должен получить из казны. И никак иначе.

«Уж если герцогу с министром так нужна маркграфиня Оливия, пусть раскошеливаются на транспортировку пушек».

Второе письмо он писал Брунхильде. И в нём повторял ей, что её пребывание в городе Малене небезопасно, так как разбойник Ульберт угрожал ей и графу, и он предложил графине просить у Фейлинга надёжную охрану и с той охраной ехать к нему в Эшбахт. Нет, Волков прекрасно понимал, что Брунхильда не кинется бежать из города. Но писал он и не для того, барон хотел, чтобы то письмо дошло до Фейлинга, графиня не могла с ним не поделиться вестью, а значит, и подтолкнуть этим Фейлинга к действию. Генералу было уже понятно, что с разбойником придётся разбираться ему, но он хотел, чтобы город принимал в этом участие и демонстрировал инициативу. И для этого влиятельный Фейлинг подходил как никто другой.

«Успеть бы покончить с Ульбертом до отъезда в Винцлау, а то в моё отсутствие он тут таких дел натворит, что потом мне год разгребать придётся…».

И поэтому, как генерал ни хотел заняться своим излюбленным делом, он не сел считать свои деньги, а поднял с лавки сонного фон Флюгена и велел тому разыскать и пригласить к себе в гости прапорщика первой роты мушкетёров Юргена Кроппа, который только что вернулся из Фёренбурга.

— Знаю я его, — ответил оруженосец, зевая, и ушёл.

Это пятнадцатилетний бездельник последнее время стал лениться; он был смышлён, но стал совсем нетороплив, как будто в его юные года посетила оруженосца мудрость: Дела… дела… никуда они не денутся, а если и денутся, так ещё лучше. По этому принципу он и стал жить, тем и отличался от более взрослого и ответственного Хенрика, которому генерал пророчил хорошую карьеру в ремесле воинском.

— И пошевеливайтесь! — кричал ему вслед генерал.

Пошевеливался фон Флюген или не торопился, Волков доподлинно не знал, но вернулся оруженосец с прапорщиком только через два часа. Волков уже и с женой успел как бы помириться, и получить хорошую порцию раздражения от своих неуёмных сыновей. Так что появлению прапорщика, который кланялся генералу на входе в гостиную, он был рад.

— Идите сюда, прапорщик, вот стул, — он обернулся к дверям, на кухню. — Мария, Томас… Кто-нибудь… Стакан несите.

Прапорщик выполнил просьбу хозяина дома и был готов слушать своего начальника.

— Ну как, отдохнули после дела и долгой дороги?

— Отдохнул, господин генерал, — отвечал Кропп. — Общался с нашими, что не пошли с нами в Фёренбург. Выпивали. Разговаривали о делах.

— И что они? Завидуют?

— Конечно, — усмехается молодой офицер. — Они сидели у своей печи бесплатно, а мы сидели в гарнизоне за жалование, да ещё и призовые были, а у некоторых и добытое. Я им сказал, что некоторые мушкетёры рядовые по шестьдесят монет за зиму взяли, лёжа на тюфяках, а ротмистры за сидение в казармах по полтораста, так они чуть не плакали.

Генерал и прапорщик посмеялись, и генерал говорит:

— А вы слыхали про дела, что творятся на реке?

— Дела? — не сразу понял прапорщик. И тут же сообразил: — А, так вы про разбойника… Да-да, мне товарищи про того разбойника рассказывали.

— И что говорили? — интересуется барон.

— Говорили, что если город не сподобится его ловить, то нам придётся, — отвечал молодой офицер.

Волков кивает:

— Так и есть, так и есть… Даже если и соберутся бюргеры разбойника ловить, всё равно нас попросят с ними идти.

— Что? Так страшен разбойник тот? — удивляется прапорщик.

На что генерал лишь машет рукой:

— Какой там. Просто он из фамилии Маленов, а бюргеры эту фамилию боятся, сами ей противостоять не хотят. Вот и придётся нам хоть и небольшой отряд, да собрать. Посему опросите людей, надобно нам будет мушкетов двадцать-тридцать… Пару сержантов с ними. Спросите у пехотных офицеров, кто не занят, есть ли желающие прогуляться до логова раубриттера, те, кто проявят интерес, пусть опросят людей, надеюсь, пять десятков охотников из пехоты будет нам довольно.

— Я всё выясню, господин генерал, — прапорщик был видимо рад, что ему поручили задание, которое было ему не по званию. Он был взволнован. И это не удивляло. Подбором людей и сбором отрядов занимались, как правило, офицеры чина капитанского, не меньше. А тут всего-навсего прапорщик.

— Только не тяните, дело не терпит, — напутствовал его барон. Волков решил проверить этого молодого офицера, который хорошо зарекомендовал себя в боях, в деле организаторском.

— Тянуть не буду. Сегодня же займусь, господин генерал, — обещал офицер.

* * *

После барон, позвав с собой фон Флюгена, отправился к Амбарам, но не доезжая до пристаней свернул с дороги налево,

на север. И поехал к мельницам.

Ещё за полверсты было слышно, как бухают тяжёлые водные молоты по наковальням, и по всему берегу разносился отчётливый запах угольного дыма. Выше и ниже по течению от мельниц были возведены небольшие пирсы, мостушки, возле которых стояли лодки с угольными корзинами; и сами мостушки, и вся площадь вокруг мельниц были завалены грудами дурного железа, которое после проковки и выжигания станет первостатейной тонкой полосой, или гибким и прочным листом, или крепкой проволокой.

Дым, шум от воды и молотов, привкус калёного железа в воздухе, суета рабочая.

Один из мужичков в грязной и рваной одежде, увидав его, кинулся в мельницу, в распростёртые двери, из которых вырывался шум и дымная копоть, и через несколько мгновений оттуда вышел человек в одежде уже не такой рваной, он подошёл к Волкову и поклонился.

— Доброго дня вам, господин барон. Видно, вы желаете видеть господина Волинга, вот только его нет сейчас, отъехал с одним купцом считаться. Тот полосу у нас купил только что.

— Что ж, хорошо, — сказал барон.

— Может, желаете кузни посмотреть? Или спросить что, я по мере сил отвечу вам.

Но у него вопросов не было, к чему вопросы, и так всё видно: колёса мельничные крутятся, молоты бьют, рядом сложены горы хорошего уже железа, и проволоки, и листа. Чего тут спрашивать? Ну разве что:

— Разбойник на реке людишек торговых грабит, видел его? Он мимо вас должен плавать?

— Я из кузни мало что на реке вижу, — отвечает кузнец, — а вот наши грузчики говорят, что видали пару раз ватагу его. Говорят, лодки полны добрых людей были. Все при железе. Один раз семь лодок было, второй раз шесть. А ещё грузчики говорили, что разбойники, когда по реке идут, к тому берегу жмутся, тем течение послабже, грести им полегче.

Поблагодарив человека, барон поехал дальше по берегу вверх по реке, к самой границе своих владений, там уже и дороги не было, и почва после паводков ещё не отошла и сочилась водой, но они ехали и ехали вперёд, пока наконец не выехали на один мысок, поросший ивой и черёмухой. Тут Волков поворотил коня через кусты к самой воде и там у неё остановился, а потом и говорит:

— Фон Флюген, а ну-ка отвечайте, сколько шагов до того берега?

— Сто шестьдесят, — едва бросив взгляд, отвечал молодой человек.

— Сто сорок-сто пятьдесят, — поправил его генерал. И продолжил: — Если в кустах поставить орудия, то по реке и не проплыть будет.

— Да уж, тут, если картечью бить… — оруженосец оглядывался и откровенно веселился. — Тут даже и наш Хаазе не промахнётся.

Он прав. Волков глядит на воду. На небольшие завихрения, на движение воды… Это исток великой реки, что течёт до самого северного моря, чуть выше уже начинаются болота, здесь не очень глубоко, и течение вялое. Но даже тут большие и гружёные лодки, идя вверх, буду плестись еле-еле… Если поставить пушки в кусты и дождаться, когда те пойдут, то лучше мишени и не сыскать будет. Молодой человек, сопровождающий его, прав, тут никто не промахнётся, Хаазе с первого выстрела накроет любую проплывающую лодку картечью, и из второго орудия следующую, а по остальным, хоть и не так хорошо, но всё равно неплохо будут работать кулеврины.

«Ульберт не захотел со мной встречаться… Так это его право. Но вот то, что бахвалился дурак! Грозился меня повесить… Брунхильду грозился брать. „Племяннику“ угрожал… За это придётся ему ответить».

— Сеньор, а чего мы тут ищем, кого ждём? — интересуется фон Флюген, поездив по зарослям и вернувшись обратно.

— Разбойник Ульберт грозился меня повесить… Через монаха передал. Вот выбираю место, где ему удобно будет.

Молодой человек, услыхав такое, оскалился, а потом скорчил кислую мину и говорит:

— Не люблю я таких, как Ульберт.

— Отчего же? — интересуется генерал.

— «Через монаха передал», — повторяет фон Флюген. — Если бы в лицо сказал, это одно… А через монаха… Это как мужичьё пьяное в трактире: друг друга последними словами поносят, зная, что ничего им за то не будет, разве что рыло начистят; вот и Ульберт этот через монаха передаёт, в надежде, что с вами никогда не встретится или что вы его при встрече пощадите, так как он родственник герцога.

Волков слушает своего оруженосца и улыбается, а тот продолжает:

— Вот потому мне рыцарское общество или, к примеру, воинское, и мило, что тут за всякое своё слово, даже за пьяное, иной раз придётся и железом ответить. Иной раз и хочется грубость какую ляпнуть, но всегда думаешь наперёд, чем то

закончится, и молчишь, как умный. Потому мне и нравится общество наше, что у нас балаболов и бахвалов не празднуют.

Удивительно было слышать такие мудрые слова от столь молодого человека.

«И не дурак, и не трус… Если бы ещё не ленился последнее время».

Волков тронул коня и, проезжая мимо фон Флюгена, не сдержался, похлопал его по плечу: молодец, всё правильно говорите.

А ещё на подъезде к дому фон Флюген, выехавший по своему обыкновению вперед, поворачивается и замечает ему:

— Гости к нам.

Так и есть, у его дома целых две кареты.

— Городские, что ли, пожаловали? — всматривается в кареты оруженосец и не ошибается.

Его в гостиной за вином ждёт несколько важных горожан. Волков, признаться, поначалу надеялся, что среди приехавших он увидит свою высокую и статную «сестрицу»-красавицу. Она ведь, кажется, обещала ему приехать. Даже сердце чуть быстрее застучало у старого солдата. Но в гостиной графини не оказалось. А были лишь мужи городские.

Глава 33

И был среди них Хуго Фейлинг, а также помощник консула и старый приятель Виллегунд, а с ними были три офицера: капитан городского ополчения Генрих Вайзен, капитан-лейтенант Фиглер и ещё один малознакомый Волкову офицер, ротмистр Гейдрих. После того как все поздоровались, Фейлинг начал:

— Рад сообщить вам, господин почётный маршал, что совет выделил деньги… — тут он заговорил с сарказмом: — Соизволил наш уважаемый совет наконец признать опасность разбоя в устье реки Марты. Консул дал добро начать собирать против речного разбойника людей. Решено собрать людей первого сбора, — тут он оборачивается к Виллегунду. — Дорогой друг, сколько консул велел собрать людей?

Помощник консула кивнул, развернул лист бумаги и стал читать:

— От первых двадцати семей города собрать надобно по одному конному мужу при полном доспехе и двух конях и при одном конном слуге, об одном коне и при хорошем доспехе. От цехов ремесленных — тридцать арбалетчиков и двадцать аркебузиров, а от других цехов и городских коммун собрано будет сорок человек пехотных при полном доспехе и восемьдесят человек при доспехе добром. Также велено взять двух барабанщиков, двух трубачей и четырёх юношей посыльных на добрых конях. Те все пойдут по желанию за плату. Обоз и кони обозные, провиант и лекарь — все будут от городской казны.

«Ну, вот и решились бюргеры. Видно, слухи о моих переговорах с разбойником сыграли свою роль. А может, соседи из Фринланда их дожали, а может, и сам Ульберт довёл их до решения. Хотя горожане есть горожане. Не проведя разведки, решили послать сорок тяжёлых кавалеристов скакать по болотам и штурмовать стены замка. А вот о пушках ни слова не сказали».

Тем не менее, пока всё шло по его плану. А то, что бюргеры не знают, как дело военное делать, так на то у них офицеры есть и «почётный маршал», что подскажет им.

— Прекрасно, — выслушав зачитанное, генерал начал: — То силы изрядные. И у меня сразу появился вопрос, — тут он взглянул на Виллегунда. — А кого же консул видит командующим?

И здесь вместо Виллегунда слово взял Фейлинг:

— Думаю, что все хотели бы видеть во главе отряда вас, господин почётный маршал.

Хуго Фейлинг по прозвищу Чёрный.

Весь в шелках. Держит стакан с вином так изысканно, а пальцы в дорогих перстнях… Умный, галантный, всё знающий… Он почему-то раздражает барона. Возможно оттого, что говорит от лица города, хотя никакого официального городского поста и не занимает. Также не был он и призванным офицером, хотя и присутствовал, по сути, на военном совете. А может, потому он раздражал барона, что имел доступ под юбки прекрасной Брунхильды? В общем, чтобы поосадить его, Волков и говорит, глядя на Виллегунда:

— Господин помощник консула, так кого видит консул во главе отряда? Или, может, он сам желает его возглавить?

А хитрый и давно уже съевший собаку в городской политике господин Виллегунд указывает на господина Фейлинга рукой: дескать, глас народа — глас Божий, а на словах лишь добавляет:

— Господин Фейлинг уже озвучил пожелания и господина консула, и всего нашего города. Все желают видеть командиром отряда вас, господин почётный маршал.

— Господин маршал, — обращается к Волкову капитан-лейтенант Фиглер, — горожане были бы… Ну, более воодушевлены, если бы к их отряду присоединились хоть небольшие, но более опытные силы, кто-нибудь из ваших людей.

— Да, будут, но учитывая, что я сейчас ужасно стеснён в средствах, мой отряд будет небольшой, — он сделал неопределённый жест. — Человек двадцать мушкетёров с прапорщиком и человек пятьдесят с ротмистром или капитаном.

— Это неплохо, это неплохо, — обрадовались городские офицеры. — Ваши знамёна… Мушкетёры Эшбахта… Они взбодрят наших людей.

— Осталось только выяснить дату выступления, — снова взял на себя смелость Фейлинг. — Господин почётный маршал, когда вы думаете выступать, когда нам уже нужно будет собирать обоз?

«Господин почётный маршал!».

Бюргер явно пытался придать этому глупому званию какое-то возвышенное, пафосное звучание, но выходило всё как раз наоборот, и во всём этом проступал комизм. Как будто речь шла об игрушечном генерале, которых Волков много раз видел в балаганных комедиях в южных землях в молодости.

Да… Вне всякий сомнений, этот напыщенный и важный горожанин раздражал Волкова. Но он сдерживал себя и отвечал тому вежливо:

— Господин Фейлинг, — он, чтобы не казаться грубым, осмотрел также всех присутствующих, — и вы, господа, впредь прошу вас не называть меня маршалом, — и, чтобы сгладить просьбу, добавил: — Я ещё не заслужил этого звания. Да и не

ходят маршалы ловить речных разбойников. Так что зовите меня просто «генерал», а «маршала» мы оставим для балов, наград и шествий.

— Хорошо, как пожелаете, господин генерал, — соглашались гости.

— Продолжим, господа… — он снова взглянул на Виллегунда. — Господин помощник консула, мои шпионы сообщили мне, что Ульберт Вепрь запирается в старом заброшенном замке Альтерзумпф, а тот находится среди болот и мокрого леса, так что добрые мужи в полном доспехе на больших конях нам в том деле будут без надобности. И если и возьмём мы с собой кавалеристов, то человек двадцать, и тех самых лёгких и проворных.

— Ах вот как?! — удивлялся Виллегунд, да и все другие господа удивлялись.

— А вместо кавалеристов нам желательно быть при пушках, — продолжал генерал. — При осмотре городского арсенала я видел ядра и порох, но ядра те были мелкие… А что в городе с пушками?

Тут взял слово капитан Вайзен. «Слава Богу, что опередил Фейлинга». И он начал:

— Как раз о том я хотел говорить с вами, господин генерал; я надеялся, что вы проведёте инспекцию стен городских и городских орудий, но вы, к сожалению, уехали. А нам хотелось бы знать мнение ваше насчёт пушек, всем известно, что вы в пушечном деле человек один из самых знающих, как и в деле пехотного огненного боя. А городу как раз нужны и пушки, и мушкеты. Я думаю писать доклад про то в городской совет.

— А что за пушки есть у города? — повторил вопрос барон.

Тут ему ответил капитан-лейтенант Фиглер, бубнил как по писаному:

— В распоряжении городского ополчения имеется семь кулеврин трёхфунтовых и два лаутшланга шестифутовых, также есть две кулеврины четырёхфутовые, но принадлежат городской страже.

— Боюсь, что лаутшланги в шесть футов дыру в стене замка не пробьют, даже если стена та старая, — скептически заметил Волков. — Разве что ворота смогут разбить. Но этот Ульберт ворота, говорят, укрепил, вокруг стен набил рогаток, он готовился. В общем, нам нужны хорошие пушки, мои пушки, и они скоро сюда прибудут из Вильбурга. Может, через недельку или полторы.

— Значит, будем ждать пушек? — интересуется Фейлинг.

И Волков ему отвечает:

— В воинском ремесле ждать нельзя, даже сидя в осаде. Ждать, сложив руки, и гадать, откуда тебя враг уколоть думает, — то верная гибель. Нужно действовать, и хоть в малом, но вынуждать врага отвечать на твои действия. Не отдавать врагу инициативу. Даже в осаде сидя, готовь вылазки, улучшай укрепления, копай, строй.

Офицеры, городской чиновник, да и Фейлинг слушали его, не перебивая, и он продолжал:

— Капитан Вайзен, надобно провести рекогносцировку: доехать до того леса, в котором прячется разбойник, посмотреть, есть ли на дороге мосты и крепки ли они так, чтобы выдержать большие пушки, не понадобятся ли сапёры; может, где земля так сыра, что будут нужны гати. В общем, если вы выйдете в путь с обозом и тяжёлыми пушками, то должны добраться до логова раубриттера за день.

— Ясно… Ясно… Ясно… — после каждой его законченной фразы говорил капитан и кивал головой.

А Волков тут поглядел на сидящего тихо ротмистра Гейдриха и говорит:

— А вам, ротмистр, тоже дело будет.

— Мне? — почему-то удивился тот.

— А кому же мне дело воинское — господину Фейлингу поручить? — в свою очередь удивлялся генерал. — Вы ведь патентом ротмистра владеете — или Фейлинг?

— Да, — чуть приосанившись, отвечал ему офицер. Был он не очень молод, может, поэтому казался генералу опытным. — Я имею патент ротмистра.

— Ну так отберите из городских юношей пятьдесят охотников, ловких и смелых, и на пяти лодках поднимитесь по реке до самых болот, узнайте, можно ли по реке добраться до твёрдой суши и сгрузить там пушки.

— «и сгрузить там пушки…», — повторял за ним негромко капитан-лейтенант Фиглер, записывая всё сказанное генералом на листок бумаги грифелем.

— Выяснить про твёрдую землю. Это всё? — уточнил ротмистр.

— Нет, не всё. Также обыщите ту округу и найдите лодки, на которых Ульберт ходит по реке, они там где-то должны быть, не берёт же он их с собой в замок. Лодки заберите или порушьте, если не будет возможности забрать. Тем мы обезопасим купчишек на реке, ну, хоть на время, пока он новыми не обзаведётся.

— Угу, — кивал ротмистр с видом уже едва ли не испуганным. Но, несмотря на его вид, генерал продолжал приказным тоном:

— Также поищите кого-нибудь из людишек его, нужен нам «язык», ведь мы до сих пор наверняка не знаем, сколько у него людей и сколько офицеров.

— Ах вот как! — воскликнул Хуго Фейлинг, когда барон наконец закончил. — Вон как всё, оказывается, хитро и непросто в ремесле воинском.

А Волков, закончив с приказами, велел Марии подавать обед для себя и приехавших господ.

* * *

За обедом господа офицеры вдруг начали изводить его вопросами… И вопросы те были так просты, что им любой из его капитанов ответил бы.

«Как дети, в самом деле, малые».

Всё волновались, как им лучше начать да что сделать. А Волкову, что провёл почти всю свою жизнь на войне, было едва не до смеха. Как всякой той мелочи можно не знать и дослужиться до звания капитана или пусть даже ротмистра?

«Не знают даже, сколько дозорных вперёд войска выслать… Не знают, что для тяжёлых орудий сменные упряжки лошадей обязательны. Хотя все были с боевым опытом. Но… Они же только в осадах сидели. Со стен воевали. Одно слово: городское воинство».

Впрочем, это было ему на руку. Опозорятся, не справятся с такими пустяками, так это только поднимет его авторитет ещё выше и покажет, что без него горожане даже разбойника сами изловить не смогут.

А когда гости уезжали, он стал собираться с ними, и сразу тут встрепенулась баронесса, что тихо и смирно вела себя во время обеда, изображая добрую жену.

— Куда это вы собрались, дорогой супруг мой? — спрашивала она с поддельной улыбкой.

— Проедусь, дорогая моя, провожу гостей, чтобы после обеда развеяться, а то салом зарастаю я от домашнего сидения, так скоро и в панцирь не влезу.

— Да? — жена явно не верила ему. — Что ж, езжайте, дорогой мой, только недолго, а то я волноваться стану.

— Недолго, недолго, — обещал он и уже через минуту выехал с фон Флюгеном вслед за каретами гостей.

Но долго их не провожал, а чуть дальше выезда из Эшбахта попрощался с господами горожанами, а сам свернул на восток и поехал в Амбары. А там, проехав мимо длинных зданий складов,

мимо причалов, поскакал к дому на холме.

А в прекрасном доме слуги ему сообщили, что госпожа вместе с дочерью отбыла в Мален и сегодня её не будет.

Волков разочарованный вернулся домой. Почти как и обещал, отсутствовал он недолго.

Он и так был не в добром расположении духа, а тут ещё его супруга встретила его во дворе. Стояла в дверях и улыбалась противно, а когда он слез с коня и хотел пройти в дом, так она сообщила ему:

— А я вам разве не сказала, что беспутная наша соседка сегодня уехала в город?

Волков лишь взглянул на неё, придавая своему взгляду безразличие, и прошёл в дом.

— Надо было сказать, что её встретил наш конюх Ганс на дороге, может, вам и провожать гостей не захотелось бы, — бубнила из-за спины жена всё с той же своей мерзкой язвительностью.

«Дура!».

Он всё равно ей ничего не ответил, а в гостиной на комоде вдруг нашёл книгу, которую читал лет десять назад. То был большой труд на языке пращуров и звался он «Двенадцать цезарей». Ту свою книгу он продал, по глупости, за бесценок, а эту, видно, принёс Ипполит, чтобы по ней учить его сыновей языку мудрости. Барон эту книгу берёт, листает и оторваться уже не может, садится за стол читать, читает с вином и удовольствием. С большим удовольствием, хоть некоторые слова теперь уже вспоминает не сразу. И ему не мешает жена, полная недовольства и упрёков, и орущие сыновья, что устраивают драки со слезами тут же в гостиной. Он на всё это не обращает внимания и читает, читает, как в молодости читал, до тех самых пор, пока вдруг все в зале не замолкают. И жена перестала отчитывать служанку, и дети вдруг угомонились, все притихли, потому что… Потому что на невысокой колокольне у небольшой церквушки Эшбахта вдруг ударил колокол.

«С чего бы это? К вечерне ещё рано!».

Волков, как только до него дошёл этот звук, сразу ищет глазами фон Флюгена, но того на лавке нет. И тогда барон встаёт.

— Папенька, а что это колокол звонит? — спрашивает у него старший, который по лицу матери понял, что что-то происходит.

— Сейчас выясним, — отвечает сыну генерал.

Глава 34

Зря они волновались, событие оказалось радостным. Ещё не успел Волков одеться подобающе, как в покои его влетел возбуждённый фон Флюген и сообщил ему:

— Брюнхвальд идёт, уже на подходе.

И сразу порадовался генерал и успокоилась вся его родня, а колокола звенели на весь Эшбахт. И Волков, одевшись, пошёл встречать своего заместителя и товарища.

Поднимая на почти просохших дорогах пыль, входили в город колонны солдат и мушкетёров. Офицеры на конях впереди своих рот, видно, перед въездом в Эшбахт расчехлили свои ротные знаки, а главное знамя полка за полковником Брюнхвальдом вёз… не Максимилиан.

А уже закалённый в походах прапорщик Рольф Вернергер.

И тут, покинув строй, полковник Брюнхвальд свернул во двор к своему командиру и, спрыгнув с лошади, весь в дорожной пыли, сняв шляпу, поклонился, а потом сказал:

— Господин генерал, ваши люди вернулись все, есть хворые, в обозе едут, есть кто ноги сбил, но все живы и раненых нет, завтра подам вам списки.

— Друг мой, — только и смог произнести Волков и обнял своего старого товарища. — Слава Богу, вы вернулись. Езжайте домой и отдохните как следует…

Он ещё не договорил, но к нему, слезая с лошадей, уже шли и Дорфус, и Рене, и Роха вылезал из своего возка, и Вилли, и другие офицеры. Все старшие хотели поздороваться со своим командиром, а младшие офицеры, может, тоже хотели, но соблюдали субординацию, даже и не все капитаны решались подойти к генералу. Например, капитан Циммер, может, и хотел к нему подойти, он даже отделился от своей роты и отъехал в сторону, но подождал, постеснялся и поехал догонять своих людей. А Волков, когда его офицеры собрались возле него, радостные, хотя грязные и усталые, со всеми поздоровавшись, всем пожав руки, сказал им потом:

— Господа, сейчас никого из вас задерживать не буду, ступайте к жёнам своим и детям, а завтра жду вас всех в чине от капитана к себе на обед, и женщин своих берите.

Офицеры стали расходиться, но тут барон не удержался и спросил у своего заместителя:

— Всё было нормально, Карл?

— Все вернулись с деньгами, господин генерал, — отвечал полковник, улыбаясь, — и некоторые с хорошими.

— Кстати, я не вижу Максимилиана, — Волков по довольному виду Брюнхвальда понимал, что с сыном того всё должно быть хорошо. Тем не менее он спросил: — С ним всё в порядке?

— Да, с ним всё хорошо, у него завелись деньжата, и он остался в Малене, хочет купить новую одежду.

— Прекрасно, — заканчивает разговор генерал. — Завтра жду вас и госпожу Брюнхвальд на обед.

* * *

С самого утра началась подготовка к обеду. На заднем дворе резали кур и уток, зарезали молодую свинью. Мария по просьбе хозяина сама пошла по трактирам, чтобы попробовать и выбрать лучшее пиво, что есть в продаже, также купить сушёных фруктов, фруктов в сахаре и орехов. Вино у барона было. Варились яйца, пеклись хлеба и булки на масле. Подходило тесто для пирогов. Пироги Мария собиралась делать трёх видов. Открытые с мёдом и свежим сыром и два закрытых: с мясом и с яйцами и луком. Уток она решила делать давленых, по старому местному рецепту. Тем уткам головы не рубили, а сворачивали, потом их щипали и потрошили аккуратно, через маленький разрез в брюхе, затем клали уток в большие поддоны, солили и намазывали горчицей со всех сторон, а потом придавливали сверху грузом и ставили поддоны в низ печи, где жар совсем не сильный и где утка не жарится, не варится и не тушится, а томится час за часом, пока на пробах кости её не отделялись от мяса без всякого усилия и она не становилась оранжево-коричневого цвета.

Это долгое и трудоёмкое блюдо у кухарки барона выходило отменным, ничего подробного он не ел даже во дворце у герцога.

Всем делом кухонным взялась руководить сама баронесса, она бранилась и раздавала указания, всё пробовала и часто была недовольна, тем не менее генерал видел, что жена его знает, что делает, и уж как правильно накрыть стол, как расставить лавки и стулья, чтобы хватило для всех гостей, и как не подать к столу пересолёное блюдо.

Когда в доме у него стоял кухонный чад, а шум и суета были такими, что пришлось отложить обучение сыновей, так как те совсем теперь не реагировали на просьбы учителя, и генералу было уже почти плохо, к нему пришло спасение в виде его приятеля Карда Брюнхвальда. Теперь он сам был выбрит, и свеж, а одежда его чиста и нова. И теперь Волков вдруг заметил, что…

— Друг мой, да вы, кажется, постарели!

— Вот чёрт… — немного огорчился полковник. — Жена тоже заметила. Утром. Сегодня. Видно, не нужно было бриться. Наверное, щетина скрывает морщины, — и он тут же добавил: — А вот вы молодцом, генерал, только с тех пор, как я вас видел, кажется, прибавили малость под кирасу.

— Чёртова домашняя жизнь, всё лень, сплю, пока солнце не взойдёт, даже на коня влезать не хочется, — признался барон, и два старых солдата посмеялись.

Они уединились в столовой, так как большой стол в гостиной уже был накрыт скатертью и на него ставили блюда и стаканы. А Брюнхвальд достал листы бумаги и стал их выкладывать перед начальником. А там всё фамилии ротных командиров, фамилии ротмистров и цифры, цифры.

— Как вы без меня управились, Карл? — интересуется Волков, пока его товарищ разбирается в бумагах.

— Так вы же отбыли, когда всё уже было сделано, я только и следил за людишками, чтобы не дурковали.

— А что было такое?

— Ну а как же? Жизнь гарнизонная — она такая, — объяснял полковник. — Сами понимаете, сидение в гарнизоне даже бывалых офицеров ослабляет, а что уж про солдат простых говорить. Тем более если деньги у них имеются.

— Были деньги?

— Конечно! Те, кто с Дорфусом ходили, так они в серебре купались. А потом, когда в городе драки и пожары начались, так все при деньгах были.

— Пожары? — удивляется генерал.

— Конечно, пожары, — уверенно говорит его товарищ. — Едва ли не каждую ночь что-нибудь да полыхало.

— И кто же поджигал?

— Так людишки городские и поджигали, — объясняет Брюнхвальд. — Это пока вы были в городе, всё было спокойно, все к вам ехали, а как вы отбыли… — полковник машет рукой, — Спаси Господи. Драки каждый день, за каждый дом, с дубьём, с ножами, бьются фамилия на фамилию, без жалости. Зубы, глаза — навылет, кости ломали, бошки пробивали друг другу, с бабами приходили, чтобы те сразу откачивали, в общем, такое было, я такой брани и склок в городах, взятых на шпагу, не видал, — Карл смеётся. — Честное слово, до остервенения доходило, но, надо признаться, оружия в ход не пускали, дрались в основном честно. Ну а те, кто проигрывал, так потом ночью приходили и домишко, отбитый у них, поджигали, дескать, гори ты синим пламенем.

Брюнхвальд смеялся, а вот барону смешно не было, сидел

владетель Эшбахта и недостроенного замка и думал, что останься он в Фёренбурге, то мог бы сейчас, может быть, половину своих долгов списать и пожаров с поножовщиной в городе не допустить. А Карл, словно издеваясь над ним, продолжал рассказывать:

— А начнётся пожар, так чтобы вся улица не заполыхала, я туда солдат отправлял, а они, предохраняя дома от огня, кое-что и находили, то столовое серебро найдут, а то и шесть отрезов бархата в одной лавке, ну и по мелочи всякого… Бархат, правда, пришлось купчишке вернуть, плакал больно… А два арбалетчика из роты Кальба так в горящем доме решили прихватить перину и подушки, мол, надоело спать на тюфяках, а что не взять, всё равно сгорят, а в той перине мешок, а там сто шестьдесят две монеты. Вот так вот. Ну, деньги они, конечно, на весь отряд поделили, но всё равно повезло. И так постоянно, кто канделябр из бронзы с вензелями принесёт, кто мешок соли… В общем, денег у всех было вдоволь, как будто мы этот город взяли на «пограбить». Стали, сволочи, пить сразу, а где деньги, там и горожанки появились, да ещё и замужние стали ходить, а за ним мужья прибегать, а наши мужей в тумаки, а те жаловаться, в общем, обычное дело. Двоих наших пришлось пороть. Корпоралы даже и заступаться за тех не стали, так, мол, и надо. По заслугам.

А Волков сидит грустный.

«Половину долгов, останься я там, так точно раздал бы… Ну, даже не половину, пусть четверть… И то… Ах, как хорошо бы это было!».

А Брюнхвальд тем временем разложил все листы на столе и стал пояснять цифры своему командиру:

— Вот что у нас получилось. Таковы цифры.

— Что за цифры, — стал заглядывать в бумаги Волков.

— Получается, что люди наши и офицеры переслужили по контракту герцога восемь дней, и те восемь дней ели и пили за свои, получается… — Карл перекладывает бумаги и находит то, что нужно. — А, вот… вот последняя цифра.

Но генерал даже и не взглянул на бумагу, сидит с постным лицом и глядит на своего полковника.

— Что? — спрашивает Брюнхвальд, начиная подозревать неладное.

— Ничего, Карл. Просто у герцога денег нет, а у меня и подавно, и за переслуженные восемь дней люди ничего не получат, так и скажите им; да и довольно с них будет того, что они в Фёренбурге взяли. Никто оттуда нищим и босым не пришёл.

— Да? — полковник замер. Генерал думал, что он вот-вот примется его переубеждать, но Брюнхвальд лишь стал собирать

бумаги со стола и говорит при этом: — И то верно. Каждый при мошне вернулся. Все с серебром пришли, а те, кто старался и не пил, на баб деньги не спускал, так и принесли изрядно. Довольно с них будет. Скажу всем завтра, чтобы не ждали. Что герцог не заплатит, — он сложил бумаги и убрал их под куртку. — А жена говорила, тут разбойник объявился на реке.

— Объявился, пока меня не было, — Волков рад, что неприятный разговор про деньги закончен. И закончил его Карл весьма быстро, без лишней болтовни.

— И что? — продолжает полковник. — С этим разбойником, видно, нам придётся дело решать?

— Я хочу на это горожан подбить, да, видно, то дело пустое, — отвечает Волков, но ему приятно, что Карл произносит слово «нам», а не «вам». Брюнхвальд не отделяет себя от Волкова. Не отделяет себя от Эшбахта. И в его устах это звучит абсолютно естественно, в его речи нет и намёка на какое-то пресмыкание или хитрую, обдуманную вежливость, его речь — это простые слова старого солдата, настоящего боевого товарища. И Волков продолжает: — Бюргеры, чернильное рыцарство, городское воинство. Много желания да мало умения. Впрочем, я им сказал, что делать надобно, а там подождём — посмотрим. Говорят, у разбойника сто человек, и прячется он в старом замке.

Ещё он в двух словах описал ситуацию: и про городское воинство, и про соседей, что негодуют от разбоев, и что раубриттер рода самого в этих местах знаменитого. Но старого полковника всё это ничуть не смутило.

— Ну, ежели городские не справятся, думаю, осилим вора, — уверенно заявил Брюнхвальд. А потом помолчал и, хитро поглядывая на Волкова, и спрашивает:

— А ещё что тут было, пока нас не было?

— О чём это вы? — не торопится отвечать генерал.

— Да рассказывают, что была здесь, в Эшбахте, дорогая карета со знаменитым гербом, — понизив голос, продолжает полковник. И спрашивает: — Никак от герцога кто-то был?

— Министр был, — как бы нехотя отвечает Волков. Ему не хочется втягивать своего товарища в новое дело после того, как он лишь ночь переночевал дома после долгого отсутствия.

— Виттернауф? — сразу понял Брюнхвальд. И интересуется. — И что, новую войну наш сеньор затевает?

— Слава Богу, нет, но дельце одно подкинул. И так подкинул, что мне от него никак не отказаться.

— И что хочет?

— Чтобы я освободил принцессу Винцлау из лап какого-то графа.

— Ишь ты! — восхитился Брюнхвальд. — Освободить принцессу Винцлау надо? И замок, где её удерживает этот граф, уже известен?

— Помните капитана Мильке?

— Мильке? — Брюнхвальд пытается вспомнить. — Нет, признаться…

— В общем, я уже отправил его и Хенрика, чтобы составил карту и поглядел тот замок, как к нему лучше подволочь пушки, — пояснил товарищу генерал.

— Значит, сначала разберёмся с местным разбойником, а потом едем в Винцлау, разбираться с разбойником тамошним? — уяснил Брюнхвальд.

А барон ему и говорит:

— Карл, я не хотел бы злоупотреблять нашей дружбой и таскать вас по всем моим делам, вернее, по делам герцога. Я его вассал, мне деваться некуда, но вы-то не вассал мне.

— Во-первых, я живу на вашей земле, — отвечал ему полковник, — а во-вторых… Друг мой, мне бы сейчас не помешали деньжата. Жена хочет новый дом поставить.

— Но герцог мне денег на освобождение маркграфини дал немного, — продолжает сомневаться Волков. Он уже сделал предварительные расчёты, и на первый взгляд у него должно было остаться от золота, что привёз министр, триста, а то и триста двадцать монет. — Я не смогу вознаградить вас по достоинству. Месячный оклад поклонника, не более.

— Ну и прекрасно, хоть что-то всегда лучше, чем ничего, — сразу обрадовался Брюнхвальд. — Тем более что принцесса может и вознаградить нас. Чем чёрт не шутит.

— Ну, этого я вам точно гарантировать не могу, — предупредил его генерал. Он всё ещё давал понять товарищу, что не сможет его вознаградить как должно.

— Ну и ладно, погляжу на Винцлау. Я там никогда не был. Говорят, там богатые места.

— Места богатые, города богатые, — подтвердил Волков.

— Говорят, виноградники повсюду.

— На каждом склоне.

— Вот и отлично, погляжу, как там живут.

Волков не успел ему ничего ответить, дверь открылась и на пороге появилась баронесса, была она в новом жёлтом платье в чёрных кружевах. Элеонора Августа вежливо улыбнулась и сказала:

— Господин Брюнхвальд, дорогой супруг, господа офицеры с жёнами уже собираются.

— Да, мы идём, — ответил ей Волков и встал.

Глава 35

Уже многие офицеры пришли. И капитан Леман с женой, и полковник Роха с женой. Были офицеры и без жён: майор Вилли, капитаны Циммер и Нейман и другие капитаны; собрались почти все, кроме полковника Рене с женой и майора Дорфуса, но и те вскоре пришли, и Дорфус удивил всех, так как пришёл с юной дамой и назвал её своею обручённой невестой. Судя по наряду, невеста была не из бедных, и когда девица осталась разговаривать с дамами, Роха, уже успевший приложиться к стакану, спросил у него:

— Дорфус, откуда у тебя такая цыпочка?

— Это вторая дочь купца Циглера.

— Эти Циглеры из Малена? — уточнил генерал.

— Из Малена, господин генерал.

— Это хорошая фамилия, — сказал Волков и покачал головой, как бы подтверждая свои слова.

— Вот шельмец! — восхитился Роха. — Видно, и приданое будет за этой красоткой достойное, — он поглядел на свою жену и вздохнул, а потом отпил вина.

И все засмеялись. А тут появился и Рене с женой. Волков поздоровался с полковником и расцеловался с сестрой. И все стали рассаживаться. Элеонора Августа была в ударе, она руководила и слугами, и гостями: «Куда ты несёшь хлеба, дурень, здесь ставь» — «А вы, сестрица, поменяйтесь с мужем местами, вам надобно сидеть об руку с бароном, вы его кровная родня» — «А ваше место в конце стола, вы же без жены ещё». Настоящая хозяйка дома.

Наконец все расселись, и тогда Волков встал и сказал:

— Дамы, господа офицеры. Зима сия была хлопотной и трудной, но, слава Богу, прошла. Я хочу вознаградить тех, на чьи плечи легла главная тяжесть зимних дел.

Тут баронесса встала и хлопнула в ладоши, она улыбалась, было видно, что ей очень нравится роль радушной хозяйки. Барон тоже улыбался.

«Старается, дурочка, пытается Бригитт переплюнуть».

А в распахнувшуюся дверь вошли слуги, и они несли перед собою что-то. И генерал, забирая у первого слуги массивную серебряную цепь с гербом Ребенрее, что подарил ему недавно сам герцог, говорит Брюнхвальду:

— То вам награда, вы её заслужили.

Немного растерянный полковник встал, бросил на стол салфетку, вылез из-за стола и подошёл к своему командиру,

склонил голову.

Волков возложил ему на плечи цепь и сказал:

— Пока вы, полковник, обеспечиваете мой тыл, я спокойно могу идти вперёд.

После товарищи обнялись, а Карл Брюнхвальд при этом отвечал:

— Спасибо, друг мой, спасибо. Это признание моих трудов, то большая честь для меня.

И Волкову было не жаль подарка герцога для товарища, тем более что у него была ещё одна, точно такая же цепь. А ещё увидал первый раз в глазах своего боевого товарища слёзы.

Потом он продолжил:

— Полковник Роха. Где ты там, старый грубиян?!

— Я не могу на своей деревяшке выскочить быстро! Ты же знаешь, Фолькоф, — кряхтел Роха, отодвигая свой стул.

Он наконец вылез и доковылял до генерала, а тот уже держал прекрасную ленту лазури и серебра, одну из тех двух, что подарила ему фаворитка герцога. И Волков собственноручно опоясал ею своего полковника. Завязал на узел. Теперь это был роскошный офицерский шарф. А барон сказал:

— Ты воспитал отличных мушкетёров, дружище. Ты заслужил.

— Подожди, подожди, друг, — вдруг произнёс Роха и развязал узел на поясе; взяв ленту, он повесил её на плечо и завязал снизу, как генеральскую перевязь. И смеясь заявил:

— Дозволь, друг Фолькоф, я посижу сегодня так, вдруг я ещё дослужусь до генеральского чина.

И тут майор Вилли Ланн крикнул со своего места:

— Конечно дослужитесь, мне же нужно быть полковником!

И все стали смеяться. А Волков звал к себе полковника Рене. Конечно, вернее и честнее было бы ему звать к себе майора Дорфуса или капитана Неймана, так как те-то уж точно заслужили награду, но Рене был мужем его сестры, и это всё определяло.

— Без вас, дорогой брат, я бы не справился, — говорил барон, опоясывая полковника шарфом.

Хорошо, что Рене не стал офицерский шарф надевать, как генеральскую перевязь. И на том спасибо.

А потом слуги и служанки стали носить блюда с едою, а на слугах и домашние девках одежда несвежая, в пятнах… Нет, не похожи они были на лакеев дворцовых, и весь обед не походил на званые обеды во дворце, а скорее походил на деревенские посиделки помещика из захолустья, но давленая утка была великолепной, как и вино, подаваемое к столу. А мужи, сидящие

за столом, весьма неприхотливы, да и жёны их не избалованы, в общем, было весело.

А баронесса, раскрасневшись от вина, кладя руку на бедро своему супругу и склоняясь к нему, говорила ему, счастливая:

— В следующий раз надобно будет музыкантов звать. Так всё хорошо, а музыки не хватает.

— Да где же тут в Эшбахте хороших музыкантов взять? Или думаете из Малена приглашать? Так то дорого встанет.

— Да можно и здешних взять, из трактира, под вино и те хороши будут, — смеялась баронесса.

* * *

На следующее утро Карл Брюнхвальд сам приехал к нему утром, был при нём и молодой ротмистр Генрих Рудеман из роты Лемана, которого полковник стал последнее время привечать из-за его расторопности и сообразительности. Они втроём выпили пива и позавтракали остатками вчерашних пирогов. И, разговорившись о делах, вспомнили о разбойнике, о том, как его изловить. И тогда Карл благоразумно предположил, что нужно на реке, в истоках где-нибудь, выставить дозор. В хорошем укромном месте.

— Раз раубриттер из болот выходит в реку, значит, его и поймать там, у болот, можно будет. Нужно только хорошее место сыскать.

— Так я уже сыскал, — улыбался генерал. — Мы с вами, Карл, думаем одинаково. Мало того, в том месте можно и пушки поставить, а с воды их будет незаметно, там всё кустом поросло.

— Хотел бы взглянуть, — сказал Карл Брюнхвальд.

— Так поедем и поглядим, — отвечал ему Волков, которому и вправду нужно было почаще садиться в седло. Особенно после праздничных ужинов, таких, какой случился вчера.

И они вчетвером с ротмистром Рудеманом и фон Флюгеном снова поехали вверх по реке на тот самый мысок, на котором генерал был совсем недавно.

— Прекрасное место! — оценил мысок полковник. — Почва влажная, но тут тяжелые пушки и не нужны, тут и кулеврин хватит лодки побить, а секрет можно выставить хоть сегодня. Как разбойник вниз пройдёт, так они дадут знать. А как он пойдёт обратно, его и накрыть кулевринами, а также подготовить свои лодки и тех, кто кинется в воду, тех собрать да развесить по берегу. А самого вора отвезти в город и судить. Вот как хорошо всё получится, — старый товарищ глядит на Волкова. — Ну что,

выставляем секрет? Вот и ротмистр Рудеман в командиры для дела этого подходит.

Но генерал не торопился: секрет — дело, конечно, хорошее, но даже на несколько солдат с сержантом надобны будут деньги, немного, но всё равно понадобятся. Кто же бесплатно тут будет сидеть днями и ночами напролёт, стеречь разбойника?

— Пусть горожане начнут. А мы посмотрим, — произнёс Волков. — Может, нам и делать ничего не придётся.

Но Брюнхвальд, видно, о горожанах был мнения невысокого, он лишь поморщился.

— Ничего у бюргеров не выйдет, даже лодок разбойничьих они не найдут. И если и вправду пойдут на него достойной силой, так он попросту от них сбежит. А они раскачиваться да собираться будут, раубриттер за то время ещё кого пограбит.

Волков лишь пожал плечами в ответ: пограбит? Ну что ж тут поделаешь, значит, так тому и быть.

«Если он от горожан сбежит… так это мне только на руку будет! Пусть поймут все, и купчишки маленские в первую очередь, что единственная сила тут, в истоках реки Марты, — это я!».

Но об этих своих выгодах генерал не стал рассказывать даже своему старому другу.

* * *

Они поехали вниз по реке к мельницам, а потом и к Амбарам, и там на дороге увидали среди множества телег одинокого всадника.

— Уж не Максимилиан ли это? — Волков прищурился. Он первым узнал своего прапорщика.

— Не разгляжу, — не узнавал сына полковник. — Может, и он.

— Он, он, — заверил их фон Флюген, ехавший чуть впереди.

Вскоре и прапорщик их заметил и поехал к ним навстречу, и когда встретились, Волков отметил, что молодой человек купил себе новой и недешёвой одежды.

— Ишь, вырядились! — бурчал отец. — К чему такие наряды? Уж если не сын графа, так сын какого-то знатного сеньора, да и только. К чему эти шелка, к чему перчатки такие дорогие? А сапоги какие, я себе таких сапог не позволяю, хоть и жалование у меня полковничье.

— Полно вам, — смеялся генерал. — Я сам вспоминаю, как много денег тратил на одежду, едва ли не половину.

— А я копил с самой молодости, — назидательно бурчал Брюнхвальд, — знал, что наследства не будет. И вам нужно копить, дома своего нет, жены нет, а вы всё на одёжу спускаете, как городской повеса.

— Я коплю на дом, — заверял Максимилиан отца.

Но Карл не унимался и начал рассказывать историю своей молодости и своих первых денег. Под эти нудные истории они и доехали до Амбаров, где распрощались. Брюнхвальды поехали к своим сыроварням, Рудеман к себе, а генерал повернул к дому на холме. Он захотел узнать, приехала ли госпожа Ланге с дочерью из Малена. И едва въехав во двор, он увидал её карету.

Она только что приехала, едва успела выбраться, а слуги только что унесли не проснувшуюся дочку в спальню. Бригитт была немного утомлена дорогой, но тут встрепенулась и приободрилась, когда на пороге дома появился барон.

Она сразу подбежала к нему и целовала его радостно.

— Ах, господин мой, я только в дом вошла.

— Вижу, — слуги носили ящики и тюки из кареты. Волков взял одну склянку из проносимого мимо ящика: то был бальзамический уксус. Он бросил склянку обратно в ящик, наполненный специями и приправами. — Вижу, прошлись по лавкам.

— И по лавкам, и по рынкам, — говорила она, беря его за руку и ведя в гостиную, — и у епископа была.

— У епископа? — поначалу удивился барон, а потом вспомнил: — Ну да, он же вам писал. И что он хотел от вас?

Бригитт усадила его, сама уселась напротив и взяла его руку в свои руки, зелёные глаза её просто сияли.

— Епископ оказывает мне великую честь.

— Да говорите же уже наконец!

— Он хочет, чтобы я была патронессой, — красавица лукаво улыбалась.

— Объяснитесь! — настаивал барон.

— Он сказал, что храм в Эшбахте мал и нужен новый, — начала Бригитт, улыбаясь гордо. — А ещё сказал, что набрал денег на храм, но доверить в Эшбахте их никому не может, так как один уважаемый человек в том селении больно тщеславен и воинственен, — она тут снова поцеловала Волкова в губы, чтобы он знал, о ком идёт речь, — а святой отец Эшбахта вороват и блудлив. И никому из них епископ денег доверить не может.

«Вот дурак! А незамужней рыжей бабе, на которую многие мужи заглядываются, он денег дать не боится!».

— И что же? — осторожно спрашивает Волков. — Епископ назначит вас патронессой строительства храма? И готов выдать

вам на то кучу денег?

В принципе, он не сомневался, что в таком случае ему удастся получить от Бригитт хоть немного серебра, чтобы наконец закончить постройку. Конечно, было бы неплохо…

Он уже начал прикидывать, сколько будут стоить стёкла в окна господских покоев замка, и думать о том, что если из той кучи серебра, что надобна на постройку большого храма, взять на стёкла, то там убытка и заметно не будет. Конечно не будет! Но Волков всё-таки решил уточнить.

— А сколько же епископ, храни его Господь, даёт на храм?

— Так он пока не сказал, — отвечала ему госпожа Ланге, — просил быть у него в следующий понедельник. К нему прибудут архитекторы разные с эскизами храма, мы с ним отберём, чтобы и красиво было, и недорого, а уж потом он и решит, — и тут она говорит то, отчего рушатся все надежды генерала. — Да и денег он сразу на всё не даст. Сказал, сначала даст денег на уборку места под строительство, а как место будет, так приедет от него монах на то место смотреть. Потом даст денег на фундамент, и опять приедет монах. Потом на стены, и на свод, и на отделку… На всё постепенно будет давать. А я буду смотреть за всем, буду его доверенным лицом, его глазами. И держателем денег.

«Вот хитрый дьявол!».

Кажется, он рано стал думать о стёклах для господских покоев. Но всё равно барон был рад, что епископ не брезговал Бригитт и принимал её. И даже делал её своим доверенным лицом.

Глава 36

— А где же вы останавливались? — спрашивает барон, уже не испытывая особых иллюзий по поводу серебра с затеи епископа.

— У Кёршнеров, — отвечает госпожа Ланге.

И это было неудивительно, Бригитт многие в Малене знали, и знали её как даму, принадлежащую к партии Эшбахта. И Бригитт продолжала:

— Я заехала к Кларе, только хотела после дороги привести себя и Анну Терезу в порядок, прежде чем ехать к епископу, а Клара говорит: зачем вам таскать с собой ребёнка, пусть девочка побудет у нас. И я согласилась. А когда вернулась, Клара говорит: мы вам покои барона подготовили, оставайтесь ночевать. Тем более, что девочки очень хорошо играли. Урсула Вильгельмина и Анна Тереза так дружат… Я и согласилась. Девочки были рады.

— Что ж, это прекрасно — отвечал барон.

То, что Кёршнеры приваживали всех его близких, было делом обычным, во-первых, они были хозяевами на редкость хлебосольными, а во-вторых, считали, что барон и все его близкие, останавливаясь у них, повышают их статус в городе. Что было отчасти верно. С тех пор как недавний выскочка из самых низов Кёршнер, отец которого даже не имел дома в городе, подружился, а потом и породнился с самым влиятельным человеком графства, без него не принималось ни одного важного в городе решения.

А тут Бригитт ему ещё сообщает:

— А знаете, у Кёршнеров был Максимилиан.

— Максимилиан? — Волков даже не понял поначалу, о каком Максимилиане идёт речь. — Какой ещё Максимилиан?

— Ну как же, — продолжает госпожа Ланге, чуть озадаченная непонятливостью своего мужчины. — Ваш офицер, не знаю, кем он у вас служит. Максимилиан Брюнхвальд. Сын Карла Брюнхвальда от первой жены.

Теперь он всё понимает, он всё понял ещё до того, как она начала объяснять, просто эта новость его, признаться, удивила, и барон спрашивает:

— И кто же его пригласил к Кёршнерам?

— Этого я не знаю, — отвечает Бригитт. — Но, судя по всему, он там не впервой.

— Конечно, он там не впервой, он бывал у них со мной много раз, но я не знал, что бывает у Кёршнеров и без меня, — эта новость почему-то ему пришлась не по нраву. — И что же, вы ужинали вместе?

— Ну конечно, Кёршнеры его тоже звали к столу, — отвечала красавица так, как будто её удивлял подобный вопрос. — А почему же им его к столу не звать, раз он их гость?

— Ах вот как? — Волков продолжал удивляться.

— Вы знаете, мой господин, — продолжала Бригитт, — Максимилиан удивил и меня, и Клару. Оказывается, он знает много стихов. Когда господин Кёршнер ушёл спать, он стал нас забавлять своими рассказами, а заодно и стихами.

— Он знает много стихов?

— Много; он стал читать нам баллады, он прочитал на память чуть ли не всё вступление из «Неистового Роланда». И ещё несколько гимнов из тех, что читают трубадуры в романах. И ещё рассказывал забавные и неприличные истории из «Декамерона» и несколько стихов из Данте, — радостно сообщала госпожа Ланге.

— Кажется вы долго сидели за столом, — говорит барон.

— Едва ли не до полуночи, — продолжает Бригитт. — Просто не замечали, как летит время за разговорами и рассказами.

— До полуночи? — переспрашивает Волков. Он прекрасно знает Кёршнеров, сам Дитмар вообще уходит из-за стола рано. А вот его жена Клара — она может немного посидеть за стаканом вина, но и ей долго просидеть не удаётся. Клара Кёршнер, что называется, птичка ранняя, встаёт со слугами с петухами, ещё до зари, а после захода начинает зевать тайком. И тогда он спрашивает у своей красавицы: — И Клара сидела с вами до полуночи?

— Нет, она ушла раньше, — отвечает госпожа Ланге.

— Я встретил Максимилиана только что; вы и возвращались с ним, наверное, вместе?

— Да, в дороге так спокойнее. Сами понимаете…

— Дорога от Малена до Эшбахта безопасна, Сыч там воров всех давно вывел. Да и телег там много, — замечает генерал, и в его голосе отчётливо слышится недовольство.

И тут госпожа Ланге берёт его за руки, заглядывает в глаза и говорит ласково:

— Господин мой, я вижу, вы недовольны; думаете, я скомпрометировала вас? Но я и повода к тому не давала. Или вы, быть может, ревнуете, — тут ему показалось, что в её зелёных глазах мелькнул лучик лукавства или насмешки. — Что, ревнуете? Так это лишнее, я чиста перед вами и поступками и помыслами, а Максимилиан… Это просто добрый юноша.

— Юноша? — тут Волков глядит на неё взглядом нехорошим. — Какой же он юноша, он давно уже взрослый муж.

А госпожа Ланге встаёт и обнимает его, целует и в губы, и в щёки и смеётся при том, приговаривая:

— А вы меня ревнуете, мой господин. Сие так забавно.

— Ничего тут нет забавного, вы глупая, — бурчит барон, но уже не злится, — просто ваше поведение могут неправильно понять.

— Ах, какое нам до того дело… Правильно — неправильно… — отвечает красавица и тянет его за руку. — Пойдёмте-ка, господин мой, лучше в спальню.

* * *

Следующим днём он с Брюнхвальдом ездил в Мален, чтобы поговорить с консулом и офицерами. Конечно, генерал был невысокого мнения о городском воинстве, но ему понравилось настроение, царившее в офицерской среде. Они уже были готовы начать, Вайзен уже на следующий день хотел выступать к логову разбойника с небольшим отрядом из кавалеристов и арбалетчиков. И с рейдом по реке тоже дело спорилось, горожане уже арендовали пять хороших лодок и собирали отряд добровольцев. Только ротмистра Гейдриха, бывшего в гостях у Волкова, заменили на другого, но то было волей горожан, почётный маршал не настаивал. В общем, дело шло, а он уже стал думать, что, может быть, и без него бюргеры одолеют раубриттера. А ему только и придётся, что давать советы.

А после обеда с горожанами генерал и полковник уже ехали домой, но у почты барон велел фон Флюгену зайти туда и справиться насчёт писем. И одно письмо для Волкова было. Писал ему ротмистр Хаазе. И писал коротко:

«Господин генерал, молю Господа за здравие ваше и сообщаю: ко всем вашим орудиям лафеты готовы. И к картауне, и к лаутшлангу и ко всем трём кулевринам. Распоряжением от казначейства конюшни Его Высочества для скорейшей доставки орудий выделяют лошадей по полному наряду. Две сменных упряжи по шесть меринов для картауны. Две сменных упряжи по шесть меринов для лаутшланга. И три упряжи по четыре мерина для всех кулеврин. Завтра на рассвете выступаю в Эшбахт. Ротмистр Хаазе».

Волков передал письмо Карлу Брюнхвальду и, выглянув из окна кареты, спросил:

— Фон Флюген, письмо сегодняшней почтой пришло?

— Сказали, вчерашней, — отвечал оруженосец.

Полковник дочитал письмо и, вернув его генералу, произнёс:

— Дороги нынче сухие, идёт он уже, получается, три дня, значит для через три или четыре будет в Эшбахте.

Волков прячет письмо. Он немного расстроен: как быстро пролетели эти мирные деньки. Только, казалось, вчера приехал домой, только обжился немного… Вот только собрался писать письмо архитектору и сообщить тому, что требуемая сумма для достройки замка имеется. А Карл Брюнхвальд уже и говорит:

— Три дня у нас осталось. Ко времени, как приедут орудия нам бы уже нужно собрать хороший обоз. До Винцлау путь-то неблизкий. Да и людей собрать. Вы какой наряд сил думаете брать на то дело?

Волков молчит, он глядит в окно. А там солнце, тепло, горожанки такие красивые, все, как на подбор, холёные, все в теле, рубашки у них на груди рвутся. Женщины, если видят его взгляд, улыбаются ему, кланяются, смеются меж собой. Генерал не хочет думать ни об обозах, ни о нарядах сил, ни о пушках. Ему вообще неохота тащиться в какой-то Винцлау. Ему и тут хорошо, и даже грубиян-разбойник Ульберт, и тот кажется своим. Да и куда он денется, этот Ульберт. Ждут его железа, клетка да суд.

А Винцлау… Горные перевалы, пушки, чужие земли, чужие люди, чужое дело. Генерал вздыхает. А Карл Брюнхвальд тогда говорит своему командиру:

— Я представлю вам завтра список того, что, на мой расчёт, нам понадобится для похода, а вы уж сами потом решите.

— Так и поступим, Карл, — отвечал ему генерал, а сам махал рукой одной улыбчивой и очень приятной горожанке, что вышла на улицу выплеснуть воду из ведра.

* * *

А на следующий день после завтрака, как и обещал, полковник принёс своему командиру список людей, которые могли были понадобиться в деле. Там было пятьдесят мушкетёров, пятьдесят арбалетчиков, две сотни солдат, полсотни сапёров и тридцать артиллеристов. Это при тридцати возницах и поварах. И при тридцати телегах для обоза и пятидесяти пяти лошадях.

— Изрядно вы, друг мой, собрались взять с собой, — говорил Волков, прикидывая, что этот наряд сил потребует денег намного больше, чем он рассчитывал потратить.

— Думаете, я беру лишку?

И тут Волков замолчал и стал прислушиваться, сыновья его кричали где-то наверху, играли во что-то, радовались, что сегодня не будет ни одного из мучителей-учителей. Но генерал за всем домашним шумом расслышал голос низкий, чуть

надтреснутый, который ни с каким другим спутать было нельзя.

— Фон Флюген! — кричит он.

— Да, господин генерал, — появляется молодой человек с вечной своей неторопливостью.

— Уж не Сыч ли там разговаривает где-то?

— Так он, — отвечает оруженосец.

— А ну-ка зовите его сюда!

Фон Флюген уходит, а генерал оборачивается к своему товарищу.

— Представляете, Карл, отправил его по важному делу… выяснить кое-что, а он, недели не прошло, как уже вернулся.

И тут появляется в гостиной сам Фриц Ламме. Физиономия невесёлая, здоровается не как всегда. Говорит просто:

— Доброго дня, господа.

И тут Карл Брюнхвальд понимает, что он здесь лишний, и, собрав свои расчёты, говорит:

— Так я завтра к вам, друг мой, загляну, а наряд сил пересчитаю и уменьшу. До свидания.

— Приходите после завтрака, друг мой. До свидания.

И когда Карл ушёл, Волков и говорит Сычу:

— Ну, чего вернулся? Или выяснил всё, за чем тебя я посылал?

— Выяснил, — бурчит Фриц Ламме и без приглашения садится на стул, на котором только что сидел полковник, бросает по-босяцки свою шапку на стол, — но мало.

— Мало? — Волков приготовился слушать своего коннетабля.

— Ну, выяснил, что у неё лучшая карета в городе и лучшие наряды, самые дорогие. Что живёт она в том же доме, что и раньше… В вашем доме.

— Да, я вижу, ты многое разузнал, — говорит Волков едко, — это стоило тех денег, что я тебе дал.

— Экселенц! — тут Сыч начал бить себя кулаком в грудь.

— Ну? Что?

— Мы приехали, нашли постой, прошлись по улицам, по закоулкам, на следующий день пошли ваши вещи продавать, а заодно прогулялись по улице, где она живёт. Домишко её поглядели. Я и приглядел место, откуда можно за домом понаблюдать. Решили мы, что к вечеру и начнём. Так и начали. А там спрятаться негде, вечером народа немного, ни трактира рядом, ничего нет… Монастырь да такие же дома с большими заборами и богатыми господами. Всё непросто. За два дня лишь карету её узнали и всех её слуг вспомнили. Ну, вот и подумал я, что… Служанку её, здоровенную такую бабищу, помните?

— Ну, помню… — Волков и вправду вспоминает здоровенную

девицу пудов эдак на семь, что служила у Агнес.

— Так я вот и подумал, что с ней переговорю, пошепчу, приласкаю, посулю ей деньжат малость, она про госпожу что и расскажет.

— Дурак, — коротко констатирует генерал.

— Теперь-то и я знаю, что дурак, — соглашается Фриц Ламме. — Пошёл я за этой бабой, она вроде как с корзиной вышла, по лавкам пошла пройтись, вот иду за ней, иду… А тут остановился… — Сыч закатил глаза к потолку и замер. — Чувствую, что меня… Словно мне игла холодная в крестец впилась, — он показывает на спину: — Вот сюда, и так впилась, что аж в ногу отдаёт… Я встал, а потом думаю: а что там сзади… Оборачиваюсь, а в пяти шагах от меня… — он делает паузу. — Она!

— Кто? Служанка? — удивляется генерал.

— Да при чём тут служанка?! — Сыч даже удивляется такой несообразительности господина. — Она! Агнес! Я её поначалу не признал, ведь она раньше какой была — такая махонькая, хилая, кожа синяя, да кости куриные, да глаза косые, а сейчас стоит… — Фриц Ламме жестами демонстрирует, насколько хороша стала Агнес. — Вся из себя. Красивая… Грудь у неё… — и тут он поднял палец к потолку. — Распятие поверх платья носит. Большое. И распятие то золотое. А само платье — бархат самый синий, что я только видел. Плащ шёлком подбит… А на голове… — он снова изображает жесты, из которых невозможно угадать головной убор Агнес. — Вот такое вот… И не косоглазая совсем.

— Не косоглазая? — с сарказмом уточняет генерал.

— Вообще не косоглазая, — заверяет его Сыч.

— И что же тебе эта не косоглазая красотка сказала?

Коннетабль Эшбахта морщится:

— Противная баба, только на внешность иной стала, а как было у неё кошачье нутро, так и осталось. Никуда не делось.

— Что сказала-то? — Волков уже разочарован тем, что Ламме провалил его задание, и теперь спрашивает скорее ради интереса.

И тут Фриц Ламме, морщась и ломая голос под женский, воспроизводит речь Агнес:

— А я, говорит, думаю: что это на улицах Ланна смердит хлеще обычного, а это ты, поганец, сюда приехал. А ну, говорит, признавайся: ты у меня под окнами ошиваешься второй день? У-у… Такая мерзкая баба… Хоть и красивая…

Волков его внимательно слушает, а Ламме продолжает:

— Я ей говорю: побойся Бога, Агнес, не торчу я у тебя под окнами, сдалась ты мне сто лет. А она, вы не поверите, экселенц, вдруг лапу свою из-под плаща достаёт… А на ней… Вот не

поверите, экселенц, когти кошачьи вместо ногтей, но те когти чёрные, страшные… И она говорит мне, такая… — Сыч снова говорит женским голосом: — Рожу тебе порву так, что на всю жизнь останется, если не будешь мне говорить «госпожа». Понятно вам, экселенц? Госпожа она… А я помню, как эта госпожа в трактире в Рютте блевотину с пола собирала за пьяными шлюхами.

— Тише ты, дурак! — шипит на него Волков, хотя никого рядом с ними нет. — Язык свой прикуси и про то даже вспоминать не думай больше. Помнишь, кто она теперь?

— Да, помню, экселенц, — Фриц Ламме переходит на шёпот.

— Ну так скажи, кто?

— Её в Ланне все величают госпожа Агнес девица Фолькоф. Не иначе, — шепчет Сыч.

— Вот то-то и оно, что Агнес теперь девица Фолькоф, и не вспоминай про Рютте, вообще позабудь про эту дыру поганую, — это название Волков и сам хотел бы забыть, и чтобы никто больше про то место при нём не вспоминал.

— Ладно, как прикажете, экселенц.

— Ну, и она прогнала тебя?

— Сначала спросила, вы ли меня послали. Ну, я говорю: а кто же ещё? Говорю, мол, господин волнуется, как вы тут живёте. А она мне, — Фриц Ламме снова говорит «женским» голосом: — езжай в Эшбахт и скажи дядюшке, чтоб не переживал. Всё у меня хорошо, ему волноваться не о чем. А ещё сказала, что приедет к вам вскоре.

— Приедет? Ко мне, сюда? — удивляется барон.

— Ага, — кивает коннетабль. — Дело у меня к нему есть, говорит, и тянуть с ним не буду, приеду на днях.

— Но что за дело у неё, не сказала? — Волков тут немного призадумался: он посчитал, что Агнес хочет поговорить с ним о делах… «Брунхильде она дала пятьсот золотых, значит, деньги у неё есть. Может, хочет дом выкупить, в котором живёт?».

Он снова смотрит на Сыча внимательно.

— Говоришь, богато выглядит она?

— Графиня, — отвечает тот с придыханием и восхищением. — Истинная графиня, да и только.

— Графиня? — в словах Волкова снова слышится сарказм. Это он хочет показать Сычу, что никакая Агнес не графиня. — А ещё что сказала тебе эта «графиня»?

— Ну… — Фриц Ламме мнётся, видно, ему не очень приятно это вспоминать. — Сказала, чтобы я из Ланна убирался.

— И ты обгадился и побежал? Да? — едко интересуется барон. — Дурень, ничего бы она тебе не сделала, раз ты мой

человек. Пожил бы там, только на глаза бы к ней не попадался, послушал, что о ней в городе говорят. А ты сразу бежать…

— Ага, не сделал бы… — коннетабль Эшбахта вовсе не был уверен в том, что ланнская ведьма ничего бы ему не сделала, ослушайся он её. — Она мне пригрозила кое чем нехорошим.

— И чем же? — интересуется Волков с большой долей недоверия.

— Сказала, что нашлёт страшную порчу… Сказала, что порча будет такая страшная, что даже если ко мне в постель ляжет… Да хоть даже две молодые голые бабы, так всё равно я буду ни на что не способен, бессилен буду… До конца жизни. А я так не могу, у меня жена молодая… Сами же знаете, экселенц.

— А ты, простак, и поверил в это? — Волков морщится от такой глупости своего человека.

— Обещай это кто другой, я бы ещё и посмеялся, может быть, — говорит Сыч, — но когда это обещает Агнес… Уж я-то её знаю, она попусту брехать не станет.

— Болван, — с сожалением или с огорчением говорит барон, а потом спрашивает: — а вещи продал?

— Продал, продал, — Фриц Ламме лезет за пазуху, и произносит фразу, которая барона настораживает, мягко говоря. — Только вот я встретил там одного человечка…

Коннетабль достаёт кошелёк, кладёт его перед Волковым и продолжает:

— В Ланне, ещё до встречи с Агнес, я познакомился с одним человечком…

— Сколько здесь денег? — не дослушав своего коннетабля, спрашивает сеньор Эшбахта, постукивая пальцем по кошельку, что лежит перед ним.

— Экселенц, — Сыч прижимает ладонь к груди и говорит со всей возможной убедительностью: — вы послушайте. В общем, я познакомился с одним человечком, зовут его Луиджи Грандезе… Так вот он, как выяснилось, большой дока в таких вещах…

— В каких ещё вещах? — спрашивает барон, уже будучи уверенным, что денег в кошельке меньше, чем должно быть.

— Ну, в делишках всяких тайных, когда нужно что-то выяснить да что-то разнюхать втихаря. Он служил при дворе какого-то герцога…

— Какого? — сразу уточняет Волков.

— Да не помню, какого-то городского герцога из южных земель, так этот Грандезе рассказывал, что дважды спасал того герцога от отравления, — продолжает Фриц Ламме. — И я потолковал с ним и понял, что он не просто языком болтает, он в тайных делах толк знает.

— Сколько он вытянул из тебя денег? — спрашивает барон.

— Экселенц, — Сыч бьёт себя в грудь кулаком, — он ничего из меня не вытягивал, я сам дал ему.

— За что же?

— Чтобы он про Агнес что-нибудь вызнал. И нам про то написал, — заканчивает коннетабль.

Волков смотрит на Сыча теперь с недоумением и говорит ему:

— Люди с возрастом ум теряют, но я-то думал, что ты того возраста не достиг ещё. Видно, ошибался, слышишь, Сыч? Слабоумие уже рядом! Где он живёт, этот Грандезе?

— Так он жил на том же постоялом дворе, что и я! — тут же отвечает коннетабль Эшбахта.

Волков находится в растерянности, он разводит руками, смотрит на своего человека и поначалу даже ничего не может вымолвить, лишь потом, собравшись с мыслями, спрашивает:

— То есть у него и дома своего в Ланне нет… Живёт он в трактире… Но ты, как я понимаю, дал ему денег… Остаётся только узнать, сколько ты ему дал?

— Экселенц… — Сыч всё ещё уверен, что сделал правильные вложения. — Я дал ему двадцать монет, но если всё это окажется делом пустым, то буду работать у вас два месяца задарма. Но я-то знаю, что он нам поможет…

— Откуда ты знаешь? — интересуется барон.

— Он, как узнал, что вы заказчик, так стал о вас хорошо говорить. Уважает вас очень. А про Агнес будет узнавать только слухи, он, этот Грандезе, не дурак. Он так и сказал, что к слугам её, к дому её соваться опасно, а вот узнать, с кем госпожа Агнес дружбу водит, и про тех кое-что выяснить, то будет правильно и безопасно.

— Дурак ты, Сыч, стал, — качает головой Волков. — А вдруг он всё про неё выяснит? Узнает, кто она на самом деле, да пойдёт и донесёт на неё в Инквизицию, чтобы потом часть её имущества, что по закону доносчику положена, себе вытребовать. А потом всё это мне ой как аукнется, теперь же я дядя ей, понимаешь? Дядя ведьмы.

Фрицу Ламме мысль о такой хитрости Луиджи Грандезе, видно, в голову не приходила, он даже на несколько мгновений растерялся. Но потом собрался и говорит тихо и холодно:

— А если он такое задумал, так имуществом Агнес попользоваться не успеет. Уж это я вам, экселенц, обещаю.

— А ты ему ещё и денег дал… — Волков встаёт и забирает мешочек с деньгами. — Проваливай, болван, видеть тебя не могу.

* * *

В тот же день, ещё до обеда, из города прискакал гонец и привёз письмо от консула Клюнга и его помощника Виллегунда, которые сообщали, что выход к логову раубриттера горожане планируют на завтра и посему просят почётного маршала прислать к утру своих людей в помощь, как обещано.

Волков сразу вызвал к себе пехотного ротмистра Рудемана и прапорщика мушкетёров Кроппа, а заодно и полковника Брюнхвальда. Тот хоть в этом случае был не особо нужен, но барон видел, как близко к сердцу Карл принимает все его дела, полагая их чуть ли не своими, и поэтому не отказывал ему ни в малейшей возможности проявить себя.

— Ну, господа, — произнёс Волков, глядя на молодых офицеров, когда все расселись у него в гостиной, — вы готовы идти на соединение с людьми городскими?

— Мы готовы! — заверил командира ротмистр.

— Вы? — с иронией уточнил полковник. — А люди ваши?

— Ах да, простите… Люди мои, сорок один человек с двумя сержантами и одним верховым вестовым, с двадцатью мушкетёрами при прапорщике Кроппе и двух сержантах, выйти готовы, с нами будет две телеги обоза при двух возницах и один кашевар, — вот теперь правильно отвечал ротмистр Рудеман.

— Выйти нужно в ночь, — продолжал давать наставления полковник, — чтобы после утренней молитвы уже быть у северных ворот Малена.

— Выйдем за полночь, чтобы наверняка поспеть, — заверил молодой командир. Он горд тем, что это небольшое дело доверили ему.

Карл Брюнхвальд смотрит на генерала.

— Может, мне пойти с ними?

Волков взглянул на ротмистра и увидел, как лицо у того изменилось: ведь только что ему доверяли вести отряд, и вдруг… И тогда генерал говорит своему товарищу:

— Дело сие доверено капитану Вайзену. Я на то согласился, он показался мне из всех горожан самым толковым. Полковник Брюнхвальд, вы хотите подчиняться капитану?

Подчиняться капитану? Да ещё из городских? Нет… Конечно, Карл такого не хотел, и Волков продолжил:

— Тем более дела может и не быть, я просил провести рекогносцировку, посмотреть, можно ли протащить пушки по лесу, и только если будет Вайзену сопутствовать удача, то он и попробует взять логово раубриттера. Так что, Карл, полагаю, на сей раз они обойдутся без вас.

Брюнхвальд согласился и повернулся к молодым офицерам:

— Господа, по прибытию на место поступите в распоряжение

городского капитана Вайзена. Без нужды ему не прекословить… — и тут полковник сделал паузу. — Но и на рожон, даже если он прикажет, не лезть. Людей своих беречь, то люди бывалые, ценные, то наши люди. Но уж если дойдёт до дела и то дело станет жарким, то труса не праздновать, помните, что при вас будет флаг барона. Его не позорить!

— Конечно, конечно, — кивали и Рудеман, и Кропп.

Это дело было скорее политическим, чем реальным, барон знал, что эта экспедиция к логову Ульберта ничем не закончится и потом ему самому придётся решать вопрос с речными грабежами. Вот только дорого ему всё это обходилось. Нанять мушкетёров стоило денег огромных. Обычно его драгоценные бойцы с нанимателей со стороны брали четырнадцать талеров в месяц, самому Эшбахту делали скидку до десяти. Всё-таки жили на его земле, и сами мушкеты у тех, кто их ещё не выкупил, были собственностью барона. Да, нанимал он их не на месяц, но самый малый срок найма был полмесяца, так что любому мушкетёру, что уходил в ночь с ротмистром и прапорщиком, пять монет чеканки Ребенрее, что называется, «вынь да положь». А ещё пехотинцы, сержанты, сами офицеры, возницы и повара с вестовыми, все, все, все стоили денег, включая телеги и меринов.

Вот и получалось, что на эту пустую затею, что никакого результата не принесла бы и лишь настроила бы Маленов против горожан, он уже потратил без малого четверть тысячи талеров. Вот… А прежде чем потратить четверть тысячи талеров, попробуй их ещё сначала найди. Добудь. В общем, все эти игры в интриги и политику не были для барона бесплатными.

А как Рудеман и Кропп ушли, приехал его оруженосец фон Готт. Он после Фёренбурга отпрашивался у генерала на побывку домой, так как они проезжали мимо поместий его старшего брата. Теперь же Людвиг Вольфганг болтал с фон Флюгеном и рассказывал тому, что брат его старший Альфред — заносчивый и неблагодарный и что фон Готт к нему больше ни ногой.

— И чем же провинился ваш братец? — из-за спины спрашивал у своего оруженосца генерал. Сам при том усмехался. — Отчего вы так к нему неблагодушны?

— Ах… Сеньор, — фон Готт кланяется. — Здравствуйте.

— Здравствуйте, дорогой мой, здравствуйте. Так чем провинился братец ваш перед вами, что вы так на него злы?

— Да, — фон Готт машет рукой, — жаден он неимоверно, забрал всё, что оставил батюшка, а ни мне, ни одному из младших братьев и талера не дал. Я ему говорю, мол, коню моему одиннадцать лет, а он прихрамывать стал, мне бы коня нового. А брат говорит: кобылу присмотри, на коня нет денег, я флигель к

дому пристраиваю, и урожая дождаться нужно, а кобыла — это хорошо, она и жеребёнка даст, прибыток будет. А я не хочу кобылу, я, что, крестьянин, что ли, на кобыле ездить. Ну тогда, говорю, дай денег хоть на новый колет и перчатки. А его жена и говорит: так у вас ещё и эти хороши. А до этого жить меня определили в дальних комнатах, словно чужой какой, а там стёкол нет, к печке дров не давали, и перины были у меня сырыми. В общем, как он мне с конём отказал… я даже обедать с ними в тот день не стал, собрался и уехал.

Волков смеётся, то обычное меж родственниками дело: старший брат получает всё, младшие его ненавидят. И молятся, чтобы он помер без наследников. И барон говорит оруженосцу успокаивающе:

— На перчатки и колет я вам денег дам, а конь у вас ещё не стар; если начал прихрамывать, так сходите наперво к кузнецу, а потом к коновалу. А там уже посмотрим.

Ему приходится быть добрым сеньором, так как времена его, кажется, ждали непростые: графиня со своими претензиями и герцог со своими «просьбами» его в покое не оставят, так что верные люди ему надобны.

Глава 37

Весь следующий день из города не было вестей никаких. И что там происходило с отрядом капитана Вайзена, генерал с полковником могли только догадываться. Едва сдержались до обеда, чтобы не отправиться в город, так им было любопытно. А уже к обеду следующего дня от консула Клюнга приехал посыльный с письмом.

И в том письме консул радостно сообщал почётному маршалу, что капитану городской стражи Мёльнеру удалось подняться на лодках по реке до самых истоков у болот и там обнаружить две лодки разбойников, а также найти на берегу некоторые товары, в том числе и товары дела железного, несомненно произведённые на мельницах Эшбахта. Те лодки и товары капитан Мёльнер забрал с собой в Мален.

— Захватили всего две лодки и немного украденного, а пленных, так надобных, не взяли, — констатировал Брюнхвальд. — И радуются большой победе, дурни!

Волков был согласен со своим заместителем и, поразмыслив немного, тут же сел писать письмо обратное. И в том письме он, конечно, в первых строках поздравлял консула и его офицеров с большой удачей, а потом и приписал:

«А товары найденные, те, что железные, прошу вернуть мне, так как забраны разбойником они у моего купца».

Конечно, никакой купец про то железо ему не говорил, просто барон подумал, что, если получится, тем железом он перекроет затраты на поход против раубриттера. Ну, хоть часть.

* * *

А ещё в тот день случилось два происшествия. Одно из них было приятное. Это с одним попутным купцом от Хуго Фейлинга приехал бочонок того отличного вина, которое так понравилось генералу. А после, как бочонок был раскрыт и они с Карлом Брюнхвальдом и баронессой принялись пробовать подарок, так в гостиную вбежала одна из дворовых девок и сказала:

— Господин, две кареты приехали. А там госпожа какая-то, вас спрашивают.

— Две кареты? — Волков сразу начинает думать, что это из города. И, кроме графини с Фейлингом, он никого и представить не может; может быть, то Брунхильда приехала?

— Какая ещё госпожа? — сразу насторожилась Элеонора

Августа и пристально поглядела на мужа.

И тогда в зале появился фон Флюген и сразу всё разъяснил:

— Девица Агнес Фолькоф спрашивает, примете ли вы её.

— Агнес… Фолькоф? — переспросила баронесса.

— Это же та ваша племянница из Ланна? — уточнил Карл Брюнхвальд, он немного знал девицу. Пару раз видел её, будучи с Волковым в Ланне.

— Будем надеяться, что та… — как-то странно отвечал барон, а потом и распорядился: — Фон Флюген, зовите мою племянницу.

Он специально не пошёл встречать её на порог дома, чтобы понимала, кто он и кто она. И вот молодая женщина появилась в гостиной, где её ждали. Он был готов, что увидит женщину вида благородного, про то ему и Брунхильда, и Сыч говорили, но то, что он увидал, превзошло даже его представления о «племяннице». В комнату вошла, шурша голубыми шелками, молодая женщина, достаточно стройная, но о которой любой скажет, что она полна женских сил. Прекрасный шёлк так хорошо облегал её фигуру, что всякий мужчина не сразу оторвал бы взгляд от её платья. И это при том, что платье скрывало всё тело женщины. Лишь голова да ладони рук были открыты, но и шея её, и ладони наполовину были укрыты богатыми, тончайшими кружевами. А поверх платья по груди струились три нити отборного жемчуга, который удивительно шёл и к кружевам, и к голубому шёлку. Её тёмные волосы не были спрятаны, как у замужней дамы, а были собраны в высокую причёску и лишь заколоты богатым высоким гребнем с фатой, что спадала сзади ей на плечи.

Перед ними стояла полная сил, молодая и безусловно красивая представительница высшего, самого высшего общества.

«Вот у кого Брунхильда взяла покрой платья, да и весь свой нынешний вид».

— Дядюшка, — девица подошла к нему и присела в книксене, потом повернулась к баронессе. — Тётушка, — а потом удивила старого полковника, присев перед ним и вспомнив его имя. — Господин Брюнхвальд, желаю вам здравия.

И Элеонора Августа, и полковник смотрели на неё с изумлённым восхищением, как на чудо какое-то, так она была свежа и на удивление хороша, даже после долгой дороги, а Агнес подошла к Волкову и, ещё раз присев, взяла его руку и поцеловала её. Он поднял её и поцеловал в лоб.

— Ты прекрасно выглядишь, дорогая моя племянница.

— Тётушка Брунхильда, когда была в Ланне, мне о том тоже говорила.

— Удивительно, удивительно… — едва слышно произнес

Брюнхвальд. — От той девчушки, что была, мало чего осталось. Не скажи мне, что это та Агнес, что я видел в Ланне лет шесть назад, я бы и не догадался, пока не пригляделся бы как следует. Какая красавица выросла!

— Благодарю вас, господин Брюнхвальд, — улыбалась полковнику «племянница» Волкова.

А баронесса так и стояла в растерянности, лишь глазками своими хлопала, не зная, влюбиться ли в такую родственницу или возненавидеть её. И лишь когда муж привлёк её внимание, она наконец сообразила:

— Мария! Мария! Неси ещё стакан, у нас гости. И стол уже накрывай.

Не соврала Агнес Сычу, когда обещала, что приедет в Эшбахт на днях. И теперь генерал не знал даже, к добру ли это второе за день происшествие или не к добру. Теперь его начинало мучать любопытство, неразрывно связанное с тревогой. Но он в себе эти чувства утихомиривал, понимая, что узнает о цели визита «племянницы», лишь когда останется с нею наедине. А это случится лишь после обеда. Не раньше.

Сели за стол, стали ждать, пока слуги накроют стол. Агнес румяна, красива, улыбается мягко, и ни капли в ней нет ни жеманства, ни робости. Спину она держит так прямо, словно у неё палка в платье за спиной, плечи отвела, подбородок чуть вздёрнут вверх и выглядывает из пышных кружев. И эта её чуть высокомерная манера себя держать подчёркивает не только её весьма заметную, непонятно откуда взявшуюся грудь, но и то, что девица знает, как себя вести, как себя подать дорого. А ещё платочком голубого, в тон платью, батиста поигрывает без намёка на волнение. Отведёт его в сторону, положит на колени, отведёт — положит. И делает это непринуждённо, незатейливо, как будто забылась и играет платком, ожидая, пока ей нальют вина.

«Сыч прав… Графиня… Девица рода знатного, старинного, привыкшая с детства к серебряной посуде и лакеям с горничными. По-другому о ней и не подумаешь. Вот откуда Брунхильда своего лоска набралась: воротник кружевной, подбородок, осанка. От ведьмы всё это, а вовсе не из замка герцога».

Налили вина и приехавшей гостье. И та, отпив один маленький глоток, улыбнулась и, не будь глупа, сразу нашлась, что сказать, чтобы польстить хозяевам:

— О! Очень неплохо, такого и в Ланне не в каждом доме подадут.

Волков улыбается ей и кивает.

«Тебе бы в выпивке не разбираться! Ты же с трактира

начинала!».

— И как там, в Ланне, что говорят, что носят? — сразу спросила баронесса, даже и не пытаясь оторвать от наряда Агнес завистливого взгляда. Бедной провинциалке, живущей в глуши, и Мален кажется целым миром чего-то нового, что уж говорить про сияющий Ланн.

— Ланн? — Агнес на секунду задумывается. И начинает говорить как по писанному: — Ланн весною особенно хорош. Светел и свеж. После зимы коммуны городские улицы к Пасхе убирают, чтобы к пасхальным шествиям чисто на мостовых было, дома велят бюргерам белить. Торговцам магистрат велит вывески на лавках править, всю зимнюю грязь вокруг лавок убирать. Так что в Ланне нынче очень хорошо. Колокола звенят повсюду. На площадях солнце. Дамы после зимы, будто фиалки, расцветают.

— А что же они носят? — продолжает живо интересоваться баронесса. Она похожа на ребёнка, что уже очарован какой-то сказкой и хочет слушать ещё и ещё.

— Синее, — сразу отвечает очаровательная гостья, — эст инвариабиле, сукно того цвета за зиму стало ещё дороже; ну и голубое.

— А носят ли открытое? — не унимается Элеонора Августа.

— Все девы незамужние именно так и носят, и «спины» открытыми носят, и грудь открывают до неприличного, лишь шарф сверху прозрачный. А ещё и головы перестали покрывать. Причёски делают высокие и так на улицу непокрытыми и выходят, чтобы причёсками гордиться перед друг другом и перед мужчинами. А мужчины и рады, покупают таким девам сладости и дарят платки или кольца серебряные прямо на улицах.

— И что же? Девы подарки принимают? — не верит госпожа Эшбахта.

— С радостью, — заверяет её гостья.

— Ну, это уже совсем неприлично, — говорит баронесса, но голосом таким, что, услыхав её, не всякий поверит, что она поведение дев из Ланна осуждает.

И дальше рассказывает Агнес про жизнь в Ланне, и про пышные весенние свадьбы, и про то, каких жеребцов представители богатых семейств покупают, и что выкладывают за них целые состояния, и что потом красуются на тех конях в бешеных скачках по городским улицам, а ещё говорила, подавали на пиру у архиепископа…

— А вы были на пиру у архиепископа? — Элеонора Августа спрашивает аж с придыханием.

— Конечно, — улыбается Агнес. — Фамилия наша в городе всем известна, уж дядюшка расстарался. И на пиру я сидела не на

последнем месте, и архиепископ со мною говорил.

И так девица Фолькоф складно говорила о жизни в большом городе, так красочно и с такими интересными подробностями, что не только баронесса, но и умудрённый жизнью старый полковник слушал её едва ли не с открытым ртом. А если учесть, что на некоторые свои рассказы Агнес ещё и цитировала писание на языке пращуров, да так чётко и без ошибок, словно по книге читала, то ко всему прочему она ещё и выглядела необыкновенно — для женщины — учёной.

Лишь на «дядюшку» её умные и даже завораживающие речи не производили впечатления, потому что «дядюшка» прекрасно знал, кто перед ним сидит, и был настороже. Тем не менее, слушал барон свою «племянницу» очень внимательно. Запоминая всё, что она рассказывает.

Наконец слуги доложили, что стол накрыт, и господа перешли в столовую. И когда стали уже раскладывать еду по тарелкам, тогда барон и спросил гостью:

— А о чём же это с вами говорил архиепископ?

— Да о всяком, — небрежно отвечала Агнес. И в этой нарочитой небрежности проскальзывало некоторое бахвальство. Дескать, подумаешь, разговор с архиепископом, для меня то обычное дело, я с ним каждый день болтаю.

— И всё-таки о чём? — не отставал от неё Волков.

— О вопросах церкви говорили, о последней булле папы. Об отмене индульгенций, — отвечает «племянница» всё с той же беззаботностью, и притом принимаясь за куриное крылышко.

Тут уже и сам генерал рот раскрыл бы, если бы не знал Агнес. Но он сдержался и не выказал своего удивления, несмотря на то что Карл Брюнхвальд заёрзал на стуле и стал надувать в изумлении щёки, а баронесса так и вовсе чуть стакан с вином на скатерть не опрокинула. И ойкнула, словно извиняясь. А генерал, честно говоря, не сильно верит в то, что архиепископа могло заинтересовать мнение девицы о церковных делах; если он о том и спрашивал Агнес, то лишь для любопытства или для насмешки, генерал прекрасно помнил курфюрста Ланна как человека необыкновенно умного и хитрого, и поэтому «дядюшка» снова спрашивает:

— А кроме церкви и индульгенций про что говорили?

Глава 38

Она ответила не сразу, а вытерла сначала руки о салфетку и выпила вина, и только после этого сказала:

— Святой отец спрашивал, ходят ли ко мне юноши из хороших семей, желают ли свататься?

— И что, ходят? — баронесса не удержалась и спросила вместо мужа, и опять не удержалась и сама же ответила вместо Агнес, ещё и махнув рукой для убедительности: — Конечно ходят. Думаю, что многие на такую красавицу польстятся. Да ещё и с фамилией такой, на весь город известной.

«Если какой балбес из знатной семьи и польстится, то ему отец не позволит; какой же отец разрешит свадьбу, если за девицей и приданого никакого нет, одна фамилия. Дом, и тот не её, и все в городе о том знают. А то, что она хороша и говорлива, так то только для юного дурня притягательно, а не для семьи богатых горожан».

Но барон лишь подумать о том успел, как Агнес совсем другое баронессе говорит:

— В этом году уже двое сватались, и за осень двое, и один из всех был Тобиас Амадей Арден. Ардены — фамилия самая что ни на есть в Ланне известная. Род рыцарский, старый и небедный. Гербу их сто двадцать лет. Поместья имеют. А его дядя и сейчас распорядитель во дворце курфюрста ланнского.

— И что же? — снова ахнула баронесса. — Вы тем всем хорошим людям отказали?

— Отказала, без обид и ласково, но отказала, — призналась гостья.

— А архиепископу что же вы сказали? — интересуется Волков.

— Сказала, что соискатели руки есть, но дядюшка сих партий не одобряет, сам жениха подыскивает, — отвечает Агнес с улыбкой и продолжает: — А ещё по секрету сказала архиепископу, что дядюшка мне ищет жениха не в Ланне, а в Малене или Вильбурге, и то для меня печаль, так как я Ланн покидать не хочу. И что в других местах себя и не представляю.

— Ах, будь моя воля, — Элеонора Августа сложила ручки на груди и поглядела в потолок мечтательно. — Я бы тоже в Ланне жила.

«Да уж конечно».

Волков поглядел на неё и подумал, что Агнес, как ни крути, весьма умна, всё делает правильно и всё правильно говорила епископу.

А тут в комнату с шумом и гамом, с деревянными мечами влетели сыновья барона. И, поначалу не заметив гостьи, занялись своим делами: старший стал сражаться со стулом, а младший тут же полез на колени к матери, а потом и ей в тарелку; и тут почти одновременно увидели они улыбающуюся Агнес и, как по команде, вдруг замолчали и замерли. Уставились на молодую женщину.

— Ну, здравствуйте, кузены мои, — ласково произнесла Агнес, — барон Карл Георг, господин Хайнц Альберт, я ваша кузина Агнес, и фамилия моя, как и ваша, Фолькоф.

Мальчишки были немного обескуражены и с недоверием смотрели то на объявившуюся кузину, то на матушку свою. А Агнес им и говорит:

— Если соизволите подойти и поцеловать меня, вас ждёт большой подарок, что я вам привезла из Ланна.

Волкову это совсем не понравилось. Он почему-то не хотел, чтобы мальчишки целовали эту свою «кузину». Но мать их уже спустила с колен младшего.

— Хайнц, ступайте поцелуйте кузину Агнес. И вы, барон, тоже! И побыстрее, если хотите получить подарок.

И мальчишки, спрятав деревянные мечи за пояса, пошли к гостье, а барон уже и не мог ничего сделать, и та стала обнимать их и целовать в щёки так крепко и так горячо, как будто она и вправду была им родственницей.

А потом, когда отпустила их, просила слуг Волкова принести из её кареты большую коробку из красного шлифованного дерева. А как коробку принесли, Агнес откинула крышку и показала содержимое коробки мальчикам.

И Волков подивился увиденному, и Брюнхвальд покачал головой от удивления, что уже говорить о мальчишках. Они так и вовсе закричали от восторга, так как на тёмном сукне коробки в удобных впадинках лежали две дюжины фигурок, и то были великолепные фигурки добрых людей. Расписной, весь в гербах, рыцарь лежал рядом с тёмным и строгим жандармом, арбалетчик лежал с копейщиком, сержант с протазаном рядом с лёгким кавалеристом, а тяжёлый доппельзольдер — с нарядным аркебузиром.

И пока младший Эшбахт в восторге рассматривал солдатиков, молодой барон схватил из коробки самую яркую фигурку на коне и кинулся к матери.

— Матушка! Смотрите, это же рыцарь!

Элеонора Августа взяла в руки солдатика и осмотрела его, а потом с удивлением спросила у гостьи:

— Тяжёлый! Это, что, серебро?

— Да нет, что вы, — улыбалась та. — Мастер Монс делает таких солдат из олова для настольных потех военных мужей, и дети их очень полюбили. У Монса в Ланне нет отбоя от заказчиков. Еле выпросила у него этот набор.

— Ах, какая прелесть! — восхищалась баронесса не меньше, чем её сыновья. — Как всё прекрасно сделано… Лица, гербы, глаза…

Генерал с полковником, признаться, и сами хотели подержать в руках такие диковинные фигурки, но даже и не взяв их в руки, они понимали, что эти куколки созданы со знанием дела. Что знаменосец, что барабанщик, что солдат с топором — все были просто уменьшенными копиями настоящих бойцов, которых мастер мог видеть в жизни.

Чуть не выронив большую коробку и чуть не рассыпав фигурки, молодой барон и его брат забрали у кузины подарок и убрались в детскую — играть. А взрослые остались за обеденным столом — разговаривать. А как обед закончился, тактичный Карл Брюнхвальд стал собираться домой, приговаривая:

— Расскажу жене о всех новостях в Ланне. Вот подивится.

А вот жёнушка генерала большой сообразительностью не обладала, она так и наседала на «родственницу» с вопросами:

— А нижние юбки в Ланне какие сейчас носят? А едят что? А перчатки какие?

Уже и посуду со стола слуги унесли, и сушёные фрукты поставили, а она всё не унималась:

— А мебель в хороших домах из южных земель? А окна в домах каковы стали? А почём просят за зеркала в человеческий рост?

И Агнес по мере сил ей про всё, что знала, говорила; казалось, ей и самой было интересно рассказывать обо всём своим деревенским родственникам, но Волкову это уже порядком поднадоело, к тому же его тоже, как и жену, мучало любопытство, хотя любопытство его было иного рода, и он наконец сказал супруге:

— Дорогая, дозволь мне поговорить с моей племянницей по-родственному.

— Так говорите, супруг мой, — сразу отозвалась Элеонора Августа. Но встать и уйти и не подумала. А лишь добавила: — Я ж тоже для госпожи Агнес не чужая.

— Я хотел бы поговорить с племянницей наедине, — настоял барон.

— Ах вот как?! — баронесса сразу обиделась, ведь ей было очень интересно, о чём супруг будет говорить с Агнес. Но перечить ему не стала и наконец ушла из гостиной гордо и

обиженно.

А Волков налил вина себе, а потом и Агнес, которая вдруг села на стул свободно и, чуть подобрав юбки, уложила ногу на ногу; видно было, что «племянница» расслабилась, так как больше не перед кем было выказывать благообразие и скромность, но глаза девушки остались внимательны, она была готова к серьёзному разговору, и тогда он произнёс тихо, чтобы ни слуги, ни жена расслышать его слов не могли:

— Ну, рассказывай, зачем пожаловала?

— Так вы в Ланн Сыча прислали, за мною следить, вот и подумала, что вопросы у вас ко мне имеются. Вот чтобы не было их, чтобы дуроломов своих больше ко мне не подсылали, и приехала.

— Думаешь, что у меня к тебе вопросы есть? — спокойно произнёс барон, отпивая вина.

— Конечно есть. Сыча вы ко мне не подсылали, пока «тётушка» моя в Мален от меня с деньгами не вернулась, — разумно предположила Агнес. И, конечно, она была в том права.

— Непонятно мне стало… — всё так же спокойно продолжает Волков. — С чего же ты ей столько денег дала? И даже расписку не спросила.

— Приехала ко мне, как побитая собака… Всё скулила, что герцог её на молодую поменял… — Агнес смеётся. — А то, что такое случится рано или поздно, она не знала! Гусыня. Вот и дала ей денег в Малене обосноваться, лишь бы нытьё её не слышать. Кстати, всё, что накопила за два года, отдала подчистую графине этой «вхарчевнерождённой».

— От щедрот, значит, осчастливила графиню? — генерал не верит этой роскошной горожанке, которая так разительно переменилась, как только у неё не стало нужды притворяться.

«Это не просто подарок. Это Агнес вложение делала. Если вдруг в Ланне что-то у неё не так пойдёт, если бежать придётся, так чтобы хоть в Малене отсидеться, у графини. И та ведь потом не откажет. „Племянница“ же в трудную минуту деньгами большими ссудила, — и после этих мыслей „дядюшке“ стало ещё тревожнее. — Либо она о будущем думает, либо в Ланне у неё точно не всё складно!».

— А что же расписку с тётушки не взяла? — интересуется он.

На что девушка лишь платком небрежно машет:

— К чему? Она всё одно не отдаст, а судиться да рядиться с нею я всё равно не стану, — и тут Агнес говорит слова такие, которых от неё генерал никак не ждал: — Всё-таки не чужие.

— Не чужие? — удивлённо переспрашивает он тихо.

И девушка, наклоняясь к столу, повторяет еле слышно, но

отчётливо:

— Не чужие, и давно уже. Давно под вашей фамилией ходим, дядюшка, оттого и держаться вместе должны, как родственники.

В этом, конечно, есть смысл. Возможно, в этом он с нею согласен, вот только сама Агнес… Всё-таки немалую угрозу она для него представляет, может быть, даже бóльшую, чем графиня. Но у графини был маленький очаровательный и умный граф, от которого Волков теперь уже никак отказаться не сможет и будет защищать его и его интересы даже с оружием в руках, если понадобится, а вот насчёт «племянницы»… Тут ещё нужно было подумать.

— Ты с графиней в свет выходила? — наконец спрашивает он.

— Выходила, — соглашается Агнес.

— И как её приняли в Ланне?

— А как могут принять бюргеры первостатейную красавицу с великим титулом, хоть и отставную, но женщину курфюрста Ребенрее… — рассказывает Агнес. — Первые дома Ланна умоляли меня быть с нею то к обеду, то к ужину. Мы ещё и выбирали. И от молодого графа все были без ума. Удивлялись его смышлёности.

Это всё походило на правду. Брунхильда говорила ему, что «племянница» вхожа в лучшие дома Ланна. И он уточнил:

— Значит, в Ланне ты стоишь твёрдо?

— Уж твёрже, чем вы думаете, дядюшка, — заверила барона молодая и влиятельная «родственница».

Тем не менее, он чувствовал, что она ещё не всё сказала, не приехала бы она сюда, чтобы только успокоить его, потешить его семью подарками да рассказами.

— Ладно, — наконец соглашается он. — Ну а теперь говори, зачем в самом деле приехала.

И он не ошибся, тут Агнес поудобнее уселась на стуле, как бы устраиваясь перед серьёзным разговором, и начала:

— Замуж хочу выйти, благословение ваше нужно.

Тут бывалый во всяких передрягах генерал даже растерялся.

— Замуж хочешь?

На что девушка махнула платком с неудовольствием:

— Ничего я не хочу, мне никто не нужен, ни муж, ни дети, тем более с меня и кузенов раз в пять лет поглядеть довольно; просто пора уже, сватов всё присылают, а я всё на вас ссылаюсь, дескать, вы не даёте согласия. Но вечно так продолжаться не может, меня чураться начнут, — и тут она говорит абсолютно серьёзно: — Слухи пойдут; вы же про то знаете не хуже моего, что говорить начнут рано или поздно: раз не замужем, значит ведьма.

Верно… Верно, засидевшаяся в девках, если не коса и не

крива — точно ведьма. Хуже только молодая вдова или вдова дважды. И тут барон по-настоящему начал волноваться.

— Брунхильда сказала, что ты её и на порог дома не пустила. Денег дала, привечала всячески, но в дом не пустила. Почему-то… Как же ты с мужем жить будешь под одной крышей?

А Агнес ему и отвечает:

— О том не беспокойтесь, дядюшка, я подыскала себе нужного кандидата. Он как раз таков, как мне надобен.

— Он тоже… — барон не стал вслух произносить подходящего слова, — такой же, как и ты?

— Нет, нет, он добрый человек и очень мне… очень меня любящий, он будет делать то, что я от него попрошу.

«… что я от него… попрошу!».

Это выражение было произнесено так, как нужно было бы произносить фразу: «Как я ему прикажу!».

Волков вздохнул: то, что ей нужно было выходить замуж, не вызывало обсуждений, но он всё равно волновался.

— Ты уверена, что это тебе нужно?

— Делать мне более нечего, сам архиепископ у меня спрашивал про замужество. Два раза… В прошлом году… и вот нынче на Пасху. Пора уже решиться.

«Архиепископ у неё про замужество два раза интересовался». Волков понять не может, вернее, не может решить, верить тому, что говорит сидящая перед ним девица, прекрасными портными затянутая в прекрасный голубой шёлк, или не верить. А она, как будто по его лицу, по глазам угадав, о чём генерал думает, и добавляет:

— Он и про вас спрашивает, про здоровье ваше. Спросит, а я иной раз и не знаю, что ответить; сказать, что живы вы и здоровы, а вы вдруг опять изранены где-то на своих войнах. Порой мне кажется, что он о вас знает всяко более моего, вот и выкручиваюсь, как могу. Вы бы мне, дядюшка, писали, что ли, почаще. Авось не чужая вам, давно не чужая.

Глава 39

Конечно, она была права, тут ничего не скажешь, им лучше было поддерживать более тесные отношения. И вот она рассказала ему о том, что архиепископ спрашивает про здравие генерала и что она не знает, что тому ответить, и он сразу ей поверил, поверил во всё сказанное.

«Ох и хитра. Ведьма… И вправду очень хитра».

Вспомнила про архиепископа и про то, что им нужно чаще писать друг другу, и вдруг он уже не сомневается в том, что нужно дать добро на её замужество. А пару фраз назад барон вовсе не был в том уверен. Волков вдруг почувствовал себя человеком, которого только что обманули.

«Умна ведьма. Изощрена. Потому и в Ланне — ну, по её словам, — так крепко стоит, что красотой своей к себе располагает и язык имеет такой, какой не всякий поп в своём приходе имеет».

Он уже хотел её снова спросить, но вдруг появился один из слуг Волкова и сказал, что один из людей госпожи Агнес просил передать, что нашёл для госпожи ночлег и интересуется, не хочет ли госпожа осмотреть покои сама.

— Скажи, что сейчас приду, — отвечала гостья, чем и удивила хозяина, который спросил:

— А разве ты не у меня остановишься?

На что Агнес обвела его гостиную взглядом, полным недоумения, не пропустив при этом потолка, и ответила:

— Уж не хотелось бы вас стеснять, дядюшка; как замок отстроите, так буду у вас останавливаться, — она ещё раз огляделась, — а тут и слуг моих разместить будет негде.

— И сколько же у тебя слуг? — интересуется генерал.

— Да уж меньше, чем у вас, — улыбается гостья, — у меня всего шесть, два кучера и две горничных, лакеев двое.

— У меня к тебе вопросы ещё есть, — Волков не собирался заканчивать разговор, так как, по сути, до главного вопроса, его интересовавшего, они так ещё и не добрались.

— Так завтра и продолжим, — пообещала Агнес, вставая.

И она просила звать баронессу и кузенов — прощаться. А Элеонора Августа так расстроилось, узнав, что гостья у них ночевать не будет, ведь Агнес ей так понравилась, так понравилась…

И барон с баронессой вышли во двор провожать «племянницу», и тут уже их ждало удивление обоих. И удивило их не то, что девушка путешествует на двух каретах, а то, что

одна из карет была такой, какой у них в Ребенрее ни у кого не было. Так она была на вид легка, невесома и изящна, так были тонки спицы в её колёсах, что не верилось, что в этом можно ездить по дорогам и это не развалится уже к вечеру.

— Такой кареты у нас в Малене ни у кого нет, — едва не ахая от удивления и восхищения, говорила баронесса.

— Такой кареты нет даже у фаворитки герцога, — со знанием дела поддержал разговор барон.

А Агнес улыбалась и отвечала скромно:

— Да и в Ланне таких всего две, и вторую недавно купила одна завистливая бабёнка из фамилии Шмейлингов, которые при дворе курфюрстов маленских уже четвёртым поколением служат. И нынешний Шмейлинг при дворе нынче прелат-казначей. А вот первая такая карета — моя была.

— Завтра ждём вас к завтраку, дорогая племянница, — просила, едва ли не умоляя, баронесса.

— Непременно буду, тётушка, — расцеловывая её в щёки, обещала Агнес.

А едва они сели ужинать, как пришёл к ним один человек и просил, чтобы барон принял его. И тот человек был Генрих Хельфнер, владелец лучшего трактира в Эшбахте. И просил он о встрече слёзно. И посему Волков не стал заставлять его ждать, человек то был хороший и доход генералу от своего заведения давал неплохой.

— Что же тебе нужно? — барон всем своим видом давал понять, что тот отвлекает его от ужина, но он готов терпеть такие неудобства из необыкновенного расположения к посетителю.

— Господин, — едва не плакал владелец трактира, — ваша родственница, госпожа Фолькоф, мало того что заселила весь этаж… просила выселить всех иных постояльцев… Я так и сделал, всё-таки родственница ваша. Так теперь требует перины, чтобы те без перьев были, а лишь на самом лёгком пуху, да ещё чтобы не льном были пошиты, а сатином. Где же мне такие взять? А то госпожа гневается… Так гневается, что аж мороз по коже, обещает проклясть, если не сыщу нужных ей перин до ночи.

— Обещает проклятье? — Волков смеётся. Хотя, зная Агнес, понимает, что хозяину постоялого двора сейчас не до смеха. А потом и говорит:

— А ты бы завёл такие перины. Может, сюда скоро и графиня фон Мален пожалует. Она тоже на рогоже спать не будет.

— О Господи… Так я бы, может, и завёл, то дело нехитрое, я такие перины видал, но где мне их взять сейчас, на ночь глядючи? А она сейчас просит, вот я и пришёл спросить у вас… — он не договорил.

— У нас у самих таких перин не имеется, — почему-то зло ответила за мужа баронесса.

— Слышишь, дурак! Нет у нас таких перин, — крикнул юный барон, чтобы поддержать мать.

Волков же от такой невежливости неожиданно разозлился и рявкнул на своего первенца:

— Прикройте свой рот, барон! Иначе сейчас же вылетите из-за стола! Ведёте себя, как пьяный холоп! — и тут же уже мягче добавил, обращаясь к няньке. — Корми их скорее и убирай из-за стола. Не умеют себя вести, грубые, словно ландскнехты, — он нехорошим взглядом смотрит на мать мальчиков, считая, что это она виновата в их грубости. Баронесса и вправду слишком часто и без особой нужды бранила слуг дурными словами. А сыновья-то всё слышат. Всё видят. А после Волков снова поглядел на Хельфнера и сказал:

— Такие перины есть у госпожи Ланге.

— Госпожи Ланге? — сразу оживился тот. — Это которая живёт во дворце над рекою?

— Да, там… Скажешь, что перины нужны для моей племянницы, она не откажет, — посоветовал генерал.

Посетитель ещё не успел выйти, а у Элеоноры Августы уже глазки остекленели, слезами напенились, и она, через слёзки на мужа глядючи, заговорила с укоризной:

— Перины у неё хороши… Уж вам ли не знать.

— У кого хороши перины? — тут же интересуется старший сын барона, забывая про еду.

— Ах, оставьте вы это… — отвечает барон устало.

Но госпожа Эшбахта «оставлять этого» не желает, она ещё больше распаляется от ужасной несправедливости.

— И перины у неё хороши, и дворец над рекой…

— Какой ещё дворец, то просто дом, — морщится барон.

— Всё у неё лучше, чем у меня, и сама она, видно, слаще! — тут баронесса от скудости своего существования и от жалости к себе начинает рыдать в голос.

— Кто слаще? — продолжает интересоваться Карл Георг. — Матушка, кто слаще вас? Матушка…

— Уводи детей, чего расселась, дура! — рычит барон няньке, и та тут же вскакивает, подхватывая младшего, и, хватая за руку старшего, стаскивает его со стула. Причём младший — плаксивый какой-то растёт — начинает от перепуга рыдать. А за ним от злости, что ему ничего не понятно и что его выволокли из-за стола, начинает орать и старший. А мать кидается к няньке и выхватывает из её рук младшего, и они, почти все рыдая, покидают столовую. А барон остаётся один, и есть ему не очень-

то уже и хочется.

Ночью же, как лёг спать, чтобы хоть как-то успокоить баронессу, которая всё ещё дулась, пришлось оказать ей внимание.

* * *

Черные кружева. Они совсем по-разному смотрятся на платье цвета горчицы, на почти жёлтом платье. И на платье тёмно-серого атласа. Утром к завтраку «племянница» явилась именно в таком. И баронесса, находясь в добром расположении духа, снова млела от своей «родственницы». А та ещё и принесла новые подарки, подарила по одной золотой кроне своим буйным «кузенам», которые ещё и от первого подарка не отошли, а их родовитой матушке красивые серёжки. Нет, те серёжки не были слишком дороги. Но были сделаны настоящим мастером. В них богатый серебряный орнамент обрамлял крупные гранаты. Серёжки были так красивы, что, ахнув от восторга, Элеонора Августа сразу стала цеплять их на уши. А после требовала нести себе зеркало и весь завтрак то и дело таращилась в него, словно проверяла, не пропали ли гранаты с ушей, не забывая при этом каждый раз благодарить гостью за роскошный подарок.

А генерал всё ждал и ждал, когда же наконец у него будет время поговорить с «племянницей» о свадьбе. К детям уже пришёл учитель и в соседней комнате снова было шумно от криков и споров, и со стола уже была убрана посуда, прежде чем ему удалось выпроводить жену вместе с её серёжками и наконец спросить у своей гостьи:

— А кто же этот твой жених? — этот вопрос всё не давал ему покоя, как и ещё один.

— Леонард Штайн, молодой человек двадцати лет.

— Фамилия не рыцарская, — предположил Волков.

— Да откуда, — Агнес махнула рукой, — и в Ланне они лишь во втором поколении живут, люди новые.

— Ну хоть богатые?

— Не бедные, именьице под городом прикупили, мельницы у них две, пекарни две, пара домишек в городе есть, лавок… не знаю сколько… Папаша его состоит в гильдии мукомолов и пекарей, не последний там. Но купчишка он, конечно, не первого ряда.

— И за что же ты его выбрала? — Волков всё ещё сомневается, что это хорошая затея.

— За верность… Он у меня с руки есть будет, верен мне будет

до смерти, как пёс, — уверенно говорит «племянница».

— Как пёс? — нет, барон всё ещё не думает об этой свадьбе как о добром деле. — Как пёс — это хорошо. И что же, ты его к себе в дом пустишь? К слугам своим?

— Нет, к себе не пущу, — отвечает Агнес. — Уже решила о том. Буду жить на два дома, пару раз в неделю с ним буду в его доме, папаша Леонарда одарил его домом.

Барон глядит на красивую молодую женщину, полную сил, соблазнительную и яркую, и вспоминает ту девочку, которую оставил в Ланне. Костлявую, с серым и вечно недовольным лицом. Волков в который раз удивляется этим переменам, и в том, что не обошлись они без чего-то мерзкого, он не сомневается.

«Конечно, ты его к себе не пустишь, ведьма».

— А что же ты говоришь в городе о себе? — наконец интересуется хозяин Эшбахта. — Обо мне, о всём роде нашем?

— Стараюсь о том не говорить, — отвечает Агнес; конечно, она умная, — а коли начинают спрашивать, так отвечаю, что мы из городов морских и что все предки наши были шкиперами и воинами и служили Вензейскому союзу, а то, что деды наши промышляли морским воровством, так то горожане уже сами придумали.

— Вот как? То есть мы из морских воров выходим, — удивился генерал. — Так горожане думают?

— Да, такие слухи ходят, а ещё говорят, что ваш батюшка и мой в море ходили не по делу купеческому, а сгинули там по пиратству.

— Ну, уж это ты сама придумала, — произнёс барон.

А Агнес только улыбается ему в ответ.

— То слухи, дядюшка. А кто слухи те распускает, так разве дознаешься? Главное, чтобы все верили в наше воинское происхождение, а глядя на вас, разве кто усомнится? — и, закончив, она опять про своё спрашивает: — Ну так что, дядюшка, решили, даёте мне согласие на свадьбу?

Он молчит, не знает, что и сказать. Всё ещё сомневается. И Агнес решает его убедить.

— Муж мне нужен, дядюшка; без него, сами понимаете, никак, изводят меня вопросами, попы тоже донимают. А тот, что я присмотрела, он хороший, университет закончил, бакалавр, в магистрат на службу поступил.

Волков только морщится.

— Бакалавр… В магистрат поступил… — генералу на то плевать, его волнует другое. — Он про тебя узнает да в Трибунал сдаст.

«А ты меня продашь, как на дыбе повисишь малость».

Но этого он вслух, конечно, не говорит. А «племянница» только головой качает:

— Не волнуйтесь, дядюшка, он уже обо мне кое-что ведает, но никому про то не скажет, и сейчас молится, чтобы вы только добро на свадьбу дали. Он верен мне, верен, но если верность иссякнет… — девица замолкает. Но ей и говорить ничего не нужно, Волкову по её глазам всё ясно. По её холодным глазам.

Волков некоторое время думает, но нехотя соглашается с тем, что ей нужно выходить замуж. Что и так она в девках засиделась, то уже в глаза бросается. Судачат о том.

— Ладно, — наконец говорит он. — Объявляйте о помолвке, — и тут же девушка вскакивает со своего стула и кидается его обнимать. — Тихо ты, — барон отстраняет её от себя. Всё равно он думает о том, что ему нужно время во всём разобраться. Понять, что это за свадьба, что за жених. И посему он заканчивает: — Но свадьба не раньше урожая.

Агнес усаживается на свой стул; видно, что девица взволнована, её грудь вздымается, щёки покраснели, но и тут она не теряет рассудка своего.

— Ладно, дядюшка… На помолвку я вас звать не стану, но уж на свадьбу вы быть постарайтесь. На свадьбе без вас никак.

Волков вздыхает и кивает: хорошо, буду, если герцог не отправит куда-нибудь на войну.

Глава 40

А уж как радовалась Элеонора Августа, урождённая Мален, а нынче госпожа Эшбахт, баронесса Рабенбург. Так радовалась, как будто это ей замуж выходить.

— А я так и подумала… О чем же можно было вам два дня шептаться, ну конечно, о свадьбе! И что жених?

Агнес только улыбалась и краснела. Вот так поглядишь на неё и подумаешь: и вправду невеста, сама чистота, сама невинность. Но баронесса не отставала от неё:

— И что жених? Знатен?

— Нет, — продолжала улыбаться девушка. Помимо невинности и чистоты, ещё и скромность. — Звания он купеческого.

— Ну, значит, богат! — сразу решила госпожа Эшбахта.

— Не беден, — отвечала гостья. И, ещё больше краснея, добавляла: — Главное — он любит меня.

— Любит? — глаза баронессы округлились в изумлении. — Дорогая моя, да разве ж по любви женятся? Никто не женится по любви; и вам, такой красавице и деве рода известного, до́лжно жениха искать из самых благородных семей, а не из семей купеческих.

— Так и есть, — соглашалась с нею Агнес, — вот только у меня за мной земли в приданое нет, — и это был весьма болезненный укол для баронессы, ведь за нею тоже земли в приданое граф-отец не дал. — Вот и решила я выйти за купца.

И Элеонора Августа замолчала, а Волков разъяснил ситуацию:

— Та семья купеческая — не бедная. Мельницы, лавки, пекарни держат, я их знаю.

— И любит меня, — повторила Агнес с мягкой улыбкой. — И дядюшка на тот брак согласился.

Тут она снова подошла и обняла барона, обняла крепко, и на этот раз он не стал её отстранять, иначе жена бы тому удивилась. И потом, выпустив его из своих объятий, она говорит:

— Так что по осени жду вас, дядюшка и тётушка, к себе на свадьбу. Про число потом напишу. — она приседает в книксене. — А теперь разрешите откланяться.

— Откланяться? — тут с баронессой едва удара не случилось, она же собралась расспрашивать «племянницу» до самой ночи, так ей хотелось знать про жениха Агнес, и про его семью, и про их владения, и про их престиж в городе, и про то, как думают играть свадьбу, и кто будет венчать… И ещё, наверно, вопросов

пятьдесят было у госпожи Эшбахта, и посему она никак не готова была отпустить свою молодую родственницу, но та со своей очаровательной улыбкой сообщила ей:

— Хочу быстрее порадовать жениха, что дядюшка союз наш одобрил, а перед тем хочу ещё заехать к тётушке Брунхильде в Мален, о том ей рассказать.

— Я тебя провожу немного, — барон тоже встал, ведь на главный его вопрос девица так и не ответила.

Ну что уж тут было делать баронессе, стала она прощаться с «племянницей». И прощалась со слезами в глазах и с благодарностью за серёжки.

* * *

Хоть он и велел фон Готту и фон Флюгену оседлать своего коня, но сам сел в карету к «племяннице», уж больно была хороша та карета, и ему хотелось поглядеть её изнутри. И изнутри она оказалась ещё шикарнее, чем выглядела снаружи. Диваны, обивка, стёкла в дверях и печь. Маленькая печурка для холодов.

— И сколько же такая стоит? — диву давался генерал. Он проводил рукою по обивке.

— Ох, дядюшка, — вздыхала «племянница», но в её вздохах слышится и гордость собою. — Уж и не спрашивайте!

Но это для него как раз и есть главный вопрос, теперь он наконец может его задать и предполагает:

— Шесть тысяч?

— Почти, — отвечает Агнес. — Четыре шестьсот.

— Монет Ланна?

— Монет Ланна, — кивает она.

Почти четыре тысячи восемьсот талеров Ребенрее, сразу прикидывает Волков. Уже много лет он не давал ей денег, ни пфеннига. И вдруг видит, что, несмотря на это, девица процветает. Карета четыре шестьсот, да четыре коня единой масти, все отличные, по сотне каждый — это если ещё повезёт дёшево найти, — да платья, да украшения, да слуг шесть человек, и ещё одна карета, подарки опять же вовсе не дешёвые… Нет, определённо, она неплохо живёт, его загадочная «племянница».

— Наверное, в Ланне все думают, что это я тебе деньги даю? — снова гадает барон.

— Ну а где ещё взять столько серебра одинокой деве? — спокойно отвечает Агнес. — Большинство считает вас богатеем. Говорят, что вы хоть и в долгах, но замок достроили почти. Говорят, что боги войны и удачи вечно с вами.

«Боги войны и удачи…».

Он смотрит на неё искоса и ничего не говорит, ни о чем не спрашивает, да ему и не нужно, Агнес сама всё знает.

— Волнуетесь, откуда деньги у меня?

— А что, не надо?

— Не надо, — отвечает Агнес.

— Так ты скажи, откуда у тебя всё, я и не буду волноваться.

— Не волнуйтесь, дядюшка, то деньги от продажи зелий. Они у меня хорошо идут, так хорошо, что вперёд на всё лето раскуплены. Уже и задаток за них дали.

— Зелья? — Волков этого и боялся. Она же не аптекарь и не врач, чтобы торговать зельями; любой, кто про это узнает, может на неё донести. — Какими зельями ты торгуешь? Уж не теми ли, что привлекают мужчин к женщинам?

— А… нет, — беззаботно говорит ему Агнес. — Я уж те делаю редко, иной раз думаю, что и забываю, как их делать.

— А какие же ты делаешь? — он ещё больше стал волноваться.

«Яды? Привороты? Зелья для выкидышей, что готовят все ведьмы? Как та старая тварь из Рютте?».

И она сразу заметила его насторожённость и засмеялась:

— Дядюшка, не волнуйтесь, то зелья удивительные и редкие, и покупатели тех зелий редкие, — она положила свою руку на его руку, чтобы успокоить его. — Мои зелья покупают богатые старики и старухи, чтобы забыть про старость.

— Забыть про старость? — барон хотел пояснений.

— Да, — продолжает «племянница», — я торгую молодостью, из зелий, ничего выгоднее нет. Один флакон даёт избавление от многих старческих болезней и придаёт силы. На ночь выпивает старый человек моё зелье, засыпает, а просыпается уже от голода и жажды. И всё… Старики чувствуют еду по-новому, как в молодости, у них появляется любовная прыть, а у старух — любовные желания, они крепко спят, им всем нравится напиваться вином, их тянет к молодым красавцам и красавицам, они даже танцуют… В общем, всё, как в молодости…

— И что же, — всё ещё не верит Волков, — купил, значит, такой флакон у тебя, и любой старик снова молод?

— Дней на тридцать, — отвечает Агнес, — или на сорок, но не больше. А потом к ним опять приходит старость, болезни, бессилие. Ну, ежели, конечно, не помирают до конца действия зелья.

— Ах вот как, то зелье не вечно?

— Нет, — Агнес смеётся и качает головой, — стала бы я делать его вечным. То мне ни к чему. Нет, пусть покупают,

поживут малость, а потом ещё за новым флаконом приходят.

И тут, конечно, у генерала возник ещё один, может быть, даже главный вопрос:

— И сколько же ты берёшь за один такой флакон?

— Пять лет назад, когда лишь создала эликсир, так брала пятьдесят талеров… Но он так хорошо стал продаваться, что решила брать по сто уже через год, потом просила десять золотых, а с лета того года уже беру по пятнадцать.

— Пятнадцать золотых?! — барон едва сдерживается, чтобы произнести это без лишних, не присущих ему эмоций, не воскликнуть это. Его так и подмывает спросить, сколько же «племянница» продаёт таких зелий в год. Но он не решается.

«Теперь понятно, как она могла собрать целый ларь золота, которое подарила Брунхильде. Ну, если она, конечно, не врёт».

Да разве же можно по ней угадать, врёт эта девушка или нет, ведь она говорит всё так естественно. Так спокойно, с улыбкою.

— И что же, — продолжает барон. — может, и архиепископ покупал у тебя эти твои флаконы?

Чуть подумав и поглядев на «дядюшку» долгим взглядом, Агнес наконец отвечает:

— Викарий Монтини лично дважды брал то зелье у меня из рук и в мои руки клал золото за него.

— А викарий Монтини… — Волков не знает, кто это. — Это…

— Это викарий Монтини, прелат церкви нашей отец Джузеппе, правая рука и ближайший человек архиепископа. Он же и его иподьякон во время служб. И его сотрапезник частый. Его тайный распорядитель.

И снова у барона есть повод для размышлений, а пока «племянница» всё ещё рассказывает, кто такой прелат Монтини, у него появляется ещё один вопрос, и когда девушка замолкает, он задаёт его:

— А кто же тебя научил… Ну, готовить все эти зелья?

— Научил? Меня? — в голосе девицы слышится явная насмешка. И даже высокомерие. — Никто меня тому научить не может, нет таких мастеров в живых. А те мастера, что есть, что ван Куббен, что Корельяк, что старик Смирновски, так они бы много дали, чтобы узнать, как я делаю своё зелье. Многое бы дали.

— И что же… — Волков не знает, верить ей или нет. С одной стороны, у него нет сомнений, что Агнес необыкновенно, невероятно умна, но всё равно она лишь женщина. Неужели женщина могла переплюнуть учёных мужей, которых сейчас перечислила. И он продолжает: — … ты сама то зелье изобрела?

— Да, не сама, — отвечает Агнес, — у меня есть три

человека…

— Три человека? — не понимает барон.

— Три человека, что собирают мне книги по всем землям нашим, да и по ненашим, — объясняет девица. — Я покупаю книги, редкие, про все снадобья, про всякое тайное, и на нашем языке, и на языке королевства, и на языке пращуров. Покупаю и читаю, вот в одной из таких книг и нашла наставление. В книгах тех почти всё глупости и враньё, но кое-что бывает верным. А иной раз кое-что бывает верным, да дурно записано, или записана лишь одна часть, а других частей нет. Нужно додумывать или пробовать свой способ. Искать да пытаться… Вот с этим зельем мне и повезло, в книге было кое-что написано, а потом я искала, искала… И давала одной больной старухе на пробу, смотрела, что получается, вот и нашла рецепт верный.

И всё это она рассказывала быстро, говорила, как будто торопилась, боясь, что он не дослушает. И барон понимал, что это первый раз, когда Агнес может говорить кому-то важному и уважаемому об этой своей безусловной победе. И он, понимая это, не перебивал её, не торопил. А когда она закончила, он ещё и подтвердил этот её успех похвалой:

— Ты удивительный человек, племянница, вокруг меня хватает умных женщин, но ты в уме своём превосходишь и большинство мужчин, что я знаю.

От таких слов молодая и, что уж там говорить, опасная ведьма вдруг вся покраснела. И при этом у неё что-то случилось с лицом на секунду, словно оно поплыло или стало сливаться с головы вниз. Но то длилось всего секунду, а может быть, барону это попросту показалось, и он не мог о том сказать наверняка. А ещё через секунду Агнес уже крепко обнимала его и говорила:

— Спасибо за ваши добрые слова, за вашу извечную доброту ко мне, дорогой дядюшка. Кроме вас и бабушки не было людей на всём белом свете, которые бы ко мне были добры.

Ещё не доезжая до границы своих земель, он попрощался со своею племянницей, которую не видел много лет, и глядя вслед двум уезжающим каретам, он размышлял о том, что будет дальше.

«Чёрт её знает, к чему она придёт. Хороша собой… Вдруг стала… И невероятно умна, невероятно, и место в Ланне заняла высокое. И зелье это необыкновенное, которое приносит ей горы золота и даже покупает какой-то поп, близкий к курфюрсту… Но всё равно, чёрт её знает, чем всё это закончится. А ещё эта её затея со свадьбой, купчишка жених…».

Он оценивал своё положение и прекрасно понимал, что две эти яркие женщины, и графиня фон Мален, и девица Агнес

Фолькоф, представляют для него большую, большую опасность. Ведь они могут стать источниками больших его бед. Обе они были слабыми его местами, его уязвимостями. И в то же время являлись его самыми верными союзницами. Союзницами не только сильными, но ещё и самыми преданными. Теми женщинами, которые его никогда не предадут, ну хотя бы по той причине, что без него у них не будет главной их силы, главной их опоры.

«Ладно, пусть всё идёт как идёт, главное для меня — побеждать на поле бранном, и раз уж дал мне герцог дело, так выполнить его с успехом, как бы там трудно ни было».

Наконец он повернул и поехал домой, думая о своём, а фон Готт и фон Флюген ехали рядом и, как всегда, болтали обо всяком глупом.

Глава 41

А ещё, не отошёл он от дум своих в этот день, как прискакал к нему вестовой и доложил, что отряд ротмистра Рудемана и прапорщика Кроппа возвращается в Эшбахт.

— Как возвращаются? — признаться, генерал был удивлён их скорым возвращением. Он надеялся, что вот-вот горожане пришлют делегацию просить его приезжать и помочь с разбойником. А тут вдруг: «Возвращаются».

— С победой возвращаются, господин генерал, — заверил его вестовой, — сбежал разбойник из своей крепости, едва узнал что мы идём на него.

Больше расспрашивать барон его не стал, а отправил человека в Амбары, чтобы тот позвал к нему Брюнхвальда. И Карл как раз приехал в то время, когда к генералу на двор заявились молодые офицеры. Пыльные с дороги, усталые, но весёлые.

Старшие офицеры усадили ротмистра и прапорщика за стол, стали кормить ужином и расспрашивать, как дело было, и те рассказывали:

— Подошли мы к лесу, что начинался у болот, подождали, пока подтянутся обозы, а пока ждали, капитан Вайзен велел конным идти вперёд и искать секреты разбойников. И те пошли в лес, а когда вернулись, то сказали, что поблизости секретов не нашли, — говорил Рудеман. — Тогда капитан Вайзен велел арьергарду разбить лагерь и сторожить обоз, а кавалеристам и авангарду скорым шагом идти в лес. А главным силам во главе с капитан-лейтенантом Фиглером иди следом.

— Всех эшбахтских Вайзен взял в авангард, — всячески подчёркивая значимость людей из Эшбахта, заметил прапорщик мушкетёров Кропп, — мы шли первыми.

«Это понятно, иначе и быть не должно!», — кивал ему подполковник Брюнхвальд.

— Ну а как же дело случилось? — не терпелось узнать генералу.

— Да никакого дела и не вышло, — продолжал рассказ ротмистр. — Кавалеристы вышли к замку, а те, кто из воров был там, стали бежать, да и сам разбойник с близкими людьми тут же выехали из крепости и ускакали.

— Ускакали? — разочарованно переспросил барон.

— Именно так, — подтвердил Рудеман. — До железа не дошло, и выстрела сделано не было, а пока мы вышли из леса за кавалеристами, вся ватага разбойника уже разбежалась.

«Просил безмозглых бюргеров только провести

рекогносцировку, проверить пути, и более ничего. Так нет же: побед им захотелось. Уж лучше бы получили оплеух от разбойника, то-то он возгордился бы и страх бы потерял, а теперь что делать? Теперь как его ловить, мерзавца? Где искать его людишек? По замкам Маленов ездить и спрашивать: не припрятали ли вы своего родственничка?».

— Ловили? — с надеждой спрашивает Брюнхвальд.

— Кавалеристы дюжину человек поймали, я видал, — вспоминает прапорщик Кропп.

— А раубриттера не ловили, что ли? — удивляется полковник.

— Конечно нет, — за младших офицеров отвечает генерал. — Уж очень не хочется бюргерам поймать одного из Маленов, они и не будут знать, что с ним делать, судить-то его никто не осмелится.

— Ну а людей его почему не стали ловить? — всё хотел узнать Брюнхвальд.

— Для нас приказа не было, — отвечал прапорщик Кропп. — Да и охоты тоже, там такая сырость вокруг, от дороги шаг — и башмак в грязи тонет, а иной раз воды и до колена. Кавалеристы не стали ловить, а нам тем более ни к чему.

Волков вздыхает и разочарованно машет на молодых офицеров рукой, как будто это они виноваты, приговаривая при том:

— Ох, дураки!

— Пленных хоть допросили? — интересуется Карл Брюнхвальд.

— При нас нет, велели их в город вести.

— Замок разбойника сожгли? — невесело спрашивает генерал.

— Нет, — качает головой ротмистр Рудеман. Видно, теперь он и сам всё понимает.

— Может, хоть ворота сожгли, может, рогатки вокруг того замка поломали?

На сей раз молодой офицер даже не отвечает, только качает головой в ответ: нет.

— Что ходили, что не ходили, — резюмирует Карл Брюнхвальд. — Дело вышло пустое.

— Только деньги на ветер, — зло говорит генерал. — Мои деньги! Четверть тысячи талеров, что в реку бросил!

И два молодых офицера стали вдруг собираться домой. То и понятно, кому охота сидеть рядом со злыми командирами. Вот как бывает, а думали, что едут с победой.

* * *

Конечно, всё это так он оставить не мог и на следующий день собрался и, прихватив с собой Карла Брюнхвальда, поехал в Мален, разбираться с горожанами. Нет, конечно, зря потраченных денег барон вернуть не намеревался, но забрать отобранное у разбойника железо хотел — даже сто талеров, и те лишними не будут, — а ещё собирался высказать свое неудовольствие капитану Вайзену.

Но по приезду в комендатуру командира городского ополчения они на месте не застали. Не было и его заместителя, а подчинённые не знали, где их командиры. Ждать их не было смысла, и генерал с полковником поехали в дом Фейлинга. Которого тоже не было дома, зато там была очаровательная графиня фон Мален.

— Племянница была у вас? — интересовался Волков.

— Была, ужинали с ней до полуночи, потом она переночевала где-то, у Фейлинга оставаться не стала, да на заре отъехала домой.

— До полуночи? — генерал смотрит на Брунхильду с подозрением. — О чём же вы с нею говорили?

— Хуго восхищался ею, говорил, как в нашей семейке все разумны, даже женщины, — графиня почти смеётся. — А как ушёл спать, говорили с нею о делах семейных… О вас говорили, дорогой братец. О делах ваших, о замке вашем…

Графиня пребывала в хорошем расположении духа, и пока никто не видел, барон успел ущипнуть её за зад.

После чего она с улыбочкой пригласила господ офицеров обедать. На что те и согласились. Хотя бы Фейлинга нужно было дождаться, не зря же ехали из Эшбахта. А ближе к концу обеда тот и появился. И был в прекрасном расположении духа.

— Господин генерал! — Хуго Чёрный просто цвёл. — Разрешите поздравить вас с победою. В недавнем успехе есть и ваше участие!

— Да, да, — не очень-то весело соглашался Волков; он поначалу думал, что этот влиятельный горожанин… шутит, что ли, насчёт этого, так сказать, успеха. Но когда Хуго Чёрный сказал ему, что весь город рад удачному предприятию, Волков понял, что никаких шуток в словах этого влиятельного горожанина нет.

— Так схватить разбойника не удалось, — аккуратно напомнил Фейлингу Карл Брюнхвальд.

— И что? — не понимал тот. — Он сбежал, прячется где-нибудь, а может, уже в Вильбурге при дворе. На балах пляшет.

— Ну уж это вряд ли, — сомневался генерал — после таких дел герцог его по голове не погладит. — Нет, он тут, отсидится и по новой за дело примется.

— Неужели примется? — не верил хозяин дома.

— А как же иначе, — снова говорил полковник. — Денежки лёгкие у него закончатся, и он по новой начнет. А что? Место у него есть, людишки тоже остались. К грабежам он привык, так что, конечно, возьмётся, раз за первые грехи его не наказали. Тем более что купчишек грабить — это так же приятно, как девушек целовать.

Волков при последних словах своего товарища едва сдержался от усмешки. Уж как ни был Карл хорош ему в помощи, но вот в деле тонкой политики и в деле этикета знатоком он точно не был. Не нужно было в доме большого коммерсанта, в доме купца рассказывать о том, как приятно человеку ремесла воинского грабить человека ремесла торгового. Даже графиня это поняла, она покосилась на полковника с удивлением. И чтобы как-то увести разговор от грабежей и поцелуев, Волков и говорит:

— А не слыхали ли вы, друг мой, про моё железо, что было отобрано у разбойника недавно. Когда мне его можно будет забрать?

— Ах, дорогой мой генерал, — начал хозяин дома, и барон сразу, по первым словам его, понял, что никакого железа он не увидит. — То железо, что вы полагаете своим, вроде поначалу и было, а теперь никто и не знает, где оно. Я у кого ни спрошу, никто не видел. А капитан Вайзен и знать про него ничего не знает. Хотя Богом клянусь, из болот его на лодках, захваченных у раубриттера, привезли.

«Ах вы крысы, ах вы чёртовы воры! Безрукие дураки, что и разбойника изловить не могут, но едва появится, что украсть, даже всякая малость, так среди вонючих бюргеров сразу сыщется хоть один умный да проворный, кто от жадности воспылает отвагой уворовать себе хоть мелочь какую-нибудь, хоть безделицу ненужную, не то что дорогое железо, дьявол их порви!».

Но вместо этакой тирады барон лишь повернулся к своему старому другу и сказал, улыбаясь:

— Полковник, а вы не находите это забавным?

А под улыбочкой генерала, под этакой вуалью вежливости всякий наблюдательный человек мог бы увидеть, разглядеть тень высокомерного презрения, того презрения, которое аристократ и воин обычно прячет, общаясь с торговцем.

И Карл Брюнхвальд тогда спросил у генерала:

— Это то железо, которое нашли у речного разбойника и которое он украл у вашего купца? И которое, как вы полагали,

вернут вам?

— Я на то надеялся, — признался Волков.

— Ха! — воскликнул полковник. — Уж никак не ожидал от вас, друг мой, такой юношеской наивности.

И два старых солдата засмеялись, а вот Фейлинг лишь улыбался; он бы тоже, может быть, посмеялся, но уже больно негодующие взгляды бросала на него графиня. Даже ей, женщине, эта история с железом показалась некрасивой. И тогда, чтобы хоть как-то скрасить ситуацию, Хуго Фейлинг и говорит:

— А вы знаете, генерал, что мы уже подготовили официальный запрос в совет города насчёт дома графа? Мой родственник Гобен так хорошо его составил, что канцелярия приняла его к рассмотрению сразу.

«Ну, кто бы сомневался… Уж в написании запросов с вами никто не поспорит. Рыцарство вы чернильное».

— Вот как? — Волков, конечно, ворчит про себя, тем не менее это хорошая новость. — И когда же совет будет решать вопрос?

— Так вот приехали вы, генерал, в самое время, — объясняет Хуго Фейлинг. — Вопрос завтра решаться и будет, и в регламенте заседания стоит он номером вторым, как раз за вопросом ремонта Жабьего моста. И вам, генерал, хорошо было бы присутствовать на том заседании вместе с графиней. То весу нам сразу прибавило бы. Одно дело — ваше имя, а другое дело — ваше личное присутствие. Раз уж вы за делом будете наблюдать, так не всякий сенатор посмеет «нет» сказать или начать решение оттягивать.

— Да уж, братец, давайте, сходите на то заседание, — попросила его Брунхильда. — Я тоже буду.

Тут Фейлинг и графиня были безусловно правы. И Волков произнёс:

— Да, надо идти. То дело для моей семьи первостатейное. Я буду.

— Вот как хорошо всё выходит, — обрадовался Фейлинг и поглядел на Брунхильду с ласкою. — Скоро наша графиня будет со своим дворцом. И победа наша над разбойником очень кстати случилась. Как говорится, всё одно к одному. Теперь все будут за нас, а не за Гейзенберга.

Глава 42

Переночевали они и позавтракали у Кёршнеров, а меж тем Волков уже стал подумывать о том, что скоро он хлебосольных богатеев тревожить перестанет, а будет останавливаться у «сестрицы» в графском дворце, места там хватало, так как тот дом был немногим меньше дома первых богатеев Малена.

Они поговорили с Кёршнером о заседании городского совета, на котором должен был решаться вопрос с домом, и купец сказал генералу, что тоже прибудет в ратушу, как только поделает свои дела. На том и расстались.

А в ратуше в этот день оказалось народа немало, видно, не только для семейства, которое в городе для удобства называли Эшбахтами, это голосование было важным. Также присутствовали здесь члены семьи, которую именовали Маленами. И были тут из пяти три ветви рода, чьи представители в той или иной степени претендовали на графский титул. Они сели справа от входа в ратушу, в первом ряду сразу за оградкой, что отгораживала людей случайных от сенаторов. За ту оградку никто не допускался, кроме самих господ советников, секретаря совета, бургомистра, секретаря магистрата и, конечно же, городского консула с его помощником. Все остальные люди, горящие желанием видеть, как принимаются важные решения в городе, размещались на лавках за оградкой.

Когда Волков с Брюнхвальдом, фон Готтом и фон Флюгеном вошли в ратушу, они с удивлением обнаружили там половину фамилии господ Маленов, что уже собрались в ратуше и заняли правую от входа часть свободных мест. Малены оживились, увидав своих врагов, стали перешёптываться, бросать на пришедших злые взгляды, и никто из них не соизволил поздороваться с генералом и его людьми.

И тот, едва бросив взгляд на своих противников, сразу пожалел, что не привёз с собой из Эшбахта десяток проверенных людей, желательно из сержантов или из его личной охраны. Ведь Маленов в ратуше было шестнадцать человек. Это если не считать тех горожан, которые сидели на правой стороне зала. А считать их было нужно, так как многие из пришедших людей как раз были из партии старого герба.

Больше всего Маленов присутствовало из ветви фон Гейзенбергов. Этих было семеро. Тут был сам глава фамилии, именно он и проживал в отобранном у юного графа доме, с ним был его младший брат, двое его сыновей и трое племянников. Тут же была ещё одна ветвь представителей древнего рода, самая

дальняя от герба, фон Гофты. Семья Гофт — самая дальняя, а ещё и самая многочисленная ветвь Маленов, и самая бедная. Их небольшое поместье было совсем недалеко от города, и, видно, заняться им на своей земле было нечем, вот и приехало их сразу пять человек. Но самым удивительным явлением в ратуше был Карл Ульберт фон Займлер фон Мален, отец того самого Ульберта, что грабил баржи на реке. Самого разбойника, разумеется, в ратуше не было, но был его родной брат и два кузена.

Волков и Брюнхвальд уселись на лавки слева от входа, тут же сел и фон Флюген, а вот почувствовавший неприязнь, исходившую от Маленов, задиристый фон Готт сел от генерала чуть поодаль и поближе к проходу, что отделял его от неприятелей.

Карл Брюнхвальд усмехнулся, поглядев на Маленов, и потом сказал генералу негромко:

— На подобные заседания городского совета лучше приходить в кольчуге и шлеме.

Волков только кивнул в ответ. Карл усмехался, но смешного тут было мало, генерал прекрасно помнил, как на него устраивали засады не так уж и давно.

«Наверное, сейчас и на глазах у всех Малены не осмелятся напасть прямо тут, в ратуше, на фаворита герцога, во всяком случае, никто из глав родов не отдаст на то приказа; но любой молодой негодяй из этой мерзкой фамилии по своему желанию, лишь от одной злобы, может схватиться за оружие. Тем более что фон Готт сидит рядом с ними и ведёт себя, как всегда, вызывающе. Словно специально провоцирует их».

— Фон Флюген, — так же, как и Брюнхвальд, негромко произносит барон. — Попросите фон Готта сесть к нам поближе.

И едва фон Готт выполнил просьбу своего сеньора, как вдруг один за другим Малены стали подниматься со своих мест. Барон сначала не понял, что происходит, и на всякий случай повернулся к противникам, взявшись за рукоять меча, но тут он увидел, что Малены кланяются, все как один, и, ещё повернув голову, он увидал, как, чуть подобрав юбки, по проходу идёт роскошная женщина в изумительном синем платье. Услышав шум, даже сенаторы стали подниматься со своих мест и тоже кланялись ей. Консул, бургомистр, секретари, все, все люди, что были в ратуше, кланялись единственной законной носительнице герба Маленов, матери Георга Иеронима фон Грюнефельде, Десятого графа Малена.

Волков и его спутники не были исключением, они тоже встали и поклонились Брунхильде. И при этом генерал был рад

видеть, как всё это отродье, все эти Гейзенберги, все Гофты, все Займлеры кланяются ей, хоть и ненавидят всей душой. Её саму и её сына.

А за Брунхильдой шёл и Хуго Фейлинг с тремя молодыми людьми из своей семьи, все они были вооружены. И один из них, отлично знакомый генералу Курт Фейлинг, был одет в бригандину поверх кольчуги с рукавами, на нём также был горжет, а под мышкой молодой человек нёс шлем. При нём был большой меч и кинжал.

— О, нас уже восемь, — заметил полковник.

Брунхильда подошла и села рядом с «братом». А Хуго Фейлинг сообщил ему:

— Вопрос с мостом уже решён, сейчас начнут читать наше дело.

И вправду, вопрос с мостом был решён единогласно, и секретарь городского совета встал у своего отдельно стоящего столика, взял с него бумагу и чётко, выговаривая каждое слово, стал зачитывать прошение от графини фон Мален к сенаторам, в котором та просила их содействовать в возврате собственности. Причём упор делался на то, что Брунхильда хочет вступить во владение собственностью мирно, без свар и бесчинств. Это происходило в полной тишине. Хоть в ратуше находилось немало народа, но вопрос, видно, был так важен, что никто не шептался и тем более не прерывал секретаря совета, и тот дочитал текст до конца.

И когда было зачитано всё прошение, слово взял сенатор Эрнхард и произнёс:

— Не думаю я, что сенату нужно влезать в семейные распри благородной фамилии. Пусть уж они сами промеж себя решат, кому быть хозяином дворца.

И это был самый удобный способ семейству Маленов защитить своё владение от графини. И то верно, зачем городу лезть в чужие дела? По сути, в дела родственников герцога. Но тут же слово взял сенатор Нагель, деловой партнёр Фейлинга, которому тот заранее объяснил, как действовать в подобном случае. И он сказал:

— Все тяжбы в городской черте лучше решать делом судейским или решением сенаторским. А лучше всё решать миром, если противоречие будет меж такими силами, как дом Гейзенбергов и дом Эшбахтов. Не дай нам Бог увидеть, как эти дома примутся прямо тут, в городе, решать свои распри железом.

И почти все сенаторы с этим были согласны.

— Да, да, уж лучше мы.

— Все распри внутри городских стен решать нам, а не железу.

— Нам свары в городе ни к чему. Решим всё по закону.

— На то мы и избраны.

И начались переговоры сенаторов, но говорили они, низко склоняясь друг к другу, спорили так тихо, что никто из сидящих за оградкой не мог расслышать сути сказанного. Но вот напряжение в ратуше нарастало, это было видно по Маленам. Молодые люди этой фамилии вскакивали с мест, подходили к ограде, что-то пытались говорить сенаторам, и по их поведению генерал понимал, что они недовольны происходящим. Он поглядывал на графиню; профиль её был безукоризнен, как и поведение женщины. Она была спокойна, холодна, неподвижна. Её глаза были прикованы к тому, что происходило за оградкой.

А людей в ратуше прибавилось, и уже нельзя было разобрать, что это были за люди — простые зеваки городские или кто привёл их сюда своей волею. Наверное, появление многих людей и взволновало бы барона, но, во-первых, вели они себя весьма смирно, а во-вторых…

В тот момент, когда ещё не всё было решено и сенаторы продолжали перешёптываться, в ратушу вошла целая колонна людей во главе с Дитмаром Кёршнером. А с ним был его старший сын и двенадцать молодых мужчин, при каждом из которых было изрядно оружия.

— Вот теперь нам, кажется, уже не нужно волноваться, — произнёс Карл Брюнхвальд. — А что это за люди с нашим другом?

Волкову, который хорошо уже знал и город, и горожан, одного взгляда было достаточно, чтобы ответить на вопрос товарища:

— По лентам видно, что это люди из гильдии дубильщиков, — он ещё раз оглядел пришедших и добавил: — Вооружены хорошо, наверное, сыновья мастеров и старшие подмастерья.

Как Кёршнеры и их люди уселись рядом с людьми Волкова, так и началось голосование сенаторов. Секретарь обходил их всех по очереди, останавливался, спрашивал каждого, и делал записи на листе бумаги, а когда обошёл всех, то уселся за свой стол, что-то написал на листе и встал. Встав, он поднял бумагу и начал читать:

— Совет города Малена, на котором присутствовали все сенаторы без исключения, в деле графини Брунхильды фон Мален против господина Гейзенберга большинством голосов постановил: дворец графа Малена, что находится в пределах города, должен принадлежать… — тут секретарь городского совета сделал драматическую паузу, — … должен принадлежать графу Малену, — и добавил для пущего эффекта: — Консилиум фактум эст!

Он ещё раз взглянул в бумагу и потом закончил:

— Сие постановление будет передано консулу для исполнения незамедлительно.

— Несправедливость! — заорал кто-то из Маленов что есть силы. И с правой, их, стороны один за другим понеслись возгласы, полные раздражения и даже ненависти:

— Всё куплено!

— Подлость и лицемерие, вот вам имя!

— Мерзавцы, все мерзавцы!

— Бесстыжие свиньи!

— Это кого они называют свиньями? — с угрозой в голосе интересовался фон Готт, пристально глядя на раздражённых людей с другой стороны прохода.

— Успокойтесь, фон Готт, — сразу пресёк всякие его догадки полковник Брюнхвальд, — всё в порядке, это они про сенаторов.

И тут графиня встала, и весь шум в огромном зале ратуши сразу поубавился, а она, подойдя к ограждению, за которым сидели сенаторы, сказала им — при этом так громко, что слышали это и многие другие:

— Господа сенаторы, спаси вас Господь, вы не убоялись гнева сильных и встали на сторону истины, на сторону бедной вдовы и малого дитя, чьи права ущемлялись сильными родственниками. Я верю в то, что на суде Божьем, на котором мы все когда-либо будем, ваша храбрость вам зачтётся.

«Молодец! Она и вправду заметно поумнела за последнее время; может быть, ведьма Агнес ей наварила зелья какого, от которого умнеют?».

Да… Это был хороший ход. Малены поносили сенаторов последними словами, а графиня подошла и поблагодарила их, а ещё так умно возвысила этих людей перед другими горожанами, что были в ратуше.

А Брунхильда уже шла к выходу — как и прежде, гордая и прекрасная.

«Спина прямая, подбородок вверх, юбки чуть приподняла, чтобы не мешали. И вправду она великолепна!».

А когда она, Фейлинг и его люди уже вышли из ратуши, у дверей вдруг случилась толчея и крики, кто-то, кажется, выхватил оружие, но кто-то другой выбил его у него из рук, и оно зазвенело по каменному полу; и тогда, забыв про хромоту, генерал кинулся в толпу, крича на весь зал ратуши:

— Не сметь! Остановитесь! Всем стоять!

И это были своевременные действия, так как у дверей с обнажённым мечом уже стоял фон Готт, а по руке его стекала кровь, и колет его был распорот на рукаве.

И тогда генерал заорал что есть силы:

— Гейзенберг, где вы?! — он стал озираться по сторонам, ища предводителя фамилии.

— Что вам угодно, Эшбахт? — очень недружелюбно отозвался тот, выходя вперёд из-за своих людей.

— Велите своим людям умерить пыл! — так же зло отвечал ему барон. — Имейте в виду, я сейчас очень нужен Его Высочеству… И если вы вдруг решите убить хоть кого-то из моих людей, я приду в город с тремя сотнями солдат и сотней мушкетёров и вырежу всех Маленов, что найду тут. Убью без всякой чести, словно разбойников. И, уверяю вас, герцог мне ничего за то не сделает! Слышите, Гейзенберг? Никаких дуэлей, никаких вызовов, за каждого из моих людей вы будете отвечать лично. Так что не подстрекайте свою молодёжь. Сохраните им жизнь!

Гейзенберг ничего не ответил, лишь смотрел на Волкова с ненавистью, но его ответ уже и не был нужен: та страсть, с которой говорил генерал, заставила всех Маленов поверить, что он не расположен шутить, а репутация человека, у которого слово не расходится с делом, давно играла барону на руку. И все его люди и люди, пришедшие с Кёршнером, беспрепятственно покинули ратушу под злыми взглядами недругов, которые так ни на что опасное и не решились.

Глава 43

Скорее всего, фон Готт сам был виноват в том, что его поранили, — было такое подозрение у барона. Ведь не просто так этот задира оказался у дверей именно тогда, когда там была молодёжь Маленов. Мог бы подождать, пока они выйдут, и тогда сам пойти к дверям. Но теперь говорить о том смысла не было. Может быть, это даже хорошо, что Малены напали на его человека прямо в ратуше. Нужно было обязательно о том распустить слухи по городу, дескать, у этого подлого семейства ничего нет святого, могут и в ратуше напасть, а могут даже и в храме. С них станется. Хорошо, что рана оказалась пустяковой, простой порез. Тем не менее прямо у ратуши распоротый колет и окровавленную руку фон Готта видели многие городские бездельники, торчащие у ратуши из любопытства. Также они видели, как графиня, не успев уехать, выскочила из своей кареты и стала собственным платком перевязывать руку оруженосцу барона. А тот, словно бравируя своей раной, поглядывал по сторонам с самодовольной улыбочкой, мол, вы видите, кто мне перевязывает руку? Графиня и красавица!

Волков замечал взгляды зевак и слышал, как те перебрасывались словами: «напали», «Малены», «Эшбахты». А тут как раз из ратуши стали выходить сенаторы на обед и всякий чиновный люд, и они тоже присоединились к обсуждению случая.

К генералу подошёл Хуго Фейлинг и сказал:

— Барон, приглашаю вас и людей ваших к себе, будут перепела и вырезка с розмарином, ваше любимое вино, заодно обсудим дело. Стол уже накрывают, перепела жарятся, вырезка томится. Нашу победу надобно отпраздновать.

— Я буду вскоре, — обещал Волков, — лишь заеду к епископу, а вы берегите графиню.

— Непременно, — обещал Фейлинг.

И они разъехались. Барон, как и обещал, поехал с фон Флюгеном, с фон Готтом и Карлом Брюнхвальдом к епископу. И застал того за унылым постным обедом из варёных бобов с соусом из ржаной муки и какой-то постной рыбы.

Отец Бартоломей пригасил всех пришедших господ к столу, но Волков, уже думая о вырезке и перепелах, конечно, отказался.

— Не буду вас отвлекать, святой отец, прошу вас лишь о деле простом.

— О чём же вы просите, дорогой барон?

Тут генерал позвал к себе фон Готта и, когда тот подошёл, показал епископу его руку, обмотанную платком, на котором

проступали кровавые пятна.

— Малены! — сразу догадался отец Бартоломей, едва взглянув на окровавленный платок. — Сегодня же вы решали с ними свою тяжбу в городском совете.

— Малены, — кивал генерал. — Вы хорошо осведомлены, святой отец.

— И что же произошло?

— Напали на моего оруженосца прямо в ратуше. В ратуше! — воскликнул Волков.

— Сенаторы приняли решение в вашу пользу? — снова догадался архиепископ.

— Да. Малены распустились, ни в чём не знают границ: грабят купцов на реке, нападают на неугодных средь бела дня. Неплохо было бы, чтобы вы публично осудили хотя бы это злодеяние. Иначе в следующий раз они станут нападать на людей и в храмах.

— Ваша просьба вполне резонна, сын мой, — согласился отец Бартоломей. Он покивал головой. — Такое поведение для людей богобоязненных недопустимо. Скажу об этом вопиющем случае на воскресной проповеди.

— О большем и просить не смею, — генерал приблизился к епископу, и тот подал ему для поцелуя руку.

— Сын мой, имейте в виду, — отец Бартоломей встал и обнял барона. — Имён в проповеди упоминать не стану, упомяну лишь случай.

— И того будет достаточно, святой отец, — согласился Волков. — Город и так будет знать, про кого ваши слова сказаны. Горожане уже об этой подлости говорят.

* * *

Всякий сеньор, беря человека себе в оруженосцы, должен понимать, что, помимо науки, тому нужны ещё и подарки. Кутилье, эсквайр, оруженосец — называть этих людей можно по-всякому, но всегда это близкий сеньору человек и в жизни, и в бою. Это человек воинской службы и член выезда сеньора, а раз он служит сеньору, то сеньор должен его благодарить. Конь? Да, сеньор обязан позаботиться о том, чтобы у юноши или господина из его выезда был достойный конь. Одежда? Обязательно. Не может быть у достойного сеньора выезд из оборванцев и грязнуль. Украшения? Дорогая сбруя для коня? Меха? Головные уборы из бархата и с красивыми перьями? Роскошное оружие? Ну, не обязательно, но весьма желательно. Ничто не говорит о сеньоре

так, как о нём говорит его выезд. Это хорошо, если представитель выезда сеньора, его оруженосец, является выходцем из богатого рода. Хоть и последним сыном в семье, но на которого у отца ещё хватает денег. Таким, например, был молодой фон Флюген. А вот фон Готту его старший брат в содержании отказал, и теперь он уже не мог купить себе новый колет взамен порезанного и залитого кровью. И, по сути, хоть и не без дурости своей, фон Готт пострадал за дело сеньора, а значит, Волков был просто обязан одарить своего оруженосца. Подарки или милость — важная связь между сеньором и членом его выезда.

И помня это, Волков поначалу хотел выдать тому пятьдесят монет, но, подумав, что того на колет и перчатки будет слишком много, решил уменьшить сумму до сорока, а вспомнив, что у него не достроен замок, он сказал фон Готту:

— Людвиг Вольфганг, вы сегодня пролили за меня кровь, и я хочу вас отблагодарить, выдав вам двадцать пять талеров; купите себе новую одежду.

— Благодарю вас, генерал, — обрадовался молодой человек, но тут же напомнил своему сеньору: — А вы мне обещали и с конём помочь, если кузнец и коновал не помогут, так вот они не помогли. Конь всё прихрамывает на рыси. Помните?

Конечно, Волков помнил. Но денег у него сейчас лишних не было.

— Продайте своего коня, я подберу вам что-нибудь из своей конюшни.

— Из вашей конюшни? — обрадовался фон Готт. — Это прекрасно.

— Не радуйтесь слишком рано, — осадил его генерал. — Ни одного из хороших моих коней я вам не доверю, вы с конями не умеете обращаться, замордуете только.

Всё равно фон Готт был рад, ведь любой конь из конюшни Волкова был намного лучше его нынешнего. Молодой человек, разглядывая пораненную руку, шепнул своему приятелю фон Флюгену, который ехал рядом:

— Это хорошо, что Малены меня сегодня порезали в ратуше.

А потом они праздновали свою победу в совете города за вином, перепелами и вырезкой. И возбуждённая от переживаний и вина Брунхильда говорила:

— Как я хочу побыстрее уже переселиться в графский дом! — она делает паузу и поправляется: — В свой дом.

С одной стороны, Волков был бы тому рад, но он прекрасно понимает, что это потребует больших вложений.

«В домишке том слуги нужны будут. Дюжина, не меньше. Только чтобы его в чистоте содержать, пять, а то и шесть женщин

надобны. А повар с поварёнком, а горничные, а мажордом, а конюх, а ключница… Дюжина людей — это минимум, что ей потребуется, а ещё она, конечно, захочет посуды новой, да обивки стен, да постельного белья. И будут надобны ей балы раз в месяц или обеды званые, а к ним платья новые, а к платьям — новые украшения…».

Он, зная свою сестрицу и её необыкновенное умение тратить деньги, боялся представить, с какой скоростью графиня начнёт погружаться в долги после вселения в этот дворец. И поэтому он радуется, когда Фейлинг отвечает ей:

— Всему своё время, дорогая графиня, свой шаг мы сегодня сделали.

— Да знаю я, знаю, — говорит красавица и добавляет: — Только так хочется уже дом поглядеть: каковы там паркеты, какова обивка стен, что за посуда?

— Всё это вы видели не раз, — замечает ей генерал.

— Так уже с тех пор столько времени прошло, — продолжает графиня и игриво смотрит на Волкова. — Может быть, вы, братец, возьмёте несколько своих людей да нагрянете в мой дом и выпроводите из него Гейзенберга. А потом мы походим по дому, посмотрим его, что там и как. Это так интересно, мне просто не терпится.

— Нет, — сухо отвечает барон. — Придётся вам потерпеть.

— Дорогая графиня, — тут же поддерживает Волкова Фейлинг, — всё должно следовать своим чередом. Решение совет принял, а то решение должен исполнить консул, а вовсе не ваш брат. Так положено по закону. Нам не нужно переступать законы, мы же не разбойники Малены.

— Ах, как вы скучны, господа, — отвечала ему графиня.

А Волков был тому и рад. Да, пусть Малена из дворца графа вышвырнет городской консул. Это будет очень хорошо. Это будет показательно.

* * *

Долго сидеть за столом не стали, так как хотели до темноты добраться до Эшбахта. Волков и Брюнхвальд распрощались с графиней и радушным хозяином и вышли из дома. А у кареты их встречали фон Флюген и фон Готт. Фон Готт был ещё на старом коне, но уже в новой одежде. В одежде явно недешёвой, яркой и на удивление несуразной, в которой одна крикливая вещь никак не подходила к другой. Но, исходя из возраста оруженосца, генерал другого и не ждал, и посему, взглянув на фон Готта, он

лишь произнёс, отводя глаз как от нестерпимого:

— О пресвятая Богородица!

— А что? — возмутился фон Готт, разочарованный такой реакцией своего сеньора. — Я оделся, как одеваетесь вы!

На что генерал отвечал ему, собираясь сесть в карету:

— Да охранит меня от подобного Господь!

— А что? — недоумевал молодой человек. Судя по всему, он рассчитывал на другую реакцию своего командира.

— Фон Готт, скажу вам так, — начал барон. — Сарацины, что нападают на портовые города королевства, выглядят менее пёстро чем вы, — он взглянул на фон Флюгена, что стоял возле кареты. — Фон Флюген, как вы считаете, хорош ли костюм вашего товарища?

— Фон Готт красавчик! — сразу отозвался фон Флюген. — Я теперь сам хочу себе такой колет с лиловым подбоем и такие же жёлтые чулки.

— Куда катится этот мир?! — пробурчал Волков и сел наконец в карету, а полковник, поставив ногу на ступеньку, чуть задержался и сказал молодым людям:

— Не обращайте внимания на старика, господа; готов биться об заклад, что двадцать лет назад он сам одевался так же ужасно, как и вы сегодня.

Лето уже почти вступило в свои права, дни стали жаркими, в небе звонко пели птицы, а дорога стала по-настоящему пыльной, хотя и твёрдой, удобной для тяжёлых подвод, которых на дороге было немало. Через два часа дороги потянулись первые глинистые холмы — признак предгорий и верный символ Эшбахта.

Волков ехал в полудрёме, Карл Брюнхвальд что-то напевал под нос, поглядывая на кусты шиповника, что росли вдоль дороги. И тут к окну кареты подъехал запылённый фон Флюген и, указывая плетью вперёд, доложил:

— Господин генерал, впереди пушки едут.

— Что? — не понял Волков, возвращаясь из полусна.

— Пушки впереди, — повторил оруженосец.

И тогда генерал высунулся в окно кареты, а полковник высунулся в другое окно. Им потребовалась всего пара секунд, чтобы оценить картину, и они вернулись на свои места.

— Наши, — уверенно произнёс Брюнхвальд.

— Да, Хаазе тащится, — невесело согласился барон.

Конечно, он знал, что этот день рано или поздно настанет и ротмистр Хаазе наконец притащит пушки в Эшбахт. А значит, ему придётся снова собираться в дорогу. Он всё ещё надеялся, что вдруг придёт письмо от барона фон Виттернауфа, а в том письме

будет радостная весть, дескать, маркграфиня нашлась, вам, генерал, более ехать никуда не нужно. Достраивайте замок и выселяйте всяких Гейзенбергов из дворцов ради своей сестрицы. В общем, занимайтесь своими делами. Но такого письма из Вильбурга так и не пришло. Зато приехали орудия. И теперь тянуть больше не было смысла, а посему, помолчав немного, генерал произнёс:

— Карл, вы мне показывали наряд сил для дела. Начинайте сбор желающих, поговорите с офицерами, узнайте, кто из них хочет со мной пойти.

— Так уже спросил, — усмехается полковник, — давно все готовы.

— Уже? — удивляется Волков.

— Да; и желающих много больше, чем вакансий, — подтверждает его заместитель. — Всем нужны деньги, и солдатам, и офицерам, тем более что многие хотят прогуляться по Винцлау.

— Думают, что это будет лёгкая прогулка?

— Конечно; а ещё думают, что будет добыча.

— Добыча? — недоумевает генерал. — Откуда? Вы рассказали людям, куда мы идём и зачем?

— Конечно, я сказал, что идём освобождать принцессу Винцлау. И все думают: раз так, то она нас всех возблагодарит.

— Болваны, — коротко резюмирует Волков.

— Солдаты — они как дети, — соглашается с ним полковник. — Они всегда верят, что рано или поздно их ждёт большая добыча. Да и офицеры, признаться от них недалеко в этом ушли, — старый полковник смеётся. — А не будь у них такой мечты, кто бы тогда шёл в военное ремесло?

— Мечтают, значит, дураки? — невесело спрашивает генерал.

— Мечтают, мечтают, — уверяет его Брюнхвальд. — Всякий ротмистр всегда мечтает стать генералом и, чем чёрт не шутит, — он смотрит на Волкова, — к званию ещё и получить титул — барона, например.

Барон фон Рабенбург на это ему ничего не отвечает. Он уже начинает думать о своём новом деле. А Карл Брюнхвальд и продолжает:

— Обоз, кстати, уже готов, возы и меринов я распродавать не стал, всё у меня, да и провиант, оставшийся от сидения в Фёренбурге, ещё не весь потрачен. Опять же фураж есть. Немного… Только кавалеристов нанять надобно, но пока они соберутся, можно уже выступать. Осталось только людей собрать, и уже послезавтра можем выступить. А кавалеристы нас потом в пути догонят.

И на это генерал ничего не ответил, а лишь вздохнул и стал смотреть на рыжие, покрытые кустарником холмы своего поместья.

Глава 44

Догнали пушки очень скоро, а их, пропустив пушки вперёд, дожидался на обочине усталый и грязный ротмистр Хаазе.

— Будьте здравы, господин генерал, — поздоровался ротмистр. — Господин полковник, господа.

— Хаазе, как добрались? — интересуется Волков.

— Всё хорошо, господин генерал, — отвечает Хаазе, — пушки я осмотрел, всё сделано хорошо было. Мастер сказал, что постарается, так и постарался.

— Не спешите хвалиться, — замечает полковник, — как доедут до Эшбахта, всё осмотрим и первым делом посмотрим ступицы и оси, нам путь предстоит длинный. А в тяжких пушках ступицы — это первое, что в дороге ломается.

— А что? Мы не до Эшбахта едем? Мне дальше пушки вести? — кажется, Хаазе немного удивился, а может, и расстроился.

— Нет, дорогой ротмистр, — смеётся удивлённому лицу полковник, — нас ждёт незабываемое путешествие в прекрасную землю Винцлау.

— В Винцлау? — молодой офицер удивляется ещё больше.

— Да-да, в Винцлау, — Брюнхвальд улыбается и идёт к карете; и, садясь в неё, добавляет: — Там так красиво, виноградники повсюду. А какие там крестьянки… О-о… Сильные, загорелые, горячие… И когда топчут виноград, так высоко подбирают юбки, что видно коленки.

Проезжая мимо и видя растерянное лицо Хаазе, даже невесёлый генерал усмехался.

— А что же он думал? — улыбался полковник. — Что жизнь офицера-артиллериста легка будет? Думал, что будет вечно в столицах прохлаждаться за казённый счёт?

Волков велел кучеру ехать быстрее, и ещё до вечера они были в Эшбахте. И сразу приступили к делу, стали собирать офицеров, которых намеревались взять с собой. Фон Готт и фон Флюген стали собирать его оружие и готовить коней, вытащили из сарая шатёр. Гюнтер и Томас стали срочно собирать его вещи и стирать те, что были не стираны, укладывать его походную постель и посуду.

Тут и жена генерала, спустившись из верхних покоев и узнав про сборы, разволновалась:

— Супруг дорогой, это вы, что же, опять куда-то собираетесь?

— Да уж, собираюсь, — отвечал ей Волков; он сидел над бумагой, которую только что написал Брюнхвальд. В той бумаге полковник снова расписал наряд сил для похода, правда, по

желанию товарища, уменьшив немного от прежнего списка количество людей и офицеров.

— И когда же вы выезжаете? — удивлялась баронесса.

— Как пушки придут, осмотрю их и поеду, — отвечает супруг, не отрываясь от подсчётов.

— Да что же это такое?! — воскликнула жена со слезами в голосе. — Опять на войну? И даже ни о чём не сказали заранее.

— Ну, ваш родственник мне заскучать никак не даёт. А то, что я всё последнее время к походу готовился, так вы могли и заметить. И теперь нечего голосить, позаботитесь о хорошем ужине, а то скоро офицеры придут, мне их угостить нужно.

И они с Брюнхвальдом снова занялись списками, стали считать обоз и надобных для него лошадей.

А уже в темноте, когда собравшиеся офицеры, поужинав и получив предписания и деньги на сбор солдат, расходились от него, в Эшбахт заехали первые его пушки. То были три лёгкие кулеврины. Но и тяжёлые, по словам Хаазе, тоже были рядом.

Волков усадил ротмистра доедать ужин, а сам с полковником, взяв огонь, пошли смотреть кулеврины. И, проведя осмотр, насколько в темноте он был возможен, пришли к выводу, что новые лафеты у орудий неплохи. И сами пушки поправлены тоже неплохо.

А тут подтянулись и большие орудия. И картауна, и лаутшланг. С ними прибыл старшина возниц из конюшен Его Высочества; того старшину звали Войснер.

Пока офицеры осматривали ступицы, пока глядели оси у лафетов, Войснер ходил рядом и приговаривал:

— Всё с пушками должно быть хорошо, везли их тихонько, — а когда осмотр был закончен, старшина и говорит: — Ну что, господин генерал, ваш человек, ротмистр Хаазе, говорил, что едем до Эшбахта, вот, в Эшбахт я доехал, значит, всё, теперь могу лошадок своих с людьми забрать и ехать обратно.

А генерал, облокотившись на ствол лаутшланга, и отвечает ему:

— Нет, сейчас отдохнёте, лошадей покормите, а утром, по заре, кулеврины оставишь тут, дальше пойдут только большие орудия, потянешь их на восток, в Амбары, а там, на пристани, тебя будет ждать майор Дорфус, он и баржу уже к тому времени должен будет сыскать. Вместе с ним погрузишь пушки на баржу, переправишься на тот берег и потянешь; там, у реки, тебя догонит ротмистр Хаазе, и потянете с ним пушки в Эвельрат. Вот там я тебя и отпущу.

— Да что ж это такое, — возмущался старшина возниц, — условие было ехать до Эшбахта.

— Ну-ну, — успокаивал его Волков, — получишь пару монет, да ещё для твоих мужиков дам талер на пиво и свинину с луком.

— Дело тут не в деньгах! — продолжал ныть Войснер. — Мы не так договаривались с Хаазе.

— Знаешь что! — повысил голос барон. — Я с Его Высочеством тоже не так договаривался, я по договору должен служить принцу сорок дней в году, а служу уже полгода, так что давай распрягай лошадей, корми, пои их, а подчинённых веди в людскою мою, там их тоже покормят задарма. А завтра до рассвета чтобы уже упряжки собраны были, и едва свет чтобы ты тянул две мои пушки к пристаням. И больше о договорах своих не говори мне.

Вопрос с пушками был решён, Дорфус и Хаазе должны были добраться до Эвельрата и там купить недостающих лошадей. Учитывая, что дорога предстояла им горная, Брюнхвальд предположил, что надобно будет на каждое орудие иметь по три упряжки по шесть меринов в каждой. По две сменных упряжки, а не по одной, как в обычной дороге. И как генералу ни хотелось сэкономить, но предложение полковника было весьма разумным, и он согласился. Решив все эти вопросы и не став дожидаться сбора своих вещей, Волков стал прощаться со своими родными. Сыновья, разбуженные матерью, так толком и не проснулись, а сама баронесса рыдала так, как будто прощалась с мужем навсегда. В общем, он поспешил отъехать из дому, как только смог.

Они с Брюнхвальдом сели в карету и поехали в темноту помаленьку, Брюнхвальд ехал к себе, а Волков мог бы и не ехать так скоро, а спокойно переночевать эту ночь дома. Но он последнюю ночь хотел провести не с женой.

Бригитт уже спала, в доме не было ни одного светлого окна, но стоило его карете появиться у её дома, а потом въехать в её двор, как она встретило его в домашнем платье и даже волосы успела прибрать под чепец красиво. И пахло от неё розами, что ли, или чём-то похожим, а вовсе не кухней, как от жены.

— Что же вы не предупредили меня, мой господин? — ставя на стол в спальне подсвечник, сказала она и стала помогать ему раздеться.

— Я и сам не знал, что ночую в Эшбахте последний день. Герцог гонит меня новое дело для него делать, — отвечал барон.

— Может быть, ужин какой собрать? — спрашивала госпожа Ланге.

Нет, есть сейчас он не хотел, возможно, выпил бы вина… Но и без этого барон мог обойтись. Тут, в её спальне, ему очень нравилось: потолки высокие, не душно, мебель красивая, запах не

затхлый, большие окна, через которые видно звёзды и луну. Он уселся на её постель и, притягивая её к себе, произнёс:

— Вы мой ужин.

Утром он едва встал, не завтракая поехал к пристаням и вовсе не был удивлён, когда нашёл там несколько офицеров, среди которых были капитан Нейман и капитан Вилли, тут же был ротмистр Хаазе и новый любимец Карла Брюнхвальда Рудеман. Офицеры ждали свои части, которые в течение дня должны были прибыть в Амбары для переправки на другой берег.

Также тут был и майор Дорфус. Пообщавшись с офицерами, генерал дождался появления у пирсов полковника Брюнхвальда и своей кареты. Его карету сразу начали грузить на баржу, чтобы, когда подойдут пушки и обозы, она не мешалась, а была уже на другом берегу.

А когда начали карету ставить на баржу, лопнула задняя ось. Это почему-то очень разозлило Волкова. Опять новые траты, чего ж тут не злиться? Но его мудрый кучер сказал ему:

— Так то хорошо, что здесь сломалось, а не где-нибудь в горах. Здесь за сегодня починим, авось мастеров на том берегу хватает. А заодно я попрошу мастера и всё остальное поглядеть.

И кучер был, конечно, прав. Он чуть успокоился: да, потратиться придётся, но случись такое в какой-нибудь глуши, и, может статься, карету и вовсе пришлось бы бросить. А потом новую покупать.

Прапорщик Кропп привёл первый отряд мушкетёров. То были молодые солдаты, шестнадцать человек, а потом показались пушки, которые тянул к пристаням старшина возниц Его Высочества Войснер. В общем, дело началось. А так как генерал не позавтракал, он решил съездить в дом своей дорогой госпожи Ланге. Он любил у неё завтракать.

Волков любил лошадей, хорошо их знал, даже неказистые мужицкие лошадки ему нравились, он мог даже такую тихую и работящую лошадку, что вовсе и не его, порадовать коркой хлеба при случае. А уж хороших коней, коней, что подходят под седло, барон и любил, и запоминал. И, конечно же, едва он заехал во двор дома госпожи Ланге и едва увидал коня, так сразу его и признал. То был неплохой конь, нет, не из лучших, конечно, но очень добротный конь, на которого не жалко и сорок монет. И генерал знал, кому принадлежит это животное, что было привязано к коновязи.

Он сразу пошёл в гостиную и, не ошибся, там за столом с госпожой Ланге сидел прапорщик Брюнхвальд. Молодой красавец и храбрец. А она, как проводила барона из дому, так и осталась в домашнем простом платье и волосы не собрала в причёску, лишь

укрыла их чепцом. Так, по-домашнему, и принимала первого знаменосца барона. Вот этот её домашний вид… ну, как минимум удивил Волкова.

«Отчего же она в простом платье? Чай он не родственник ей; сосед, конечно, но сосед неженатый, молодой, могла бы и одеться как положено, даже если он неожиданно зашёл».

Но случайным или мимолётным этот визит назвать было нельзя, так как перед Бригитт и Максимилианом стояли чашки…

«Кофе пьют?».

Это опять удивило Волкова… И немного задело… Конечно, было глупо думать о том, что Бригитт пьёт кофе с кем-то ещё, кроме него… Тем более что он, кажется, никогда не видал младшего Брюнхвальда пьющим кофе, а теперь вон стоит перед ним чашка наполовину пустая… Значит, пьёт. Видно, нравится ему кофе если с госпожой Ланге.

Максимилиан сразу вскочил, увидав его, и на лице его отразилась что-то похожее на неловкость. А вот госпожа Ланге, повернув свою головку и увидав барона, не изумилась и не смутилась, а скорее обрадовалась.

— Ах, это вы, барон, — она встала и протянула к нему руки, — а я спросила у прапорщика, и он сказал мне, что сегодня, может быть, все ваши люди на тот берег не переправятся, и, значит, вы ещё у меня должны появиться. Хоть обедать придёте.

— Ну, вы же знаете, что я даже не позавтракал, — ответил ей Волков и взял её за руки, но и не так чтобы слишком ласково. Скорее то было сдержанное приветствие.

— Вот и прекрасно, — обрадовалась Бригитт, — сейчас прикажу подавать, у меня должно быть всё уже готово, — она повернулась к Брюнхвальду. — Вы же позавтракаете с нами, Максимилиан?

— О, нет-нет, — тот стал собираться, — мне уже пора. Мне уже надобно быть при офицерах, а то полковник будет искать.

И ни Волков, ни Бригитт не стали упрашивать его остаться, а генерал так ещё и смотрел на него взглядом не очень-то добрым.

Когда прапорщик ушёл и когда стали подавать им завтрак, то госпожа Ланге стала рассказывать:

— А Максимилиан попрощаться по-соседски зашёл, он всё ещё никак дом не купит и иной раз у отца ночует. Сказал, что сегодня вы уходите, вот он и заскочил на минутку.

Он завтракал, нарезая жареный окорок, а она размешивала ему сливки в кофе, бросала в чашку кусочки сахара и говорила всё это так спокойно и так непринуждённо, что эта непринуждённость вдруг показалась ему не совсем естественной, уж слишком была госпожа Ланге спокойна.

Слишком уж наглядным было её спокойствие.

Глава 45

После завтрака в непростой обстановке прощался он с нею весьма прохладно, и она это заметила и стала спрашивать, отчего всё так, но барон не хотел говорить о том, о чём и так ей всё было ясно. Волков уезжал от неё и думал… Нет, не о том, что между Бригитт и Максимилианом что-то есть, какая-нибудь интрижка или роман, он о том не знал и, если честно, узнать не хотел бы. Больше всего этот храбрый человек боялся, что обо всём этом узнает… баронесса!

«Господи, что это будет!».

Как откровенно Элеонора Августа будет радоваться, прознав про это; генерал даже лицо её, сияющее убеждённостью праведника, представлял и буквально слышал, как она повторяет и повторяет о том, что Бригитт беспутна. И что она обо всём этом сотни раз его предупреждала, и что она знала, что эту развратную, распущенную и женщину обязательно потянет в блуд и на молодых мужчин.

«Господь всемилостивейший, только не это!».

Слава Богу, как только он приехал к пристаням, то ему пришлось немного отвлечься от этих мыслей. Там уже грузилась со своими телегами на баржу рота капитан Неймана. И подходили телеги с порохом и ядрами. И нужно было затолкать весь обоз на эту баржу, чтобы не платить за лишнюю переправу. И, разумеется, хозяин баржи возражал, уверяя офицеров, что баржу перегружать нельзя, а то она и потонуть может.

И когда вроде уже всё было решено, генерал увидал на пристани Фрица Ламме; тот был верхом, подлец, на неплохом коне, откуда взял его только, а с ним был один из его помощников, звали которого Хенсель, а прозывали Пирожок.

Они подъехали к офицерам, поздоровались. Конечно, коннетабль должен был повидать сеньора перед его отъездом, рассказать, что происходит в его владениях, спросить о пожеланиях господина. Но уж больно вид у Сыча был хамоватый, вызывающий, словно он доволен был чем-то. И это притом, что барон всё ещё был недоволен им за последнюю его поездку в Ланн и трату там денег. Он уже хотел осадить наглеца, а тот вдруг сам начал:

— Хочу сказать вам, экселенц, что в Ланн, что бы вы там себе ни думали, съездил я не зря.

— Что? — Волков уже намеревался обругать дурака за эту наглость и напомнить ему, сколько он там денег оставил, но тот вдруг лезет под расстёгнутый камзол и достаёт оттуда бумагу.

— Вот, экселенц, человечек мой письмишко мне прислал из Ланна, где всё и написал, — он протягивает письмо господину. — Вот тут он всё и написал нам.

Волков не сразу забирает у коннетабля бумагу, сначала смотрит на того нехорошим взглядом. Потом берёт и разворачивает. Ему сразу нравится почерк писавшего, написано всё ровно, без грязи и клякс, но тут же он замечает, что написавший это письмо делает много ошибок в словах.

«Поболее, чем графиня наша».

И он начинает читать:

'Синьор Фридрих, дело, что вы мне поручили, было непростым и меж тем интересным. Синьорина, что интересовала вас, оказалась девицей презабавнейшей. Она на редкость образованна, так образованна, что других женщин таких же уж и не сыскать будет. Письма ей идут со всех земель, и то не от родственников, письма те от торговцев книгами. Видно, дева та любит читать необыкновенно.

А ещё слуги её удивительны, один тот кучер, что с чёрной щетиной и порванным ртом, чего стоит, у него глаз убийцы, да и второй её кучер, тот, что длинный необыкновенно, так с собой под одеждой два ножа носит. А горничная, та, что крупна, так она с рынка такие мешки и корзины носит легко, что не под силу и крупному мужчине будет. А ещё удивителен мальчик колченогий, зачем такого при доме держать? Из жалости? Так нет, она его, колченогого, как посыльного держит. Все рабы её странны, к чему таких неблаговидных та госпожа берёт, непонятно. Может, из сердоболия.

При том сия госпожа вхожа в первые дома города, где ей рады, куда её зовут. Знает она и князей церкви, и каждую неделю она ездит молиться в монастырь Святой Богоугодной Елены, там, по слухам, молится всю ночь, и у настоятельницы того монастыря матери Агриппины она на духовном попечении…'.

Волков прерывает чтение и смотрит на Сыча:

— Ну а сам ты всё это вызнать не мог? — ему всё никак не даёт покоя мысль, что Фриц Ламме оставил человеку, написавшему всё это, столько денег.

— Вы, экселенц, до конца дочитайте, — отвечает ему коннетабль, и опять на его физиономии улыбочка человека, много знающего.

И барон, сдержавшись, чтобы ничего ему не сказать злого, снова принимается за чтение.

«…А ещё она считается завидной невестой, и многие о союзе с нею думают, хотя никто не знает, какое приданое даст за нею её известный родственник, хотя все знают о его богатстве» —

«Приданое? Пусть даже не надеются» — «И скажу вам главное, сеньор Ламме: девица сия по-мужски тверда и в силах своих уверена, и вовсе не такова она, как о ней все иные думают. Всё, что я узнал о ней, то всё с чужих уст, так как к ней подойти нет никакой возможности. Пытался, так она на меня сразу посмотрела и приметила. Второй раз мне уж лучше на её глаза не попадаться».

И подписано письмо было двумя изощрёнными литерами «Л. Г.».

— Как его имя? — не смог сразу вспомнить барон.

— Луиджи Грандезе, — напомнил Сыч. И тут же поинтересовался: — Ну что, экселенц, хорошего человека я нашёл вам?

Может быть, человек тот был и неплох, но всё это Волков про Агнес и сам знал, а вот откуда девица берёт деньги… Тут этот Грандезе ничего не написал, а значит, барону приходилось верить самой Агнес на слово.

«Поверить ведьме… Лучше и не придумать!».

— Знаешь что? — говорит он, пряча письмо себе под колет.

— Что, экселенц? — сразу отвечает Сыч.

— Деньги он нам все не отработал, так что пусть ещё кое-что узнает.

— Экселенц, — сомневается коннетабль, — он же там пишет, что дело это непростое — к ней подобраться. Это меня она живым отпустила… А как с ним получится, одному Богу известно…

— Что? — Волков усмехается. — Боишься?

— Да не за себя же, за него боюсь, — поясняет Сыч.

— Ладно… — соглашается Волков. И, подумав, продолжает: — Вот о ком пусть выяснит всё, что может.

— О ком, экселенц?

— Пусть вызнает всё о Леонарде Штайне, отец его состоит в гильдии мукомолов, кажется… — вспоминает барон.

— Ага, Леонард, значит, Штайн, — запоминает Фриц Ламме, — а папаша его из мукомолов. И про него всё узнать надобно.

На том они и попрощались, и Сыч сказал своему господину:

— Думаю, если вы там в своих походах пробудете пару недель, то к вашему возвращению он уже всё про этого Штайна вызнает.

«К моему возращению… Да, хорошо бы обернуться за две недели, — но Волков был уверен, что это невозможно. — Хорошо бы вернуться вообще».

* * *

Уже к обеду весь артиллерийский обоз, оба орудия и почти половина лошадей к нему были на земле Фринланда, и тогда Волков и сам решил туда перебраться. А там его встретил судья Лейденица Гопенфрид и заместитель земельного фогта Куттеринг. Обоих барон знал, так как одно время один из них решал тяжбы его с другими купцами, а второй выдавал ему беглых крестьян. То были люди полезные, и посему генерал был с ними обходителен и проявлял расположение. И когда господа предложили ему пообедать вместе, он согласился, хотя, ей Богу, во всём Лейденице он не знал ни одной приличной харчевни. И уж тем более не думал, что в этом месте может найтись вино, которое нельзя будет назвать отвратным. Но дело есть дело, он шёл обедать не для того, чтобы наслаждаться, а для того, чтобы пообщаться с нужными соседями.

А те, приглашая его на обед, а значит, и обещая его оплатить, хотели получить и свои выгоды, а выгодой для них были знания. Первое, что интересовало фринландцев — чем закончилась эпопея с разбойником.

— А разве вы не получили уведомления от городского совета Малена? Они при мне грозились разослать всем соседям заявления, — притворно удивился генерал.

— Фогт получил уведомление от вашего консула, — отвечал ему господин Куттеринг. — Ваш консул клянётся, что раубриттер побит и убежал куда-то. Так ли это на самом деле?

— Да, господа, это так, — подтвердил генерал.

— Уж не вы ли били разбойника? — продолжает заместитель ландфогта.

— Я давал солдат и наставления, горожане всё сделали сами.

— Значит, вор не пойман? — не верил, что всё закончилось, прагматичный судья. — Вы сейчас уедете, а он возьми да и вернись.

— Да, может, но лодки у него отобрали, часть людей схватили… — и тут генерал сделал неопределённый жест. — Но, как говорится… Всё в руках Господа нашего.

— Конечно, конечно, — кивали чиновники, и тут же господин судья интересуется. — А сейчас вы куда направляетесь?

Конечно, конечно, это обязательно должно их интересовать, на то они и чины земли Фринланд, чтобы всё видеть и всё знать, что происходит вокруг их земель. Но вот только барону их любопытство не с руки. О деле герцога, по которому он старается, никто знать ничего не должен. И поэтому он говорит им:

— А разве вы не слышали, господа? Грядёт большая война.

— Я так и подумал, что вы идёте в земли южные в помощь императору, — догадался Куттеринг.

— Да, в те края иду, — не стал уточнять генерал.

— Видно, вас сам курфюрст направил к императору на подмогу, — догадывался судья. — Говорят, они вроде как в раздоре из-за наследства Винцлау, но когда речь идёт о делах с королём, тут, видно, все раздоры побоку.

Волков же поднял палец кверху: тише, господа, тише, обо всём этом говорить никак вслух нельзя.

И господа те понимающе кивали: конечно, конечно.

А насчёт вина и еды в той харчевне Волков всё знал наперёд, потому и не удивился. Много не ел, вина дурного и вовсе пригубил всего пару глотков. Скорее из вежливости.

* * *

Карету до вечера ему не починили, верхом же ехать у него никакого желания не было, несмотря на то, что погоды тут вдруг стали совсем летние. И всё вокруг стало цвести, как не цвело в его Эшбахте из-за худой земли.

Генерал нашёл себе хорошее жильё и там остановился, торопиться ему было некуда, всё равно пушки должны были следовать до Эвельрата, где для них Дорфус и Хаазе покупали лошадей. А до вечера завтрашнего дня орудия туда доехать никак не могли, так что он мог спокойно ждать завтрашнего утра, в которое местный мастер обещал наконец починить его карету. К тому же у него были ещё две причины не торопиться.

Во-первых, генерал ждал возвращения Мильке и Хенрика из разведки. Привези они хорошие подорожные наброски или карты, его отряд мог бы значительно выиграть в скорости. А привези они ещё и набросок замка Тельвис, он, в случае, если вдруг замок совсем не силён, мог ещё и распустить часть отряда, изрядно сэкономив при этом. Но даже не в Мильке и Хенрике была его главная надежда, потому что, во-вторых, он мечтал о том, что появится кстати гонец от Его Высочества, или пусть даже от министра, и привезёт письмо, а в том письме ему указано никуда более не идти, так как, слава Богу, Клара Кристина Оливия графиня фон Эден, маркграфиня Винцлау, счастливо обнаружилась в своих пределах, живая и здоровая.

Ах, как бы это было прекрасно; он бы тогда и домой поехал, и деньги герцогу не вернул: как же их можно вернуть, если всё солдатам роздано, и обозы куплены и провиант, и за переправу всё уже заплачено.

«Ах, как бы это было приятно!».

Вот только он знал, что так прекрасно у него никогда не

будет. Он дождался, пока из баржи не выгрузился инженер Шуберт с тремя десятками своих сапёров, пока они не стащили с баржи телеги с инструментом и припасами.

А тут рядом с ним оказался и полковник Брюнхвальд.

— Ну что ж, как я и посчитал, переправимся одним днём.

— Да, всё идёт как должно, — согласился Волков. — Если не считать сломанной кареты, переправа прошла без потерь.

— Вообще-то потеря есть, — вдруг говорит Карл.

— Есть? — удивляется генерал.

— Да, Максимилиан отпросился из отряда. Я его отпустил.

— Что? — тут Волков удивился ещё больше и пристально уставился на своего товарища: а ну-ка рассказывай!

— Сказал, что приболел… — отвечал полковник. — Хотя по виду, — он пожал плечами, — я никакой болезни в нём и не заметил. Но хорошо, что это случилось в самом начале дела. Вот бы он заболел где-нибудь в пути, то было бы намного хуже.

И Волкову снова стало неприятно. И самое отвратительное было в том, что и его старый приятель, может быть, единственный его товарищ, тоже ему сейчас был не мил.

«С чего бы это Максимилиан не пошёл в поход? Деньги ему нужны, он же копит, дом собирался ставить. А впрочем, это хорошо».

Он почему-то с этого утра не хотел видеть молодого Брюнхвальда подле себя. Тем более под своим знаменем.

— Найдите нового знаменосца, полковник, — произнёс генерал.

— Да-да, — отвечал Карл Брюнхвальд, — я уже думаю об этом.

Глава 46

Вроде и клопов не было, и ужин был у него лёгкий, но то ли от наступающей летней духоты, то ли от непонятно чем вонявших перин заснуть он не мог. Вроде тихо было вокруг, но то и дело он вспоминал о Бригитт и о молодом Брюнхвальде, так у него сразу начинала закипать кровь. Он даже подумал о том, чтобы встать и переправиться на тот берег, наведаться к госпоже Ланге, но тут же решил, что это уже слишком. Ему в ночи и лодки будет не сыскать, придётся будить кого-то из местных. В общем, ворочался барон почти до утра.

А когда Гюнтер принёс ему воды, он вдруг сказал тому:

— Сейчас съездишь на тот берег, найдёшь там коннетабля, передашь ему письмо одно.

— Я? — удивился слуга. И удивился не напрасно. Никогда господин не просил его о таком, для подобных дел были у генерала его славные и смышлёные оруженосцы.

— Ты, — буркнул генерал, — неси чернила и бумагу.

И пока Гюнтер ходил за надобным, стал умываться. А потом, надев чистое, сел писать письмо Сычу. Странное дело, но не очень приятный Фриц Ламме, грубый и опасный коннетабль Эшбахта, был единственным человеком, которому он мог доверить свои личные тайны. Вот он ему и писал без лишних предисловий и объяснений:

«Пока меня не будет, пригляди за госпожой Ланге, поглядывай, кто у неё бывает, только тихонько. Как приеду, расскажешь».

Этих коротких слов было достаточно, чтобы Сыч всё понял. Сыч был умным человеком.

* * *

Хотя карету ему починили ещё утром, но только пообедав он выехал из Лейденица и поехал в Эвельрат. И это был длинный путь. Можно было по дурной дороге поехать сразу на юго-восток в сторону Ольдента, к перевалу, за которым начиналась земля Винцлау. Именно по плохой дороге повёл пехоту и мушкетёров полковник Брюнхвальд. А обоз двинулся на Эвельрат, где Дорфус и Хаазе с уже купленными лошадьми ждали прибытие пушек. Там же собирал свою кавалерийскую часть ротмистр Карл Гренер. Вернее, добирал; основная часть, а это больше двадцати человек, и три кавалерийских сержанта были им наняты в самом Эшбахте.

А в Эвельрате, месте, где всегда было много кавалеристов, ищущих работу, он быстро набрал нужный ему десяток.

В общем, обогнав пушки, которые ещё тащили лошади старшины Войснера, генерал к ночи прибыл в Эвельрат, где встретился со своими офицерами.

Он намеренно не торопился, намеренно никого не подгонял, хотя все, все его люди знали, что на маршах, да и вообще в походе, генерал терпеть не может промедления и медлительности. Но в этот раз Волков всё ещё надеялся, что вот-вот появятся Мильке с Хенриком. По его расчётам, они уже должны были возвращаться из Винцлау. Но в эту ночь они не появилась. Правда, Волков думал, что они ещё могут встретить Карла Брюнхвальда с его пехотой и стрелками на западной дороге. Уж не разминутся. Но его надежды на эту ночь так и остались надеждами.

А на заре старшина возниц Его Высочества, оставив пушки на попечении ротмистра Хаазе и майора Дорфуса, получил от барона обещанные деньги и двинулся в обратный путь. А пушки и обоз поехали на юг, к Ольденту, к ольдентскому перевалу. До перевала верхом или в карете было два-три дня пути, а уже после горных круч до Ольдента можно было спуститься всего за день. Но это в карете или верхом; обоз, да ещё с пушками, будет тащиться до Ольдента дней девять-десять. Генералу вовсе не было интересно торчать на горных дорогах полторы недели, и он, оставив обоз и пушки под руководство майора Дорфуса, поехал вперёд. Раз уж выпал ему поход в прекрасную землю Винцлау, так нужно было этим походом по возможности насладиться. С ним были его слуги, два его оруженосца, ну ещё и кавалерийский сержант Биккель с шестью кавалеристами. Рольфа Биккеля генерал знал давно, ещё с компании против мужичья. Биккель жил на его земле, как и все шесть кавалеристов. Так что в своей охране он мог быть уверен.

И так как ехали они достаточно быстро, уже к вечеру оказались в селении Кауфштайн. То местечко выросло из простого пастушьего посёлка благодаря большой дороге и жило за счёт неё.

Волков, выглядывая из окна кареты, рассматривал опрятные домики и аккуратные ограды вокруг пастбищ, большие камни у перекрёстков, а потом крикнул своему молодому оруженосцу:

— Фон Флюген, узнайте у местных, где у них тут лучший трактир!

И вскоре такой трактир они нашли, но подобающие его претензиям покои там уже были заняты, пришлось искать другое место для ночлега.

И там барону тоже понравилось, хозяйка была опрятной и держала постоялый двор в чистоте, а хозяин делал по-настоящему отличный овечий сыр. И вино тут было очень неплохое.

— Это ваше? — интересовался у опрятной хозяйки Волков. — Я видел, тут у вас виноград повсюду.

— Нет, добрый господин, — отвечала женщина с сожалением, — мы тоже растим виноград, но у нас тут склоны северные, солнца здесь меньше, чем на той стороне перевала, а хорошее вино можно сделать только из того винограда, что растёт за перевалом. Мы вам наше вино не подаём, вы пьёте вино привозное.

Пусть так, но Волкову всё равно тут нравилось больше, чем в Эвельрате. И вода была свежей и чистой. Сразу видно, из горной реки. И комната оказалась отличной. Пусть мебель была совсем простой, зато полы были недавно мыты, и на них лежали тканые половики. Стены там были свежевыбеленные, окно было чистым, хоть и маленьким, а перины ничем не воняли, а пахли каким-то травами. Может, теми, что растут в горных лугах.

Но и тут он долго заснуть не мог, со сном у него становилось всё хуже и хуже. Может, выпить сонные капли, что сделал для него Ипполит? Вообще-то от этих капель на следующий день у него была неясная голова, и потом ещё до полудня от них клонило в сон, посему, коли дни предстояли непростые, барон эти капли не пил. Но завтра ничего, кроме изнурительной дороги по горам вверх, его не ждало. Чего же мучиться, отчего не выпить капель и не заснуть? Тем более что Гюнтер за стеной ещё что-то делает, стирает, кажется. И Волков говорит негромко:

— Гюнтер.

Слуга всё слышит, дверь в покои распахивается.

— Вы звали, господин.

— Звал, — произнёс Волков, но про сонные капли не спросил, а заговорил он про то, что его волновало и отчего он в самом деле не мог заснуть, сколько ни пытался. — Когда ты передал коннетаблю письмо, он его сразу прочитал?

— Точно так, господин.

— Он что-нибудь сказал после этого?

— Он ничего не сказал… Вернее, сказал мне, чтобы я возвращался.

— И больше ничего? — не отставал от слуги барон.

— Больше ничего, господин.

— Ладно, ступай, — произнёс генерал. И, перевернувшись на бок, снова попытался заснуть.

Но всё думал и думал о рыжей женщине, что живёт в красивом доме над рекой.

* * *

Утро было просто сказочным. Таким свежими утра бывают лишь в первой половине весны. Но тут, на северных склонах горного хребта, свежесть и прохлада сохранялись намного дольше, чем в долинах и низинах.

А когда он завтракал кровяной колбасой, хлебом, мёдом и молоком, к нему в комнату влетел без разрешения фон Флюген и крикнул радостно:

— Господин генерал! Хенрик приехал!

— Где он? Давайте его сюда, — сразу оживился барон. — Он один? С ним должен быть ещё и капитан!

— Не один, господин генерал, не один, они внизу, — сообщил ему оруженосец и убежал.

Не прошло и трёх минут, как капитан Мильке и Хенрик сидели за его столом, с которого слуги едва успели убрать еду.

— Мы уже хотели ехать на юг, и тут вдруг я увидал кавалериста, он был у колодца на центральной площади, а мы как раз там проезжали, — рассказывал Хенрик, — а я помню, что видел его лицо. Думаю, он точно из наших мест. Я лица запоминаю хорошо. Думаю, какой-то военный, да лицо знакомо, точно наши тут. Ну, я его и окликнул, а он тоже меня признал.

— Вы молодец, Рудольф, — похвалил его генерал.

Конечно, никуда бы Мильке с Хенриком не делись, так или иначе встретили бы на дороге отряд Брюнхвальда или обоз Дорфуса, но с ним сегодня могли бы и разминуться. А Мильке тем временем стал выкладывать из большой плоской сумки листы бумаги, изрисованные специальными топографическими знаками. И говорил при том:

— Мы доехали до самого замка Тельвис и его осмотрели.

— Мельком, — добавляет Хенрик. — Там рядом с ним и прятаться негде, так что мы были возле него недолго. Голые горы вокруг.

— Да, только горы и дорога… Но я успел его зарисовать, с двух сторон, — продолжал Мильке, подавая Волкову лист бумаги с простеньким эскизом.

Тот берёт лист, рассматривает его.

— Это дорога к главным воротам, как я понимаю… А это что?

— Эта дорога… — Мильке заглядывает в листок. — Да… Эта к восточным. А это ещё одна дорога, она ведёт с юга к нижним воротам, но там точно пушек не поставить. Узкое место меж холмов. А вот восточная… — он водит пальцем по листу бумаги. — Здесь, если чуть поднять землю, можно поставить орудия. Ворота там дрянь, да и стены стары, этот замок древний; внутри

что-то перестраивалось, но стены трухлявые. Горцы лет сто как к нему не приходили, а больше в тех местах и бояться некого. Если они и поднимут мост, то разбить стену хоть справа от ворот, хоть слева можно будет легко… За пару дней.

— Да стены там такие, что и с лестницами можно попробовать, — добавил Хенрик. — Я с сотней людей и десятком лестниц попробовал бы.

— Сами попробовали бы людей повести? — уточнил Волков, взглянув на своего оруженосца с интересом.

— А что… — отвечал Хенрик, особо и не раздумывая. — И попробовал бы. Надо же начинать когда-то.

«Начинать когда-то… Вот, кажется, так вот… Наш Рудольф Хенрик, кажется, вырос из оруженосцев. Думает, что если поведёт людей на штурм замка, то звание ротмистра у него в кармане».

Волков глядит на Мильке.

— А что, капитан, можно там влезть на стену? Ну, чтобы, не дожидаясь пушек?

— Да, можно, — отвечает Мильке, чем радует Хенрика. — Стены там не очень высоки, саженей пять-шесть в самом высоком месте, а все рвы давно заросли, к стенам можно легко подойти. Десять лестниц… — капитан на пару секунд задумывается. — И если офицер будет дерзок, сержанты опытны, а солдаты не трусливы, ста человек на штурм может и хватить.

Волков послушал Мильке, потом посмотрел на Хенрика, покивал задумчиво головой:

— Так, ну, с замком понятно. А что у нас с дорогами?

— Вот, — Мильке стал выкладывать новые листы. — После перевала дорога будет хорошей до самого Ольдента и пойдёт вниз. Мимо прекрасного Эдденбурга — его будет видно с гор — вниз в Эдденскую долину. Вот тут, у Кобенхауза, знаменитый мост святого Антония через реку Пертизау, и всё, до самого Чёрного моста, что возле Швацца, мостов более не будет, но нам на Швацц идти не нужно, мы к мосту святого Антония не идём, а вот тут, у Кобенхауза, сворачиваем на юго-запад, но не на Туллинген, а берём чуть южнее, тут есть тихое ущелье, оно зовётся Пастушьей дорогой, и по ней мы идём… На… — он снова водит пальцем. — Вот сюда, на Цирль. Эта дорога не так хороша, как та, что тянется к Шваццу, но она всё время идёт под уклон… Вниз, всё время вниз, и так до самой западной дороги… И на этом Пастушьем пути мы даже с пушками выгадаем два дня. Тем более что там много меньше всяких встречных телег будет, ведь в горку никто ездить не любит. А оттуда… — он показал следующий лист. — Вот, дальше западная дорога ведёт через Цирль. А там… Там всё, как в сказке.

— Да, — поддакивает майору оруженосец, — а там вокруг Цирля такая красота, такие поля вокруг пшеничные, каждый лоскуток вспахан, и виноградники на каждом холме. И сады. И пасеки.

— Да, и пасеки повсюду, — поддерживает его Мильке, — И дорога там отличная, каменистая и утоптанная, и вот по ней-то, по этой Цирльской долине, мы быстро, дня за два, докатим пушки до самого ущелья Тельвис. А вот уже там снова начинается подъем в горы. Там только вверх. От Цирльской долины до замка придётся тащить пушки дня три, не меньше.

— Да, и в одном месте там подъём будет крут, — добавляет Хенрик, — думается мне, что лучше бы нам завести по две сменных упряжки лошадей на каждое орудие.

— Хорошая мысль, — говорит генерал, не отрывая глаз от листов с дорогами. — Капитан, а карт местных вы не купили?

— Там, где мы останавливались, и магазинов таких не бывает, а Швацц мы проехали даже не рядом, он далеко за рекой остался. А Туллинген… ну, так мы его только с дороги и видели. Я решил не тратить время, сначала думал, заеду на обратном пути, а когда ехал обратно, всё боялся не поспеть к вам навстречу и разминуться с вами, вот в Туллинген и не заехал.

— Туллинген, — припоминал Волков. — Я там не был, но служили со мной товарищи из этого города, хвалилась они, что он красив. И рассказывали, что богат.

— Не знаю насчёт красоты и богатства, но городишко на вид немаленький, — замечает Хенрик.

— Большой? — уточняет Волков. — Больше Ланна?

Тут оруженосец ответить не может, но за него говорит более опытный офицер:

— Издали кажется не меньше, чем Ланн.

Волков снова склоняется над листами бумаги, смотрит дороги, потом опять разглядывает эскиз замка и спрашивает:

— Думаете, проедем мы по Винцлау с пушками, и никто нас не спросит, куда мы едем?

— Мы видели один отряд из пехоты и арбалетчиков, было их человек триста, — замечает Мильке.

— А ещё тот отряд из двенадцати латных кавалеристов, — напоминает ему оруженосец.

— Ах да, — вспоминает капитан. — Точно. Ещё были кавалеристы.

Волков снова кивает. Да, хорошо, что он отправил Мильке вперёд.

— Я благодарен вам, господа. Вы сделали большое дело. Без вас я, наверное, пошёл бы на Швацц. И потерял бы несколько

дней.

И он ничуть не льстил им, теперь ему и вправду было намного проще вести людей и тащить артиллерию, когда под рукой имелось хоть какое-то подобие карты с топографическими заметками.

И генерал снова и снова разглядывал листы с записями и эскизами, что подготовил ему Мильке, а потом он спросил:

— Значит, Пастушья дорога малолюдна?

— По ней почти все едут на юг, встречных телег будет очень мало, — отвечал Мильке, — я говорил с опытными возницами; а обратно лучше будет возвращаться через Чёрный мост и по Эдденской долине до моста святого Антония.

В общем, Волкову всё было ясно, хотя он ещё надеялся, что до того как его люди спустятся с перевала в долину, маркграфиня всё-таки найдётся. И он тогда сказал Мильке и Хенрику:

— Господа, вы проделали большой путь, отдохните пару дней тут. Отдохните хорошо, дождёмся Брюнхвальда — он подойдёт сюда, возможно, уже завтра, — и Дорфуса, он будет здесь через пару дней. Может, через три.

— И двинемся на перевал? — предположил Мильке.

— Да, пойдём по предложенной вами дороге.

Глава 47

К полудню третьего дня все его люди вместе со всеми обозами уже стояли возле Кауфштайна. Он купил у одного из местных крестьян право выпаса своих лошадей на склоне горы. Хоть ещё и оставалось полдня до темноты, генерал не погнал пушки и обоз вперёд, дал лошадям, да и людям, время отдохнуть перед затяжным подъемом.

А пока солдаты и лошади отдыхали, собрал офицеров и с ними ещё раз прошёлся по всем эскизам, что сделал Мильке. Единственное, что утаил от своих офицеров генерал, так это то, что предстоит штурмовать какой-то там замок. Названия замка Тельвис вообще не упоминал и Мильке с Хенриком то делать запретил.

Он рассказывал своим подчинённым, что им нужно всего-навсего встретить маркграфиню Винцлау у какого-то горного монастыря и по прекрасным долинам проводить даму в её столицу. Хотя он и понимал, что офицеры его вовсе не дураки, да и солдаты тоже. Все осознают, что таскать с собой тяжёлые орудия по горам, и только лишь для встречи маркграфини… Сомнительно сие…

Но и правду он говорить им не хотел. Всякое бывает; даже среди его проверенных людей, набранных в Эшбахте, мог появиться дезертир, который потом начнёт болтать языком всякое по кабакам за кружку пива. А ещё он не хотел говорить о замке Тельвис потому, что министр фон Виттернауф называл его владельцев, хоть и с сомнением, но колдунами. А раз об этом знал министр Ребенрее, то уж местные о том знали наверняка. И как-нибудь, к примеру на постое, могли об этой тайне его людям и поведать. Рассказать о колдунах, что живут в Тельвис. Колдовство, магия, ведьмы…

Это… это последнее, что должны узнать его солдаты об их походе. Опытный в военном деле человек, генерал отлично знал: никогда и ни под каким видом младшим чинам про ведьм или колдунов, да и вообще про всякое нечистое, говорить нельзя. Потому что солдаты — люди необыкновенно суеверные. Какого солдата ни возьми, а он верит в какую-то свою особенную примету. Хоть во что-то… Хоть в не вовремя развязавшийся шнурок, или в не ко времени сбритые усы, или в неспетую песню перед схваткой, или ещё в какую-то чушь. А уж если ему сказать, что надобно лезть на стену замка, хозяева которого — колдуны, так и вовсе можно попрощаться с удачей. Даже самые смелые и проверенные воины будут сомневаться в успехе. Понятное дело —

сила-то против тебя нечистая. Как её вообще можно одолеть? Вот потому Волков даже офицерам не называл истиной цели их похода. Мильке, Хенрик, Брюнхвальд и Дорфус лишь знали, что им, судя по всему, придётся с боем брать замок. Но даже и они не знали про нечистую силу.

А к вечеру он на свои деньги закупил у местных пива и баранины для своих солдат. Пиво было… ну, средненькое, да и не очень крепкое, а вот баранина была отличная, солдаты, сапёры и возницы мясом были очень довольны. И Волков был доволен, так как местная баранина была по цене почти вполовину дешевле, чем в Малене. А уж про Вильбург и говорить нечего.

* * *

Ещё до зори весь лагерь уже поднялся, лошадей поили и кормили, кормили от души: никакого сена, никакой соломы, только овёс. Людей тоже кормили. Повара трудились с полуночи. И тронулись, ещё пока роса лежала на траве. И правильно. По холодку, пока лошади были в силах, прошли немало, а уже к полдню стало жарко. Даже тут, в горах. Телег и больших возов, что шли к перевалу или от него, было немало. Они мешали движению. А от жары ещё и лошадки притомились.

— Поить лошадей нужно, — произнёс Брюнхвальд, подъезжая к карете генерала. Обычно лошадей на марше не поят и не кормят. Но тут случай был особый. И Волков покивал головой: да, наверное. И тогда полковник продолжил, указывая плетью вперед. — Мильке говорит, что за той горой, за поворотом, у горной речушки поильник устроен, там можно сразу два десятка коней напоить. Часа два, может быть, потеряем, но то будет самая жара, а потом веселее пойдём, даст Бог.

— Да, — соглашается генерал. — Так и сделаем.

И через час они были на удобном пологом склоне, по которому стекала небольшая речушка, а у овражка какая-то добрая душа создала запруду с удобным для лошадей подходом. Там хватало места, где можно выпрячь лошадок из возов и подвести их к водопою. Правда, там и без них были желающие дать коням отдых и воду. Но по праву сильного своих коней Волков напоил без очереди. Купцы и возницы только ругались тихонько, но вслух никто возмущаться или требовать соблюдения очереди не стал. Боязно спорить с солдатами. Могут и побить. А благодаря этому привалу передохнувшие лошади тащили пушки и телеги в гору до самого заката. И только уже в сумерках отряд встал на ночёвку. И это был неплохой переход, так как, по словам

Мильке, до перевала оставалось «ежели верхом, то часа два, не больше».

И снова они выдвинулись по холодку, едва стало чуть рассветать. И перевала… не увидели. Как раз ещё до полудня было часа два, когда отряд Волова взобрался на самую высокую точку из пути, и всё вокруг было залито белоснежным туманом. Таким насыщенным, какого в низинах и не бывает никогда. Через эту белую пелену не было видно ни гор слева, ни гор справа, едва одна дорога, что вела вниз и была различима. И лошади сразу пошли бодрее, сразу прибавили шаг, едва почувствовали, что подъём закончился. И людям стало попроще. А уж как заглянуло на перевал солнце, выйдя из-за горы слева, так и вовсе всем стало повеселее. И пошла вниз его колонна, и теперь возницам нужно было придерживать лошадок, чтобы пушки не разгонялись. И телеги тоже.

Вниз, вниз. Петля за петлёй, и всё под солнцем. А вскоре снова к его карете подъехал Мильке и сказал, указывая на восток:

— Начинается Эдденская долина, господин генерал. Вон уже первые луга, вон стога с прошлого года собраны, можем купить себе сена недорого, а вон стада чуть дальше на склоне. Дешёвое мясо для солдат. У крестьян здесь очень много скота. Вскоре мы увидим реку Пертизау, она тут ещё узкая, но её не пересечь, течёт через ущелье, а примерно ещё через час пути на той стороне реки появится Эдденбург. Доменный город маркграфов Винцлау.

И вправду, вскоре появилось ущелье, а ещё спустя некоторое время на другой стороне его, на длинном, пологом склоне большой горы, засиял на солнце город. Был он хоть и невелик, скорее всего, меньше Малена в два раза, но прекрасен. Во всяком случае, издали. Весь выстроен из белого камня, и стены, и башни его, и верхушки церквей удивительно ярко смотрелись на фоне гор, поросших елями. Он манил к себе строгостью линий своих стен и зеленью пашен, через которые петляла к нему дорога.

— Мильке, а вы не были там? — спросил Волков, любуясь белым городом на горе.

— Нет, господин генерал, — отвечал ему капитан. — Но я говорил с одним купчишкой, он рассказывал, что город не беден. Богатеет на соляных пещерах, что лежат дальше на восток от него.

— Ах да, — вспомнил генерал. Всю соль люди Эшбахта и Малена покупали во Фринланде. Но и во Фринланде своей соли не добывали. — Значит, отсюда её везут.

— Да, отсюда, — подтверждает капитан. — даже в Ланне соль эдденская. Ну, во всяком случае, большая её часть отсюда.

* * *

Казалось бы, какая безделица — отправить людей, чтобы разведали путь, по которому пойдёт твоё войско. Но ещё в молодости, служа у старого одноглазого кондотьера капитана Беккариа, Волков уяснил одну мысль: идти будет легче и быстрее, если кто-то будет хорошо знать дорогу. Старый одноглазый капитан за день до выхода основного отряда высылал вперёд лёгкий отряд из нескольких десятков солдат, десятка арбалетчиков и половины дюжины лёгких кавалеристов, в основном для связи. И вот такой отряд, уходя вперёд, отправлял капитану послания: в том-то месте делать нечего, всё пограблено и провианта не сыскать; а та дорога плоха от дождей стала; а тут неприятеля разъезды повсюду. В общем, Беккариа, заранее разведав дороги, знал, куда ему идти, всегда приходил туда, где было чем поживиться, и никогда не попадал в засады. Солдаты его за то уважали.

И теперь, благодаря Мильке и Хенрику, войско барона не пошло по большой дороге на Шварц, а сразу с перевала, лишь остановившись на ночь у Ольдента, пошло на Кобенхауз и было там уже к вечеру седьмого дня с тех пор, как обоз и пушки покинули Эвельрат в земле Фринланд. Седьмого дня, а вовсе не десятого, как он поначалу считал.

И только у Кобенхауза их в первый раз спросили, кто они и куда идут, да ещё и с артиллерией. То были три человека ремесла воинского, и были они из города, возле которого на ночёвку расположились люди Волкова. Генерал их звал к себе и говорил с ними весьма ласково:

— Вам нет нужды волноваться, господа. Я барон Рабенбург из земли Ребенрее, веду людишек своих в земли южные. Вы ж и сами знаете, что там намечается.

— Знаем, знаем, слыхали, — кивали офицеры. — Но вы и нас поймите, вдруг в наших местах появляется крепкий отряд.

— Уверяю вас, мы завтра же уйдём, и ни один из местных людей в обиде на нас не будет, — обещал им Волков.

И на следующее утро он и вправду снялся с места и пошёл от Кобенхауза по сравнительно свободной Пастушьей дороге на Цирль. Дорога та была хоть и не широка, тем не менее уже через два дня отряд генерала вышел в долину Цирля.

Хенрик не зря рассказывал об этом крае как о необыкновенно живописном. Всё было в точности как говорил оруженосец: и поля пшеничные, что уже вскоре будут ждать рук человеческих для уборки первого в этом году урожая, и как по линейке устроенные виноградники с зелёным ещё виноградом, и пчёлы, толстые,

жужжащие повсюду пчёлы. И дорога на восток тянулась широкая, твёрдая, хорошо укатанная, ровная. Две сменных упряжки лошадей тащили пушки по ней так проворно, что порой обоз за орудиями не поспевал. А на второй день пути по долине увидели люди Волкова большой, по-настоящему большой город Туллинген, что был по правую от них руку. Но они быстро прошли мимо него и вскоре подошли к тому месту, где снова начинались горы. И у дороги стал появляться наклон. Сначала едва заметно, а потом путь отряда всё больше и больше забирал вверх. И уже к полудню, в самую жару, барон увидал, что дорога уходит в узкий просвет меж двух скалистых гор. И тогда генерал подозвал к себе Хенрика и спросил у него:

— Доехали? Оно?

— Да, господин генерал, оно. Графство Тельвис, а местные его зазовут просто «ущельем», — отвечал оруженосец.

Глава 48

И генерал, немного подумав, собрал офицеров у края дороги и провёл совещание, не останавливая колонны. Первым делом он спросил у Мильке:

— Теперь дорога так и пойдёт в гору?

— До самого замка Тельвис, — уверял его капитан, — дорога так и будет подниматься. И к замку мы придем, думаю, лишь через два дня. А может, и на третий к полудню.

Волков размышляет, глядя на проходящих мимо сапёров и их телеги, а полковник Брюнхвальд его спрашивает:

— Сдается мне, вы что-то задумали, господин генерал?

— Проеду вперёд, — отвечает ему Волков, — я хочу посмотреть этот замок, увидеть до того, как вы, полковник, притащите пушки. Хочу всё увидеть и всё узнать, что удастся. Может, и вправду нам нет нужды устраивать осаду и пальбу. Может, нам хватит и десяти хороших лестниц и храбреца Хенрика с сотней охотников, которые управятся с делом за час.

— Ах вот как? — произнёс Брюнхвальд. — Значит, думаете про штурм.

— Не хотелось бы в этой глуши торчать и лишнего дня, — отвечает генерал; он опять не хочет говорить офицерам про то, что замок тот — жилище ведьмы. — А так влезем на стены, осмотрим замок, узнаем, там ли маркграфиня, и без всякой пальбы, без сапёрных работ повернём обратно. Если я осмотрю замок и решу, что его можно будет взять штурмом, я пошлю к вам человека, чтобы вы обоз не тащили, а подошли ко мне скорым шагом только с пехотой.

— Так действительно будет лучше, — согласился полковник, да и из остальных офицеров никто не возражал, и Брюнхвальд продолжил. — Я пока веду колонну, как было задумано раньше.

— Да. Гренер, пусть сержант Биккель и шесть его людей едут со мной.

— Я распоряжусь, господин генерал, — отвечал ротмистр.

— Может, вам взять всех кавалеристов? — предложил Брюнхвальд. — Мало ли что там в дороге вас ждёт.

Это была здравая мысль…Но…

Хенрик, фон Готт, фон Флюген, сержант Биккель и шесть проверенных кавалеристов из Эшбахта, не считая слуг и кучера, — все эти люди могли бы сойти за свиту путешествующего вельможи, а отряд кавалерии в тридцать человек был бы слишком приметным на горной дороге. А он не хотел привлекать к себе внимания.

— Нет, шести человек с сержантом будет достаточно, — отвечал генерал. Потом он ещё раз инструктировал офицеров и, оставив отряд, поехал вперёд.

* * *

Как оказалось, дорога в ущелье вовсе не была безлюдной, на ней то и дело попадались как небольшие крестьянские телеги, так и громоздкие купеческие возы в четыре мерина. А на каждом удобном склоне горы ютился один или даже два крестьянских дома. И дома те были вовсе не маленькие. Наконец они доехали до большой скалы, что нависала над самой дорогой, и в тени той скалы увидели здание, что вовсе не походило на деревенский дом, а скорее напоминало большой трактир, но над которым висели два стяга. Белые полотнища с чёрным львом. А ещё там же, у стены, в приятном безделии сидели два добрых человека в кирасах; их давно устаревшие шлемы лежали подле них, а к стене были прислонены две алебарды.

Место это было очень узкое, только этот трактир да дорога на два больших воза, а всё вокруг занимали массивные скалы. Мимо этого трактира было никак не проскочить. И, понимая это, со двора заведения вышел не спеша стражник, без алебарды, но с тесаком на поясе, и махнул едущему впереди всех, по своему обыкновению, фон Флюгену: стой!

И тот остановился и оборотился назад: видит ли это всё его сеньор?

И сеньор всё видел, он как раз выглядывал из кареты. Генерал уже хотел кирнуть, чтобы фон Флюген спросил, что нужно стражнику, но вслед за стражником из ворот вышел человек без брони и оружия и в хорошей одежде. Он сразу направился к остановившейся карете, а подойдя и без особого почтения поклонившись, заговорил, при том нагло заглядывая в окно кареты:

— Моя фамилия Толли, я взыматель проездных сборов, а вы кто, добрый господин.

— Взыматель проездных сборов, — повторил генерал. — Как интересно. А я барон фон Рабенбург.

— И куда же это вы следуете, господин барон? — всё в той же своей нагловатой манере интересовался взыматель. Теперь он отошёл от окна и с интересом осматривал сундуки и ящики багажа, что крепились к карете сзади.

— Я еду в Аххенцель, — отвечал генерал, не отрывая глаз от этого неприятного человека.

— А что же вам нужно в том кантоне? — усмехается чиновник. — Всем известно, что горцы не жалуют родовитых господ.

— Вообще-то я не обязан тебе ничего объяснять, но раз уж ты спросил, то я собираюсь в том кантоне нанять немножко добрых людей.

— Добрых людей? — взыматель заинтересовался. Он всё ещё был ехиден. — Вы, барон, никак воевать надумали?

— Да нет, — ехидно замечает барон. — Надумал я тебя повесить, а люди — это так, для охраны, — и генерал добавляет. — Фон Готт, а ну-ка хватайте этого взымателя.

И оруженосец тут же подъехал к сборщику денег и схватил его за шиворот. Стражники, видимо не привыкшие к таким ситуациям и таким дерзким проезжающим, только привстали со своих мест, но даже и не подумали браться за алебарды. А лишь следили за происходящим: и что же будет дальше?

— Что вы! — воскликнул тут же Толли, и всё его злобное веселье сразу поубавилось, он пытался вырваться, но фон Готт был очень крепким молодым человеком. И тогда Толли попросил: — Господин барон, велите своему человеку меня отпустить. Я официальное лицо графа и графини фон Тельвис.

Волков сделал знак: отпустите его, фон Готт. И оруженосец выпустил наглеца. И тот, оправляя одежду, уже серьёзно говорил:

— Я поставлен здесь владетелями графства Тельвис, чтобы собирать деньги с проезжающих, — при этом он указал на белые стяги на строении, — и потому прошу к себе отношения уважительного. Прошу заплатить за проезд и проезжать.

— Заплатить за проезд? — переспросил Волков. — А имперский эдикт о беспошлинном проезде по всей территории империи тебе не указ, что ли?

Но тут Толли продемонстрировал свою юридическую подкованность:

— То не пошлина, то сбор на содержание дороги. Оползни и камнепады ежегодно обрушиваются на дорогу, её нужно убирать и ремонтировать, чтобы людишки торговые и всякие иные могли беспрепятственно тут ездить.

— И сколько же с меня? — интересуется генерал.

— Карета пойдёт за большой воз, четыре коня в ней, да ещё десять под людьми, да шесть коней в поводу… Итого… два талера шестьдесят крейцеров.

Можно было бы этому жулику, конечно, и не платить, но генерал подумал, что этот вор может послать кого-нибудь по какой-нибудь горной дороге в замок, жаловаться на проезжего барона. А это было совсем ему не нужно. И он полез в кошель,

достал оттуда талер и швырнул его в окно:

— Держи, мерзавец. Больше не дам.

А чиновник Толли, ловко поймав монету, тут же оценил её:

— Так это ещё и талер Ребенрее, самый лёгкий из всех монет.

Но генерал уже катил в карете дальше, и люди его уже ехали за ним. А Волков при этом думал с усмешкой: «Интересно, как этот вор будет взымать сборы с Карла Брюнхвальда? Наверное, весь отряд пересчитает вместе с телегами».

* * *

А ближе к вечеру, в одном приятном месте, где скалы не так сильно нависали над головами, они увидели большой двор, окружённый низкой оградой, а на воротах того двора висело несколько старых пивных кружек, что сообщало всякому путнику, что тут он может отыскать себе и ночлег, и пищу, и кружечку пива.

И здесь Хенрик, поравнявшись с каретой и заглянув в неё, сказал генералу:

— Мы с капитаном Мильке тут отдыхали, господин генерал, мы почти доехали.

— Почти? — уточнил Волков.

— Да, ещё час пути, и за тем поворотом, — оруженосец указал вперёд, — начнётся подъем на гору, на которой стоит замок.

— И дотемна мы до него не доберёмся?

Хенрик только покачал головой: нет.

— Тогда остановимся на том постоялом дворе, который только что проехали, — говорит генерал и тут же интересуется у своего оруженосца: — Там хорошие постели?

— Для меня, господин генерал, все постели хороши, я так устаю в седле за день, что готов спать на досках.

«Ах, молодость. Счастливая молодость».

Хозяин, крупный, дородный мужчина, руководил на большом дворе то ли своими работниками, то ли сыновьями, которые привезли большой стог сена и раздавали уставшим за день лошадям. Мужик сказал, что его зовут Бауэр, был он при том наружности к себе располагающей, с открытым лицом и огромными натруженными руками. А ещё этот Бауэр обещал Хенрику, что в его перинах нет клопов, а спать в комнатах ночью очень хорошо, так как вечером с гор идёт прохлада. Надо только окно открыть.

Волков, послушав такие обещания, стал надеяться, что так

всё и будет. И решил остановиться здесь, тем более что кроме отдельных крестьянских домов, разбросанных в округе по склонам гор, никакого иного жилья тут не было.

Ужин ему подавали такой же, какой подали и простым возницам. Горох, ливерная колбаса, обжаренная с луком, хлеб был не из чистой пшеницы, но всё равно был неплох. Пиво было сносным, а дешёвое вино, что принёс по его просьбе мальчишка-разносчик, полностью соответствовало своей цене. Зато в комнатке его маленькое окошко выходило на гору, и раскрыв его, барон прекрасно проспал почти всю ночь и лишь к утру пару раз просыпался. Да и то тут же засыпал снова.

Утром завтракал он молодым сыром и простым молоком всё с тем же хлебом из смешанной муки, только на сей раз хлеб этот был ещё горячим после печи. А потом стал собираться и сказал Хенрику:

— Друг мой, дело, что нам предстоит, — непростое; возможно, придётся приблизиться к замку на арбалетный выстрел, не дай Бог хозяева здешние нас увидят и встретят болтом или, к примеру, аркебузной пулей, так что скажите людям, чтобы готовились, и сами готовьтесь. А мне доспех приготовьте, облачусь.

— Верхом поедете? — сразу уточнил фон Готт.

— Точно! — вспомнил Волков. — Оседлайте мне большую рыжую кобылку и вороного моего.

— Может, пистолеты зарядить? — предложил фон Флюген.

— Ну что ж… — Волков улыбнулся, он знал, что самый молодой из его оруженосцев испытывает страсть к пистолетам. Любил из них стрелять. А так как разрядить пистолет невозможно, скорее всего, юноша надеялся сделать по возвращении пару выстрелов по какой-нибудь цели. И генерал сказал: — Зарядите, фон Флюген, зарядите.

Но фон Готт на правах старшего ткнул юношу в бок кулаком и сказал весьма неприветливо:

— Сначала иди-ка лошадей оседлай, умник, а пистолеты я и сам снаряжу, ежели надобно будет.

С фон Готтом желающих спорить было мало, и оруженосцы занялись делом. Принесли ящик с доспехом и стали доставать из него латы. Гюнтер им помогал, а Томас пошёл помогать фон Флюгену с лошадьми. И вскоре всё было готово, а Волков, уже облачённый в доспех, но без шлема, подшлемника и перчаток, выглянул в окно.

«Солнце какое… Я сегодня запарюсь в доспехе».

И вправду, день обещал быть жарким. А тут дверь открылась и на пороге появился фон Флюген; он уже успел стащить сумку с

пистолетами у фон Готта, видно, зарядил их и повесил поверх своей бригандины. Был он при мече и кинжале и, хоть не надел шлема, но красиво нацепил лишь берет с пером, всё равно выглядел боевито. И, появившись в покоях Волкова, вдруг произнёс:

— Господин генерал, тут к вам просятся.

— Ко мне? — удивился тот. Брюнхвальду было рано, он никак не мог тут появиться. Да и знал бы Волков, что отряд подходит. — И кто же это?

— Граф местный с человеком своим каким-то, — без особого пиетета сообщил молодой оруженосец. — Внизу ждут.

— Граф? — и Волков, и Хенрик оба замерли, желая знать большего.

— Ну да, — продолжал фон Флюген так же, как будто говорил о каком-то купчишке или бездельнике. — Говорит, что он Леонид Фаркаш фон Тельвис и просит его принять. Спрашивает, удобно ли вам сейчас будет.

— А что с ним за человек? — интересуется Хенрик.

На что фон Флюген лишь скривился и в презрении высунул язык:

— Кажется, придворный его, сопляк из пажей.

Глава 49

«Это ли граф?».

Тот человек, что стоял перед ним, вежливо улыбаясь, судя по очень дорогой одежде, вполне мог быть графом. Хотя одежда его была уже и не из тех, что сейчас носили в Вильбурге. А была достаточно старомодна. А ещё у него были хорошие зубы и кожа. И безусловно дорогие перстни поверх перчаток тончайшей выделки.

«Это и есть местный граф? И сколько же ему лет? Девятнадцать? Или двадцать?».

Волков недоумевал, но спросить у фон Флюгена не решился. Рядом с молодым, богато одетым человеком на лавке, лениво развалившись и облокотившись на стол спиной, сидел удивительный юноша. Почти мальчик. Был он необыкновенно красив: темные волосы, глаза как вишни, яркие красные губы. Этому всему позавидовали бы многие девушки, к тому же его одежда, как будто специально оттеняя его красоту, была белого цвета. Всё у него было белое. И замшевые сапоги для верховой езды, и перчатки, и панталоны. Лишь вздыбившийся лев на его колете был чёрен, да перо на маленькой белой шапочке. Даже покачивающаяся под левым ухом юноши большая каплевидная жемчужина, и та была белой. И, конечно же, серёжка та была очень дорогой, несмотря на то что обрамляло жемчужину вовсе не золото, а серебро.

«А это ещё кто? — Волков, признаться, не сразу смог отвести глаз от мальчишки. — Ну, это… фон Флюген, скорее всего, был прав. Очень похож на пажа. Более чем. Причём на пажа любимого и очень избалованного».

Пока граф ему улыбнулся, барон, несмотря на доспех и горжет, весьма учтиво поклонился и произнёс:

— Я барон фон Рабенбург, — Волков старался быть максимально вежливым, так как мог только догадываться о том, сколько людей привёл с собой юный граф, а ещё думал о том, что очень своевременно надел доспех. «Господь благоволит острожным и предвидящим». — Рад видеть вас, господин граф.

— И я рад, — отвечал молодой человек, которого теперь уже можно было считать местным графом. Он, кажется, не придаёт значения тому, что Волков и его люди были облачены как для сражения, фон Тельвис просто подходит к барону и протягивает ему руку. И Волков пожимает ту руку. А местный сеньор рассказывает без всякой напыщенности или важности, так, как будто говорит со старым знакомым:

— А к нам вчера к ужину явился один мой человек и рассказал, что какой-то господин хотел его повесить.

— Извините, господин граф, — сразу говорит Волков. — Тот человек был, как мне показалось… излишне фамильярен, и я…

— Ах, не извиняйтесь, дорогой барон, — оборвал его на полуслове местный сеньор, — прошу вас, не извиняйтесь, тот мой человек всегда дерзок, я про то наслышан, просто общается он целыми днями с крестьянами, да с горцами, да с купчишками, что платить не желают, — и тут он приложил руку к груди. — Так что это я должен просить у вас прощения за своего нахала.

И говорил это граф так искренне, что Волков, да и все его оруженосцы, что слышали этот разговор, стали проникаться к этому человеку приязнью. А граф продолжал:

— И когда он мне сказал о вас — а я как раз в то время ужинал с дамами — так мы посмеялись над его незатейливой жалобой и сказали, чтобы он впредь с благородными людьми вёл себя подобающе, авось не с купцами грызётся.

— Я очень признателен вам, господин граф, я рад, что тот мелкий случай на дороге предоставил мне возможность познакомиться с вами, — отвечал ему генерал. Ну а что в этой ситуации он мог ещё сказать? Тем более что этот юный сеньор не казался ему злым или хитрым, и уж каким-то колдуном и вовсе не выглядел. Наоборот, он представал перед генералом человеком открытым и мягким, и это впечатление барона подтверждалось поведением пажа графа. Мальчишка в белом был абсолютно расслаблен, в его поведении и позе явно проступало ленивое безразличие, паж даже и вида не делал, что слушает их разговор, он откровенно скучал и даже зевнул один раз.

«Сразу видно — сопляк-то избалован».

А граф меж тем и говорит барону:

— Вы рады тому случаю, и я имел счастье познакомиться с вами, но вот графиня… она же вас не увидит. А ведь именно она меня послала искать вас, так и сказала: езжайте, граф, найдите того барона, он должен быть где-то рядом, пригласите к нам хоть на день погостить, а то скука у нас тут неимоверная. Я ей говорил: может, послать кого из наших людей, но она упрямствовать стала: езжайте сами, а то он не согласится.

Рассказывал всё это фон Тельвис почти заискивающе, с нотками просьбы в голосе, и Волков уже понял, к чему он клонит. А граф и закончил:

— И посему, дорогой барон фон Рабенбург, я убедительно вас прошу быть моим гостем. Хотя бы один день. Дамы вам будут очень рады, так как они считают, что вы непременно спасёте их от скуки, от которой они умирают.

Ещё не дослушав его речей, генерал уже придумывал способы, чтобы отказать этому милому человеку. Во-первых, он не забывал слова фон Виттернауфа о том, что семейство это подозревается в колдовстве. А во-вторых, такой визит мог бы посчитаться бесчестным. Многие благородные люди решили бы, что принимать приглашение от человека, на которого ты через пару дней замышляешь напасть, — это не по-рыцарски. И поэтому генерал, изобразив на лице мину глубочайшего сожаления, ответил:

— Ах, как жаль, господин граф, что ваше приглашение я принять никак не могу. Так как собираюсь уже сегодня быть на границах ваших, где меня должны ждать люди.

— Вот как? — граф, это было сразу видно, расстроился.

И тут в первый раз за всё время их разговора подал голос прекрасный паж:

— А я и вам, и дамам сразу говорил, что этот господин к нам в гости не поедет… Он же военный, а военные всегда торопятся… Только зря таскались сюда… Вот теперь по жаре…

— Молчите, Виктор, — беззлобно прервал бестактную речь мальчишки граф и снова заговорил с Волковым. — Ах, как моя супруга и моя гостья расстроятся, я обещал им привезти вас. Они так скучают…

— Маркграфиня уж точно скоро сойдёт с ума от скуки, она из замка уже месяц не выезжала… — невесело добавил паж.

И тут Волков изумился. Он обернулся к мальчишке:

— Вы сказали маркграфиня?

Но на его вопрос ответил не мальчик, а его сеньор:

— А разве вы не слыхали про то, барон? — в его голосе было удивление. А потом прозвучала и гордость. — Её Высочество маркграфиня Оливия фон Винцлау уже целый месяц гостит у меня.

— Маркграфиня Винцлау… сама… ваша гостья? — продолжал удивляться барон.

— Так про это, кажется, все знают, — отвечал фон Тельвис с некоторым удивлением. — Разве вы про то не слышали?

— Нет, — генерал продолжал изображать удивление.

— Ах, — оживился граф, — Это как раз тот случай, когда несчастье одного становится счастьем для другого. Я вам сейчас всё расскажу. Вы же слыхали, барон, что её муж, маркграф Георг Второй фон Цоллерген, преставился, и она с тех пор пребывает в трауре. И посему ездила на богомолье в монастырь святой Радегунды, что находится здесь неподалёку.

— И что же? — живо интересуется Волков.

— И на обратной дороге она захворала, — почти радостно

сообщает ему граф. — Представляете? И болезнь та оказалась тяжела, и вокруг нет ни одного приличного места, кроме нашего замка, вот ей и пришлось у нас поселиться.

— На месяц? — уточняет генерал.

— Около того, — отвечает хозяин ущелья.

— И что же то была за болезнь?

Тут граф стал мяться и улыбаться, кажется, ему было не совсем удобно о том говорить:

— Болезнь её была… пикантна.

— Да, животом она маялась сильно, — без всякой обходительности добавил паж Виктор. — Аж похудела от того.

— Признаться… — граф хоть и взглянул на дерзкого пажа возмущённо, но потом согласился с ним. — Да… Приезжавшие доктора пришли к выводу, что маркграфиня Оливия заболела холерой.

— Ах, какое несчастье! — воскликнул Волков. Он даже не знал, верить во всё это или нет. «Нужно было мне всё-таки заехать в Швацц, в её резиденцию, и пока Брюнхвальд тащил бы пушки сюда, выяснить всё, что говорят об этом в городе и во дворце!». Он понимающе покивал головой: — Холера — это ужасно! А откуда же вы приглашали для Её Высочества докторов, не от горцев ли?

— Ах, я вас умоляю, барон! — граф лишь усмехался от такой наивности гостя. — Ну какие могут быть у горцев доктора? Все доктора у горцев лишь для коров и овец, а горцы сами и не болеют ничем. Доктора к ней приезжают каждую неделю из Туллингена. И те доктора все как один говорили, что болезнь маркграфини проистекает от злых болотных миазмов или тухлой воды. Хотя я ума не приложу, откуда у нас тут могут взяться болотные миазмы, у нас и болот в горах не бывает, и вода горная всегда свежа, но раз доктора говорят, что холера, разве кто с ними будет спорить?

— И маркграфиня всё ещё больна?

— Не совсем, ей уже лучше, она уже выходит к столу, но пока ехать домой не может, ещё слаба.

Всё это было так неожиданно, и слова этого славного и, кажется, доброго человека казались ему такими настоящими. Не было в них никакой хитрости, которую обычно он чувствовал сразу. Также не было никакого изъяна во всей рассказанной истории. Тут генерал взглянул на пажа. Он так и сидел в непринуждённой позе, и вид его был всё такой же скучающий. И тут граф улыбнулся:

— И что же, барон, кажется, заинтересовал теперь вас мой замок? Интересно стало теперь моё приглашение?

— Да уж и не знаю, что тут сказать… — Волков засмеялся. — Спешу я, конечно, но быть представленным самой маркграфине…

— Дорогого стоит? — продолжал подначивать его фон Тельвис.

— Да, — сознался генерал. — Дорогого стоит.

— Ну так что? Вы принимаете моё… а вернее сказать, наше с маркграфиней приглашение?

— Да разве же можно такой чести противиться?!

«Может, то всё глупость про злых колдунов, может, маркграфиня и вправду животом от холеры маялась, месяц проживая у графа и графини. Узнать это будет нетрудно, достаточно расспросить того же трактирщика Бауэра. Он должен был что-то слышать, например, про докторов, что ездят в замок из Туллингена. Да и про тех же сеньоров его. Хотя… Если напуганы местные людишки, если граф их твёрдо в кулаке держит, так никто из них и не пикнет против хозяина». С другой стороны, глядя на самого графа и его изнеженного и красивого пажа, уж и не верилось генералу, что этот сеньор может быть суров или даже хотя бы твёрд со своими людьми.

Конечно, нужно было всё сначала разузнать, но он боялся расспрашивать местных. Ведь скорее всего о таких расспросах сразу бы стало известно хозяину ущелья. А генерал рассчитывал подойти к замку как можно более неожиданно. Не будоража перед этим графа расспросами местных крестьян.

В общем, согласие на поездку в гости он молодому фон Тельвису уже дал и просил того чуть подождать, а теперь давал распоряжения остававшемуся на постоялом дворе Гюнтеру:

— Томаса я заберу, вдруг понадобится, не знаю, останусь ли у графа; если не приеду к ночи, не тревожься, а жди к завтрашнему дню господина полковника Брюнхвальда. Смотри не прозевай его. Скажешь ему, пусть идёт к замку, я там. А что делать ему, он и сам сообразит. Ты главное следи за сундуками, чтобы не шарили по ним, и за каретой тоже, так как поеду я верхом. Да, и за лошадями моими смотри, путь этот Бауэр им овса не жалеет, говори, что за всё заплатим. Пусть кормит, тут овёс и сено дёшевы.

Отдав все наставления и взяв себе из сундука денег побольше, генерал остановился и подумал: не снять ли ему с себя латы, а то в железах он выглядит так, как будто не доверяет своему новому знакомому. А потом решил, что… ничего. Поедет в латах, пусть это и выглядит глупо, а там, в замке, он от доспеха разоблачится, конечно же. За стол с дамами в железе садиться не комильфо.

* * *

Барон вышел и стал искать глазами людей, что приехали с графом, но, к удивлению своему, никого не нашёл.

«Граф приехал со своим пажом Виктором? И всё? Он, видно, уверен в людях своих, что ездит совсем без охраны».

И когда они поехали по дороге на запад, Леонид фон Тельвис у него и спросил с завуалированной издёвкой:

— Дорогой барон, а не будет ли вам жарко?

— Ничего, я привык, — отвечал Волков. — В дороге, которую не знаешь, хороший панцирь не помешает.

— Панцирь? — сеньор ущелья оглядывает его доспех снизу доверху, а потом говорит: — Я вижу, ваш доспех прекрасен, но пользуете вы его не для красы.

— Да, он спасал меня не единожды, — говорит генерал и спрашивает в свою очередь: — А вы, граф, вижу я в пределах своих в защите не нуждаетесь.

— В защите? — удивляется фон Тельвис. — Мне тут защищаться не от кого. Людей своих барщиной я не изнуряю, да и оброк с них беру невеликий, суд чиню над ними справедливый, и люди мои меня любят, а особенно любят мою супругу графиню, разбойников на моей дороге отродясь не было, а буйных горцев ещё дед моей жены присмирил. Уже полсотни лет с ними в мире проживаем. Так что защищаться мне тут не от кого.

Судя по тому, что этот сеньор ездил по своим владениям лишь с одной лёгкой шпагой да с изнеженным пажом, кажется, так оно и было. А вот генерал так даже дома у себя не ездил, два оруженосца были с ним всегда, даже в Эшбахте, редко когда один. А тут в дороге их с ним было трое, да ещё шесть кавалеристов опытных с сержантом. И все при доспехе, при оружии, как для войны. Хенрик с арбалетом, у фон Флюгена через плечо сумка с пистолетами, а фон Готту ничего такого не нужно, он предпочитал белое железо оружию дальнего боя. С ним был меч, кинжал, любимый им изящный клевец, да ещё и красивый балкер висел притороченный к седлу.

А граф стал показывать и рассказывать гостю обо всём, что попадалось им на глаза: и про весьма тучные стада на пастбищах, и про приплод, что они приносят в год, и про хороший лес, что растёт по склонам гор, и про сыры, что тут делают местные крестьяне, и про то, что как приедут в замок, он даст барону попробовать двадцать видов старого сыра, что хранятся у него в подвале. Потом говорил про виноградники и вина и сетовал на то, что вина у него вовсе не так хороши, как у соседей.

В общем, болтал граф без умолку и казался барону хоть и не

самым умным, но очень добрым и гостеприимным человеком, который по-настоящему рад показать гостю свой удел.

Так за интересной болтовнёй они не спеша доехали до небольшого лесочка, после вдруг открылся длинный и пологий склон горы, и на том склоне и высился замок. Весь склон был залит солнечным светом, и от того замок казался белым.

— А вот и мой дом, — сказал Леонид Фаркаш, граф фон Тельвис.

— Он красив, — отвечал ему генерал, но сейчас меньше всего его интересовала красота замка. Волков уже издали стал присматриваться к стенам, к башням, к воротам, ко всему, к чему должен присматриваться старый солдат, видя укрепление, которое ему, может статься, придётся брать.

Они поехали по дороге, которая вела вверх, к воротам дворца и немного петляла среди прекрасного луга, на котором выпасались красивые, дорогие лошади, видно, из графских конюшен.

Всё это выглядело необыкновенно красиво; в солнечном свете горы, замок, эти луга смотрелись настоящим парадизом после его невзрачного и дикого Эшбахта с его глинистыми холмами и бесконечными кустарниками.

И тут ветер вдруг донес до него какой-то запах; запах этот совсем не соответствовал той красоте, что лежала перед глазами генерала.

То был запах… И тут граф как будто заметил, что гость чувствует что-то, и указал в сторону замка.

— Барон, видите белую скалу?

— Что возвышается прямо над замком? — уточнил Волков.

— Да, — продолжал фон Тельвис. — Отгадайте, отчего она так бела? Все скалы вокруг черны, а она одна бела.

— Боюсь даже предположить, — признался генерал.

— Там селятся орлы, — рассказывал граф. — Два десятка гнёзд на той скале, и бела она от их помёта. Орлы собирают дань со всех гор в округе. Зайцы, лисы, ягнята, даже волков и моих собак они считают своим прокормом, а остатки их пиров падают с горы вниз, в узкое место между скалой и замком, оттого иной раз в жаркий день ветер и выносит оттуда этот неприятный запах.

«Запах мертвечины».

Впрочем, над белой скалой и вправду кружили две огромные птицы. А пока генерал следил за птицами, граф ему и говорит:

— А нас, кажется, уже ждут!

— Что? — Волков перестаёт смотреть на орлов.

Фон Тельвис поднимает руку и показывает на одну из приворотных башен замка:

— Графиня фон Тельвис и маркграфиня Винцлау ждут нас.

И тут генерал и вправду замечает на левой от ворот башне, меж её зубцов, двух женщин в ярких платьях.

— Вон они, — продолжает граф, — видите, они машут нам, — и он тоже начинает махать дамам рукою.

Да, Волков их теперь хорошо видит.

Продолжение следует.

18.02.24 Санкт-Петербург.

Nota bene

Книга предоставлена Цокольным этажом, где можно скачать и другие книги.

Сайт заблокирован в России, поэтому доступ к сайту через VPN. Можете воспользоваться Censor Tracker или Антизапретом.

У нас есть Telegram-бот, о котором подробнее можно узнать на сайте в Ответах.

* * *

Если вам понравилась книга, наградите автора лайком и донатом:

Инквизитор. Книга 13. Божьим промыслом. Принцессы и замки